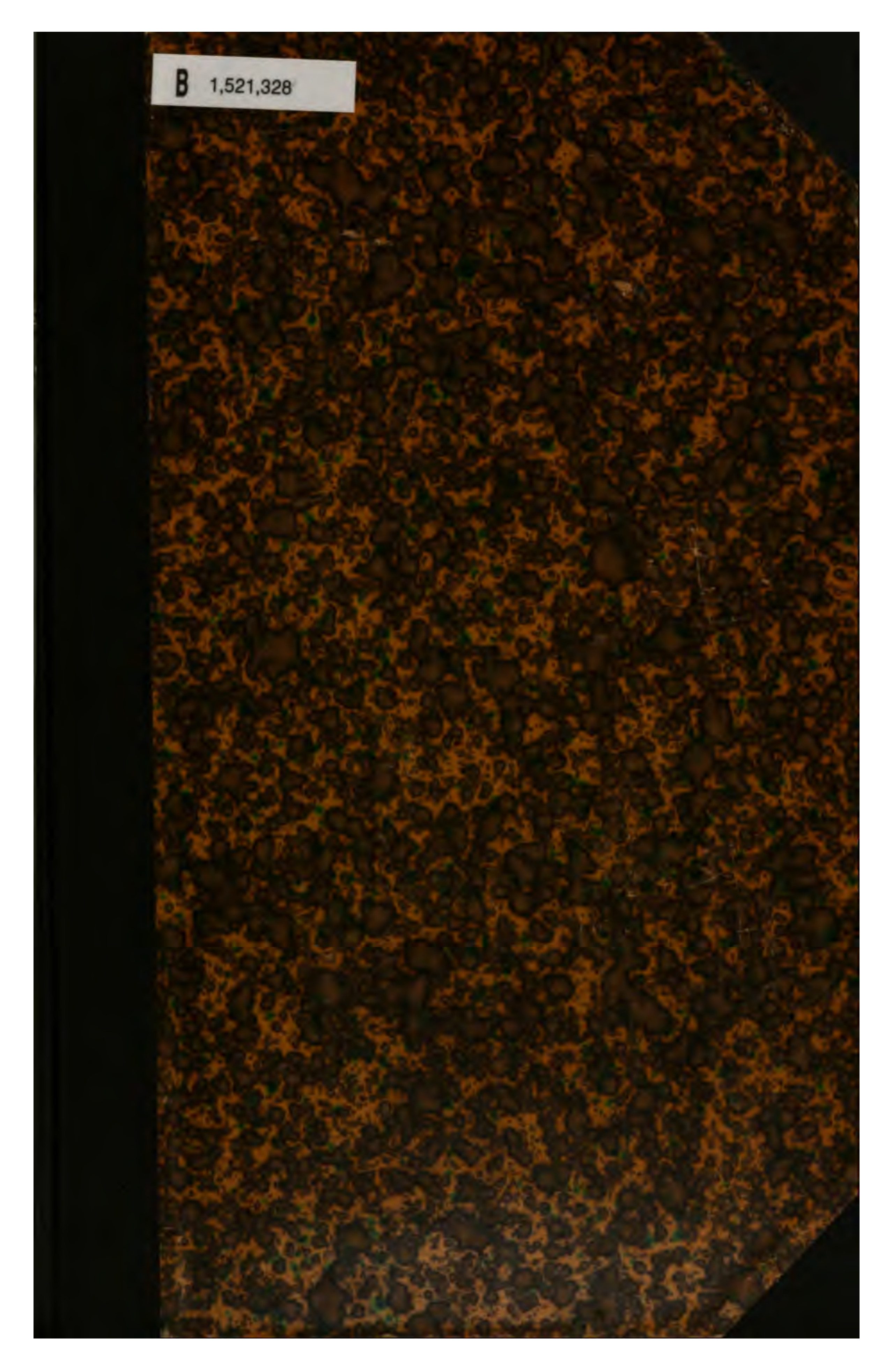
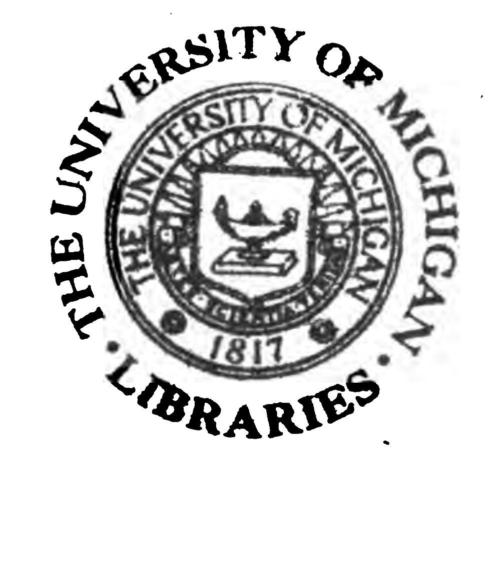

B 1,521,328

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

ИЗВѢСТІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

VII.

ВЫПУСКЪ 1.

СОФІЯ
ДЪРЖАВНА ПЕЧАТНИЦА
1901.

Печатано на основанія § 4 Устава Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Директоръ Ѳ. Успенскій.

Оглавленіе.

Ѳ. И. Успенскаго. О древностяхъ города Тырнова . . . . 1—24
Г. А. Ильинскаго. Грамота царя Іоанна Асѣня II . . . . 25—39
В. А. Панченко. Βασιλικὸς Πιστικός . . . . 40—55
J. Pargoire. Le monastère de saint Ignace et les cinq plus petits îlots de l'archipel de Princes 56 91

О древностяхъ города Тырнова.

Ѳ. И. Успенскаго.

Общія свѣдѣнія о Тырновѣ въ историческомъ и археологическомъ отношеніи можно найти въ книгѣ профессора *Иречка,* Cesty po Bulharsku (переработано въ болгарскомъ переводѣ Аргирова, Пловдивъ, 1889, стр. 224 и сл.). Хотя трудно въ настоящее время сказать что-либо новое о древностяхъ Тырнова, пока не произведено тамъ систематическихъ раскопокъ, которыя потребуютъ большихъ расходовъ, но двукратная поѣздка въ эту древнюю столицу болгарскаго царства, весной 1899 и осенью 1900 года, позволила намъ обратить вниманіе на такія стороны тырновскихъ памятниковъ, которыя доселѣ оставались незамѣченными. Если только наши наблюденія оправдаются дальнѣйшими изслѣдованіями, то подразумѣваемые памятники получатъ высокій интересъ и научное значеніе.

Какъ извѣстно, въ Тырновѣ привлекаютъ къ себѣ вниманіе прежде всего древнія церкви съ хранящимися въ нихъ памятниками и затѣмъ городища на холмахъ Гиссаръ или Царевецъ и Трапезица.

Что касается церквей, то мы предполагаемъ дать здѣсь нѣсколько замѣчаній главнѣйше о двухъ церквахъ: 1) о церкви „Святихъ Четиредесяти" или 40 мучениковъ и 2) о церкви Петра и Павла или нынѣшней митрополіи.

Церковь „Святыхъ Четиредесяти" или по прежнему лавра того же имени безъ сомнѣнія занимаетъ первое мѣсто между тырновскими археологическими памятниками (Табл. № 1). Значеніе ея объясняется во-первыхъ тѣмъ, что она представляетъ собой одинъ изъ подлинныхъ памятниковъ тырновскаго царства, во-

вторыхъ тѣмъ, что въ этой церкви сохранились памятники старины, относящіеся къ староболгарской, т. е. дохристіанской эпохѣ. Церковь построена въ 1230 году царемъ Іоанномъ Асѣнемъ II въ память счастливой для болгаръ битвы при Клокотницѣ и была такъ сказать фамильной церковью Асѣней и мѣстомъ ихъ погребенія. Подъ турецкимъ господствомъ она обращена была въ джами (мечеть), причемъ бывшая въ ней роспись замазана штукатуркой и частію попорчена, съ 1878 года снова посвящена христіанскому культу. Важнѣйшими памятниками въ храмѣ Сорока Мучениковъ нужно считать 1) три колонны съ весьма важными историческими надписями и 2) роспись храма со славянскими на ней надписями. Хотя надписи на колоннахъ были уже не разъ издаваемы, но онѣ не подвергались еще археологическому и въ особенности палеографическому изученію, и потому изъ нихъ не сдѣлано тѣхъ заключеній, къ какимъ можетъ привести болѣе внимательное ихъ изученіе. Въ особенности слѣдуетъ пожалѣть, что знаменитая славянская надпись на колоннѣ ни палеографически, ни филологически не поставлена въ связь съ громаднымъ матеріаломъ славянскихъ письменъ, сопутствующихъ фресковой живописи въ томъ же храмѣ.

Изъ шести колоннъ, нынѣ находящихся въ храмѣ Сорока Мучениковъ, надписями снабжены, какъ сказано, три. Это прежде всего колонна изъ темнаго гранита съ знаменитой надписью Омортага. Хотя надпись издана уже давно — въ первый разъ въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей“, 1859 года, книга 2, но она до сихъ поръ не изучена ни въ отношеніи ея реальнаго содержанія, ни съ точки зрѣнія ея сохранности и цѣльности текста, ни, наконецъ, въ палеографическомъ отношеніи. Начать съ того, что первыя слова этой надписи

ΓΝΩΜΟ
ΜΟΡΤΑΓΪ

возбуждаютъ недоразумѣніе и заставляютъ предполагать порчу; во всякомъ случаѣ начало этой надписи разнится отъ надписей того же Омортага, которыхъ въ настоящее время имѣется уже достаточно. Не только накопленіе однороднаго матеріала даетъ возможность изучать всѣ надписи Омортага въ ихъ цѣломъ составѣ, но и каждая отдѣльная надпись, при сравнительномъ ихъ изслѣдованіи, получаетъ особенный интересъ и значеніе. Попытаемся присмотрѣться къ надписи Омортага.

Сравнивая двѣ колонны въ церкви святыхъ „Четиредесяти“, изъ коихъ одна (Табл. № 2а.) съ греческой надписью Омортага, другая (№ 2б.) съ славянской надписью Асѣня II, легко замѣтить, что вторая имѣетъ надставку, вслѣдствіе которой въ серединѣ колонны замѣтно искривленіе. Славянская надпись слѣдуетъ сейчасъ же за обломомъ колонны по серединѣ, такъ что, если бы изломъ пришелся на два пальца ниже, то онъ неминуемо захватилъ бы первую строку славянской надписи. Именно такой случай имѣлъ мѣсто съ колонной № 2а. Фотографическій снимокъ не такъ отчетливо представляетъ на ней обломъ надъ первой строкой надписи, но онъ существуетъ, только тщательно замазанъ известью. Вообще состояніе колоннъ въ нынѣшнемъ храмѣ наглядно показываетъ, что храмъ Асѣня, для котораго онѣ предназначались первоначально, имѣлъ совершенно иную архитектуру, и что отъ него теперь сохранились только стѣны. Вѣроятно, еще при обращеніи храма въ мечеть своды были замѣнены деревянной настилкой и колонны, оказавшіяся слишкомъ короткими, поставлены были на болѣе высокія базы и дополнены надставками; при этомъ на одной изъ колоннъ, какъ сейчасъ будетъ видно, пострадала первая строка надписи.

При нѣкоторомъ вниманіи на фотографическомъ снимкѣ выше первой строки надписи можно замѣтить нѣсколько чертъ, которыя носятъ ясные признаки характера буквъ. Съ помощью приставленной къ колоннѣ лѣстницы намъ удалось выяснить, что верхъ колонны надъ первой строкой отбитъ, причемъ обломъ прошелъ по буквамъ теперь не сохранившейся, но прежде существовавшей здѣсь строки, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осталась нижняя часть буквенныхъ начертаній, а въ нѣкоторыхъ лишь штрихи отъ буквъ. Когда впослѣдствіи понадобилось придать ровную поверхность излому, то неровности замазали известью и глиной, почему вся верхняя часть колонны вмѣстѣ со сбитой на половину верхней строкой оказалась заштукатуренной и утратившей линію облома. На эстампажѣ ясно, однако, примѣчается какъ обломъ, такъ и отбитая строка; при нѣкоторомъ вниманіи можно даже возстановить и отдѣльныя буквы и слова (Табл. № 3). Теперь не можетъ подлежать сомнѣнію, что тырновская надпись Омортага начинается тѣми же словами, что и другія извѣстныя надписи того же болгарскаго хана. Такъ, странное реченіе ΓΗΩ объясняется теперь въ томъ

смыслѣ, что это не самостоятельное слово, а продолженіе реченія, начинающагося въ предыдущей строкѣ. Тамъ читаемъ ΥΒΙ, а на слѣдующей строкѣ находящееся ΓΗ должно быть соединено въ одно слово не съ послѣдующимъ, а съ предыдущимъ, причемъ мы получаемъ реченіе ΥΒΙΓΗ, каковымъ начинаются всѣ надписи съ именемъ Омортага. Хотя буквы въ первой строкѣ отбиты, но такъ какъ строка шла не по прямой линіи, а изгибомъ, то есть полная возможность часть буквъ возстановить съ увѣренностью, а часть съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ. Приводимый снимокъ съ эстампажа ясно показываетъ присутствіе буквы А, нижній округленный штрихъ буквы С, часть буквы К, такъ что не подлежитъ сомнѣнію, что начальныя слова надписи должны читаться такъ: ΚΑΝΑϹ ΥΒΙΓΗ и проч. По отношенію ко второй и третьей строкѣ является обязательной поправка: слѣдуетъ читать не ΓΗΩΜ ΟΜΟΡΤΑΓ, а послѣ ΥΒΙΓΗ видѣть ошибку рѣзчика, поставившаго безъ нужды два раза ΟΜ, притомъ одинъ разъ черезъ Ω.

Палеографическія наблюденія надъ этой надписью приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Она вполнѣ совпадаетъ по своимъ палеографическимъ чертамъ съ другими надписями Омортага. Но кромѣ того, по своей исключительной сохранности, она можетъ служить за образецъ при чтеніи и изученіи староболгарскихъ надписей первой половины IX-го вѣка. Очень важно принять при этомъ во вниманіе способъ изображенія нѣкоторыхъ буквъ. Наиболѣе выдержаннымъ характеромъ отличается литера B̲ съ чертой внизу, идущею дальше пересѣченія съ вертикальной линіей. Очень любопытно начертаніе буквы іота всегда съ двумя точками сверху и почти всегда въ смыслѣ или дифтонга, или η. Не менѣе того стоитъ обратить вниманіе на надстрочные знаки. Черта, поставленная надъ гласными ō, ῑ, ᾱ, обозначаетъ или выпущеніе носовой, или долготу. Любопытна также въ этой надписи и система вязи: соединяются ν и π, η и ν, ν и μ, α и υ. Мы отмѣчаемъ особенности начертанія буквъ въ этой надписи потому, что онѣ весьма часто повторяются въ другихъ староболгарскихъ надписяхъ, и что съ ними хорошо нужно ознакомиться тому, кто приметъ на себя задачу читать и объяснять другія староболгарскія надписи.

Воспроизводимъ здѣсь точную копію надписи, провѣренную по эстампажу (Табл. № 4).

Κανὰς Ὑβι|γὴ [ωμ] Ὀ|μορτάγ. εἰ|ς τὸν παλαι || ὸν οἶκον α|ὐτοῦ μένων | ἐποίησεν ὑπ|έρφημον οἶκον | εἰς τὸν Δανούβ|ην καὶ ἀνὰ μέσα | τῶν δύω οἴκων| τὸν πάμφη|μον Καταμετρή|σας εἰς τὴν μέσην ἐ||ποίησα τοῦμβαν καὶ | ἀπὸ τὴν αὐτὴν- μέσην | τῆς τούμβας ἕως τὴν αὐλὴν | μοῦ τὴν ἀρχαίαν εἰσὶν ὀργυιαὶ | μυριάδες β', καὶ ἐπὶ τὸν Δ||ανούβην εἰσὶν ὀργυιαὶ μυ|ριάδες β'· τὸ δὲ αὐτὸ τοῦβῖν | ἐστὶν πάμφημον. Μετρήσαν|τες τὴν γῆν ἐποίη[σ]ε τὰ γράμα|τα ταῦτα. Ὁ ἄνθρωπος καὶ κ||αλὰ ζῶν ἀποθνήσκει καὶ ἄλλ|ος γεννᾶται καὶ ἵνα ὁ ἔσχατον γε|νώμενος ταῦτα θεορῶν ὑπομνή|σκηται τὸν ποιήσαντα αὐτό. Τὸ δὲ ὄ|νομα τοῦ ἄρχοντος ἐστὶν Ὠ|μορτὰγ Κανὰς Ὑβηγή. Θεὸς ἀ|ξιώσῃ αὐτὸν ζῆσαι ἔ||τη ρ̄'.

Въ рускомъ переводѣ приведенная надпись значить: Ханъ Ивиги Омортагъ, оставаясь въ старомъ дворцѣ своемъ, построилъ великолѣпный дворецъ на Дунаѣ и среди этихъ двухъ дворцовъ *памфимъ*. Сдѣлавъ измѣреніе (пространства), въ самой серединѣ насыпалъ холмъ, а отъ самой середины этого холма и до стараго аула моего двѣ миріады сажень (т. е. 20.000 оргій или 40 верстъ) и къ Дунаю двѣ миріады сажень; а эта самая тумва (насыпь) и есть панфимъ. Измѣривъ землю, сдѣлалъ эту надпись. Человѣкъ существо смертное, хотя бы онъ и хорошо жилъ, а другой рождается (на мѣсто его), и тотъ, кто родится самымъ послѣднимъ, размышляя о семъ, да вспомнитъ сдѣлавшаго сіе. Имя же князя есть Омортагъ Ханъ Ивиги. Богъ да пошлетъ ему столѣтнюю жизнь!

Какъ можно замѣтить, чтеніе надписи не возбуждаетъ особенныхъ трудностей. Старый дворецъ или старый аулъ по всей вѣроятности долженъ быть среди староболгарскихъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ, т. е. на мѣстѣ раскопаннаго Русскимъ Археологическимъ Институтомъ стараго поселенія близъ деревни Абобы. Отъ него въ 40 верстахъ къ сѣверу должно искать тумву или насыпь, гдѣ былъ памфимъ, и въ 40 верстахъ отъ этого послѣдняго предполагается дворецъ на Дунаѣ. Какъ понимать странное реченіе τουβῖ, которое мы прочли какъ τουβιν? Прежде всего являлась бы мысль о какомъ-нибудь географическомъ терминѣ. Но весьма возможно, что географическій терминъ окажется излишнимъ, если мы всмотримся въ употребленіе этого слова въ нашемъ памятникѣ. Не можетъ быть сомнѣнія, что это слово по смыслу вполнѣ соотвѣтствуетъ слову πάμφημον: τὸ δὲ αὐτὸ τουβῖ ἐστὶν πάμφημον. Что

же касается этого послѣдняго, то оно прежде всего находится въ самой серединѣ между старымъ ауломъ и дунайскимъ дворцомъ (стр. 10—11); затѣмъ, на этомъ же серединномъ мѣстѣ значится насыпь или тумба (стр. 15—16). Отсюда прямое заключеніе, что памфимъ есть насыпь или тумба. Это заключеніе напрашивалось бы само собой на основаніи уже высказанныхъ данныхъ, почерпаемыхъ въ нашемъ документѣ. Въ разбираемомъ памятникѣ, однако, находимъ не только матеріалъ для этого заключенія, но и самое заключеніе, слѣдуетъ только странному реченію τουβῖ придать требуемую форму. Для этого пришлось бы надстрочный знакъ выпущенія носоваго звука перенести съ ι на ου и читать τοῦβι=τοῦμβι.

Прежде чѣмъ переходить къ описанію колонны со славянской надписью, кратко упомянемъ о колоннѣ, перевернутой низомъ вверхъ, причемъ надпись оказалась тоже въ перевернутомъ видѣ. Надпись заключается въ двухъ словахъ

КАСТРОN

РЄΔЄСТѸ

и относится къ особому разряду староболгарскихъ надписей съ именами городовъ (κάστρα); не можетъ быть сомнѣнія, что первоначально она находилась въ мѣстности близь нынѣшней деревни Абобы, гдѣ открыто нѣсколько другихъ колоннъ съ именами городовъ. Уже то обстоятельство, что колонна перевернута низомъ вверхъ, достаточно свидѣтельствуетъ, что первоначальное ея назначеніе было другое. Можно думать, однако, что эта колонна перевезена въ Тырново въ довольно отдаленное время. Въ палеографическомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить характеръ написанія К и Р, объединяющій всѣ надписи съ именами городовъ и позволяющій относить ихъ къ началу X-го вѣка. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе, что передъ словомъ КАСТРОN былъ вырѣзанъ крестъ ✝, но онъ сбитъ, и остались лишь слѣды его въ обломѣ мрамора.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ колонна съ надписью царя Іоанна Асѣня, всего въ 13 строкъ (Табл. № 5). Эта надпись увѣковѣчила фактъ дѣйствительно громадной важности въ исторіи Болгаріи побѣду надъ деспотомъ эпирскимъ Ѳеодоромъ въ 1230 году, которая открыла Асѣню Адріанополь, Македонію и Албанію. Въ надписи сказано между прочимъ, что храмъ былъ украшенъ живописью въ честь св. Сорока Мучениковъ,

съ помощью которыхъ (т. е. очевидно въ день памяти ихъ) „я пошелъ, говоритъ царь, войной на Романію, разбилъ греческое войско и взялъ въ плѣнъ самого царя киръ Тодора Комнина со всѣми болярами“ (Конст. Иречекъ, Исторія Болгаръ, русскій переводъ Бруна, стр. 337). Палеографическія особенности этой датированной надписи въ высшей степени характерны. Какъ написаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ, такъ особенности лигатуры и сокращенія повторяются въ разныхъ мѣстахъ надписи съ замѣчательной послѣдовательностью и постоянствомъ. При нѣкоторомъ вниманіи къ палеографическимъ особенностямъ можно придти къ убѣжденію, что надпись воспроизводитъ хорошій рисунокъ и что рѣзчикъ держался въ рамкахъ опредѣленныхъ правилъ каллиграфіи, изъ которыхъ онъ почти ни разу и не выходитъ. Изученіе особенностей палеографіи на колоннѣ, равно какъ наблюденія за лигатурами и другими техническими свойствами письма привели меня къ тому заключенію, что славянскія надписи на стѣнахъ и на колоннѣ не только принадлежатъ одной эпохѣ, но — что еще любопытнѣе — сдѣланы однимъ и тѣмъ же мастеромъ или по крайней мѣрѣ по рисунку того же мастера. Изъ этого слѣдуетъ, что фрески въ церкви святыхъ „Четиредесяти“ должны относиться къ первой половинѣ XIII-го вѣка, потому что подписи подъ ними сдѣланы тѣмъ же лицомъ, которое выбивало надпись на колоннѣ по приказанію царя Іоанна Асѣня. Подъ началомъ 3-й строки надписи можно читать вставку: азъ Дрaганъ писа. Очевидно, здѣсь сохранилось имя мастера.

Чтобы оправдать высказанныя положенія, слѣдуетъ ознакомиться съ фресками въ храмѣ Сорока Мучениковъ и особенностями начертанія буквъ какъ въ подписяхъ надъ фресками, такъ и въ надписи Іоанна Асѣня. Что касается живописи, то она сохранилась главнѣйше въ нарѳикѣ или притворѣ. Вся восточная стѣна притвора, т. е. наружная сторона западной стѣны храма, сплошь покрыта живописными композиціями и отдѣльными фигурами, расположенными въ пять поясовъ. По обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей, равно какъ надъ дверьми, идутъ изображенія святыхъ, въ которыхъ при нѣкоторомъ вниманіи нельзя не признать лицевыя святцы.

Въ самой серединѣ стѣны надъ входными воротами полукругъ, въ которомъ изображеніе Богородицы съ Младенцемъ

на рукахъ. Изображеніе въ высшей степени пострадало, краски выцвѣли. Съ нѣкоторымъ трудомъ читается надпись

мт҃и

ст҃ы ж

бц҃ж

Въ лѣвую сторону отъ Богородицы, во второмъ поясѣ сверху изображены святые, память которыхъ празднуется въ маѣ мѣсяцѣ. Нѣкоторыя композиціи сохранились со всѣми подробностями, большинство же весьма пострадало. На нижеслѣдующей таблицѣ можно видѣть надписи подъ композиціями (таблица № 6 представл. 5 снимковъ надписей).

Въ виду того, что это суть памятники письма первой половины XIII вѣка, было бы полезно снять всѣ надписи, пока еще онѣ не уничтожены вслѣдствіе порчи фресокъ, но это сподручнѣе сдѣлать мѣстнымъ ученымъ.

Композиціи по стѣнамъ расположены въ слѣдующемъ порядкѣ.

к҃в ст҃ы василискъ

мѣ ѹсѣ (память его 22 мая)

к҃а ст҃ы кѡнстантинъ

стаѣ елени мирѡмъ

(21 мая. См. 6-ю таблицу надписей № 1)

к҃ ст҃ы мч҃никъ далеле

мѣ ѹсѣ (20 мая).

і҃ѳ ст҃ы сщеномч҃никъ патрике мѣ (19 мая. Способъ вязи т и р см. въ таблицѣ надписей № 2).

Надъ изображеніемъ Богородицы и по правую сторону отъ люнета идутъ святые, память коихъ празднуется въ іюнѣ

а҃ ст҃ы іѹстинъ філософъ

напоенъ ѧда

въсѣкого

На противоположной стѣнѣ, надъ входомъ въ нарѳикъ изображены святые, память коихъ празднуется въ августѣ.

Такъ с҃тии з҃ макавеи (см. въ таблицѣ № 3). Далѣе перенесеніе мощей св. Стефана Первомученика (см. въ таблицѣ № 4), память св. Исаака Далматскаго (см. въ таблицѣ № 5).

Подъ 9 числомъ:

апл҃ъ матѳіѣ
мѣсто
ндерас
п҃а вꙑ

Подъ 10 числомъ

стꙑ лꙋрентіе на ско
врадѣ ѡгненѣи кц

Въ самомъ храмѣ роспись уничтожена почти вся, остались лишь слѣды бывшей росписи на западной стѣнѣ храма. Съ трудомъ можно опредѣлить сюжетъ нѣкоторыхъ композицій надъ входными вратами. Такъ здѣсь обширная картина Успенія Богородицы, лѣвѣе картина Лѣствицы Іакова, изображающая спящаго Іакова и ангеловъ, восходящихъ и низходящихъ по лѣстницѣ, правѣе трудно опредѣлимый сюжетъ.

Не останавливаясь далѣе на фрескахъ храма святыхъ Четиредесяти, переходимъ къ палеографическимъ наблюденіямъ, изъ которыхъ вытекаетъ принадлежность надписей на стѣнныхъ изображеніяхъ къ той же эпохѣ, къ которой относится и постройка храма, засвидѣтельствованная надписью на колоннѣ.

Прежде всего бросается въ глаза написаніе буквы *ц*. На фрескахъ храма эта буква составляетъ очень характерный знакъ Ц; точно также въ надписи, напримѣръ въ 3-й строкѣ ц имѣетъ то же написаніе. Затѣмъ написаніе буквы *в* въ надписи и на фрескахъ совершенно совпадаетъ: ср. 12 строку надписи съ надписью на фрескахъ. Кромѣ того обращаетъ на себя вниманіе характеръ письма буквы Л; написаніе и употребленіе ѫ: прѣнесеніе мощи свѧ҃ѫ еѵдокиѫ: ср. въ строкѣ 3 надписи сіѧ и 5 ѡѧн҃. Въ высшей степени характерны лигатуры и знаки сокращеній. Таково общее обоимъ памятникамъ соединеніе буквъ с съ предыдущею гласной:

ѧс въ словѣ (Асѣнь)

нс (и самодержецъ).

Соединеніе буквы ц со слѣдующей за ней:

(церква)

(самодержецъ),

ср. во фрескахъ (II Соломони).

Соединеніе є съ предшествующей согласной:

2 строка надписи и фрески (друзіи же)

на фрескахъ.

Соединеніе буквы ρ съ предыдущей и послѣдующей:

(Матрона, патрикіе) на фрескахъ.

(прѣчестную) въ 3 строкѣ надписи.

(въ Романію) въ 5 строкѣ надписи.

на фрескахъ 21 мая.

Не будемъ увеличивать примѣровъ. Достаточно бросить взглядъ на надпись и на кальку съ фресокъ, чтобы вынести убѣжденіе въ тѣсной хронологической связи между надписью Асѣня II и фресковой живописью въ храмѣ святыхъ Сорока Мучениковъ.

Изъ предыдущаго уже можно вывести заключеніе, что храмъ Сорока Мучениковъ представляетъ собой подлинный памятникъ эпохи тырновскаго царства. Въ этомъ качествѣ онъ заслуживаетъ тщательнаго вниманія и всѣми мѣрами долженъ быть охраняемъ отъ разрушенія.

Въ нарѳикѣ храма сохранились, какъ сказано выше, фрески. Хотя онѣ и пострадали отъ времени, хотя краски кое-гдѣ выцвѣли и штукатурка отпала, но все же фресковая живопись храма Сорока Мучениковъ, принадлежащая къ первой половинѣ XIII вѣка, должна бы быть сохранена для науки. Живопись носитъ слѣды тщательнаго исполненія и хорошей школы. Если бы болгарское правительство болѣе дорожило своими національными памятниками, то оно не остановилось бы передъ небольшими расходами и озаботилось бы снять въ краскахъ остающіяся еще въ храмѣ композиціи. На частную инициативу здѣсь нельзя разчитывать, тѣмъ болѣе, что и копіи съ фресокъ должны храниться въ Софійскомъ музеѣ.

Таблицы № 7 и 8 представляютъ образцы фресковой живописи изъ храма Сорока Мучениковъ.

Другой историческій храмъ Тырнова есть нынѣшняя митрополія во имя апостоловъ Петра и Павла. Нельзя сомнѣваться, однако, что этотъ храмъ относится къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ церковь Сорока Мучениковъ. Основная часть храма представляетъ правильный прямоугольникъ въ 12,40 м. длины и 6,60 м. ширины. На востокѣ выступаетъ полукруглая апсида, западная сторона занята нарѳикомъ, покрытымъ коробовымъ сводомъ и сообщающимся съ церковью тремя большими дверями. Поздняя пристройка, составляющая внѣшній нарѳикъ, обнимаетъ и южную сторону храма въ видѣ галлереи, оканчивающейся на востокѣ апсидной нишей. Два ряда колоннъ, по три въ рядъ, дѣлятъ церковь на три корабля, причемъ на восточной сторонѣ рядомъ съ апсидой устроены двѣ небольшія ниши. Колонны стоятъ не на одинаковомъ одна отъ другой разстояніи. Промежутокъ между восточной стѣной и первой парой колоннъ самый малый, вдвое больше разстояніе между второй и третьей парой; эта часть храма покрыта куполомъ на барабанѣ, а остальныя части коробовымъ сводомъ. Своды той части боковыхъ нефовъ, которые соотвѣтствуютъ купольному покрытію, направлены не въ длину, а въ ширину нефовъ и имѣютъ тотъ же радіусъ, что и сводъ средняго нефа. Такимъ образомъ эти своды вмѣстѣ со сводами средняго нефа образуютъ крестъ, въ центрѣ котораго помѣщается куполъ съ изображеніемъ Вседержителя (Табл. № 9).

Въ главномъ нефѣ можно видѣть слѣды росписи. Но такъ какъ здѣсь господствуетъ темнота, а стѣны и своды покрыты слоемъ копоти, то весьма не легко составить понятіе о характерѣ изображенныхъ на стѣнахъ фигуръ. Лишь въ самыхъ нижнихъ поясахъ росписи можно было разобрать фигуры и прочитать имѣющіяся надписи. Такъ, на правой сторонѣ: стъı петрь, стъı павелъ; на лѣвой: стъı іаковъ братъ бжіи; ближе къ апсидѣ: стъı ıѡань рильскъı. стъı христофоръ, несущій Христа на лѣвомъ плечѣ. Далѣе: стъı арсѣніе великъı, стъı стѣфанъ новъı, стъı ıѡ прѣтеча.

Послѣдняя надпись указываетъ, что здѣсь мы должны ожидать композицію Деисусъ. И дѣйствительно, далѣе изображенъ Христосъ въ парадномъ облаченіи съ подписью: „царь царствующихъ великій архіереи“, а за нимъ Божья Матерь. Попытка прочитать слѣдующій выше поясъ фресокъ не имѣла успѣха, несмотря на значительное искусственное освѣщеніе.

Очевидно, здѣсь нужно устроить помостъ и промыть стѣну, чтобы быть въ состояніи составить себѣ опредѣленную идею о содержаніи росписи.

Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ выводъ, что въ храмѣ апостоловъ Петра и Павла роспись принадлежитъ довольно позднему времени. Здѣсь нельзя примѣнять къ живописи того критерія, какъ въ храмѣ Сорока Мучениковъ; славянскія надписи не имѣютъ ни палеографическихъ, ни филологическихъ особенностей, которыя бы могли останавливать на себѣ вниманіе изслѣдователя. Роспись храма должна относиться къ 17, а можетъ быть и къ 18 вѣку.

Переходя въ алтарь мы находимъ здѣсь изображенія Іоанна Милостиваго, Епифанія Кипрскаго, Германа Великаго и Григорія Богослова. Выше этихъ изображеній на полуаркѣ надпись на славянскомъ и греческомъ языкѣ

† изрѣдно ѡ прѣстѣи и чистѣи и прѣблагословенѣи владичици

ενης δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας.

Раздѣленіе этихъ весьма извѣстныхъ словъ, произносимыхъ на литургіи, представляетъ здѣсь такія особенности, которыя слѣдуетъ отмѣтить. Греческая часть надписи въ реченіи (εὐλογημ)ένης δεσποίνης есть повтореніе славянскихъ реченій „преблагословенѣй владычици“, которыя уже нашли себѣ мѣсто въ славянской части надписи. Отсюда можно бы сдѣлать предположеніе, что славянская и греческая надпись не одновременнаго происхожденія и что первоначально всѣ слова были написаны по славянски. Должно думать, что самая послѣдняя реставрація храма сдѣлана была уже въ 18-мъ вѣкѣ, причемъ въ угоду грекофильской тенденціи высшаго духовенства надпись въ алтарѣ наполовину передѣлана. По всей вѣроятности, слѣдующая за приведенными греческими словами совершенно самостоятельная надпись въ особой рамкѣ, написанная чрезвычайно причудливою вязью, должна быть истолкована въ смыслѣ хронологическаго указанія на произведеную въ алтарѣ передѣлку. Намъ не удалось разобрать эту надпись. (Надпись № 10).

Съ помощью приставленной лѣстницы мы могли еще разсмотрѣть въ алтарѣ любопытное изображеніе Христа въ разорванной одеждѣ съ обнаженной правой рукой. Противъ Христа св. Петръ Александрійскій и въ серединѣ надпись: кто ти ризѫ сп҃е раздра. аріе ты рече иже троицѫ прѣсѣче единочестное начело.

Едва-ли не бо̀льшаго однако вниманія заслуживаетъ внутренній нарѳикъ по сохранившейся въ немъ росписи. Вслѣдствіе крайне скуднаго освѣщенія и сильной копоти здѣсь чрезвычайно трудно разглядѣть рисунокъ и опредѣлить содержаніе композицій. Съ большой затратой времени и притомъ при любезномъ содѣйствіи митрополичьяго намѣстника въ Тырновѣ, намъ удалось устроить деревянный помостъ и опредѣлить содержаніе росписи, которая оказалась изображеніемъ вселенскихъ соборовъ.

Изъ внутренняго нарѳика въ храмъ ведутъ три двери. Надъ полуарками, отдѣляющими нарѳикъ отъ храма, находится роспись, о которой предстоитъ намъ говорить. Надъ лѣвой полуаркой — первый вселенскій соборъ, надъ правой — седьмой вселенскій соборъ; такимъ образомъ вся восточная стѣна внутренняго нарѳика занята обширными композиціями вселенскихъ соборовъ. Поверхъ картины собора, на длинной и широкой свободной полосѣ находится надпись славянскими литерами, содержащая объясненіе картины. Южная сторона нарѳика занята картиной шестаго собора, на западной изображены три собора — третій, четвертый и пятый. Только сѣверная сторона, на которой обвалилась штукатурка, унеся бывшія на ней изображенія, не имѣетъ ни росписи, ни надписей.

Указанныя композиціи находятся въ чрезвычайно невыгодныхъ условіяхъ для изученія. Онѣ помѣщены довольно высоко, покрыты слоемъ копоти и безъ искусственнаго освѣщенія не могутъ быть замѣчены. При помощи вспышки магнія мы сняли нѣсколько фотографій съ этихъ композицій, и даемъ здѣсь для образца одинъ снимокъ. (Табл. № 11)

Картина представляетъ царя на тронѣ, позади котораго находятся оруженосцы. По правую руку царя рядъ епископовъ. Рисунокъ сдѣланъ весьма тщательно, всѣ фигуры выписаны индивидуальными чертами, каждая имѣетъ соотвѣтствующую позу и жестъ. Въ особенности стоитъ обратить вниманіе на военную стражу, у которой и одежды, и головной уборъ, и вооруженіе представляютъ опредѣленныя особенности эпохи. Стиль рисунка позволяетъ думать, что наша композиція относится къ хорошимъ образцамъ фресокъ 16-го вѣка. Тѣ же заключенія слѣдуетъ вывести и на основаніи надписей.

Ниже изображеній соборовъ оставалось еще свободное мѣсто, занятое ликами отдѣльныхъ святыхъ:

стъı сѵмешн. стъı харитонъ исповѣдникъ. стыи варлаамъ. стыи ішасафъ снъ авенира цра индіискаго. стыи ішанникіе великыи Бичникъ. стыи ефросинъ поваръ и др.

Храмъ Петра и Павла имѣетъ еще внѣшній нарѳикъ, который представляетъ позднѣйшую придѣлку, окружающую храмъ въ видѣ галлереи. Для исторіи тырновскихъ храмовыхъ росписей интересно отмѣтить, что стѣны этого нарѳика покрыты фресковой живописью съ греческими надписями. Относительно содержанія росписи можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

КВ τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Τιμοθέου

КГ Κλήμεντος Ἀγκύρας

Ясно, что здѣсь имѣемъ памяти святыхъ, чтимыхъ церковью. Такъ какъ память апостола Тимоѳея и Климента празднуется въ январѣ мѣсяцѣ, то очевидно, что предметомъ росписи внѣшняго нарѳика служили святцы. На южной стѣнѣ, на свободномъ отъ живописи квадратномъ мѣстѣ читается:

МНN ФЄΥΡȢАРІОС

и ниже АРХН МНN ІАNNОΥАРІОС. Такимъ образомъ въ храмѣ апостоловъ Петра и Павла во внѣшнемъ нарѳикѣ повторенъ сюжетъ росписи храма Сорока Мучениковъ. Уже конечно этимъ самымъ опредѣлялась бы сравнительно позднѣйшая эпоха происхожденія этого храма, хотя, какъ замѣчено выше, внѣшній нарѳикъ составляетъ пристройку къ храму и не можетъ служить показателемъ эпохи происхожденія самого храма.

На восточной стѣнѣ внѣшняго нарѳика, въ люнетѣ надъ входными во внутренній нарѳикъ дверьми, слѣдовательно въ части, несомнѣнно принадлежащей къ основной постройкѣ, имѣется изображеніе, представляющее сложную композицію: въ центрѣ Богородица съ младенцемъ на тронѣ, по бокамъ апостолы Петръ и Павелъ; по правую сторону отъ апостола Петра фигура въ священномъ облаченіи, подносящая Богородицѣ модель храма. Эта композиція сохранилась сравнительно въ удовлетворительномъ видѣ, пострадали лики Богородицы и младенца, но зато вездѣ сохранилась тщательно выписанная одежда и соблюдена строгость стиля и естественность расположенія всѣхъ фигуръ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе

лицо, подносящее модель храма. Особенная тщательность, съ которой художникъ отнесся къ исполненію этой фигуры, позволяетъ остановиться на ней съ бо̀льшимъ вниманіемъ. Тонкая отдѣлка облаченія, обуви, головнаго убора и лица заставляютъ видѣть въ этой фигурѣ портретное изображеніе, которое можетъ представлять интересъ при разрѣшеніи вопросовъ, задаваемыхъ архитектурой и росписью храма. Облаченіе на строителѣ архіерейское, на головѣ его черное покрывало, концы котораго спускаются на плечи на подобіе монашескаго головнаго убора. Саккосъ изъ цвѣтной матеріи съ фигурами, на плечахъ поверхъ саккоса омофоръ съ вышитыми на немъ крестами, поручи такъ тщательно выписаны, что на нихъ можно даже читать отдѣльныя буквы. Въ рукахъ строителя храмъ, который одной рукой поддерживаетъ и апостолъ Петръ. Весьма любопытно здѣсь замѣтить, что модель храма въ нашей композиціи вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнему виду храма безъ внѣшняго нарѳика.

Весьма много труда положено было на объясненіе надписи, находящейся въ этой композиціи. Отъ раскрытія смысла надписи ожидалось разрѣшеніе хронологической проблемы, задаваемой постройкой храма. Къ сожалѣнію, трудности при чтеніи надписи оказались непреодолимыми, такъ какъ буквы совершенно выцвѣли, остались черныя черты на синемъ фонѣ, которыя можно объяснять различно. Вотъ что повидимому можно читать:

//, КРⷯМПРОС/// ОМОꙊ

АПОСТ . . . ЄПІТАГНС КОМИН ПАЛАІОꙊ

Єⷮ Ѕ (ѠЧ)

Никакъ нельзя утверждать, что мы правильно поняли синія черты, оставшіяся отъ прежнихъ буквъ. Если бы признать вѣрность чтенія хронологіи, то мы бы получили 1392 годъ какъ годъ построенія церкви. Но нельзя не замѣтить, что въ стилѣ рисунка композиціи и росписи вселенскихъ соборовъ есть большое сходство, которое ведетъ къ мысли объ одновременности происхожденія того и другаго памятника. Какъ выше объяснено, роспись соборовъ мы не можемъ отнести иначе, какъ къ 16-му вѣку.

Общее заключеніе на основаніи разсмотрѣнныхъ данныхъ по отношенію къ храму Петра и Павла можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Постройка храма и роспись вселенскихъ соборовъ относятся къ 16 вѣку, внѣшній притворъ и нѣкоторыя дополнительныя работы въ алтарѣ происходятъ изъ позднѣйшаго врѣмени.

Прилагаемая таблица (№ 12 и 13) въ двухъ снимкахъ представляетъ композицію поднесенія храма Богородицѣ, о которой сейчасъ была рѣчь.

Церкви Сорока Мучениковъ и Петра и Павла должны занимать первое мѣсто между всѣми археологическими памятниками Тырнова. Это можно съ увѣренностью сказать въ настоящее время, когда нельзя болѣе возлагать надеждъ на археологическія тайны, погребенныя на холмахъ Гиссарѣ и Трапезицѣ. Какъ будетъ сказано ниже, раскопками, произведенными въ прошедшемъ году на означенныхъ холмахъ, разрушены всѣ надежды славистовъ на важныя находки въ Тырновѣ. Тѣмъ необходимѣе сохранить то, что находится въ церквахъ.

Прежде чѣмъ переходить къ другимъ памятникамъ Тырнова, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ остальныхъ храмахъ Тырнова и его окрестностей.

Въ Дольней Махалѣ, близь митрополіи, находится церковь св. Димитрія Солунскаго. Въ 1856 году г. Беронъ видѣлъ въ ней изображенія со славянскими надписями; теперь славянскихъ надписей нѣтъ, хотя слѣды изображеній можно еще наблюдать. Постройка этой церкви связывается съ весьма важнымъ историческимъ моментомъ въ исторіи Болгаріи, именно со борьбой Асѣня I съ греками изъ-за Солуни въ 1185—1186 г. Историкъ Никита Акоминатъ прямо ставитъ въ связь построеніе этого храма съ тенденціей, распространенной тогда въ Болгаріи, будто великомученикъ Димитрій покинулъ свой храмъ въ Солуни и переселился въ Болгарію, дабы быть здѣсь помощникомъ въ борьбѣ за независимость (см. въ моей книгѣ „Образованіе втораго болгарскаго царства“ стр. 126—127). Трудно конечно судить, сколько въ нынѣшнихъ остаткахъ храмовой постройки сохранилось отъ древняго зданія. Теперь сохранились лишь стѣны, апсида и часть нарѳика. Профессоръ Иречекъ, (въ болгарской переработкѣ „Путованія“, II, стр. 235) говоритъ о двухъ слояхъ фресокъ по стѣнамъ, верхнемъ съ греческими надписями и нижнемъ со славянскими. Мы не можемъ этого подтвердить, по-

тому что видѣли лишь слабые слѣды фресокъ. Постараемся передать здѣсь то, что могли сами замѣтить. Такъ какъ изъ стараго зданія сохранились лишь стѣны и апсида съ небольшими слѣдами орнамента и надписей, то въ присоединяемомъ здѣсь набросвѣ плана (Таб. № 14 рис. α) мы отмѣчаемъ буквами тѣ мѣста, гдѣ остаются еще таковые слѣды. Такимъ образомъ въ точкѣ А сохранились слѣды изображеній, которыхъ краски совершенно вылиняли. Лишь по надписямъ можно судить, что здѣсь были лики св. Ареѳы и св. Порфирія. Между святыми свободное поле заполнено орнаментомъ (рис. β). Подъ буквой С слѣды изображеній св. Ананія, Азарія и Мисаила, причемъ свободное поле также заполнено орнаментомъ (рис. γ.) Подъ буквами В и Р сохранился орнаментъ (рис. γγ); подъ буквой К сохранились лишь надписи: ὁ ἅγιος Γρηγόριος ἀκραγαντινός, ὁ ἅγιος Παρθένιος (рис. δ).

Въ нижнемъ городѣ находится церковь св. Георгія. О происхожденіи этой церкви едва-ли можно дѣлать заключенія на основаніи надписи надъ дверьми:

† ἀνεγέρθη καὶ ἀνιστορήθη ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς τοῦ ἁγίου ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου τροπαιοφόρου διὰ συνδρομῆς τε κόπου τε καὶ ἐξόδου παντοίας ἄρχοντος κῦρ Παρασκευᾶ καὶ Εἰρήνη(ς) καὶ ἀρχιερατέυοντος κῦρ Γαβριὴλ ἐπὶ ἔτους ,ΖΡΚΑ, ἐπεχειρίσθη ἐν μηνὶ μαρτίῳ ιε´ καὶ ἐτελειώθη ἐν μηνὶ μαΐῳ εἰς κ´.

Судя по надписи, постройка относится къ 1613 году. Уже принимая въ соображеніе то обстоятельство, что вся работа согласно этой надписи была исполнена въ два мѣсяца отъ марта по май, можно думать, что надпись говоритъ не о постройкѣ, а о ремонтѣ или можетъ быть росписи церкви.

Въ разстояніи 1 часа отъ Тырнова находится монастырь во имя Богородицы. Находящаяся здѣсь греческая надпись говоритъ о возобновленіи храма:

ἀνεκαινίσθη ὁ πάνσεπτος οὗτος καὶ θειότατος ναὸς τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου διὰ ἐξόδου καὶ μείζονος ἐπιμελείας καὶ ἄλλων μὲν, ἐξόχως δὲ τοῦ ἐντιμιωτάτου καὶ εὐγενεστάτου ἄρχοντος . . . . ἀρχιερατεύοντος πανιερωτάτου καὶ λογιωτάτου μητροπολίτου (имена выскоблены) ἔτει ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου . . . . οἰκονομίας τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ 16(52?).

Храмъ имѣетъ роспись съ греческими надписями, рисунки сдѣланы весьма грубо.

Въ Арбанаси, въ разстояніи 1 часа отъ Тырнова, семь церквей; нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія съ точки зрѣнія археологіи. Церковь Рождества Христова съ греческой надписью у входа:

† οὗτος ὁ θεῖος καὶ πάνσεπτος ναὸς
ὤν, προσεύχεσθε, οἶκος γὰρ θεοῦ
καὶ προσευχῆς ὑπάρχει· μηδεὶς
εἰσέλθῃ μνησικακῶν ἐνθάδε καὶ
λάβῃ ἀρὰν ἀντὶ τῆς εὐλογίας· εἰ μὲν
φίλος πέφυκας, εἴσελθε χαίρων, εἰ
δ' ἐχθρὸς καὶ βάσκανος καὶ γέμων
δλως δόλου, πόρρω πόρρω πέφυγε
τῆς πύλης εἰσόδου ταύτης: —
† ἡ δέησις τῶν δούλων τοῦ θεοῦ
Χάτζη Γεώργη ἐν ἔτει 1749.

Направо отъ входа на стѣнѣ роспись вселенскихъ соборовъ; тамъ же изображеніе строителя или зографа, къ сожалѣнію весьма испорченное и безъ надписи. По лѣвую сторону отъ входа роспись чудесъ св. Георгія и далѣе евангельская исторія. Кромѣ того, въ храмѣ есть лицевые святцы за мѣсяцы февраль и мартъ, при чемъ для каждаго дня нарисованъ отдѣльный квадратъ. Изъ росписи этого храма ясно, что здѣсь образцемъ послужила роспись знаменитыхъ тырновскихъ церквей.

Тутъ же отдѣльная надпись:

Ἱστορήθη τὸ παρὸν προπύλαιον τοῦ κυρίου καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἔτει ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας ͵αχμγ (1643) διὰ συνδρομῆς καὶ κόπου καὶ ἐξόδου τοῦ τιμιωτάτου καὶ εὐγενεστάτου ἄρχοντος κῦρ Ζότος

Стѣны этого притвора или нарѳика покрыты фресками на пожертвованіе архонта Στάθυ и жены его Θеодоры. Внутри же храма часть росписи сдѣлана въ 1681 году при Парѳеніи патріархѣ Константинопольскомъ.

Въ церкви св. Димитрія роспись евангельской исторіи и чудесъ св. Георгія.

Въ церкви св. Архангеловъ или, можетъ быть, монастырѣ того же имени слѣдующая надпись

ὁ θεῖος οὗτος καὶ πάνσεπτος νάρθηξ τῆς ἱερᾶς μονῆς τῶν παμμεγίστων ταξιαρχῶν Μιχαὴλ καὶ Γαβριὴλ ἀνιστορήθη καὶ ἐκαλλοπίσθη διὰ συνδρομῆς ἐξόδου τε καὶ δαπάνης τοῦ τιμιωτάτου κυρίου Χατζηνίκου Κουλτουκλῆ καὶ τῆς συζύγου αὐτοῦ Κυριακῆς εἰς μνημόσυνον αὐτῶν ἐν .... ͵αχ ...

Кромѣ того есть еще надпись надъ входомъ

Χεὶρ Μιχαὴλ τοῦ ἐκ Θεσσαλονίκης καὶ
Γεωργίου τοῦ ἐκ Βουκουρέστη
καὶ ἐπιτηρητὴς Εὐστάθιος Νικολάου
αψξ αὐγούστου α

Здѣсь же находится погребальная плита Бранкована, погребеннаго въ 1790 г.

Кромѣ церквей въ Тырновѣ ожидаютъ отдѣльнаго и самостоятельнаго изученія холмы Гиссаръ и Трапезица. Эти два холма, окруженные рѣкой Янтрой и обнесенные въ средніе вѣка стѣнами и башнями, и составляли мѣсто расположенія стараго Тырнова. Здѣсь были дворцы и палаты тырновскихъ царей и ихъ вельможъ, здѣсь находились государственныя учрежденія и церкви. Въ настоящее время оба холма представляютъ лишь археологическій интересъ, они совершенно необитаемы и покрыты щебнемъ и развалинами покинутыхъ зданій. „Гиссаръ“ соотвѣтствуетъ слову кремль и обозначаетъ крѣпость. Въ этотъ тырновскій кремль поднимаются по южной сторонѣ окружавшей его стѣны, отъ которой остались лишь основанія. 50 лѣтъ тому назадъ Гиссаръ сохранялъ еще всѣ качества крѣпости: нужно было миновать подъемный мостъ и трое воротъ, ведшихъ въ крѣпость (см. *В. Стояновъ-Беронъ*, Археологически и исторически изслѣдованія, Търново 1887, стр. 84). Настоящее положеніе кремля лишь по обломкамъ камней и по массѣ щебня и неровностямъ почвы можетъ дать понятіе о бывшихъ когда-то здѣсь постройкахъ. Весьма странное впечатлѣніе производитъ на этомъ фонѣ фундаментъ недавно начатой и неоконченной постройки. Это мертворожденное зданіе тырновской

гимназіи, которое начато было здѣсь постройкой, но потомъ пріостановлено и наконецъ совершенно заброшено, такъ что мужская гимназія остается въ наемныхъ помѣщеніяхъ и занимаетъ девять домовъ на трехъ улицахъ.

На восточной сторонѣ холма находится башня „барутъханѐ", построенная въ три этажа. Говорятъ, будто здѣсь содержался и окончилъ жизнь Балдуинъ Фландрскій, побѣжденный и взятый въ плѣнъ Асѣнемъ въ 1205 году. Можетъ быть на это указываетъ и названіе этой мѣстности „френкъ гиссаръ". На самой вершинѣ Гиссара въ 1893 г. поставлена коммеморативная колонна въ память освобожденія Болгаріи отъ турецкой власти. При копаніи земли для фундамента обнаружены здѣсь основанія старыхъ стѣнъ, но значеніе этихъ остатковъ не было тогда выяснено. При спускѣ съ вершины Гиссара находится ровная площадь, на которой расположена мечеть, принадлежащая нынѣ военному вѣдомству. Эта мечеть несомнѣнно представляетъ собой христіанскую церковь; кругомъ этой мѣстности попадаются остатки мозаики, фресокъ и фрагменты мрамора. — Гиссаръ соединенъ былъ съ нижнимъ городомъ, находившимся при подошвѣ его (Дольня Махала), дорогой и отдѣлялся воротами, представляя изъ себя совершенно самостоятельное укрѣпленіе. Направленіе защищавшихъ его стѣнъ всего лучше наблюдать снизу, изъ митрополіи, гдѣ ясно можно различить по склонамъ горы древнія стѣны, идущія зигзагами и уклонами согласно уровню почвы и спускающіяся до самой Дольней Махалы.

Второй холмъ Трапезица, какъ показываетъ его имя, есть плато съ холмомъ-бургомъ въ сѣверной части. Здѣсь, по всей вѣроятности, были царскія палаты и жилища бояръ и вельможъ. Трапезица также была окружена стѣнами и представляла самостоятельное укрѣпленіе. Раскопокъ здѣсь не предпринималось до послѣдняго времени (до лѣта 1900 г., какъ сказано будетъ ниже), за исключеніемъ небольшой попытки, сдѣланой тырновскимъ археологическимъ обществомъ, которая дала однако весьма неважные результаты (Стояновъ-Беронъ, стр. 22—23). До сихъ поръ можно видѣть основанія церкви, обнаруженныя означенными раскопками; но тогда же найденныя здѣсь фрески и славянскія надписи, если вѣрить свѣдѣніямъ о раскопкахъ, помѣщеннымъ въ сочиненіи г. Берона, остались утрачеными для науки, ибо въ свое время не были хорошо описаны

и опубликованы. Соображенія относительно мѣстонахожденія церкви во имя Іоанна Рильскаго и царской церкви лишены всякаго основанія. На основаніи сдѣланныхъ археологическимъ тырновскимъ обществомъ раскопокъ можно лишь придти къ тому заключенію, что церкви на Трапезицѣ были небольшихъ размѣровъ и построены по одному типу. Изслѣдованіе архитектурнаго стиля и искуства въ этихъ церквахъ ждетъ того времени, когда Трапезица будетъ разрыта. Въ одномъ мѣстѣ торчитъ изъ земли стѣна, покрытая полинявшей живописью; можно надѣяться, что при освобожденіи стѣны отъ земли получится хорошій рисунокъ съ живыми красками.

Таково было положеніе Гиссара и Трапезицы до лѣта 1900 года.

Лѣтомъ 1900 года археологическое значеніе Гиссара и Трапезицы совершенно измѣнилось. Предпріятіе, казалось, требовавшее для своего осуществленія нѣсколькихъ лѣтъ и сопряженное съ такими расходами, на которые болгарское правительство не могло рѣшиться, это предпріятіе нежданно-негаданно осуществилось и — что походитъ на чудо — исполнено было въ два мѣсяца. Мы не входимъ здѣсь въ изложеніе обстоятельствъ, при которыхъ произведены были раскопки на Гиссарѣ и Трапезицѣ; мы будемъ говорить лишь о способѣ производства раскопокъ и о полученныхъ раскопками результататахъ. О начатыхъ въ лѣтніе мѣсяцы 1900 года раскопкахъ въ Тырновѣ доходили до меня разные слухи, изъ коихъ можно было прежде всего вывести то заключеніе, что мѣстные жители весьма враждебно настроены и противъ производящихъ раскопки лицъ, и противъ самыхъ раскопокъ. Разсказывали, что дѣло ведется подъ большимъ секретомъ, что наблюдающія за работами лица не допускаютъ никого изъ постороннихъ на мѣсто раскопокъ, что разъ даже запрещенъ былъ доступъ одному оффиціальному лицу, командированному министерствомъ народнаго просвѣщенія. Обвиняли главнымъ образомъ то лицо, которому разрѣшены были раскопки, именно г. Сэра (Seure). Онъ, будто бы, одновременно началъ раскопки въ Никополѣ, Тырновѣ, и еще гдѣ-то, лично самъ нигдѣ не могъ ни наблюдать, ни вести раскопокъ, а поручалъ это дѣло неопытнымъ надсмотрщикамъ, не имѣющимъ понятія о техникѣ археологическихъ раскопокъ. Утверждали, напримѣръ, что рѣшившись раскопать Трапезицу, г. Сэръ самъ наѣзжалъ въ Тырново не больше трехъ разъ.

Не могу сказать, вѣрны ли эти слухи вообще, но въ нѣкоторыхъ частностяхъ достовѣрность ихъ подтвердилась для меня позже, когда мнѣ случилось побывать въ Тырновѣ.

Въ ноябрѣ 1900 года, по окончаніи раскопокъ въ Абобѣ, я проѣхался въ Тырново по новой желѣзной дорогѣ. Къ тому времени тырновскія раскопки были закончены и наиболѣе важные предметы отправлены въ софійскій музей. Вотъ что удалось мнѣ подмѣтить при бѣгломъ осмотрѣ произведенныхъ на тырновскихъ холмахъ раскопокъ. На Гиссарѣ раскопано, собственно говоря, одно мѣсто — близь коммеморативнаго памятника освобожденія Болгаріи. Оказалось, что этотъ памятникъ построенъ какъ разъ на мѣстѣ древней церкви и приходится по самой серединѣ; такимъ образомъ раскопка древней церкви неминуемо влекла за собой разрушеніе памятника, почему работы здѣсь были прекращены. Изъ найденныхъ предметовъ остаются на мѣстѣ: мраморные обломки, капители колоннъ; обнаружено въ стѣнахъ церковнаго зданія нѣсколько могилъ, сложенныхъ изъ камня, съ погребеніями. Но на Трапезицѣ раскопки велись въ обширныхъ размѣрахъ, какъ можно судить по ямамъ, канавамъ и кучамъ земли, замѣчаемымъ по всѣмъ направленіямъ. Главный результатъ — средневѣковыя церкви; всего обнаружено 17 церквей. Вообще все это церкви весьма небольшихъ резмѣровъ, наскоро сложенныя изъ довольно грубаго матеріала, т. е. изъ мелкихъ камней на цементѣ. Стѣны церквей весьма тонкія, размѣры зданія небольшіе, всѣ конечно въ одинъ этажъ, почти всегда при церкви небольшой притворъ (нарѳикъ). Можно признать особенностью тырновскаго церковнаго строительства — строить скоро и дешево. Повидимому въ большинствѣ случаевъ имѣемъ дѣло съ фамильными церквами, служившими и мѣстомъ погребенія; во многихъ изъ нихъ найдены могилы или въ нарѳикѣ, или въ самой церкви подъ поломъ. Вторая характерная особенность этихъ церквей та, что въ большинствѣ изъ нихъ стѣны расписаны живописью; въ нѣкоторыхъ кромѣ того сохранились слѣды мозаики изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ геометрическихъ фигуръ.

Что касается росписи, то на стѣнахъ сохранились лишь нижнія части изображеній. Это объясняется тѣмъ, что церковныя зданія всѣ полуразрушены, верхнія части стѣнъ какъ-бы срѣзаны на высотѣ одного метра или двухъ отъ основанія. И это уничтоженіе верхнихъ частей храмовыхъ построекъ происхо-

дило постепенно путемъ расхищенія, причемъ избѣгали разрушенія тѣ части, которыя были покрыты мусоромъ и землей. Во многихъ мѣстахъ наблюдаются два слоя фресокъ, но вообще живопись не высокаго качества ни по стилю, ни по живости красокъ. Какъ исключеніе бросается въ глаза иногда одежда и обувь, особенно на изображеніяхъ въ военномъ платьѣ съ копьями и щитами, сдѣланная весьма тщательно; образцы орнамента на свободныхъ мѣстахъ между живописными композиціями также обращаютъ на себя вниманіе по сходству съ народнымъ рисункомъ на шитьѣ и въ миніатюрахъ. Мраморные фрагменты и скульптурные памятники сложены въ кучу и лежатъ около стѣнъ.

Главный результатъ раскопокъ заключается, какъ сказано, въ обнаруженіи 17 церквей. Мы уже замѣтили, что стѣны церквей сохранились не больше, какъ на половину ихъ высоты ($1\frac{1}{2}$ или 2 метра), и что большинство церквей имѣетъ фресковую живопись на внутреннихъ стѣнахъ. Какъ бы ни представлялся маловажнымъ этотъ матеріалъ съ точки зрѣнія искусства и техники, все же его нужно было обязательно сохранить отъ разрушенія и сдѣлать доступнымъ для изученія. Какъ скоро обнаруживались фрески, нужно было или зарисовывать ихъ красками, или по крайней мѣрѣ фотографировать; если же не предполагалось ни того, ни другаго, то лучше было закрыть ихъ снова землей. На дѣлѣ же не принято никакихъ мѣръ для сохраненія или для изученія стѣнной живописи. Обнаженныя отъ облегавшей ихъ земли, фрески ничѣмъ не защищены отъ дождей и вѣтровъ; штукатурка отстаетъ цѣлыми пластами и падая на землю, уноситъ съ собой значительныя части изображеній. Куски фресокъ валяются у стѣнъ или, собранные въ кучу, лежатъ подлѣ церкви на открытомъ воздухѣ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда я во второй разъ былъ въ Тырновѣ и осматривалъ мѣсто раскопокъ, наиболѣе значительныя церкви покрывались деревяннымъ навѣсомъ съ тѣмъ, чтобы защитить живопись отъ разрушенія. Но рабочіе, утверждая столбы около стѣнъ, даже противъ своего желанія, наносили большой ущербъ фрескамъ.

При взглядѣ на ямы и канавы, бросается въ глаза отсутствіе плана и метода при веденіи раскопокъ. Взрыта во многихъ мѣстахъ значительная площадь, но мы не замѣтили, чтобы хотя одинъ археологическій памятникъ былъ вполнѣ очищенъ

отъ земли. Гдѣ рабочіе находили фундаментъ зданія или стѣну, тамъ они проводили траншею, выбрасывая землю заступомъ. Очисткой цѣлыхъ площадей, на которыхъ находится древняя постройка, не занимались, вслѣдствіе чего самая цѣль раскопокъ, если при нихъ имѣлась въ виду не находка только предметовъ, не можетъ считаться достигнутой. Въ случаѣ продолженія раскопокъ на Трапезицѣ, придется прежде всего заняться свозкой земляныхъ кучъ и насыпей, сдѣланыхъ рабочими. Общее впечатлѣніе получается такое, что при земляныхъ работахъ на Трапезицѣ преслѣдовалась цѣль отыскиванія какихъ-либо предметовъ; какъ скоро надежда на находки не оправдывалась, взрытое мѣсто оставляли и переходили къ другому. Въ результатѣ за отсутствіемъ систематическихъ и методическихъ работъ, Трапезица имѣетъ видъ взрытой, но не раскопанной.

Формулируя свои наблюденія, я долженъ сказать, что съ точки зрѣнія научныхъ интересовъ ожидалось не такихъ раскопокъ въ Тырновѣ, какія были произведены лѣтомъ 1900 года. Вслѣдствіе недостатка въ нихъ системы и плана ими не разъяснена археологическая проблема по отношенію къ древностямъ Трапезицы. Но худшее заключается въ томъ, что недостатокъ вниманія и наблюдательности при работахъ сопровождался печальными послѣдствіями даже и для тѣхъ археологическихъ матеріаловъ, которые были обнаружены раскопками. Я пришелъ къ убѣжденію, что часть этого матеріала погибла безвозвратно. Такъ утрачены для науки знаки на строительномъ матеріалѣ (каменотесные знаки) и рисунки graffiti, которые имѣютъ важное значеніе въ древнихъ и средневѣковыхъ постройкахъ. Могу думать, что погибъ для изученія и самый крупный матеріалъ, полученный раскопками, фрески, такъ какъ до сихъ поръ никто его не фотографировалъ и не зарисовывалъ. Въ настоящее время добрая половина этого матеріала уже потеряна для изученія.

Раскопками, произведенными на Гиссарѣ и Трапезицѣ, нанесенъ непоправимый ударъ ожиданіямъ славистовъ. Можно отъ души пожалѣть, что тырновскія древности не остаются больше подъ землей, гдѣ бы онѣ пребывали въ сохранности, и гдѣ бы еще могли ожидать болѣе счастливаго вскрытія.

Грамота царя Іоанна Асѣня II.

Г. А. Ильинскаго.

I.

Введеніе.

Въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, въ числѣ другихъ немногихъ памятниковъ южнославянской старины, хранится рукопись высокой филологической и исторической важности. Это торговый договоръ съ Дубровницкой республикой знаменитаго болгарскаго царя Іоанна Асѣня II (1218—1241). При какихъ обстоятельствахъ и какимъ образомъ этотъ драгоцѣнный документъ изъ Дубровницкаго архива попалъ въ Петербургъ, въ настоящее время опредѣлить невозможно. Мы знаемъ только, что это произошло не безъ участія русскаго консула въ Дубровникѣ Гагича.

Высокое историческое значеніе памятника давало поводъ къ многократнымъ попыткамъ изданія грамоты, къ сожалѣнію, всегда болѣе или менѣе неудачнымъ. Въ первый разъ этотъ памятникъ увидѣлъ свѣтъ въ извѣстномъ трудѣ Шафарика „Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův.“ V Praze, 1851, во второй части котораго знаменитый славистъ напечаталъ документъ цѣликомъ, ошибочно приписавъ его происхожденіе Іоанну Асѣню I (1186—1196). Такъ какъ для своего изданія Шафарикъ воспользовался не подлинникомъ, а только невѣжественнымъ спискомъ, сдѣланнымъ для него Гагичемъ, то и неудивительно, что въ текстъ изданія вкралось множество грубѣйшихъ ошибокъ. Таково, напримѣръ, чтеніе слова **в Ѡдрни** (стр. 5) какъ названія никогда не существовавшей болгарской провинціи **Бѡлєрн**, или такія ошибочныя написанія, какъ **хѡдєтъ** вм. **хѡ-**

датъ, Прасллвл вм. (П)раслав(а), повсждоу вм. повсадꙋ, лоу-бовнымъ вм. лювовнꙑ, ꙁемє вм. ꙁема и т. д., и т. д.[1]) Мы не говоримъ уже о раскрытіи титлъ и несоблюденіи строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, — органическомъ недостаткѣ всѣхъ изданій того времени вообще.

Книга Шафарика вызвала въ слѣдующемъ году (1852) обширную рецензію И. Срезневскаго на страницахъ „Извѣстій Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ". [2]) Эта статья въ изслѣдованіи памятника представляла уже значительный шагъ впередъ. Здѣсь не только впервые было установлено настоящее происхожденіе грамоты (хотя и въ столь характерной для Срезневскаго уклончивой и неопредѣленной формѣ), но и въ первый разъ документъ былъ напечатанъ здѣсь по подлиннику съ присоединеніемъ довольно подробныхъ филологическихъ и историческихъ комментарій. Хотя Срезневскому, имѣвшему подъ руками подлинный текстъ грамоты, и было нетрудно исправить большую часть погрѣшностей Шафарика, тѣмъ не менѣе и его изданіе далеко нельзя назвать безупречнымъ. Начать съ того, что Срезневскій совершенно неправильно прочелъ слова в Ѡдрї, напечатавъ ихъ какъ во Дринъ; кромѣ того, онъ совершенно не понялъ лигатуру ц̑р=цар, какъ это видно изъ страннаго знака, поставленнаго покойнымъ академикомъ на мѣстѣ этой лигатуры; имъ совершенно неточно употреблены знаки а, ѡ и др.

То, что въ статьѣ Срезневскаго было высказано въ видѣ осторожной догадки, было подтверждено окончательно С. Н. Палаузовымъ, приславшимъ въ слѣдующемъ году (1853) письмо въ редакцію „Извѣстій", въ которомъ неопровержимыми историческими свидѣтельствами доказалъ, что упоминаемыя въ грамотѣ области могли входить въ составъ болгарскаго государства только при Асѣнѣ II[3]). Заслугой того же ученаго было удачное толкованіе большей части упомянутыхъ въ грамотѣ географическихъ названій, въ томъ числѣ и названія Ѡдрї.

На основаніи изданія Срезневскаго были сдѣланы и два послѣдующія: Раковскаго[4]), Миклошича[5]) и, наконецъ, второе изданіе самого Срезневскаго[6]). Всѣ они почти ничѣмъ не отли-

[1]) Ч. II, стр. 2 (по второму изд. 1873 г.).
[2]) Л. 22, стр. 347—349.
[3]) Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. 1853 г., л. 33, стр. 109—112.
[4]) Нѣколко рѣчи о цару Асѣнѣ. Београд 1873, стр. 56. Безъ всякихъ основаній Раковскій приписалъ происхожденіе грамоты Асѣню I.
[5]) Monumenta serbica, III.
[6]) Свѣдѣнія и замѣтки, LXXXI, стр. 9.

чаются отъ текста, напечатаннаго въ „Извѣстіяхъ“, и потому также мало могутъ служить цѣлямъ науки, какъ и послѣдній.

II.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

✝ Дава ц҇рми: ѡризмѡ҆ си: хѡ҆рѣ всѐи Дѫбрѡвнишстѣи·
лоубѡвнѣ: (и) (в)севѣрнымъ г(ѡстемъ)
ц҇рми: да ꙗдѹ хѡ́датъ пѡ всеи хѡрѣ ц҇рми: с кѹпиѫ
каквѫ (ли)бѡ: или нѡса҃: или женѫ҃
или кѹпиѫ каквѫ либѡ нѡса҃: и дѡ кѡꙗ либѡ ѕемѣ
или хѡ҃ры· дѡндѫ: или дѡ Бъдынѣ. или Бра
ничева и Бѣлграда дѡндѫ҃: или дѡ Трънѡва и пѡ всемѹ
Ѕагѡриѹ (хѡда҃) или дѡ (П)раслав(а)
или Карвѹнъскыѣ хѡры придѫ҃: или Кр҇стѣи хѡрѣ:
или Бѡрѹис(тѣ)и: или в Ѡдрї и в Дімѡт
или въ Скѡ҃скѫѫ хѡрѫ: или Прилѣ(п)скѫѫ: или в Дѣвол
скѫѫ хѡрѫ· или в ѕема Арба
наскѫѫ: или в Сѡлѹнъ: идѫтъ: повсадѹ: да си кѹпѡ҆
ваѫ: и прѡдаваѫтъ: свѡбѡ҃
нѡ: бесъ всѣкѡѫ пакѡсти: да не имаѫ(т)ъ пѡ всѣхъ
хѡ҆ра҃ ц҇рми и г(ра)дѡвѣхъ: и клисѹра҃ъ·
ѕапрѣтенна: н(ж) да си хѡда҃· и кѹпѹѫтъ: и прѡдаваѫтъ
бес печѣли: ѣ(к)ѡ и всевѣрнии.
(лоу)бѡвнии гѡстє ц҇рми: ктѡ ли имъ спакѡсти: ѡ (т)ѡм
либѡ҃: или на клисѹрѣ: или на фѡ
(р)ѡсѣхъ · или гд(е) (л)ибѡ прѣѕъ ѕакѡ҃: ѡ кѹме(р)ки тѡ҆
є вѣстъ: тѡи є прѡтивник(ъ) (ц)҇рми:
и милѡсти не҆ щє (им)ѣти (н)ѫ великѫѫ . . . . . . є ѡ҆ргиѫ
патити . . . ц҇рми ✝

✝ АСѢН ЦР҇ Б(ЛЪГАРѠ)М И ГРЪКОМ ✝

1. ѡризмѡ: верхній уголокъ буквы з и правый штабъ буквы м стерлись. — Джерѡкнишстѣн: правый штабъ буквы н и лѣвый буквы н замараны пятномъ. — (в)свѣтрнымъ: передъ этимъ словомъ въ подлинникѣ находится дырочка, достаточно большая, чтобы на ея мѣстѣ могъ умѣститься союзъ и. —

2. Какж: первое к замѣчательно своимъ миніатюрнымъ и какъ-бы сдавленнымъ видомъ. — : нижняя точка едва замѣтна. — женж: отъ титла остался только одинъ лѣвый кончикъ.

3. Нѡсѧ титло представляетъ лигатуру изъ ножки т и горизонтальной черты этой буквы. — хѡръı: верхняя часть буквы р и лѣвая половина буквы ı оторваны. — дѡндж: титло надъ этимъ словомъ безъ сомнѣнія находилось на мѣстѣ теперешней дырки.

4. Браничева: в имѣетъ видъ овальнаго полукруга. — дѡндѫ: титло представляетъ лигатуру указаннаго типа. — Загѡрн8: удѣлѣвшій верхній кончикъ буквы х и титло т заставляютъ предполагать, что на мѣстѣ теперешней дырки находилось слово хѡлѫ. — дѡ: правая часть буквы ѡ оторвана. —(П)рѣслав(а): отъ конечнаго а остался только одинъ верхній кончикъ.

5. И Ѡдри: верхняя половина буквы д, также какъ и лѣвая часть буквы и оторваны; буква и нѣсколько напоминаетъ своей формой букву ı. — Димѡт: т этого слова имѣетъ очень большой форматъ, но такъ блѣдно, что можетъ быть только разсмотрѣно въ лупу.

6. Дѣвѡлскжж: лѣвая часть буквы к значительно блѣднѣе правой.

7. Ѡѡлѣнъ: правая часть буквы н стерлась. — повсѧд8: д въ своей вершинѣ не сохранился вполнѣ. —

8. пакѡсти: отъ ѡ уцѣлѣлъ только правый бокъ. — хѡрж: лѣвая палочка буквы х имѣетъ справа и снизу горизонтальное продолженіе, служащее титломъ для слѣдующаго слова. — н: послѣ этого слова находится дырочка, на мѣстѣ которой, можетъ быть, было двоеточіе. — клисѫрѧ головка ъ сильно протянута влѣво, такъ что служитъ титломъ надъ х.

9. сн: н почти стерлось. — ѣ(к)ѡ: отъ ѣ сохранилась только верхняя часть.

10. (т)ѡм лисѡ: одно изъ труднѣйшихъ мѣстъ рукописи: Срезневскій поставилъ подъ нимъ крестъ и въ переносномъ и буквальномъ смыслѣ. Сохранившаяся подъ строкой вертикальная черточка (см. снимокъ), по нашему мнѣнію, позволяетъ предполагать на мѣстѣ дырочки или букву т, или букву щ. Мы предпочли первую въ виду недоказанности формы щѡм для такихъ древнихъ памятниковъ, какъ наша грамота.

11. врѡтивник(ъ): буквы т и и представляютъ лигатуру; буквы к и ъ не сохранились вполнѣ. — (ц)рмн: отъ ц остались только двѣ верхнія точки.

12. Щв: вертик. черточка наверху между этими буквами позволяетъ заключить, что слово заканчивалось большимъ т, — в: передъ этой буквой находилось еще нѣсколько буквъ или словъ, которыя мы отказываемся объяснить. Срезневскій прочелъ это мѣсто какъ мв (?)

О подписи смотри ниже.

Примѣчаніе: Буквы, заключенныя въ скобкахъ, погибли или безслѣдно, или оставили самые жалкіе слѣды, вродѣ черточки, точки и т. п.

III.

Палеографическія особенности грамоты.

Грамота написана на очень плохо сохранившемся кускѣ тряпичной бумаги (Соболевскій, Славянорусская палеографія, Спб. 1901, стр. 23); размѣръ его равняется 1 вершку и 11 дюймамъ въ длину и 1 вершку и 3 дюймамъ въ ширину. Отъ вліянія времени особенно сильно пострадала нижняя часть рукописи, гдѣ въ подписи царя Іоанна Асѣня II не достаетъ почти цѣлаго слова: б(лъгарѡ)м (см. снимокъ). Но рѣдкая и изъ остальныхъ строкъ лишена болѣе или менѣе большихъ дырокъ, вслѣдствіе чего буквы нѣкоторыхъ словъ погибли навсегда. Всѣ такія лакуны точно оговорены въ комментаріяхъ къ тексту.

Рукопись написана мелкимъ уставомъ XIII в. обыкновенными черными, теперь отчасти уже выцвѣтшими чернилами. Только послѣдняя строка, представляющая собой подпись царя, написана очень крупными киноварными буквами. Эта подпись представляетъ довольно хитрую лигатуру: особенно замѣчательна въ ней буква ц҃р = ц͡р. Въ самомъ текстѣ лигатура употреблена только однажды въ словѣ прѡи҃ванкъ (11 строка), если не считать своеобразнаго соединенія титла съ лигатурой въ случаяхъ вродѣ: нѡса҃ (2 стр.), дѡнда҃ (3 стр.), гдѣ черта титла служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шапочкой буквы т.

Титла и сокращенія представляютъ кромѣ того примѣры: ц҃рьи, лоѵбѡвны҃, кр҃стян, Скѡ҃скаꙗ свобѡ҃нѡ, хѡрⷭ, клисѹрⷭъ, закѡ҃ (ссылки см. въ индексѣ).

Текстъ грамоты начинается и заключается четырехконечнымъ крестомъ. Два киноварныхъ креста ограждаютъ справа и слѣва также и подпись грамотодателя.

Надстрочные знаки употреблены въ рукописи всего семь разъ, — число, очень ничтожное даже для такого скромнаго по своимъ размѣрамъ памятника, какъ наша грамота. Изъ нихъ три: ѡ҃ (стр. 10), тѡ҃ (стр. 11) и ѡ҃ргиꙗ (стр. 12) вѣроятно имѣютъ значеніе простаго аксессуара, другіе: хѡ҃рѣ (стр. 1), всѐи (стр. 1), хѡ́датъ (стр. 2), нѐ, можетъ быть, обозначаютъ удареніе. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ и самая форма знака въ этихъ случаяхъ (за исключеніемъ перваго примѣра).

Какъ видно изъ приложеннаго снимка, въ рукописи употребляются только два знака препинанія: двоеточіе (:) и точка (.).

Переходя къ разсмотрѣнію особенностей употребленія буквъ, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на почти исключительное употребленіе буквы ъ. Мягкій глухой (ь) можно видѣть только въ словѣ **брьничька** (стр. 4), если только слѣдовать чтенію этого мѣста И. И. Срезневскаго; но крайне неясныя очертанія этой буквы (см. снимокъ) позволяютъ читать это слово и какъ **брьничека**. Такое же сомнительное сходство съ буквой ь имѣетъ и послѣдняя буква слова **всѣть** (11 стр., см. снимокъ).

Въ высшей степени замѣчательную палеографическую особенность нашей грамоты представляетъ почти исключительное употребленіе знака **ѫ** вмѣсто болѣе обычнаго **ѧ**. Послѣдній въ текстѣ нашей грамоты встрѣчается только однажды — въ словѣ **ѩдꙋ** (стр. 2). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ употребляется только **ѫ**, — и эта особенность сближаетъ грамоту царя Іоанна Асѣня съ другимъ замѣчательнымъ памятникомъ среднеболгарской письменности, Слѣпченскимъ Апостоломъ XII в.

То же совпаденіе съ графикой послѣдней рукописи представляетъ постоянное употребленіе знаковъ **ꙑ** (вм. ю) и **ꙑ** (вм. ъі).

Широкое **є** встрѣчаетаяся только въ 4 случаяхъ: **гѡстє** (10 стр.), **є** (11 стр.), **щє** (12 стр.) и **є** (? 12 стр.).

Замѣчательную графическую особенность нашего памятника представляетъ также абсолютное отсутствіе буквы **оу**, вмѣсто которой употребляется только **ꙋ**, и почти совершенное отсутствіе знака **о**, замѣненнаго повсюду буквой **ѡ**. Первый встрѣтился только въ подписи: **грькомь** и предлогѣ „о" въ словѣ **о кꙋмєрки** (11 стр.).

Архаическую особенность графики грамоты составляетъ, безъ сомнѣнія, употребленіе **ѣ** вм. **ꙗ** въ словахъ: **къдынѣ, ѣ(к)ѡ**, такъ же какъ и почти полное отсутствіе іотаціи гласныхъ; послѣдняя встрѣтилась только дважды: **ѩдꙋ** (2 стр.) и **кѡꙗ** (3 стр.).

Нашъ обзоръ палеографическихъ особенностей рукописи будетъ конченъ, если мы обратимъ вниманіе на отсутствіе знака **шт** и на своеобразную форму буквы **т** (см. снимокъ).

IV.

Лингвистическія особенности.

Палеографическому значенію рукописи нисколько не уступаетъ и лингвистическое. Строго говоря, опредѣлить послѣднее можно въ трехъ словахъ: грамота царя Іоанна Асѣня есть древнѣйшій памятникъ *народнаго* болгарскаго языка, такъ какъ знаменитая Троянская притча, входящая въ составъ повѣсти Ватиканскаго списка Лѣтописи Манассіи, относится къ XIV в., а другія грамоты болгарскихъ царей (какъ напр. Константина Асѣня) восходятъ только ко второй половинѣ XIII в. Уже при абсолютно ничтожномъ числѣ памятниковъ народнаго болгарскаго языка вообще, наша грамота вполнѣ заслуживала бы названія „драгоцѣнной“; тѣмъ болѣе она достойна такого эпитета, если мы вспомнимъ, что всего полтора столѣтія отдѣляютъ ея языкъ отъ языка древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ.

Въ чемъ же главныя особенности языка нашей грамоты?

На первое мѣсто слѣдуетъ поставить здѣсь примѣры самаго характернаго явленія среднеболгарскаго вокализма, мѣны юсовъ. Само собой разумѣется, что при незначительномъ объемѣ памятника число этихъ примѣровъ не можетъ быть велико: **ѫ** переходитъ въ **ѧ** только въ трехъ случаяхъ: 1) послѣ **с**: **пѡксадѹ** (7 стр.), 2) послѣ **м**: **земѧ** (6) и 3) послѣ j: **ꙗдѹ** (2). Послѣдній примѣръ тѣмъ замѣчательнѣй, что въ другихъ случаяхъ ѫ послѣ **и** или остается: **кѹпиѫ** (2, 3), **Скѡ̑скѫѫ** (6), **Прилѣ(п)скѫѫ** (6), **Дѣвѡлскѫѫ** (6), **Арбанаскѫѫ** (6), **кѹпѡваѫ** (7), **прѡдаваѫтъ** (7 и 9), **имаѫ(т)ъ** (8), **кѹпѹѫтъ** (9), **ѿргиѫ** (12), или самъ переходитъ въ **ѧ**: **кѡѧ** (3) род. ед. (= **кѡꙗ**), **земѣ** (3) род. ед. (= **земѧ**), **всѣкѡѫ** (8) род. ед.

Первые три примѣра послѣдней категоріи проливаютъ свѣтъ и на качество звука **ѣ**, которое очевидно равнялось **ꙗ**, по крайней мѣрѣ послѣ j и мягкихъ согласныхъ.

Замѣчателенъ, по своей рѣдкости, переходъ **ѣ** въ **а** въ словѣ **(п)раслав(а)** (4). Если **а** въ этомъ случаѣ не есть реминисценція глаголическаго **ѧ**, то этотъ примѣръ можно сопоставить съ примѣрами вродѣ **грѣдѫ**, довольно частыми въ среднеболгарскихъ и отчасти даже въ древнеболгарскихъ рукописяхъ.

Сравнительно незначительное вліяніе церковной орѳографической традиціи мы видимъ въ многочисленныхъ примѣрахъ выпаденія глухого звука въ открытыхъ слогахъ и въ концѣ слова: **всен** (стр. 1 и 2) **дѫброкинищтѣн, любовни̏, (в)севѣрнымъ** (1), **с кѫпиѫ** (2), **Бѣлграда** (4), **всему** (4), **в Днмот** (5), **в Ѡдрѝ** (5), **в Скѡ̑скѫѫ** (6), **в Дѣволскѫѫ** (6), **к земѧ** (6), **в Солунъ** (7), **поюсаду** (7), **всѣкоѫ** (8), **всѣхъ** (8), **бес печѣли** (9), **всевѣрнии** (9). Древній глухой сохранился только въ двухъ достовѣрныхъ случаяхъ: **Бъдынѣ** (3) и **Кьрьвунскыѣ** (5).

Что **ъ** въ концѣ слова уже не имѣлъ звукового значенія, доказываетъ примѣръ: **бесъ печѣли** (8).

Какъ и во многихъ другихъ среднеболгарскихъ памятникахъ, **ъ** вокализируется въ **о**: **любовны** (1) и **тон** (11).

Звукъ **ѣ** писецъ грамоты произносилъ, вѣроятно, какъ **ꙗ**: **Бъдынѣ** (3) род. ед., **земѣ** (3) род. ед., **Кьрьвунъскыѣ** (5) и **печѣли** (9).

Любопытно удлиненіе **ь** передъ j въ **и** въ словѣ **кѫпиѫ** (2 и 3) твор. ед. Эта форма представляетъ, несомнѣнно, промежуточную стадію развитія между формами Супрасльской рукописи **землѭ коупльѭ**, съ одной стороны, и формами новоболгарскаго языка: земя́, сабя́, съ другой.

Стяженіе гласныхъ наблюдается только въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: **любовни̏** (1), **(в)севѣрнымъ** (1), **си** (= **сии**) (1)

Переходя къ явленіямъ консонантизма, прежде всего слѣдуетъ указать на отсутствіе іотаціи въ словахъ: **кѫпиѫ** (2. и 3), **Ꙁагории** (4), **Скѡ̑скѫѫ, Прилѣ(п)скѫѫ** (6) и т. д. (см. выше)

Въ связи съ отсутствіемъ іотаціи, можетъ быть, находится и отсутствіе l epentheticum въ словахъ: **кѫпиѫ** (2 и 3), **земѣ** (3), **Скѡ̑скѫѫ, земѧ** (6).

Любопытенъ примѣръ **запрѣтенна** (вм. **запрѣштенна**) (9), гдѣ отсутствіе смягченія объясняется аналогіей глагола **запрѣтити**.

Группа **ск** смягчается передъ **ѣ** въ **ст**, какъ и въ громадномъ большинствѣ другихъ среднеболгарскихъ памятниковъ и отчасти старославянскихъ, **Дѫбровинищтѣн**: (стр. 1), **Кр̑стѣн, Борунс(т)и** (5).

Изъ явленій ассимиляціи согласныхъ укажемъ на переходъ **ч** передъ **с** въ **ш** въ словѣ **Дѫбровинищтѣн** (1), **к** — въ **г** передъ **д**: **гд(е)** (11) и **з** — въ **с** передъ **в** и **п**: **бес всѣкоѫ**

(8), **вес печали** (9). Замѣна **с** посредствомъ **з** въ словѣ **ѡризмѡ** (1) вѣроятно обязана своимъ возникновеніемъ греческому произношенію этого слова.

Не мало замѣчательнаго заключаетъ въ себѣ и морфологія языка нашего памятника. Такова прежде всего форма твор. п. ед. ч. ж. р. **какѫ** вмѣсто **каковоѫ**, употребленная два раза (2 и 3).

Таково, во-вторыхъ, употребленіе мѣстнаго п. ед. ч. безъ предлога: **или Кръстѣи хорѣ: или Бѡризис(т)ѣи** (5).

Такова форма мѣстнаго п. мн. ч.: **градѡвѣхъ** (8).

Любопытно далѣе окочаніе им. п. мн. ч. м. р. основъ на **ь** — **є**: **гѡстє** (10), если только оно не представляетъ простой описки

Въ области глагола прежде всего обращаютъ на себя вниманіе такія чисто народныя образованія, какъ 3 л. наст. вр. **дава** (1) и **купуватъ** (9) при **купѡвалѫ** (7).

Народный характеръ языка грамоты доказываетъ также нерѣдкое отпаденіе окончанія **-тъ** въ 3 л. ед. и мн. ч.: **дѡидѫ** (стр. 3), **купѡвалѫ** (7), **спакѡсти** (10), **є** (11), **щє** (12), также какъ и отпаденіе слога **хъ** въ послѣднемъ примѣрѣ.

Но особенно драгоцѣнны по своей рѣдкости два случая образованія будущаго времени посредствомъ неопредѣленнаго наклоненія и сокращенія вспомогательнаго глагола **хъщєтъ**: **нє щє . . . (им)ѣти** (12), **(щ)є ѡргнѫ патити** (12).

Наконецъ, что касается лексическихъ особенностей языка грамоты, то достойны упоминанія слѣдующія слова, очень широко распространенныя въ современныхъ болгарскихъ живыхъ говорахъ: **хѡра** (здѣсь только въ значеніи „страны"), **женѫ, пакѡсти, прѣзъ, клисурѫ, патити**. Послѣднія два слова и первое представляютъ очевидные грецизмы, также какъ и слова: **ѡргнѫ** и **фѡ(рѡ)сѣхъ**. Слово **кумєрки** есть не что иное, какъ греческій варіантъ латинскаго слова commercium, κομμέρκιον.

V.

Историческое значеніе грамоты.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, сколько любопытныхъ фактовъ даетъ грамота для исторіи болгарскаго *языка* и *письма;* но еще болѣе цѣнныя данныя она содержитъ для исторіи болгарскаго *народа* и *государства.*

Уже одинъ тотъ фактъ, что грамота относится ко времени величайшаго изъ Асѣневичей и можетъ быть югославянскихъ государей вообще, ставитъ ея историческое значеніе внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ извѣстно, царствованіе Іоанна Асѣня II (1218—1241) представляетъ такую же кульминаціонную точку въ исторіи второго болгарскаго государства, какую въ судьбахъ перваго — царствованіе Симеона. Какъ этотъ послѣдній государь раздвинулъ предѣлы своего царства до трехъ морей, такъ и Іоаннъ Асѣнь II, говоря его собственными словами, „завоевалъ всѣ земли отъ Адріанополя до Драча, греческую, затѣмъ албанскую и сербскую страну"; какъ Симеонъ долгое время былъ грозой византійцевъ, столица которыхъ едва не перешла въ его руки, такъ Іоаннъ Асѣнь II разгромилъ послѣ блестящей Клокотницкой побѣды 1230 г. Эпирское деспотство, бывшее тогда единственнымъ политическимъ наслѣдникомъ завоеванной франками Византіи; какъ Симеонъ поставилъ международное значеніе болгарскаго государства на небывалую высоту, такъ Іоаннъ Асѣнь II своей искусной политикой заставилъ съ уваженіемъ относиться къ себѣ не только сербовъ, венгровъ и нѣмцевъ, но и сидѣвшихъ въ Царьградѣ франковъ, относительно которыхъ не однимъ только бахвальствомъ звучатъ слова: „И фржги покорились десницѣ моего царства и жили въ моей власти по повелѣнію Божію" (Иречекъ). Наконецъ, какъ Симеонъ сдѣлалъ много для культурнаго процвѣтанія Болгаріи, такъ и въ царствованіе Іоанна Асѣня II Болгарія украсилась великолѣпными постройками, вступила въ дѣятельныя торговыя сношенія съ сосѣдями и въ особенности съ знаменитыми южнославянскими Аѳинами, Дубровникомъ и вернула себѣ полную церковную самостоятельность, возстановивъ патріаршество.

Таковъ былъ государь, въ предлагаемой грамотѣ котораго мы имѣемъ, если не считать надписи на Трновскомъ столбѣ 1230, открытой Даскаловымъ, и нѣсколькихъ хрисовуловъ, единственное туземное и современное царю „болгаръ и грековъ" свидѣтельство о его славномъ царствованіи.

Но помимо этого общаго значенія, наша грамота имѣетъ и болѣе частное, спеціальное, Какъ мы видѣли, содержаніе грамоты представляетъ не что иное, какъ разрѣшеніе Дубровницкимъ купцамъ полной свободы торговли „по всей странѣ" болгарскаго царства и угрозу царскимъ гнѣвомъ каждому, кто осмѣлился бы помѣшать этой торговлѣ. А такъ какъ для большей

точности грамотодатель подробно перечисляетъ и провинціи болгарскаго царства, то благодаря грамотѣ мы имѣемъ возможность довольно точно возстановить политическія границы болгарскаго царства эпохи его второго расцвѣта, а также получить понятіе объ его областномъ дѣленіи. Мы перечислимъ эти области, слѣдуя порядку, въ которомъ онѣ упомянуты въ грамотѣ и который большей частью совпадаетъ съ ихъ географическимъ распредѣленіямъ [1]).

1) *Бдинъ*, древняя Bononia, нынѣ Видинъ, расположенъ въ сѣверо-западной части нынѣшняго болгарскаго княжества.

2) *Браничево*, древній Viminacium, расположено къ западу отъ предыдущей области, приблизительно въ окрестностяхъ нынѣшняго сербскаго Пожаревца.

3) *Бѣлградъ;* какъ извѣстно, теперешняя сербская столица принадлежала болгарамъ еще при Симеонѣ.

Отъ этихъ сѣверо-западныхъ провинцій перечисленіе переходитъ къ юговосточнымъ и прежде всего къ

4) *Трнову*, главному городу второго болгарскаго царства. Далѣе слѣдуетъ

5) *Загорье*, область, лежавшая въ сѣверной Ѳракіи и, какъ извѣстно, долго служившая яблокомъ раздора между болгарами и византійцами и извѣстная у послѣднихъ подъ именемъ *Ζαγορά*.

6) *Прѣславъ*.

7) *Карвунская* земля, Καρβωνᾶ или Καρβουνᾶ византійцевъ и Carbona итальянцевъ. Она находилась на сѣверѣ отъ нынѣшней Варны между городами Кюстенджи и Каварной. С. Палаузовъ опредѣляетъ ея мѣстоположеніе между Шуменомъ и Овечемъ, — конечно ошибочно.

8) *Крънская* область находилась во Ѳракіи между Чернымъ моремъ и Тунджей, обходя города Сливенъ и Карнобадъ. У византійцевъ — Κρουνός, Κρηνός.

9) *Боруйская* область, нынѣшняя Эски-Загра. У византійцевъ Βερροία, у латинцевъ Beroi, у Луккари Borui grad. У Палаузова мѣстность описана ошибочно.

10) *Одринъ* — Адріанополь.

---

[1]) Объясненія названій даются на основаніи книги К. Иречека, Исторія болгаръ, Одесса, 1878, стр. 489.

11) *Димотъ,* греч. Διδυμοτεῖχον, городъ, лежавшій на Марицѣ, нѣсколько южнѣе Адріанополя. Нынѣ — Димотика.

Списокъ заключается перечнемъ четырехъ западныхъ областей болгарскаго государства

12) *Скопльской,* расположеной на верхнемъ Вардарѣ,

13) *Прилѣпа,* лежащаго въ центрѣ западной Македоніи,

14) *Дѣволской* и

15) *Албанской.*

Замѣчательно, что къ этому перечню болгарскихъ областей, въ которыхъ дубровницкіе купцы могли торговать безпошлинно, въ грамотѣ прибавленъ Солунь (Салоники), который, какъ мы знаемъ достовѣрно, никогда не принадлежалъ Болгаріи. Чѣмъ объяснить включеніе этого города въ число болгарскихъ провинцій? Слѣдующая историческая справка можетъ быть объясняетъ дѣло. Послѣ Клокотницкой битвы, послѣ которой Іоанну Асѣню II достались многія изъ перечисленныхъ областей, эпирскій царь Өеодоръ долженъ былъ передать престолъ брату своему и зятю Асѣня Мануилу, жившему постоянно въ Солунѣ. Окруженный почти со всѣхъ сторонъ владѣніями болгарскаго царя и устрашаемый примѣромъ судьбы своего брата, Мануилъ, очевидно, могъ играть въ отношеніи Асѣня только пассивную роль, и его тесть могъ распоряжаться въ Солунѣ, какъ у себя дома. Если это соображеніе справедливо, наша грамота должна была быть дана Дубровнику очень скоро послѣ 1230 г., когда политическое вліяніе Асѣня въ Солунѣ было особенно рѣшающе.

VI.

Словоуказатель.

Арбанаскѫѫ вин. п. ед. ч. ж. р. отъ прил. **арбанасьскꙑи** 6—7.

Асѣн им. п. ед. ч. 13.

Бесъ предл. 8, **бес** 9.

Бѡрѹнс(т)ѣи м. п. ед. ч. отъ прил. **Бѡрѹнскꙑи** 5.

Б(лъгарѡ)м дат. п. мн. ч. отъ **блъгаринъ** 13.

Браничєва род. п. ед. ч. отъ **Браничєво** 3—4.

Бъдꙑнѣ род. п. ед. ч. отъ **Бъдꙑнь** 3.

Бѣлграда род. п. ед. ч. отъ **Бѣлъградъ** 4.

В предл. съ вин. п. 5 bis, 6 ter, 7.

Велик(ѫѫ) вин. п. ед. ч. ж. р. отъ прил. **великъ** 12.

Всевѣрнии 9 и (в)**севѣрнымъ** им. п. мн. ч. и дат. п. мн. ч. отъ прил. **вьсевѣрьнын** 1.

Всен дат. п. ед. ч. ж. р., **всен** мѣстн. п. ж. р. 2 **всемꙋ** дат. п. м. р. 4 — **всѣхъ** мѣстн. п. мн. ч. 8 отъ мѣстоим. **вьсь.**

Всѣкоѫ род. п. ед. ч. ж. р. отъ мѣстоим. **вьсѣкъ** 8.

Вѣстъ им. п. ед. ч. м. р. прил. 11.

Гд(е) нар. вм. **къде** 11.

Гръкомъ дат. п. мн. ч. отъ **гръкъ** 10.

Гѡсте им. п. мн. ч. 10 и **г(ѡстемъ)** дат. п. мн. ч. 1 отъ **гѡсть.**

Г(ра)дѡвѣхъ мѣстн. п. мн. ч. отъ **градъ** 8.

Да союзъ 1, 7, 8, 9, 11.

Дава 3 л. ед. ч. отъ глаг. **давати** 1.

Днмѡт вин. п. ед. ч. отъ сущ. **Днмѡтъ** 5.

Дѡ предл. съ род. п. 3 bis, 4 bis.

Дѡндѫ 3, **дѡндѫ** 4, 3 л. мн. ч. наст. вр. отъ глаг. **дѡнти.**

Дѣвѡлскѫѫ вин. п. ед. ч. ж. р. отъ прил. **Дѣвѡльскъ** 6.

Дѫбрѡвчнишстѣи дат. п. ед. ч. ж. р. отъ пр. **Дѫбрѡвьничьскын** 1.

Е 3 л. ед. ч. вм. **ѥсть: Е** 11, **е** 11.

Женѫ 3 л. мн. ч. отъ глаг. **гънати** 2.

Ꙁагѡрнꙋ дат. п. ед. ч. отъ сущ. **Ꙁагѡрнѥ** 4.

Ꙁакѡ вин. п. ед. ч. 11.

Ꙁапрѣтенна род. п. ед. ч. отъ сущ. **запрѣтеннѥ**.

Ꙁемѣ род. п. ед. ч. 3, **зема** вин. п. ед. ч. 6 отъ сущ. **землꙗ.**

И союзъ 3, 4 bis, 5, 7, 8 bis, 9 ter, 12, 13.

Идѫтъ 3 л. мн. ч. отъ глаг. **нтн** 7.

Или союзъ 2 bis, 3 quater, 4 bis, 5 quater, 6 quater, 7, 10 bis, 11.

Има(ѫт)ъ 3 л. мн. ч. отъ глаг. **имати** 8.

Имъ дат. п. мн. ч. отъ мѣстоим. **и** 10.

(Им)ѣти неопр. накл. 12.

Каквѫ тв. п. ед. ч. отъ мѣстоим. **каковъ** 2 и 3.

Карвꙋнъскыѣ род. п. ед. ч. 5 отъ прил. **Карвꙋньскын** 5.

Клисꙋрѣхъ мѣстн. п. мн. ч. 8, **клисꙋрѣ** мѣстн. п. ед. ч. 10 отъ **клисꙋра.**

Крѣстѣи м. п. ед. ч. отъ прил. **кръньскын** 5.

Кѡѥ род. ед. ч. ж. р. отъ мѣстоим. **кѡи** 3.

Ктѡ мѣстоим. им. п. 10.

Кꙋме(р)ки винит. п. мн. ч. отъ сущ. **кꙋмерькъ?** 11.

Кѹпиѹ тв. п. ед. ч. отъ сущ. **кѹпна** 2 и 3.
Кѹпѡваѫ 3 л. мн. ч. отъ глаг. **кѹпѡвати** 7.
Кѹпѹѭтъ 3 л. мн. ч. 9.
Ли союзъ 10.
Либѡ союзъ 3 bis, 10, (**ли**)**бѡ** 2, (**л**)**ибѡ** 11.

Лѹбѡвнии им. п. мн. ч. 10, **лѹбѡвни҃** дат. п. мн. ч. 1 отъ прилаг. **лѹбѡвьныи**.

Милѡсти род. п. ед. ч. отъ сущ. **милѡсть** 12.
На предл. съ мѣстн. п. 10 bis
Нѡса҃ 3 л. мн. ч. отъ глаг. **нѡсити** 2 и 3.
Нѫ союзъ 9 и 12.
Не отриц. 8, 12.
Ѡ предл. съ мѣстн. п. 10, 11.
Ѡдрии вин. п. ед. ч. отъ сущ. **Ѡдринъ** 5.
Ѡризмѡ́ вин. п. ед. ч. отъ сущ.. **ѡризмѡ** 1.
Ѡ́ргнѫ вин. п. ед. ч. отъ сущ. **ѡргнѫ** 12.
Пакѡсти род. п. ед. ч. отъ сущ. **пакѡсть** 8.
Пактити неопр. накл. 12.
Печѣли род. п. ед. ч. отъ сущ. **печѣль** 9.
Пѡ предл. съ мѣстн. п. 2, 4, 8.
Пѡвсадѹ нар. 7.
Приду҃ 3 л. мн. ч. отъ глаг. **прити** 6.
Прилѣ(п)скѫѫ вин. п. ед. ч. ж. р. отъ пр. **Прилѣпьскыи** 6.
Прѡдаваѭтъ 3 л. мн. ч. отъ глаг. **прѡдавати** 7 и 9.
Прѡтивник(ъ) им. п. 11.
Прѣзъ пр. съ вин. п. 11.
(**П**)**раслав**(**а**) род. п. ед. ч. 4 отъ сущ. **Прѣславъ**.
С предл. съ тв. п. 2.
Свѡбѡ҃нѡ нар. отъ прил. **свѡбѡдьнъ** 7—8.
Си вин. п. ед. ч. отъ ук. мѣстоим. **сии** 1.
Си дат. п. отъ мѣстоим. **себе** 7, 9.
Скѡ҃скѫѫ вин. п. ед. ч. ж. р. отъ прил. **Скѡпльскыи** 6.
Сѡлѹнъ вин. п. ед. ч. 7.
Спакѡсти 3 л. ед. ч. отъ глаг. **съпакѡстити** 10.
Тръиѡва род. п. ед. ч. отъ сущ. **Тръиѡвъ** 4.

Тѡ вин. п. ед. ч. ср. р. 11, **тѡи** им. п. ед. ч. 11 (**т**)**ѡм** (?) мѣстн. пад. ед. ч. 10 отъ мѣстоим. **тъ**.

Хѡ́дятъ 2, **хѡдѧ҃** 9 3 л. мн. ч. отъ **хѡдити**.

Хѡрѣ дат. п. 1 **хѡрѣ** мѣстн. п. 2, 5, **хѡры** род. п. ед. ч. 3, 5, **хѡ̆рꙋ҄** мѣстн. п. мн. ч. 8, **хѡрѫ** вин. п. ед. ч. 6 bis отъ **хѡра**.

Щє 3 л. ед. ч. отъ глаг. **хъщи** 12.

Цр҃ им. п. 13.

Цр҃ьми им. п. = **цѣсарьство мн.** 1, род. п. 2 bis, 8, 10, 12 (?), дат. п. (?) 11.

Ѣ(к)ѡ союзъ 9.

Ѩдꙋ нар. 2.

Фѡ(р)ѡсѣхъ мѣстн. п. ед. ч. 11 отъ сущ. **фѡрѡсъ**.

ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ ΠΙΣΤΙΚΟΣ.

Б. А. Панченко.

Въ коллекціи Института находятся три моливдовула слѣдующаго содержанія:

1) Крестообразная монограмма, означающая обычную легенду: κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ, и на оборотѣ читается † γρηγοριω β, πιστικω.

2) Крестъ на ступеняхъ и съ двумя поперечинами, кругомъ [† κε] βοηθ [ει τω σω δουλω]; и на обратной сторонѣ † ανδρεα β' πηστηκω.

3) Третья печать хуже сохранилась. На одной сторонѣ внутри круга, образованнаго обычной легендой по краямъ печати: κε βο(ηθει τω σω δουλ)ω, — стоитъ монограмма Ἰωάννῃ, на обратной сторонѣ читается βα πιστηκο τω [δ?] οξε [οτη?].

На этихъ трехъ моливдовулахъ мы встрѣчаемся съ малоизвѣстнымъ терминомъ βασιλικὸς πιστικός. Въ сигиллографіи онъ, повидимому, еще не наблюдался; по крайней мѣрѣ, онъ отсутствуетъ въ большомъ трудѣ Шлумбергера, и мы не нашли указанія на πιστικός въ доступной намъ спеціальной литературѣ, посвященной изученію такого рода памятниковъ.

Съ терминомъ πιστικός мы встрѣчаемся прежде всего въ юридическихъ источникахъ, именно въ 53-ей книгѣ Василикъ, содержащей т. н. морскіе законы.

Этой книгѣ Василикъ особенно посчастливилось за послѣднее время. Какъ извѣстно, ни одна рукопись Василикъ не содержитъ ихъ полнаго текста; въ томъ числѣ и 53-ю книгу

приходится возстановлять по Большому Синопсису Василикъ. Такъ поступалъ *Фабротъ* для Парижскаго изданія, послѣ критическихъ разысканій *Лаббея,* и въ нашемъ столѣтіи старшій *Геймбахъ,* пользуясь тщательнымъ собраніемъ фрагментовъ съ присоединеніемъ новаго рукописнаго матеріала у *Pardessus,* Collection des lois maritimes vol. I. Въ послѣднее время Цахаріэ обратилъ вниманіе на старинный латинскій переводъ бо́льшей части 53-ей книги, исполненный по утраченному, болѣе другихъ полному списку, и издалъ его, расположивъ примѣнительно къ нему уцѣлѣвшіе греческіе отрывки (Monatsberichte der kais. Akad. der Wissenschaften zu Berlin, 1881 Januar; Paralipomena ad Basilika, Th. Mommseno dedicata, Lipsiæ 1893). Извѣстный продолжатель трудовъ его Феррини открылъ въ одномъ Миланскомъ палимпсестѣ еще болѣе полный, къ тому же подлинный греческій текстъ значительной части свода Василикъ, какъ разъ особенно цѣлостный (но все таки не безъ пропусковъ) для морскихъ законовъ 53-ей книги. Basilicorum . . . vol. VII, editionis Heimbachianæ supplementum alterum, ediderunt Ferrini et Mercati, Lipsiae 1897.

Занимающая насъ книга Василикъ состоитъ изъ 8 титуловъ. Первые шесть содержатъ морскіе законы, заимствованные изъ Юстиніанова права — изъ Дигестъ, отчасти изъ Кодекса, т. е. изъ ихъ греческихъ переводовъ или indices. Объ этой литературѣ полнѣе всего изложено у Геймбаха: Basilicorum libri ed. Heimbach, Prolegomena (Lipsiæ 1870); болѣе другихъ сдѣлалъ въ этой области Рейцъ въ изданіи Өеофила. Седьмой титулъ содержитъ уставъ о торговлѣ виномъ, за которой слѣдило, какъ и за морской торговлей, вѣдомство эпарха. Λέοντος τοῦ σοφοῦ βιβλίον ἐπαρχικόν c. 19 (Nicole, Livre du prefêt, Genève 1893, p. 55; этотъ памятникъ разобранъ полностью въ статьѣ Ө. И. Успенскаго, помѣщенной въ V т. Извѣстій Института. Ср. Bas. VI, 4, 13). Наконецъ, въ качествѣ послѣдняго, 8-го титула вѣроятно еще самими редакторами Василикъ былъ помѣщенъ Родосскій морской усставъ, νόμος τῶν Ροδίων ναυτικός или просто ὁ Ρόδιος, древній сборникъ греческаго обычнаго права въ области мореходства и торговли; этотъ уставъ считался еще съ римскаго времени обязательнымъ, поскольку не противорѣчилъ императорскому законодательству, ср. Dig. XIV 2, 9, Leuncl. Jus Gr.-Rom. p. ult. и первыя статьи морскихъ законовъ почти во всѣхъ византій-

скихъ законникахъ; и включался въ составъ многихъ византійскихъ юридическихъ сборниковъ и руководствъ, начиная съ Appendix Eclogæ. По четыремъ спискамъ онъ изданъ критически въ упомянутомъ трудѣ *Pardessus,* Cellection des lois maritimes, vol. I.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ интересующему насъ термину πιστικός и къ обзору имъ выражаемыхъ реальныхъ отношеній; чтобы на основаніи главнымъ образомъ Василикъ и Синопсиса сдѣлать возможные выводы о происхожденіи термина πιστικός и о его техническомъ употребленіи.

Опредѣленіе πιστικός дано въ первыхъ статьяхъ 1 титула 53 кн. Василикъ. Πιστικός ἐστιν ὁ πᾶσαν ἐπιμέλειαν τοῦ πλοίου ἐπιτραπείς, Bas. LIII 1 ξγ'. Обращаемся къ латинскому подлиннику этихъ словъ въ Дигестахъ Юстиніана и читаемъ fr. 1 § 1 Dig. XIV. 1: magistrum navis accipere debemus, cui totius navis cura mandata est. Итакъ, πιστικός соотвѣтствуетъ термину magister navis Дигестъ; и очевидно представляетъ собою не переводъ латинскаго термина, ибо этимологическій смыслъ обоихъ терминовъ различный, но ихъ взаимное соотвѣтствіе, которое вызывалось тожествомъ выражаемыхъ ими отношеній. Это лица, кому порученъ корабль полностью, мандатаріи, довѣренные приказчики. Въ томъ же параграфѣ πιστικός опредѣляется и далѣе. Сказано, что если онъ поставитъ отъ себя другого πιστικός, перепоручитъ корабль третьему лицу, то это послѣднее будетъ обладать тѣми же правами, и заключенныя имъ сдѣлки будутъ одинаково обязательны для хозяина, поставившаго πιστικός; ибо, разъясняетъ законодатель, всѣ дѣйствія πιστικός обязательны для хозяина-мандатора. Πάντα γάρ τὰ πρακτέα τοῦ πιστικοῦ ἐπιγινώσκει ὁ ναύκληρος. Это положеніе тоже взято изъ Дигестъ, fr. 1 § 5 Dig. cit. Въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся и съ самымъ хозяиномъ, названъ онъ ναύκληρος, въ Дигестахъ — *exercitor.* Въ предыдущемъ § этотъ корреспондирующій, нужный намъ терминъ разъясняется ближе: Ναύκληρός ἐστιν ὁ πρὸς ὃν ἀνήκει ὁ πόρος τοῦ πλοίου καὶ τὰ συμβαίνοντα, предприниматель, которому принадлежитъ весь доходъ и котораго матеріально касаются всѣ судьбы корабля. Далѣе разъясняется: εἴτε δεσπότης ἐστὶν εἴτε παρὰ δεσπότου ἐν ὁμάδι τὸ πλοῖον ἐμισθώσατο, ἢ ἐπικαίρως ἢ διηνεκῶς, онъ можетъ быть или собственникомъ корабля или снять корабль

полностью (conductio generalis), пользуясь всѣми выгодами и неся всѣ убытки, притомъ на срокъ или на неопредѣленное время. Общественное положеніе хозяина можетъ быть различное, можетъ быть и лице граждански неполноправное — женщина, малолѣтній, рабъ; всѣ эти лица при соблюденіи извѣстныхъ условій могли вести торговыя дѣла отъ своего имени и отвѣчая своимъ личнымъ имуществомъ. И такихъ хозяевъ — exercitores или ναύκληροι — могло быть нѣсколько для одного корабля. Каждый изъ нихъ можетъ поставить πιστικός, и за заключенныя послѣднимъ обязательства онъ отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, обязуя другихъ лишь въ размѣрѣ своей доли. Basil. LIII 1, μη′ cf. κθ′. νϛ′. νη′. Все это подробно развивается Ульпіаномъ и другими комментаторами эдикта, фрагменты которыхъ собраны въ титулѣ Дигестъ объ отвѣтственности exercitores: Dig. XIV tit. 1 de exercitoria actione.

Отношеніе между exercitor (ναύκληρος) и magister navis (πιστικός) въ Дигестахъ и Василикахъ разработаны послѣдовательно, какъ случай mandatum. Exercitor отвѣчаетъ своимъ имуществомъ за предпріятія его magister navis, какъ всякій хозяинъ за дѣйствія своего управляющего: ὁ προεστησάμενος τὸν πιστικὸν τοῦ πλοίου ἐνάγεται, ὥσπερ ὁ προστήσας πρωτεύοντα ἐργαστηρίου ἢ πραγματείας, Bas. cit. λ′. Dig. cit. fr. 1 pr. Аналогія между снаряженіемъ корабля и другимъ торговымъ или промышленнымъ предпріятіемъ проводится неоднократно. Однако если exercitor поставилъ пистика для опредѣленной операціи, то пистикъ не долженъ переступать даннаго ему полномочія подъ страхомъ личной отвѣтственности; этому не противорѣчитъ возможность передачи пистикомъ своихъ правъ (въ отсутствіе хозяина), если даже хозяинъ воспретилъ подобную передачу, ср. Bas. cit. μ′ и γ′, Dig. c. § 12 и 5. Если exercitor нагрузилъ корабль чѣмъ либо запрещеннымъ, то корабль конфискуется; если magister сдѣлалъ это въ отсутствіе хозяина — предпринимателя, то онъ вмѣстѣ съ командою отвѣчаетъ за преступленіе своимъ личнымъ имуществомъ. Dig. XXXIX 4, fr. 11 § 2, Bas. cit. ξθ′.

Вообще за преступленіе команды корабля exercitor привлекается къ отвѣтственности, такъ какъ ему принадлежитъ надзоръ (cura) за ихъ добросовѣстностью; по гражданскимъ искамъ, предъявляемымъ къ магистру или командѣ по ихъ личнымъ дѣламъ, exercitor не отвѣчаетъ. Dig. XIV 1 § 2.

Magister или πιστικός ставится для отдачи кораблей въ наемъ подъ перевозку товаровъ и людей (locando), также для сбора платы за провозъ (vecturis exigendis), или же для одной изъ двухъ названныхъ операцій; кромѣ того для покупки всего нужнаго для снаряженія корабля и для расчетовъ съ командой; наконецъ, иногда для продажи и покупки товаровъ предпринимателя. Могло случиться, что хозяинъ ставилъ во главѣ корабля нѣсколькихъ magistri, или для дѣйствій сообща (non divisis officiis), или поручая каждому одну изъ названныхъ операцій. Dig. XIV 1, 1 §§ 3, 8, 10, 12 и 13. Въ позднѣйшее время пистику поручалось, повидимому, только управленіе кораблемъ и покупка потребныхъ принадлежностей, судя по схоліи въ одной изъ Парижскихъ рукописей Синопсиса, Paris. Gr. 1351 (Pardessus, op. c., I p. 135; Basil. ed. Heimbach t. V. p. 113 nota *m*): θεμάτισον πιστικὸν ἀφ' ἑαυτοῦ τὰ ἐξάρτια μόνα τοῦ πλοίου ἀγοράσαντα; хотя въ самомъ текстѣ Василикъ и Синопсиса повторяется § 3 cit. изъ Дигестъ.

Изложенныя отношенія и терминологія до сихъ поръ ясны. Чѣмъ являются въ Дигестахъ exercitor и magister, тѣмъ въ Василикахъ, кн. 53 тит. 1, опредѣлены намъ ναύκληρος и πιστικός. Какъ терминъ πιστικός не представляетъ собою дословнаго перевода стариннаго римскаго magister navis (засвидѣтельствованнаго въ классической литературѣ — у Вергилія, Ливія, ср. Forcellini Lex. s. v.); такъ и ναύκληρος не есть переводъ для exercitor Дигестъ. Для комментаторовъ „Постояннаго“ эдикта, — Ульпіана, Павла и другихъ, exercitor выражаетъ юридическое отношеніе, но не соціальное положеніе. Коренное греческое слово ναύκληρος выражаетъ собою, наоборотъ, профессію корабельщика, хозяина корабля, и ему соотвѣтствуетъ латинское navicularius. И эти послѣдніе термины такъ очевидно близки, даже по созвучію, что редакторы Юстиніана употребляли безразлично navicularius и nauclerus (т. е. ναύκληρος) для обозначенія членовъ извѣстной профессіональной корпораціи, состоявшей на службѣ государства по хлѣбнымъ и вообще продовольственнымъ операціямъ. Ср. Bas. cit. ρέ· τὸ σωματεῖον τῶν ναυκλήρων = corpus nauclerorum C. J. VI 62, 1; объ этой корпораціи ср. вообще Cod. Theod. l. XIII, Cod. Just. l. X 1, а изъ спеціальной литературы ср. Waltzing, Etude historique sur les corporations professionnelles ches les Romains, во II т. (Bruxelles, 1896); Matthiass, Zur Geschichte und Organisation

der römischen Zwangsverbände. Rostock, 1891 (aus der Festschrift für Dr. v. Buchka).

Въ сводѣ Θеодосія ясно различаются navicularii и magistri navis. См. Cod. Th. XIII 5, 37: naviculario magistrove navis; C. Th. XIII 9, 3. Въ второмъ текстѣ имп. Граціанъ установляетъ порядокъ, кого подвергать допросу въ случаѣ крушенія корабля съ казеннымъ хлѣбомъ: въ случаѣ заявленія объ этомъ со стороны navicularius допрашивать сначала magister, за тѣмъ команду или ихъ родныхъ. Circa magistros navium, quibus est sententia plenior, immoretur. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что магистры всегда были при кораблѣ, но нельзя того сказать о navicularius или exercitor Дигестъ.

Три послѣднія статьи нашего (1-го 53 кн.) титула Василикъ заимствованы изъ Кодекса Юстиніана и передаютъ nauclerus ихъ подлинника черезъ ναύκληρος. Въ латинскомъ текстѣ en regard для этихъ §§ Феррини, не исправляя стариннаго перевода, оставилъ терминъ exercitor, хотя въ латинскомъ подлинникѣ читается, какъ сказано, navicularius и nauclerus; такъ что создается послѣдовательность терминологіи тамъ, гдѣ ея нѣтъ.[1]) Въ упомянутыхъ §§ передъ нами обнаруживается, что navicularius, слово взятое изъ жизни и означающее профессію или соціальное положеніе, послужило посредникомъ между exercitor Дигестъ и ναύκληρος греческихъ переработокъ законодательства Юстиніана. Это говоритъ въ пользу происхожденія и πιστικός такимъ же путемъ: было взято слово изъ греческой живой рѣчи для передачи латинскаго

[1]) Bas. LIII t. 1, πέ. εἰ καὶ παρὰ γυναικὸς προβληθῇ ναύκληρος . . . говорится о правѣ женщины ставить довѣреннаго во главѣ своего корабля. Въ пользу того, что подъ ναύκληρος разумѣется здѣсь не что иное какъ πιστικός, говоритъ во 1) обычная параллель съ назпаченіемъ προεστὼς ἐργαστηρίου, 2) самый смыслъ статьи: говорится о томъ, что сдѣлки ναύκληρος обязательны для γυνή; если бы разумѣлась владѣлица корабля и exercitor, то какъ можно было бы говорить объ его отвѣтственности передъ нею за сдѣлки его съ третьимъ лицомъ? Exercitor ведетъ дѣло на свой страхъ; и если онъ не самолично владѣлецъ корабля, то заключаетъ съ владѣльцемъ договоръ locatio — conductio.

Притомъ же сказано въ текстѣ: προβληθῇ . . προβάληται — очевидно тоже самое, что προστησάμενος (§ λ') и ἐπιτράπῃ (§ μ'), т. е. говорится о mandatum. Феррини и здѣсь не поправилъ стараго перевода и оставилъ: a muliere præpositus est exercitor, даже не принявъ во вниманіе, что въ соотвѣтственномъ латинскомъ текстѣ Cod. IV 25, 4 стоитъ magister. Въ этомъ мѣстѣ Cod. Just. имѣемъ примѣръ интерполяціи magister navis вмѣсто nauclerus: юристы VI в. поправляли языкъ императорскаго указа на болѣе точную юридическую терминологію. Другой подобный случай представляютъ C. Th. XIII 9, 3 и Cod. Just. XI 6, 3, 2, гдѣ ad fectionibus naviculariorum C. Th. замѣнено черезъ liberis nautarum vel magistrorum; за это Готофредъ ad l. осуждаетъ „Трибоніана“, ed. Ritter, t. V p. 121.

термина Дигестъ, и притомъ именно въ тотъ періодъ, когда юристы Восточной Имперіи перелагали латинское законодательство Юстиніана на греческій языкъ въ своихъ многочисленныхъ indices для цѣлей преподаванія и практики. Въ дальнѣйшемъ встрѣтимся съ другими данными въ пользу такого предлоложенія.

Второй титулъ 53 кн. Василикъ для насъ не интересенъ; третій говоритъ объ отвѣтственности при утратѣ товара и при крушеніи корабля. Въ случаѣ потери груза владѣльцы имѣютъ право предъявить искъ противъ πιστικός, Bas. LII 3, α′ и β′ = Dig. XIV 2, 2 (именно actionem rerum jactarum или же ex conducto, т. е. за нарушеніе договора); въ отношеніи къ грузовладѣльцамъ πιστικός признается непосредственнымъ отвѣтчикомъ, за котораго въ свою очередь отвѣчалъ мандаторъ. И опять §§ ε′ и ιδ′ Dig. cit. по изданію Феррини не вѣренъ переводъ ναύκληρος черезъ exercitor, такъ какъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ Дигестъ читается magister и nauta; если бы Феррини поставилъ nauclerus, то избѣжалъ бы неточности перевода.

Въ этихъ и ранѣе указанныхъ §§ Василикъ встрѣчаемся уже съ инымъ словоупотребленіемъ: именно читаемъ ναύκληρος, хотя бы ожидали πιστικός, сообразно смыслу латинскаго подлинника и терминологіи греческихъ коментаторовъ Дигестъ, удержанной въ 1-мъ титулѣ той же 53-ей книги Василикъ. Полагаемъ, что такой замѣнѣ или интерполяціи способствовало вліяніе Родосскаго морскаго устава. Какъ доказалъ Миланскій палимпсестъ въ противность мнѣнію Цахаріэ, названный уставъ входилъ въ самый корпусъ Василикъ, не былъ вставленъ переписчиками (см. praefatio Феррини); слѣдовательно, вліяніе его терминологіи на первые, сосѣдніе съ нимъ титулы той же книги Василикъ, редактированные на основѣ Дигестъ, вполнѣ возможно. Въ немъ именно мы не встрѣчаемъ терминологіи Дигестъ, и реальныя отношенія между главными участниками торговаго движенія — иныя. Въ Родосскомъ уставѣ терминъ πιστικός не встрѣчается, наоборотъ изъ выраженій: ἔπλευσεν ὁ ναύκληρος πιστευθεὶς τὸ πλοῖον (§ η′) или ἐάν τις παράθηται ἐν πλοίῳ ἢ ἐν οἴκῳ, γνωστῷ καὶ πιστικῷ παρατιθέτω ἐπὶ μαρτύρων τριῶν (§ ιδ′, тоже въ Epanag. ad Proch. mut.), — изъ этихъ фразъ возможно заключить, что техническій смыслъ слова πιστικός не былъ извѣстенъ тогда, когда былъ записанъ главный

текстъ Родосскихъ мореходныхъ обычаевъ. Во главѣ корабля находимъ ναύκληρος уже въ иномъ значеніи, нежели въ титулахъ, взятыхъ изъ греческихъ indices Дигестъ. Это уже не предприниматель-exercitor, но лицо, стоящее во главѣ корабля, первое лицо и начальникъ экипажа, и при томъ не мандатарій-πιστικός, но получающій опредѣленную долю прибылей капитанъ. Сколько кто изъ экипажа получаетъ, сказано въ началѣ Родосскаго устава, и во главѣ всѣхъ стоитъ ναύκληρος (ср. οἱ ναῦται ἅμα τῷ προναυκλήρῳ, § η'), получающій 2 доли, затѣмъ рулевой или штурманъ — $1\frac{1}{2}$ доли, — вплоть до сторожа, получающаго въ 4 раза менѣе, чѣмъ ναύκληρος. Навклиръ — отвѣтственный начальникъ, онъ хозяинъ корабля. Однажды упомянутъ владѣлецъ корабля какъ получающій стоимость своего судна,если оно потерпитъ крушеніе, въ отсутствіе капитана и команды на берегу; но въ случаѣ гибели судна по винѣ грузовладѣльца, стоимость возмѣщается имъ навклиру непосредственно, Basil. LIII t. 8, ιθ'. Родосскій уставъ посвященъ не отношеніямъ между владѣльцемъ или хозяиномъ корабля и поставленнымъ имъ капитаномъ, какъ титулы взятые изъ Дигестъ въ значительной своей части, но отношеніямъ между ναύκληρος какъ представителемъ корабля и купцомъ, вступающимъ съ нимъ въ договоръ, именно въ формѣ найма (μίσθωσις) и товарищества (κοινωνία, χρεοκοινωνία) Bas. cit. κζ', ср. ιζ', κα'. Цѣлый рядъ статей Родосскаго устава посвященъ разбору возможностей, возникающихъ на почвѣ договора между купцомъ (ἔμπορος) и капитаномъ (ναύκληρος); въ подробности мы не войдемъ. См. νόμ. ναυτ., § 19 sqq.

Такимъ образомъ, между порядками Родосскаго обычнаго права и между ученіемъ римскихъ юристовъ-комментаторовъ эдикта, дошедшимъ черезъ посредство Дигестъ до читателей Василикона, представляетсся въ нашемъ вопросѣ существенная разница. Въ одномъ случаѣ является ναύκληρος, какъ хозяинъ корабля, и его контрагентъ или товарищъ-купецъ (ἔμπορος); во второмъ случаѣ торговымъ предпринимателемъ является exercitor, въ Василикахъ кн. 53, тит. 1. названный также ναύκληρος, снаряжающій корабль и ставящій своего мандатарія — magister или πιστικός. Въ первомъ случаѣ функціи хозяина корабля — главнаго орудія торговаго обмѣна — и функціи торговаго предпринимателя-капиталиста, являются раздѣленными между двумя лицами, состоящими взаимно въ договорныхъ

отношеніяхъ. Во второмъ случаѣ онѣ сопряжены въ лицѣ exercitor, ставящаго для управленія корабля своего приказчика; между ними нѣтъ договора. Порядкамъ Родосскаго устава предстояла будущность, и на тѣхъ же существенныхъ началахъ развилась морская торговля Запада (см. объ этомъ общее введеніе Пардессю въ началѣ 1 тома Collection des lois maritimes[1]); напротивъ, πιστικοί являются обломкомъ римской крупной торговли и хозяйства временъ Аттики или Сенеки.

Какова была въ нашемъ случаѣ терминологія тѣхъ греческихъ ученыхъ юристовъ, которые переработали законодательство Юстиніана въ переводахъ съ разъясненіями или въ сокращеніяхъ съ учебной и практическою цѣлью, — непосредственныхъ данныхъ не имѣемъ. Но такъ какъ установлено, что редакторы Василикъ пользовались именно этой греческой ученой литературой, а не подлиннымъ текстомъ Дигестъ и прочихъ памятниковъ латинскихъ, то является вѣроятнымъ предположеніе, что интересующія насъ статьи Василикъ, происходящія изъ Дигестъ, были приняты редакторами вмѣстѣ съ ихъ готовой греческой терминологіей, и слѣдовательно, слово πιστικός въ его техническомъ значеніи было извѣстно юристамъ до IX вѣка. Въ пользу такого предположенія говоритъ само содержаніе названныхъ статей, т. е. перешедшихъ въ Василики изъ Дигестъ, гдѣ не замѣтно никакихъ матеріальныхъ измѣненій, добавленій новаго или пропусковъ стараго. То, что взято изъ Дигестъ, эксцерпировано безъ существенныхъ перемѣнъ, кромѣ редакціонныхъ.

Судьбы термина πιστικός въ памятникахъ, представляющихъ изъ себя сокращенія Василикъ или отчасти основанныхъ на этомъ сводѣ, указываютъ на несоотвѣтствіе πιστικός съ измѣнившимися условіями торговли и на торжество терминовъ и отношеній Родосскаго устава.

Въ такъ называемомъ Большомъ Синопсисѣ Василикъ, составленномъ въ половинѣ X вѣка[2]), законамъ морской торговли посвящена первая глава на букву N.

---

[1]) Въ библіотекѣ Института находится копія, къ сожалѣнію весьма плохая и поздняя, новогреческихъ морскихъ законовъ Νόμος παραθαλάσσιος: п. с. Ἡ συνήθεια τῆς ναυτιλίας ἐγένετο μετὰ τὸν κατακλυσμιόν. Описаніе ея можетъ быть сообщено при другомъ случаѣ. Въ основаніи лежитъ западный источникъ, вродѣ Rooles d'Oléron; опредѣлить его нельзя, не имѣя теперь подъ руками названнаго основного труда Пардессю.

[2]) Изданія: Leunclavius, LX librorum Βασιλικῶν . . . Ecloge sive Synopsis. Basileæ, 1575; Zachariæ, Jus Græco-Romanum, t. V. Lipsiæ, 1869.

Съ 21 § названной главы начинаются выписки изъ Родосскаго устава, помѣщеннаго, какъ сказано, въ корпусѣ Василикъ въ качествѣ 8-го титула 53 книги. Первые 20 параграфовъ содержатъ извлеченія изъ независящихъ непосредственно отъ Родосскаго Устава титуловъ 53 книги Василикъ, именно изъ первыхъ трехъ, заимствованныхъ изъ Дигестъ.

Кромѣ общаго заглавія, терминъ πιστικός уцѣлѣлъ въ 1, 5 и 12 §§. Съ 1 § начинаются эксцерпты изъ 1 тит. Василикъ, и онъ имѣетъ глоссу (ναύκληρός ἐστι — πιστικός ἐστι), если самолично не представляетъ глоссу; § 5 является хотя не буквальной передачей fr. 1 Dig. XIV, 1, но содержитъ ядро ученія о взаимныхъ отношеніяхъ exercitor и magister, при этомъ § есть глосса (προβάλλεται ὁ πιστικός), и весь этотъ §. дошелъ на поляхъ списка Синопсиса Paris gr. 1351 (Pardessus, I 185 n., см. Heimbach Basil. V p. 113 n. 1.); наконецъ, § 12 представляетъ начало выписокъ изъ 3-го титула Bas. LIII, и въ концѣ его нѣсколько неожиданно читаемъ объ искѣ противъ πιστικός (въ подлинномъ текстѣ Василикъ по изданію Ferrini, и въ слѣдующей статьѣ), хотя выше, § 6 Syn. cit., подобные иски предписывалось направлять — при тѣхъ же самыхъ матеріальныхъ условіяхъ и на томъ же самомъ юридическомъ основаніи — противъ ναύκληρος. Наличность этихъ данныхъ вызываетъ предположеніе, что по этимъ первымъ двадцати параграфамъ Синопсиса прошлась чья-то редакторская рука для согласованія болѣе древней, соотвѣтственной Дигестамъ, терминологіи съ слѣдующими параграфами Синопсиса, съ терминами и порядками обычнаго права по Родосскимъ записямъ, но позднѣйшій глоссаторъ возстановилъ коегдѣ терминъ πιστικός на основаніи самихъ Василикъ. Изъ остальныхъ параграфовъ, 4-ый хотя неупоминаетъ пистика но будучи основанъ на Дигестахъ (l. 1 § 2 Dig. XIV, 1), трактуетъ объ отвѣтственности предпринимателя за нанятыхъ имъ nautae и употребляетъ слово ναύκληρος въ смыслѣ exercitor Дигестъ. Прочіе §§ Синопсиса, взятые изъ Bas. LIII cit. 1, имѣютъ своей отдаленной основой не Dig. XIV, 1. de exerc. actione, какъ перечисленные, но §§ 2 и 3, равно какъ 6, проистекаютъ изъ того же трактата Ульпіана, хотя фрагменты, послужившіе имъ основою, были помѣщены въ другой связи (Dig. IV 9, 1 и X 2 VII, un.). Изъ нихъ 3-ій къ дѣлу не относится, а 2 и 6 передаютъ словомъ ναύκληρος опре-

дѣленный въ трактатѣ Ульпіана терминъ exercitores. Для 7-го источникомъ указывается не Ульпіанъ, но фрагментъ императорскаго указа 293 г., помѣщенный въ Cod. Just. IV, 25, 4; однако, или фрагментъ въ текстѣ Свода Юст. подвергся сокращенію, или текстъ Синопсиса искаженъ вставкою (Synopsis, ed. Leuncl. p. 449, ed. Zach. p. 511). Здѣсь словомъ ναύκληρος переданъ латинскій magister navis, такъ что въ этомъ §. мы встрѣчаемся уже съ греческой терминологіей и съ другими отношеніями, не отвѣчающими опредѣленнымъ въ трактатѣ Ульпіана.

Изъ числа эксцерптовъ Синопсиса, заимствованныхъ изъ втораго титула 53 кн. Василикъ, замѣчателенъ для насъ 10-ый, гдѣ ναύκληρος употреблено въ смыслѣ ναῦται. Въ соотвѣтственномъ мѣстѣ Дигестъ (Dig. l. X 2, 29 § 2) стояло nautae. Очевидно, слово ναύκληροι и здѣсь замѣнило собою терминъ ναῦται, какъ видно также изъ другой перифразы того же отрывка въ schol. Basil. LX 5, 2 (Heimbach V p. 337) и какъ читается въ слѣдующихъ словахъ того же параграфа Синопсиса. Въ 12 § Синопсиса, какъ было сказано, удержался терминъ πιστικός; вѣроятно потому, что содержаніе фразы не благопріятствовало замѣнѣ его другимъ: Syn. p. 513 Zach., 450 Leuncl.: ἁρμόζει δὲ κατὰ τοῦ πιστικοῦ τοῖς δεσπόταις τῶν ἀποβληθέντων ἀγωγή. Ср. Dig. XIV 2, 2 § 2: ex conducto dominos rerum amissarum cum nauta, id est cum magistro acturos. Этотъ текстъ Дигестъ, кстати сказать, взятъ изъ комментарія Павла къ эдикту. Такъ какъ и вышеупоминавшійся трактатъ Ульпіана былъ посвященъ объясненію эдикта, и словоупотребленіе обоихъ юристовъ сходно, то вѣроятно ихъ терминологія основана на ихъ общемъ источникѣ.

Параграфы 13—20 Синопсиса не представляютъ для насъ интереса; далѣе слѣдуютъ отрывки изъ Родосскаго устава.

Изложенное показываетъ намъ, что основанные на Дигестахъ (или на эдиктѣ) параллельные термины ναύκληρος (exercitor) и πιστικός (magister navis) лишь отчасти удержались въ текстѣ Синопсиса.

Греческое словоупотребленіе и народные и правовые обычаи Родосскаго устава вытѣсняютъ теоріи юристовъ, въ текстахъ появляются ἔμπορος-купецъ и ναύκληρος-капитанъ. Такъ какъ Синопсисъ былъ редактированъ въ серединѣ X вѣка, и такъ какъ въ самомъ его текстѣ замѣчается колеблющееся

словоупотребленіе (ср. §§ 7, 10 съ 12); то еще при императорахъ Армянскаго (Македонскаго) дома нашъ терминъ началъ выходить изъ употребленія.

Однако и Малый Синопсисъ или Τὸ μικρὸν κατὰ στοιχεῖον содержитъ (II, ριθ', Zach. J. GR. II p. 215) слѣдующее опредѣленіе: πιστικός λέγεται πᾶς ᾧ ἐμπιστεύονταί τινα πράγματα καὶ διὰ τοῦτο καὶ τὸν κριθέντα ἀξιόπιστον εἰς φυλακὴν πλοίου πιστικὸν λέγουσι τῆς νηός. Авторъ этой глоссы, повидимому, уже неясно представлялъ себѣ техническій смыслъ объясняемаго имъ термина, превращая мандатарія, довѣреннаго агента, въ какого-то хранителя корабля. Это самое опредѣленіе попало и въ текстъ Шестикнижія Арменопула II 11, 7 (не во всѣхъ, однако, спискахъ; § 6 ibid. заимствованъ чрезъ посредство обоихъ Синопсисовъ изъ Bas. LIII 1, 16), и въ приложенныя къ нему глоссы (Append. Harmen. tit. III c 18, p. 798 ed. Heimb.). Врядъ ли, однако, это опредѣленіе было внесено въ текстъ Шестикнижія самимъ его авторомъ; кромѣ несогласія дошедшихъ списковъ относительно приведеннаго текста, это видно и изъ того обстоятельства, что въ неизданномъ (списокъ есть въ библіотекѣ Института) новогреческомъ переводѣ Шестикнижія, исполненномъ Θ. Зигомалою въ 1605 г., названной статьи, равно какъ обѣихъ сосѣднихъ не оказывается.

Въ другихъ позднѣйшихъ юридическихъ текстахъ встрѣчаемъ терминологію Родосскаго устава, — купца и его контрагента, ναύκληρος въ смыслѣ хозяина корабля и капитана, напр. въ Ecloga ad Proch. mut. XL 22 (Zach. J. Gr.-R. vol. IV).

Такимъ образомъ мы видимъ, что терминъ πιστικός въ его техническомъ значеніи изъ области морской торговли тѣсно связанъ съ Юстиніановымъ правомъ и попалъ въ Василики изъ греческихъ переложеній Дигестъ. Выражаемыя имъ отношенія хозяина и уполномоченнаго, въ примѣненіи къ представителямъ капитала и судоходства, вытѣсняются договорными отношеніями купца и капитана, причемъ послѣдній могъ зависѣть отъ третьяго лица — владѣльца корабля; эти договорныя отношенія, судя по даннымъ юридическихъ памятниковъ, къ X вѣку становятся преобладающими не только въ торговой практикѣ, но и въ области законодательства. Это былъ немаловажный фазисъ въ исторіи торговаго обмѣна, совершавшагося на Левантѣ преимущественно морскимъ путемъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что эти старинныя отношенія торговли по довѣрію исчезли въ IX—X столѣтіяхъ. Во первыхъ, противъ такого предположенія говоритъ выше приведенное опредѣленіе πιστικός, попавшее, какъ было сказано, и въ позднѣйшее руководство Арменопула; но существуютъ и болѣе прямыя данныя. Въ монастырскомъ хозяйствѣ, которое и на Западѣ и на Востокѣ вообще отличалось консервативнымъ характеромъ своихъ формъ, учрежденіе πιστικός продолжало существовать и въ XI, и въ XII в., судя по нѣсколькимъ текстамъ изъ Патмосскаго архива. Въ своемъ завѣщаніи св. Христодулъ (1093 г.) оставляетъ монастырю четыре корабля, изъ которыхъ „κουτρούβιν πιστικευόμενον παρὰ Ἰωάννου τοῦ Παγκᾶ, ἔχον νομίσματα . . . διακόσια χιάτα“, и второй былъ „πλατίδιον δικάταρτον πιστικευόμενον παρὰ Βασιλείου Εὐριπιώτου τοῦ Μονοιωάννου, ἀπερχομένου νῦν . . . . νομίσματα 42 ὑπέρπυρα“. Третье малое судно было, напротивъ, отряжено для монастырской внутренней службы. Такимъ образомъ, передъ нами два монастырскихъ пистика, изъ которыхъ каждому довѣрено по судну, и черезъ нихъ велась значительная торговля обители св. Іоанна Богослова, многими хрисовулами избавленная отъ всякихъ пошлинъ и сборовъ. Оба эти πιστικεύοντες, судя по именамъ ихъ, не принадлежатъ къ братіи монастыря. Не извѣстно съ достовѣрностью, что означаютъ собою обѣ цифры: 200 хіосскихъ золотыхъ для перваго судна и 42 иперпира для второго, такъ какъ текстъ документа испорченъ передъ обѣими цифрами и нельзя быть увѣреннымъ, правильно ли чтеніе ἀπερχομένου передъ второй изъ нихъ. Приходится обратиться къ посторроннимъ аргументамъ: эти цифры не означаютъ какого либо ежегоднаго дохода и особенно взноса съ стороны пистиковъ, которые дѣйствуютъ по довѣрію, а не по контракту съ опредѣленной суммой платежа. На это указываетъ помимо всего прочаго и слѣдующее мѣсто того же самаго документа (p. 84): τὰ δὲ πλοῖα τά ἀνωτέρω εἰρημένα ὀφείλουσι λογαριασθῆναι ὅσα ἂν ταξείδια ποιήσουσιν οἱ πιστικεύοντες ταῦτα, παρὰ τοῦ χαριστικαρίου καὶ τῶν μοναχῶν. Лицо, которому св. Христодулъ пожелалъ оставить въ собственность основанный имъ Патмосскій монастырь, вмѣстѣ съ братіей послѣдняго, должно было контролировать торговые обороты обоихъ названныхъ монастырскихъ пистиковъ, а именно вести счетъ (λογαριασθῆναι), сколько пистики совершили рейсовъ (ταξείδια); если же контроль вла-

дѣльцевъ ограничивался этимъ, то должно было быть заранѣе установлено, какой доходъ шелъ монастырю съ каждаго рейса извѣстнаго судна; подробности же ихъ, недочеты и переборы противъ заранѣе опредѣленной средней суммы, повидимому, ускользали отъ контроля и ложились на пистиковъ или составляли ихъ личный доходъ. На основаніи этого послѣдняго текста должно предположить, что указанныя выше цифры 200 хіатовъ и 42 перпера являются подобными суммами дохода съ каждаго рейса извѣстнаго судна и въ пользу казны монастыря. Не могло быть никакого договора между πιστικεύων и владѣльцами; торговать по довѣрію εἰς τὸ πιστόν, противополагается торговлѣ на основаніи контракта, ἐπὶ πάκτου, въ послѣдующихъ актахъ того же самаго Патмосскаго архива, гдѣ говорится о безпошлинной торговлѣ монастырской флотиліи: εἴτε ἐπὶ πάκτου ἢ εἰς τὸ πιστὸν ἐνεργοῦσιν (суда обители), Miklosich-Mueller VI p. 120, 128; cf. p. 118: δίδοσθαι . . . ἀπὸ τοῦ ἀκροστίχου τῆς νήσου Κρήτης . . . λίτρας δύο . . . παρὰ [τῶν κατὰ] καιροὺς ἐνεργούντων ἐν τῇ τοιαύτῃ νήσῳ, εἴτε ἐπὶ πάκτου εἴτε εἰς τὸ πιστὸν ἐνεργοῦσιν. Изъ этихъ, нѣсколько позднѣйшихъ документовъ, относящихся къ XII вѣку, видно, что рядомъ съ πιστικοί являются и въ монастырскомъ хозяйствѣ другого рода агенты, арендующіе суда за опредѣленную сумму. Новыя отношенія открываютъ дорогу новымъ терминамъ, въ данномъ случаѣ давно обычнымъ въ частновладѣльческомъ торговомъ мореходствѣ. Въ XII в. упоминаются навклиры монастыря, Mikl.-Mueller, VI p. 99; и притомъ изъ числа монастырской братіи: τοῦ ναυκλήρου κυροῦ Ἀντωνίου ibid. p. 123 a. 1188, въ послѣднемъ случаѣ уже разумѣется особое лицо изъ братіи, поставленное во главѣ этой отрасли монастырскаго хозяйства.

Возвращаясь къ нашимъ моливдовуламъ, мы получаемъ для впервые, повидимому, засвидѣтельствованнаго въ нихъ βασιλικὸς πιστικός достаточно полное опредѣленіе, но оно можетъ быть для него слишкомъ узкимъ: нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы усвоить для βασιλικὸς πιστικός значеніе царскаго mandatarius спеціально въ области судоходства и морскихъ торговыхъ операцій. Правда, такое опредѣленное значеніе въ высшей степени вѣроятно; оно весьма удачно дополняло бы извѣстія (напр., у Прокопія) о казенныхъ или императорскихъ торговыхъ предпріятіяхъ, связанныхъ по преимуществу съ пропитаніемъ столицы; къ тому же въ Дигестахъ отношенія между

exercitor и magister navis были тщательно разработаны въ виду ихъ важности для ministerium annonæ (ср. Dig. XIV 1, 1 § 17; § 20). Однако припомнимъ вышеприведенное опредѣленіе Малаго-Синопсиса и Арменопула: πιστικός называется всякое довѣренное лицо, въ частности то, кому довѣренъ корабль; равно какъ текстъ изъ Родосскаго устава и Ecloga ad prochiron mutata о человѣкѣ γνωστῷ καὶ πιστικῷ, кому можно сдать деньги на храненіе: то не указываютъ ли эти тексты на полную возможность болѣе широкаго смысла πιστικός? Такое нетехническое значеніе слова отмѣчено агіологическими источниками; намъ извѣстно, во-первыхъ, по Thesaurus linguæ graecæ, два текста изъ VII вѣка: Іоаннъ Мосхъ въ своимъ Лимонарѣ гл. 79 (Migne Patr. Gr. LXXXII pars 3, col. 2936—7) сообщаетъ о чудѣ въ домѣ одного богатаго негоціанта (πραγματευτής), имѣвшаго у себя πιστικός и пославшаго послѣдняго по дѣламъ въ Константинополь, (τὸν πιστικὸν πεμφθῆναι ἐν Κωνσαντινουπόλει διὰ πραγματείαν). Патр. Софроній передаетъ въ описаніи чудесъ свв. Кира и Іоанна, гл. 46 (въ Thes. не точная ссылка, Migne ibid. col. 3597 B.), какъ святые послали одного александрійца въ Іерусалимъ и поручили ему взять деньги на дорогу отъ пистика, завѣдывавшаго магазиномъ египтянина купца: „Ἄπελθε γάρ, φασίν, εἰς τὴν Φρόντωνος καλουμένην ἀπόστασιν (ἀποθήκην δὲ λέγονται τὴν ἀπόστασιν ἐν ἄλλαις χώραις καὶ τόποις καὶ πόλεσιν) κἀκεῖσε Θωμᾶν τὸν τοῦ Κυμινᾶ τοῦ Αἰγυπτίου πιστικὸν ἐπιζήτησον“.

Но у насъ есть и третій текстъ, также ранняго времени, отъ конца VI-го вѣка или начала VII-го, въ житіи Іоанна Милостиваго, патр. Александрійскаго, написанномъ Леонтіемъ Кипрскимъ, гл. 272. Житіе передаетъ, что суда Александрійской церкви во время бури потеряли свой грузъ; и по прибытіи кораблей въ Александрію ὅλοι οἱ πιστικοὶ καὶ οἱ προναύκληροι ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ προσέφυγον. Возможно, что πιστικοί въ этомъ раннемъ текстѣ соотвѣтствуетъ magistri naves Дигестъ, и это обстоятельство говоритъ въ пользу техническаго смысла термина πιστικός, именно такого, съ которымъ мы встрѣтились въ 1-мъ титулѣ 53 кн. Василикъ. Въ одномъ изъ латинскихъ варіантовъ житія Николая Чудотворца упоминается о „præfecti quibus cura navium commissa erat, отказывавшихся выдать хлѣбъ на пропитаніе Ликійцевъ „pro eo quod publicum esset frumentum Constantini imperatoris“. Analecta Bollandiana t. II (1883), p. 145.

Эта версія яснѣе, чѣмъ соотвѣтственные греческій и славянскій текстъ житія, иллюстрируетъ magistri navium Дигестъ и βασιλικὸν πιστικόν нашихъ моливдовуловъ. Указаніемъ на житіе Николая мы обязаны Ѳ. И. Успенскому.

Этимъ терминомъ, взятымъ изъ греческаго коммерческаго обихода, переводчики Дигестъ замѣнили magister navis подлинника. Но дѣлать обратный выводъ, что πιστικός означаетъ только magister navis, конечно, нельзя. Что означаетъ βασιλικὸς πιστικός нашихъ моливдовуловъ, за неимѣніемъ дальнѣйшихъ данныхъ, нельзя сказать вполнѣ опредѣленно, но ничто не препятствуетъ предположенію, что βασιλικὸς πιστικός нужно понимать въ смыслѣ разсмотрѣнныхъ юридическихъ источниковъ и Патмосскихъ документовъ; болѣе того, пока не имѣется достаточныхъ основаній, нельзя сомнѣваться въ вѣроятности этого отожествленія.

Съ достовѣрностью обнаруживается наличность πιστικός, и притомъ вѣроятно въ техническомъ смыслѣ, въ эпоху, предшествующую редакціи Василикъ; агіологическіе тексты дѣлаютъ это еще болѣе очевиднымъ. Такой выводъ подтверждается и нашими моливдовулами, относящимися къ иконоборческому періоду; отсутствіе изображеній, замѣненныхъ крестами съ надписью или крестообразной монограммой, заставляетъ относить наши памятники къ VIII—IX вѣку; форма буквъ по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ вѣроятности такой датировки, какъ можно убѣдиться изъ прилагаемыхъ снимковъ.

Les monastères de saint Ignace et les cinq plus petits îlots de l'archipel des Princes

par

J. Pargoire

des Augustins de l'Assomption.

On connaît ce qui arriva le 11 juillet 813: ce jour-là, monté sur le trône depuis vingt-quatre heures à peine, Léon l'Arménien s'empressa d'expédier au cloître ceux que le triomphe de sa rébellion avait chassés la veille du palais sacré. Tandis que l'impératrice Procopia, flanquée de ses deux filles Géorgo et Théophano, prenait le voile au monastère urbain du Phare, l'empereur Michel était jeté, avec ses deux fils Théophylacte et Nicétas, sur une barque en partance pour les îles des Princes. Là, après la mutilation infligée aux deux jeunes gens, les trois malheureux furent séparés les uns des autres et condamnés à vivre sous les noms monastiques d'Athanase, d'Eustrate et d'Ignace. Là, d'abord petit caloyer, puis higoumène illustre, Nicétas Ignace n'allait pas tarder à constituer de nouveaux centres de vie cénobitique.

Les couvents fondés par saint Ignace, aux nombre de quatre, peuvent se diviser en deux groupes: d'un côté, le groupe insulaire composé des trois maisons religieuses que le pieux higoumène établit avant son premier patriarcat; de l'autre, le groupe de terre ferme représenté par la maison que la saint patriarche organisa aux dernières années de sa vie.

Si, après avoir consacré quelques lignes à chacun de ces deux groupes, nous ajoutons un petit chapitre sur la vie monastique à Pita et à Oxia, nous aurons dit tout le peu que

nous savons d'intéressant, non seulement sur les quatre monastères de saint Ignace de Constantinople, mais encore sur l'histoire byzantine des cinq minuscules îlots qui forment, avec Proti, Antigoni, Khalki et Prinkipo, le charmant archipel des Princes.

I. Couvents insulaires de saint Ignace.

Nicétas Paphlagon, le biographe de saint Ignace, localise les trois premières fondations de son héros dans la phrase que voici: Πλάτη μὲν οὖν καὶ Ὑάτρος τότε καὶ Τερέβινθος, αἱ Πριγκίπειοι νῆσοι προσαγορευόμεναι, ταῖς ἐκείνου προνοίαις οἰκιζόμεναι, εἰς ἐκκλησίας κυρίου καὶ εὐαγεῖς μοναχῶν καθίσταντο μονάς[1]). Nous sommes bien, on le voit, en face d'îles appartenant à l'archipel des Princes et en face d'îles relativement faciles à déterminer: nous sommes en face des modernes *Plati, Niandro* et *Andérovithos.*

A. Monastère de Plati.

Plati, en grec Πλάτη et quelquefois mais plus rarement Πλατεῖα, n'a pas encore perdu son nom des temps byzantins. Sa forme, à défaut de ce nom conservé, la ferait deviner sans peine dans la roche plate et plane qui sort paresseusement des flots à l'ouest d'Antigoni et au sud-ouest de Proti. C'est une île aux dimensions petites, un îlot sec et désert.

L'habiter aux siècles passés ne devait pas être plus agréable que ce ne le serait aujourd'hui. Mais quelle solitude en retour, quel séjour paisible et calme et retiré! Et avec cela, avec cet éloignement absolu des bruits du monde, le voisinage immédiat de Constantinople, la ville toujours débordant de vie et de mouvement, où suffisaient à vous jeter quelques bouffées de vent dans une voile ou quatres coups de bras sur deux rames! Aussi, dès l'apparition du monachisme aux rives du Bosphore et de la Propontide, l'île plate dut-elle attirer quelques-uns de ces ascètes byzantins toujours si heureux de méditer les choses du ciel sans trop ignorer les événements de la terre, si épris de silence aujourd'hui et si curieux de nouvelles demain. Il n'est pas probable, toutefois, que la vie cénobitique eût pris racine sur notre écueil avant l'initiative de saint Ignace.

[1]) *Vita S. Ignatii* dans **Migne,** *P. G.* t. cv, col. 496.

Saint Ignace, d'après l'ordre suivi dans le récit de son biographe, dut fonder le monastère de Plati sous le règne de Théophile. Certes, les jours étaient mauvais à cette époque pour les iconophiles tels que notre saint; toutefois, tantôt pour une raison et tantôt pour une autre, le persécuteur jugea bon de fermer les yeux sur les menées de plusieurs de ses adversaires, et voilà ce qui explique l'action d'Ignace aux portes mêmes de la capitale en un temps où les partisans des images n'étaient pas toujours en sûreté même aux extrémités les plus reculées de l'empire.

Sur la position exacte du couvent ignatien de Plati nous ne pouvons affirmer quoi que ce soit, car les ruines que l'on rencontre sur différents points de l'îlot n'offrent rien d'assez caractéristique pour permettre d'asseoir sur identification.

Nous ne sommes pas mieux renseignés sur le patron du monastère. Skarlatos Byzantios lisant dans l'Anthologie une épigramme de huit vers intitulée Εἰς εἰκόνα τοῦ ἀρχαγγέλου ἐν Πλάτῃ a timidement émis l'opinion que l'île pourrait bien avoir possédé une église de saint Michel archange [1]). Cette opinion, émise avec tant de réserve, ne doit être acceptée qu'avec plus de réserve encore, ou plutôt, selon moi, elle ne doit point être acceptée du tout. Ni le litre ni les quatre distiques de l'épigramme n'indiquent l'existence de la moindre église à Plati. Le titre parle simplement d'une image, et l'existence d'une image n'entraîne point nécessairement celle d'une église. Quant aux quatre distiques, ils se bornent à chanter, d'ailleurs assez mal, la représentation figurée du chef des milices célestes.

Une chose certaine c'est que notre îlot avait un sanctuaire dédié aux Quarante martyrs de Sébaste, avec une petite chapelle de la Sainte Vierge contiguë au sanctuaire. Μέσον, dit l'hagiographe [2]), Πλατείας τῆς νήσου ναὸς τοῖς τεσσαράκοντα μάρτυσι ἐνίδρυται, αὐτοῦ δὲ ἐχόμενα τῆς θεομήτορος εὐκτήριον. Sanctuaire et chapelle eurent beaucoup à souffrir le 18 juin 860 [3]) lors de cette hardie invasion des Russes où les trois couvents insulaires de saint Ignace, pour ne parler que d'eux, eurent 22 de leurs habitants mis à mort [4]). Ce qu'ils ne purent

[1]) **Skarlatos Byzantios**, Κωνσταντινούπολις, t. II, Athènes, 1862, p. 320.
[2]) *Op. cit.*, col. 532.
[3]) **C. de Boor**, *Der Angriff der Rhos auf Byzanz* dans la *Byzantinische Zeitschrift*, t. IV (1895), p. 445—466.
[4]) **Nicétas**, *Op. cit.*, col. 516.

emporter, les Russes le renversèrent. Ainsi fut jetée bas, dans la chapelle de la Sainte Vierge, la table d'autel. Un jour, de passage dans l'île, Ignace voulut réparer ce malheur. C'était entre sa déposition du patriarcat, survenue le 23 novembre 858, et sa réinstallation sur le siège œcuménique, destinée à se produire le 23 novembre 867. Aussitôt Photius de protester. Comment! un prélat excommunié qui relevait un autel! Deux métropolites, Amphilokhios de Cyzique et Théodore de Patras, envoyés dans l'île avec un dignitaire civil de rang sénatorial, Pantaléon Bothros, eurent toutes les peines du monde à effacer la souillure que les mains d'Ignace avaient imprimée à la pierre sacrée. Renverser de nouveau cette pierre, la porter sur le rivage, lui faire quarante ablutions succesives ne leur parurent pas de trop [1]). Drôle de comédie, qui ne mériterait même pas d'être relevée, si nous n'y gagnions de savoir que le principal sanctuaire de Plati s'élevait au milieu de l'île et s'honorait du patronage des Quarante martyrs.

Maintenant, cette église des Quarante martyrs était-elle l'église conventuelle du monastère ignatien? L'initiative prise par Ignace d'y relever la pierre d'autel semble, sinon le prouver, du moins l'indiquer. Dans ce cas, et en supposant que le μέσον Πλατείας où s'élevait l'église est bien mis en opposition dans la pensée de l'hagiographe avec l' αἰγιαλῷ τῆς θαλάσσης où l'on porta la pierre d'autel à purifier, il faut corriger un peu ce que je disais tout à l'heure touchant notre ignorance de la position exacte du monastère et chercher l'emplacement de ce monastère à l'intérieur de l'île plutôt que sur les bords.

Nous ne savons pas si le monastère de saint Ignace à Plati prospéra longtemps. Il existait encore, à ce qu'il semble, durant la seconde moitié du XIIe siècle. Du moins, en mars 1158, le chrysobulle de Manuel Ire Comnène relatif aux maisons religieuses de Constantinople et des environs, mentionne-t-il un établissement monastique debout τῇ Πλατείᾳ [2]).

Les guerres incessantes qui précédèrent, accompagnèrent et suivirent l'occupation de Constantinople par les Latins ne manquèrent pas de mettre à mal bon nombre des couvents dont s'enorgueillissait à si juste titre la banlieue de la capi-

[1]) **Nicétas**, *op. cit.*, col. 532.
[2]) **Th. Balsamon**, *Synode VII*, canon 12, **Migne**, *P. G.* t. CXXXVII, col. 933.

tale. Notre couvent insulaire compta sans doute parmi les victimes de cette époque troublée. Ce qui me porte à le croire c'est que, dès les premières années du XIVe siècle, Plati n'apparaît plus dans l'histoire que sous les dehors d'un îlot désert. En 1308, le 21 avril, le fameux Constantin Méliténiotès est sur le point d'expirer dans la prison où il gémit depuis des années et des années, martyr de sa persévérance à prêcher l'union nécessaire de l'Eglise grecque avec l'Eglise latine. Au moment de rendre le dernier soupir, il sollicite comme une faveur suprême que ses restes mortels reposent non loin de Constantinople dans une des petites îles *inhabitées* qui avoisinent la grande cité, ἐπί τινα τῶν περὶ τὴν πόλιν ἀοικήτων νήσων. Et où. l'empereur Andronic II déférant à cette demande, Constantin Méliténiotès reçoit-il la sépulture? A Plati, εἰς τὴν Πλάτην[1]). En 1308 donc, les cénolites établis là par Ignace avaient cessé d'y avoir des successeurs.

Je disais, voici un instant, que le monastère ignatien de Plati prospérait encore durant la seconde moitié du XIIe siècle. Mais peut-être son existence à cette date était-elle plutôt le fait d'une restauration antérieure de quelques années à peine, et non pas celui d'une carrière poursuivie jusque-là sans interruption. Il semble en effet que dans la première moitié de ce même XIIe siècle le mouvement et la vie monastique n'étaient point du tout familiers à notre îlot. Pour mieux dire, à ce moment-là, on ne surprend sur le vaste écueil d'autre bruit que celui des pas des geôliers qui veillent, armés jusqu'aux dents, sur des prisonniers illustres. Faut-il consacrer un mot à ces grands captifs?

En 1027 ou 1028, tandis que l'empereur Coustantin, pâle héritier de son frère Basile II le Bulgaroctone, achève de terminer sur le trône une vie sans grandeur et sans éclat, deux généraux connus parmi les plus brillants officiers de l'empire se prennent de querelle. C'est, d'un côté, le patrice Basile, fils de Romain Scléros, et, de l'autre, le bulgare Prousian, stratège des Bucellaires. Pour trancher leur différend les deux adversaires se provoquent en champ-clos et un duel, le premier duel entre Byzantins, a lieu. A cette nouvelle, Constantin VIII tressaute sur son trône. Estimant avoir tout à craindre de gens

[1]) **G. Pachymère,** *De Andronico Palaeologo.* VII, 31, **Migne,** *P. G*, t. CXLIV, col. 697.

assez hardis pour vider ainsi leurs querelles personnelles à coups d'épée, il les casse l'un et l'autre de leur grade, il les disgrâcie, il les relègue sur deux îlots de l'archipel des Princes, τὸν μὲν ἐν τῇ 'Οξεἰᾳ νήσῳ, τὸν δὲ ἐν τῇ Πλάτῃ[1]), Basile à Oxia et Prousian à Plati. Quelques mois plus tard, accusé de préparer son évasion, le prisonnier d'Oxia vit arriver le bourreau qui lui creva les yeux. Le prisonnier de Plati échappa à ce supplice on ne sait comment et finit par recouvrer la liberté.

Sa place dans la geôle insulaire échut, au bout de peu d'années, à Constantin Dalassène. Ce haut fonctionnaire avait failli succéder à Constantin VIII en épousant une de ses filles. Victime d'une intrigue de palais, il se résigna sans trop de peine à incliner la tête devant le trône où Romain III s'assit au côté de Zoé; mais, lorsque Michel IV, un homme de rien, monta au pouvoir suprême par le bon plaisir de cette même Zoé, alors Constantin Dalassène ne sut plus dissimuler son mécontentement et son mépris. Ce lui valut, en dépit des serments les plus sacrés, d'être interné le 3 août 1304 ἐν τῇ νήσῳ Πλάτῃ[2]).

Pour ne pas terminer avec notre île sur des souvenirs aussi fâcheux, ajoutons que les moines perdirent beaucoup à ne plus s'y trouver en 1412. Cette année-là, du haut de leur rocher, ils auraient pu assister à l'un des derniers triomphes des Byzantins sur les Turcs, car c'est, dit le chroniqueur[3]), ἐγγὺς τῆς νήσου τῆς λεγομένης Πλάτης que s'engagea la bataille navale où Manuel le Bâtard vainquit la flotte du sultan Mousa.

Un dernier mot pour mettre en garde contre une confusion possible et facile. Notre îlot de la Propontide s'appelait, je l'ai dit, non seulement Πλάτη mais aussi Πλατεῖα. Or, un quartier dit Πλατεῖα ou Πλατέα existait aussi à Constantinople même, sur la Corne d'Or[4]). C'est de lui, et non point de l'île, qu'il s'agit dans trois pièces patriarcales éditées par Miklosich et Müller[5]). C'est de lui aussi, nullement de l'île, que fait mention, en racontant le siège de 1453, l'historien Ducas[6]). C'est à lui

[1]) **G. Cedrenus**, *Historiarum compendium*, **Migne**, P. G., t. CXXII, col. 215 et 216.
[2]) **G. Cedrenus**, *op. cit.*, col. 244.
[3]) **G. Phrantzès**, *Chronicon majus*, I, 29, **Migne**, P. G., t. CLVI, col. 708.
[4]) Pour sa position exacte, voir l'excellent ouvrage de M. A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, Londres, 1899, p. 212.
[5]) *Acta et diplomata græca medii ævi*, t. II, p. 298, 461 et 510.
[6]) *Historia Byzantina*, **Migne**, P. G., t. CLVII, col. 1096.

enfin, point du tout à l'île, que l'auteur anonyme des antiquités de Constantinople attribue les deux églises de saint Isaïe et de saint Laurent[1]).

B. Monastère de Niandro.

Niandro, en grec Νείανδρος et parfois Νέανδρος, forme un tout petit point dans la Marmara au sud de Prinkipo. De tous de ilots de l'archipel c'est le dernier, le dernier par sa distance de Constantinople comme aussi par ses dimensions vraiment microscopiques. Dire après cela qu'il n'a pas d'histoire ne surprendra persone. Chose plus grave, ceux-là ne sont pas rares qui tiennent encore en doute ou qui même ignorent complètement le nom qu'il portait à l'époque byzantine. Or, semblable detail de topographie mérite à coup sûr de nous arrêter un instant.

Le chrysobulle de Manuel Ier Comnène que j'ai déjà eu l'occasion d'invoquer une fois fut adressé, entre autres monastères, καὶ τοῖς ἐν ταῖς νήσοις, τῇ Ὀξείᾳ, τῇ Πρώτῃ, τῇ Χάλκῃ, τῇ Πλατείᾳ, τῇ ἁγίᾳ Γλυκερίᾳ, τῇ Πριγκίπῳ, τῇ τοῦ Ἀντιγόνου, τῷ Τραγονησίῳ, τῇ Τερεβίνθῳ, τῷ Ἁγίῳ Ἀνδρέᾳ, τῷ ἁγίῳ Τρύφωνι, τῷ ἁγίῳ Ἐλευθερίῳ, τῷ Κωδωνῷ, τῷ Πελαγίῳ, τῇ Θεοτόκῳ, τῷ Μεσονησίῳ, τῇ Ἰάτρῳ καὶ τῷ ἁγίῳ Δημητρίῳ[2]). Mis autrefois en présence de cette longue liste, M. M. Gédéon arriva sans peine à identifier la plupart des îles qui s'y trouvent nommées, mais il en est quelques-unes sur le nombre qu'il fit suivre d'un gros point d'interrogation et ἡ Ἰάτρος fut de celles-là[3]). Depuis, à la suite d'un examen plus approfondi, le savant byzantiniste n'a pas craint d'identifier ἡ Ἴατρος avec Niandro[4]), et il a eu raison. Ἡ Ἴατρος n'est pas en effet si récalcitrante qu'elle puisse défier toutes les investigations.

Si nous étions condamnés à la chercher, comme plusieurs de ses compagnes, dans tout l'espace maritime ou côtier compris entre Constantinople et Nicomédie, il nous serait sans doute assez malaisé d'arriver à un résultat décisif. Par bonheur, ce n'est point le cas. Remettons-nous en mémoire la phrase déjà citée où Nicétas le Paphlagonien énumère les trois couvents insulaires de saint Ignace. Πλάτη μὲν οὖν, dit-il, καὶ

[1]) **Migne**, P. G., t. CXXII, col. 1249.
[2]) **Th. Balsamon**, *Synode* VII, canon 12, **Migne**, *P. G.*, t. CXXXVII, col. 933.
[3]) Ἔγγραφοι λίθοι καὶ κεράμια, Constantinople, 1892, p. 25.
[4]) Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον, Constantinople, 1895–1898, p. 179.

Ὑάτρος τότε καὶ Τερέβινθος, αἱ Πριγκίπειοι νῆσοι προσαγορευόμεναι. Peut-on douter que l'île Ὑάτρος du biographe ne corresponde à l'île Ἴατρος de l'empereur? Evidemment non. Mais alors, *Iatros* n'est plus à chercher que dans l'archipel des Princes. L'archipel des Princes, tout bien compté, se compose seulement de quatre îles et de cinq îlots. Les quatre îles, *Proti, Antigoni, Khalhi* et *Prinkipo*, se confondent, dans la liste impériale, avec τῇ Πρώτῃ, τῇ τοῦ Αντιγόνου, τῇ Χάλκῃ et τῇ Πριγκίπῳ. Quant aux cinq îlots, *Oxia, Plati, Andérovithos, Pita* et *Niandro*, les trois premiers se retrouvent tout de suite, dans la même liste, sous, τῇ Ὀξείᾳ, τῇ Πλατείᾳ et τῇ Τερεβίνθῳ. Restent Pita et Niandro. Si, comme nous le déclare Nicétas le Paphlagonien, Ὑάτρος ou Ἴατρος appartient à l'archipel, il ne peut que s'identifier avec l'un ou l'autre de ces deux îlots. Mais entre les deux lequel choisir? Le simple bon sens indique sans retard Niandro, car le mot *Niandro* lui-même descend en droite ligne, par corruption populaire, du mot byzantin *Hyatros* ou *Iatros*.

Avec les deux textes que nous venons de citer pour identifier notre écueil nous avons épuisé la trop courte série des témoignages byzantins relatifs à ses destinées monastiques. La fondation de son couvent par saint Ignace nous est dite dans la phrase de Nicétas Paphagonien. La persistance de ce couvent jusqu'en 1158 nous est indiquée par le passage de Manuel Comnène. En dehors de là tout n'est que ténèbres, au moins pour moi, en ce qui regarde ce pauvre rocher.

Mais combien sa vue ne prêche-t-elle pas en faveur d'Ignace! Pour établir un centre cénobitique en un pareil lieu, il fallait se résigner d'avance aux dépenses les plus lourdes et aux plus grandes fatigues. Le hardi fondateur, quelle que fût la difficulté des temps, ne recula devant rien. Au temporel comme au spirituel, il fournit à chacun de ses couvents tout ce qui lui était nécessaire: ἑκάστου, dit le biographe [1]), τὰς ἁρμοζούσας οἰκοδομάς, καὶ τῶν ἱερῶν σκευῶν καὶ τῶν ἀναγκαίων χρειῶν τὴν περιποίησιν, καὶ πᾶσαν τὴν αὐτοῖς πρέπουσαν κατασκευήν τε καὶ διάταξιν διὰ τῆς τοῦ μεγάλου λαμβάνοντος ἐπιμελείας.

N'oublions pas de dire en terminant que le nom turc de Niandro est *Sédéf-Adassi, l'île de la harmale* ou *rue sauvage*, d'après les uns, *l'île de la nacre*, d'après les autres. Skarlatos

---

[1]) **Nicétas**, *op. cit.*, col. 496.

Byzantios, qui réserve ce nom de *Sédéf-Adassi* à l'ilot de Térébinthos, appelle Niandro *Tavchân-Adassi, l'île des lapins*[1]). Mais c'est là une confusion qu'il suffit de signaler.

Une erreur plus grave consisterait à identifier Niandro avec Saint André. Cette erreur se trouve dans la carte des îles qui accompagne l'ouvrage de Skarlatos Byzantios; mais, dans son texte, l'auteur mieux avisé met en garde contre une pareille identification. L'ilot Saint-André, on ne l'ignore pas, se trouve près de Touzla-Bournou, et Skarlatos Byzantios le place bien, lui aussi, dans ces parages, à 9 ou 10 milles de Prinkipo vers l'Orient[2]).

C. Monastère d'Andérovithos.

Andérovithos, en grec Ἀντερόβιθος et Ἀντερόβινθος, vaut à sa grandeur relative d'occuper le premier rang parmi les cinq unités secondaires de l'archipel des Princes. Elle se couche à l'est et non loin de Prinkipo, dont la côte orientale la domine complètement. Son identification avec la byzantine Τερέβινθος ou île des Térébinthes ne fait aucun doute[3]).

A Térébinthos, tant que le monastère de terre ferme n'eût pas été fondé, Saint Ignace paraît avoir eu son couvent de prédilection. Le 23 novembre 858, quant il est arraché de force au palais patriarcal, c'est πρὸς τὴν νῆσον Τερέβινθον qu'on le conduit[4]). Vers janvier 860, après l'avoir traîné de prison en prison et lui avoir imposé six mois d'exil à Mitylène, c'est encore πρὸς τὴν Τερέβινθον qu'on le ramène[5]) Le but n'est pas, il est vrai, de lui procurer là quelques jours de calme et de repos. Son gardien, le drongaire Nicétas Oryphas, met tout en œuvre au contraire pour lui remplir la vie d'opprobres et de tourments; mais du moins, au milieu de tant de souffrances, le saint exilé a-t-il la consolation de se retrouver sur un sol qu'il aime, qu'il a orné de constructions en l'honneur du Christ et où sans doute viennent parfois, clandestinement, le visiter tous

---

[1]) Ἡ Κωνσταντινούπολις, t. II, p. 316 et 317.

[2]) *Op. cit.*, p. 317.

[3]) P. de Tchihatchef, *Le Bosphore et Constantinople*, Paris, 1864, p. 67. identifie Térébinthos avec Antigoni. Pour réfuter cette grosse erreur, il suffit de se rappeler que le chrysobulle de Manuel Ier énumère Térébinthos et Antigoni comme deux îles différentes. On sait, d'ailleurs, qu'aux temps byzantins la moderne Antigoni répondait soit déjà au nom qu'elle porte de nos jours soit encore au nom de Panormos qu'elle avait reçu de l'antiquité.

[4]) **Nicétas**, *op. cit.*, col. 505.

[5]) **Nicétas**, *op. cit.*, col. 516.

les amis qui lui restent fidèles dans la capitale et aux environs. Arraché de son île pour assister au concile que l'on sait et souffrir les mauvais traitements qui s'ensuivirent, Ignace finit encore une fois par y aborder de nouveau. Il retourna, écrit le biographe, dans son propre monastère, εἰς τὴν οἰκείαν μονὴν [1]) et par là nous devons entendre, semble-t-il, le couvent de Térébinthos de préférence aux deux autres.

Un siècle après sa fondation, ce couvent eut l'honneur d'abriter durant quelques jours un moine assez peu ordinaire, je veux dire Constantin, fils de Romain Ier Lécapène et beau-frère de Constantin VII Porphyrogénète. On sait comment, associés au trône par leur père, les deux Lécapénides Etienne et Constantin eurent assez d'ingratitude pour en chasser le vieillard et l'envoyer vivre en moine, le 16 décembre 944, dans l'île de Proti. Le règne de ces mauvais fils prit fin au bout de trente-neuf jours. Le Porphyrogénète, leur beau-frère, les fit saisir le 27 janvier 945 et quelques heures plus tard ces deux empereurs, fraîchement tondus, fraîchement revêtus du froc, n'étaient rien autre que deux humbles moines en deux humbles couvents, Etienne à Antigoni et Constantin à Térébinthos: τὸν μὲν εἰς τὴν νῆσον τὸν Πάνορμον, ἣ καὶ Ἀντιγονία λέγεται . . . τὸν δὲ εἰς τὴν καλουμένην Τερέβινθον, comme dit Jean Zonaras [2]); τὸν μὲν ἐν τῇ Πανόρμῳ νήσῳ, τὸν Κωνσταντῖνον δὲ ἐν τῇ Τερεβίνθῳ, comme dit Georges Cedrenus [3]). Le Lécapénide enfermé à Térébinthos ne sut pas mériter d'occuper longtemps sa petite cellule dans le couvent ignatien: comme il se démenait sans fin ni trêve pour revêtir une seconde fois la pourpre, force fut de le reléguer à Ténédos, puis de l'interner à Samothrace, puis de le tuer.

Le monastère de Térébinthos trouva un restaurateur en la personne du patriarche Théodose Ier le Boraidiote, lequel occupa le trône œcuménique probablement de 1178 à 1179 [4]). Je dis un restaurateur. A la vérité aucun écrivain ne mentionne le couvent d'Ignace à propos de Théodose aucun même ne parle restauration, mais comme Théodose a fait des travaux dans l'île et qu'il y a vécu avec des moines, on ne peut guère songer à ne pas voir dans son monastère une continuation du monastère

[1]) *Op. cit.*, col. 526.
[2]) *Annales*, XVI, 20, **Migne**, *P. G.*, t. CXXII, col. 100.
[3]) *Historiarum Compendium*, **Migne**, *P. G.*, t. CXXII, col. 60.
[4]) Telles sont, du moins, les dates données par M. M. Gédéon, Πατριαρχικοὶ πίνακες, p. 369.

ignatien, d'autant que celui-ci, qu'il eût ou non déjà subi des changements, restait encore debout en 1158, au moment de l'apparition du chrysobulle de Manuel Ier Comnène.

Les rapports de Théodose avec Térébinthos nous sont affirmés par deux de ses contemporains, par les deux frères Akominates de Khônes. Nicétas, l'historien, se borne à nous montrer le prélat qui, chuté du siège œcuménique, πρὸς τὴν νῆσον ἀφικνεῖται Τερέβινθον καθ' ἣν αὐτῷ τὴν καταγωγὴν καὶ τὴν τοῦ σκήνους ηὐτρεπίκει κατάθεσιν [1]). Michel, le métropolite d'Athènes, nous fournit de plus amples renseignements dans sa correspondance. Six de ses lettres, celles qui portent les numeros 9, 14, 22, 25, 33 et 62 dans l'édition de M. Spyridon Lambros, sont adressées à Théodose l'ex-patriarche en personne. Une autre, la soixantième, écrite à Théodose Matzoukis est encore plus riche en données interéssantes sur Térébinthos.

Notre île a tous les honneurs de la lettre, où son nom revient jusqu'à trois fois, qui fut écrite la première au patriarche Theodose dépossédé. De fait, la gloire de servir de refuge à un pareil personnage valait bien d'être chantée et l'on comprend sans trop de peine que le métropolite d'Athènes déclare, un peu d'hyperbole aidant, que sa pensée va sans cesse au pauvre petit écueil de la Propontide, en dépit des souvenirs et des charmes que Psytallia, Salamine, Egine, les Cyclades, les Sporades et le reste offrent à sa mémoire ou à ses regards [2]).

Mais c'est surtout de la missive à Théodose Matzoukis qu'il importe de prendre connaissance. „M'élancerai-je, y dit Michel Choniatès [3]), sur les traces du patriarche et aborderai-je à la très fortunée Térébinthos? Si oui, force me sera de fabriquer des briques et d'aligner des moëllons, et ces mains si tendres et si délicates devront s'assujetir à la besogne du manœuvre. On a beau ne savoir rien faire, à voir ce très haut patriarche qui travaille de ses propres mains on ne peut pas ne pas travailler soi-même". Cette phrase indique assez que Thédose commença ou plutôt poursuivit ses travaux de restauration dans l'îlot des Térébinthes au lendemain de son patriarcat. Elle indique assez en outre que l'illustre prélat savait payer de sa personne et

---

[1]) *Alexius Manuelis filius*, 15, **Migne**, *P. G.*, t. CXXXIX, col. 616.
[2]) **Sp. Lambros**, Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα, t. II, Athènes, 1880, p. 13 et 14.
[3]) *Op. cit.*, p. 48.

donner l'exemple des occupations les plus humbles aux religieux qui l'entouraient.

Un peu plus loin dans sa lettre, le métropolite d'Athènes compare le monastère de Théodose le patriarche à celui de Théodose Matzoukis. A son avis, le couvent de ce dernier l'emporte infiniment. Bâti au bord des flots mais sur le continent, il réunit tous les avantages de la terre et de la mer. Mieux vaut cela que de s'élever sur un tout petit îlot, vraie prison où l'on ne peut se rendre sans avoir à confier sa personne aux trois planches d'une barque et aux caprices des vagues. D'ailleurs, le couvent de Matzoukis a bien d'autres supériorités. Les eaux de source, par exemple, y abondent, eaux vives et jailisantes. Et le vin! D'un peu plus il s'y trouverait plus de vin qu'il ne se trouve d'eau de citerne à Térébinthos.

Après cette petite sortie, le Khoniate éprouve le besoin de recommander la discrétion à son correspondant. „Au nom de notre amitié, lui dit-il, ne communique point ces lignes au patriarche. Tu sais combien il est jaloux de son île, combien il en est fou: il ne souffrirait pas que l'on médise ainsi de sa bien-aimée et qu'on la mette au second rang". Suit une longue page où l'écrivain compare plaisamment la Térébinthos d'hier, celle qu'il a vue de ses propres yeux, avec la Térébinthos d'aujourd'hui, celle que lui dépeignent les lettres du patriarche. D'une part, c'est la roche nue, altérée, sans une goutte d'eau, sans une feuille d'arbre, sans un brin de gazon. De l'autre, c'est un paradis arrosé, ombreux, planté de myrtes et de lauriers, recouvert d'une végétation luxuriante, presque une forêt vierge. Changement prodigieux et bien incroyable, si le Christ n'avait coutume d'en agir ainsi avec les siens. Le Christ dessèche les fleuves d'Etham et change la plaine fertile en marécage pour en punir les habitants pécheurs; mais, pour favoriser les saints, il sillonne de cours d'eau le désert altéré et fait couler du roc des ruisseaux d'huile et de miel.

Michel Choniates termine sa lettre sur un paragraphe qui vaut la peine d'être noté. Le patriarche lui avait sans doute écrit dans son panégyrique de l'îlot qu'il ne s'y trouvait aucun serpent. Lui, en veine de plaisanter, déclare que cela ne l'étonne point, attendu que Térébinthos n'a pas le moindre gibier, pas le moindre animal. Ou plutôt, ajoute-t-il, tout ce que l'île nourrit, c'est une prodigieuse quantité de „lapins, bestioles timides et

faibles, mais très ennuyeuses pour des moines et plus nuisibles à leur endroit que les serpents. Pourquoi? Mais parce que le serpent ne peut leur causer aucun dommage: d'abord, le Christ a donné la puissance de fouler aux pieds serpents et scorpions; puis, il n'y a aucune Eve dans l'île et, à défaut de cet antique instrument, à défaut de ce premier auxiliaire, le serpent ne peut rien ou presque rien. Le lapin, au contraire, cela vous dévore les légumes, cette chère pitance des ascètes. D'ailleurs, rien n'exerce mieux à la piété que le voisinage d'un serpent, tandis qu'un lapin ne met en tête que des idées de peur et de fuite".

Ainsi parle notre aimable métropolite. Au milieu de son badinage je distingue deux renseignements qui ne manquent point d'intérêt.

En premier lieu, l'imposibilité pour le serpent de trouver à Térébinthos son complice ordinaire nous prouve que l'accès de l'îlot était interdit aux filles d'Eve. Ailleurs, la règle arrêtait assez généralement les femmes aux portes du monastère, tout au plus leur permettait-elle de franchir le seuil de l'église en certaines circonstances. Ici, tout l'îlot appartenant au couvent et sa superficie n'étant pas immense, on avait jugé bon de le comprendre tout entier dans la clôture monastique. C'était évidemment le meilleur moyen pour les moines de ne pas avoir d'ennui.

En second lieu, l'abondance des lapins à Térébinthos dès le XIIe siècle, alors que des moines leur disputaient la place, nous explique leur abondance aux temps postérieurs, alors que la chute du monastère les laissa seuls maîtres du terrain. Avant les malheureux essais de culture tentés vers 1850 par Féti-Ahmed-pacha, beau-frère du sultan Abdoul-Medjid, le pauvre îlot n'avait d'autres habitants que ces timides quadrupèdes. Ἡ νῆσὶς αὔτη δὲν εἶχεν, écrit Skarlatos Byzantios [1]), ἄλλους κατοίκους, παρὰ τοὺς γεωρύχους δασύποδας, ou en grec plus simple, παρὰ τὰ κουνέλια. Vous étonnerez-vous maintenant que Térébinthos s'appele aujourd'hui pour les Turcs *Tavchânli-Ada,* l'île lapineuse, ou *Tavchân-Adassi* [2]), l'île des lapins!

Mais nous voilà bien loin de saint Ignace et de son monastère de Térébinthos. Retournons-y une seconde pour dire que les renseignements des deux frères de Khônes constituent jusqu'ici,

[1]) Ἡ Κωνσταντινούπολις, t. II, p. 316 et 317.
[2]) V. **Cuinet,** *La Turquie d'Asie,* t. IV, Paris, 1894, p. 669.

au moins à ma connaissance, le tout dernier chapitre de l'histoire monastique de Térébinthos et passons sans plus de retard à la maison religieuse établie par saint Ignace en terre ferme.

II. Couvent Ignatien de terre ferme.

Nicétas le Paphlagonien, après avoir parlé des trois îles et de leurs couvents, ajoute ceci: Ἀντικρὺ τούτων κατὰ τὴν ἤπειρον πρὸς τῇ ἀκτῇ κειμένην, ταύτην δὴ λέγω τὴν προκαθημένην τοῦ μεγάλου ταξιάρχου μονήν, ἐπὶ τῷ τέλει τῆς ἀυτοῦ ζωῆς ὁ μακάριος τελευταίαν ἀνεστήσατο [1]). Et cette phrase nous renseigne d'une manière assez précise sur le nom du monastère, sur la date de sa fondation et sur la situation géographique de son emplacement, trois points que d'autres textes byzantins vont nous permettre sans doute de préciser encore devantage.

Occupons-nous tout d'abord du nom. Comment s'appelait au juste le couvent ignatien de terre ferme? Dédié, comme nous le dit Nicétas, au *grand taxiarque,* il devait nécessairement porter son nom et s'appeler *Monastère Saint Michel* ou *Monastère de l'Archange*. On sait, en effet, que dans l'Eglise grecque le grand taxiarque, l'archistratège, le chef des célestes milices, l'archange par excellence, c'est toujours saint Michel. Mais combien déjà ne s'élevait-il pas de sanctuaires michaëliens à Constantinople et aux environs! Même à cette époque où Basile Ier le Macédonien et Michel VIII Paléologue n'étaient pas encore venus multiplier à l'infini les constructions religieuses en l'honneur de l'archange, le nom de Saint Michel s'appliquait à trop de monuments pour être caractéristique et pouvoir suffire. En ce qui regarde le monastère du patriarche Ignace on compléta cette dénomination vague tantôt en ajoutant une épithète peu banale au nom du patron, tantôt en mentionnant la localité voisine.

Un jour, raconte la légende [2]), l'empereur Nicéphore Ier était à la chasse. Tout à coup sa meute débusqua une biche magnifique, laquelle fut bientôt réduite aux abois et mise à mal. Or, savez-vous ce que l'on découvrit à l'endroit même de cette prise? On y découvrit, cachée parmi les broussailles, une vieille table de pierre portée sur une colonne avec cette inscription: Τοῦτό ἐστι τὸ θυσιαστήριον τοῦ ἀνατέλλοντος, ὅπερ ἐνεθρόνισεν ὁ ἀπό-

[1]) **Nicétas,** *op. cit.,* col. 496 et 497.
[2]) **Anonyme,** *Leo Armenius,* N° 10 et **Syméon Magister,** *Basilius Macedo,* N° 9, dans **Migne,** *P. G.,* t. CIX, col. 33 et 752.

στολος 'Ανδρέας. Et c'est juste au point où Nicéphore avait fait cette invraisemblable trouvaille que le patriarche Ignace, petit-fils de l'impérial découvreur, plaça l'autel de son église conventuelle. Comment, dans ces conditions, son couvent Saint Michel ne se serait-il pas appelé μονὴ τοῦ Μιχαὴλ τοῦ ἀνατέλλοντος?

Dans ces mêmes passages, déclarent les auteurs byzantins [1], un Satyre autrefois avait régné en maître. Les ruines de son temple gisaient encore là, celles du moins que l'empereur Théophile n'avait pas exploitées pour construire à Bryas son grand château de style arabe. Par suite, ce petit coin de terre conservait toujours le nom de *Satyros*. Ignace, en bâtissant là, ne put faire oublier la vieille dénominatiion paienne, et son monastère en prit le nom de μονὴ τοῦ Σατύρου.

Les expressions μονὴ τοῦ ἀρχιστρατήγου, μονὴ τοῦ μεγάλου ταξιάρχου, μονὴ τοῦ ἀρχαγγέλου, μονὴ τοῦ Μιχαὴλ, μονὴ τοῦ 'Ανατέλλοντος, μονὴ τοῦ Σατύρου désignent donc toutes les six, lorsqu'il s'agit de Saint Ignace, l'unique monastère de terre ferme dédié à Saint Michel l'ἀνατέλλων et bâti au lieu dit Σάτυρος.

Est-ce également ce monastère que désigne l'expression μονὴ τοῦ πατριάρχου? Du Cange l'a timidement avancé par deux fois, d'abord dans ses *Notes à l'Alexiade* [2], puis dans sa *Constantinopolis christiana* [3], et Skarlatos Byzantios [4] n'a pas manqué de le répéter après lui, pas plus d'ailleurs que M. E. Tapeinos [5]. Mais, c'est une méprise. Plus bas, après avoir fixé la position de notre monastère, nous verrons qu'Anne Comnène ne pouvait certainement point penser à Satyre lorsqu'elle écrivait τὴν καλουμένην μονὴν τοῦ πατριάρχου.

Maintenant que nous connaissons complètement le patron du quatrième couvent ignatien ainsi que ses dénominations diverses, nous pouvons ouvrir les auteurs byzantins pour apprendre d'eux la date de sa fondation. Nicétas le Paphlagonien par le fait qu'il inscrit cette fondation aux dernières années de la vie du saint, nous force à la mettre durant le dernier patriarcat. Auparavant, en effet, tandis que Photius occupait le trône œcu-

---

[1]) *Ibid.*

[2]) Edit. de Venise, p. 85. Cette note est reproduite dans le *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens grecs*, t. II, p. 30.

[3]) Lib. IV, sect. XV, N° 42, edit. de Venise, p. 132.

[4]) 'Η Κωνσταντινούπολις, t. II, p. 281.

[5]) Περὶ τοῦ ἀρχαίου Βρύαντος, νῦν Μάλτεπε, καὶ τῶν πέριξ dans l' 'Ανατολικὸς ἀστήρ, t. XXX (1891), p. 65.

ménique, Ignace traqué de droite et de gauche et poursuivi comme un malfaiteur ne pouvait certainement pas entreprendre une oeuvre aussi importante. D'ailleurs, en assignant la construction du monastère Saint-Michel au règne de Basile, les *Vitæ recentiorum imperatorum* de Georges le moine[1]) et le *Chronicon* de Georges Hamartole[2]) nous transportent également sous le dernier patriarcat d'Ignace. Mais ce dernier patriarcat dura dix ans, du 23 novembre 867 au 23 octobre 877, et l'on voudrait avoir une date moins flottante. Syméon Magister s'offre à nous, heureux de satisfaire ce désir. A la sixième année de Basile il écrit ceci: τῷ ἕκτῳ ἔτει αὐτοῦ Ἰγνάτιος ὁ πατριάρχης τὴν τοῦ Σατύρου ἐκκλησίαν εἰς ὄνομα τοῦ ἀρχιστρατήγου τοῦ Ἀνατέλλοντος ἐποίησεν, εἶτα καὶ μονὴν ἀνδρῷαν εἰργάσατο[3]). Ainsi l'église Saint-Michel fut bâtie en 873. C'est par elle qu'Ignace inaugura son œuvre à Satyre; il ne construisit le couvent et n'appela des moines qu'un certain nombre de mois plus tard entre 873 et 877.

Ceux-là donc ont parfaitement tort qui présentent saint Ignace comme higoumène du monastère de l'archange dès 847. En 847, au moment de sa premierè élévation sur le trône patriarcal devenu vacant le 14 juin par la mort de saint Méthode[4]), Ignace présidait avec le titre d'higoumène aux destinées des trois couvents insulaires qu'il avait fondés dans l'archipel des Princes. Quant au monastère Saint-Michel, il ne pouvait le diriger dès cette époque, puisque le monastère Saint-Michel n'existait pas encore. L'erreur que je relève présentement se rencontre dans presque tous les ouvrages modernes. Mais ceux-ci, et c'est là ce qui les excuse, l'ont puisée directement dans les chroniqueurs byzantins, dans un des Continuateurs anonymes de Théophane qui nous présente Ignace, au jour de son élection patriarcale, comme le τῆς μονῆς ἡγούμενον τοῦ Σατύρου,[5]) dans Georges Cedrenus pour lequel Ignace, avant de monter sur le siège œcuménique, était déjà τῆς μονῆς τοῦ Σατύρου καθηγεμών[6]).

---

[1]) *Imperium Basilii macedonis*, 7, **Migne**, *P. G.*, t. CIX, col. 901.

[2]) Lib. V, **Migne**, *P. G.* t. CX, col. 1077.

[3]) *Annales, Basilius Macedo* 9, **Migne**, *P. G*, t. CIX, col. 752.

[4]) Méthode mourut, non pas en 846, mais en 847. Cette date est désormais acquise et je m'étonne qu'un auteur récent comme M. S. Aristarchis Bey, Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως λόγοι καὶ ὁμιλίαι, Constantinople, 1901, t. I, p. 6 de l'introduction, ne le soupçonne même pas.

[5]) *Michael Theophili filius*, 30 **Migne**, *P. G.*, t. CIX, col. 208.

[6]) *Historiarum compendium*, **Migne**, P. G., t. CXXI, col. 1057.

Que l'auteur anonyme ait confondu, et Cedrenus après lui, cela ne me paraît point douteux.

Certains, pour justifier ces Byzantins, prétendent que le monastère Saint-Michel de Satyre existait avant saint Ignace et que sa prétendue fondation par ce dernier en 873 ne serait qu'une simple restauration. Pour le prouver, ils s'appuient sur ce fait que l'empereur Stavrakios mort le 11 janvier 812 fut enseveli, disent Georges Hamartole[1]) et Georges Cedrenus[2]) ἐν τῇ μονῇ τοῦ Σατύρου. De fait, que Stavrakios ait réellement reçu la sépulture là et nous n'avons qu'à nous incliner. Mais le témoignage de Georges Hamartole et de Georges Cedrenus s'impose-t-il? On peut en douter. Théophane le chronographe, contemporain des événements, affirme que Stavrakios fut enseveli à Constantinople même, dans le monastère de son nom[3]), dans ces τὰ Σταυρακίου dont le peuple fit plus tard τὰ Βραχᾶ et les demi-savants τὰ Ἑβραϊκά. Cette affirmation du chronographe, confirmée par celle d'un continuateur de Constantin Porphyrogénète[4]) et par celle de Jean Zonaras[5]), cette affirmation ne peut que nous mettre en garde vis-à-vis de l'affirmation contraire. La sépulture de Stavrakios à Satyre n'est donc pas un fait historique si assuré qu'il puisse nous forcer à admettre l'existence d'un couvent en ce lieu avant 873. Dans tous les cas, ni Nicétas le Paphlagonien ni Syméon Magister ne parlent en faveur de cette existence. Le premier entend bien indiquer une fondation de toutes pièces et non une simple restauration. Quant au second, en disant que le monatère fut constitué postérieurement à la construction de l'église élevée en 873, il montre bien qu'Ignace ne se contenta pas de réorganiser une maison religieuse déjà existante. Deux autres chroniqueurs byzantins se prononcent en outre dans le même sens. C'est d'abord l'anonyme qui fait ensevelir Ignace ἐν τῇ μονῇ καλουμένῃ Σατύρου, ἣν ἄρτι ἐκ βάθρων δειμάμενος ἔτυχεν[6]). C'es ensuite l'anonyme qui écrit à propos d'Ignace: τὴν περιφανῆ μονὴν του Ἀνατέλλοντος ἐκ βάθρων ἀνήγειρεν ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τοῦ Σατύρου[7]).

[1]) *Chronicon*, IV, **Migne**, *P. G.*, t. CX, col. 977.
[2]) *Historiarum compendium*, **Migne**, *P. G.* t. CXXI, col. 928.
[3]) *Chronographia*, ad annum 6304, éd. de Boor, t. I, p. 494.
[4]) *De Ceremoniis* lib. II, **Migne**, *P. G.*, t. CXII, col. 1208.
[5]) *Annales*, XV, **Migne**, *P. G.*, t. CXXXIV, col. 1364.
[6]) *Leo Armenius*, 10, **Migne**, *P. G.*, t. CIX, col. 33.
[7]) Σύνοψις χρονική dans **C. Sathas**, *Bibliotheca Graeca medii aevi*, t. VIII, p. 143; cf. p. 131.

Quelle était, le moment est venu de se le demander, quelle était la position de l'église Saint-Michel construite en 873 et du monastère y annexé? Nicétas le Paphlagonien a déjà donné un commencement de réponse à cette question: il nous a révélé que la dernière fondation d'Ignace fut faite en terre ferme sur la côte qui regarde les îles des princes. Et c'est bien là, en effet, que nous conduisent toutes les données topographiques relatives à Satyre.

Pour la position de cette localité sur le rivage de la Propontide nous pouvons citer les trois textes byzantins qui appellent Satyre un ἐμπόριον [1]). Pour sa position sur cette partie de la côte bithynienne qui, du nord, regarde l'archipel nons pouvons apporter ici le double témoignage de Théophane [2]) et de Constantin Porphyrogénète [3]).

Théophane et Constantin Porphyrogénète, ainsi que je l'ai déjà montre par deux fois en étudiant la topographie de *Rufinianes* [4]) et celle de *Hiéria* [5]) nous ont laissé toute une liste de *proasteia* maritimes échelonnés à l'est de Chalcédoine, précisément dans les parages qui nous occupent en ce moment. Les *proasteia* maritimes en question sont, en allant de l'Ouest à l'Est, Hiéria, Rufinianes, Poléatikon, Satyre, Bryas et Kartalimèn. Or, sur cette demi-douzaine de localités il en est quatre, les deux premières et les deux dernières, qui sont parfaitement identifiées. Hiéria est le moderne Phéner-Bagtché, autrement dit Phanaraki. Rufinianes a son ancien emplacement occupé par Djadi-Bostan. Où Bryas était, là, ou du moins aux environs immédiats, se trouve aujourd'hui Maltépé. Kartalimèn survit encore, comme nom et surtout comme emplacement, dans ce que les Turcs appellent Kartal et les Grecs Khartalimi. D'où il suit que Poléatikon et Satyre, situés entre Rufinianes et Bryas, doivent être placés dans la géographie actuelle entre Djadi-Bostan et Maltépé.

A l'est de Djadi-Bostan le premier point qui convienne merveilleusement à l'assiette d'un *proasteion* et où des ruines

---

[1]) **Georges le moine.** *op. et loc. cit.*; **Georges Hamartole,** *op. et loc. cit.*; **Léon le Grammairien,** *Chronographia*, **Migne,** *P. G.* t. CVIII, col. 1088.

[2]) *Chronographia*, ad annum 6209, p. 397. Ce passage de Theophane se trouve reproduit par **G. Cedrenus,** *Historiarum compendium*, **Migne,** *P. G.*, t. CXXI, col. 865.

[3]) *De Cerimoniis* lib. I, **Migne,** *P. G.*, t. CXII, col. 937..

[4]) Dans la *Byzantinische Zeitschrift*, t. VIII (1899), p. 468 et 476.

[5]) Dans le *Bulletin de l'Institut archéologique russe de Constantinople*, t. IV (1899), p. 16 et 17.

assez nombreuses attestent l'existence d'une localité byzantine assez importante, c'est Bostandjik, autrement dit Bostandji-Keupru: là, nous mettrons le Πολεατικόν ou Πολυατικόν des auteurs byzantins. Cela fait, que reste-t-il pour Satyre? Simplement le petit espace de côte qui court de Bostandji-Keupru à Maltépé. Et juste, à mi-chamin entre ces deux villages, un peu au nord de la route, un gros tumulus quadrangulaire s'impose à l'attention du voyageur. Que ce tumulus soit artificiel et recouvre des ruines, cela frappe au premier regard. Que ces ruines appartiennent à un édifice chrétien, il suffit pour s'en convaincre de pénétrer au milieu du tumulus, dans les flancs d'une citerne immense, et de constater là, du côté de l'est, les substructions fort bien conservées de la partie orientale d'une église. Que cette église fût celle d'un couvent, on ne saurait en douter lorsqu'on songe que le pont jeté sur un torrent voisin porte le nom fort significatif de ***Monastir-Tach-Keupru,*** c'est-à-dire *Pont de pierres du monastère*. Que l'ensemble remonte à l'époque byzantine, je n'en veux d'autre preuve qne la forme caractéristique et les fioritures de cinq ou six lettres découvertes là, parmi les ruines, sur trois fragments insignifiants d'une même inscription. Comment résister à la tentation de fixer le Saint-Michel du patriarche dans un endroit si bien indiqué pour le recevoir?

Satyre, je dois l'ajouter sans retard, s'est déjà vu placé ailleurs par divers topographes.

Du Cange, partant de ce fait que le couvent de Satyre était sous le vocable de l'archange, s'est oublié jusqu'à dire: *Unde patet monasterium Satyri et monasterium sancti Michaelis* ἐν Στενῷ, *seu in littore quod Propontiden respicit, idem unumque esse*[1]). On ne peut rien imaginer de plus inexact. La côte qui portait Satyre, je veux dire la côte bithynienne à l'est de Chalcédoine, est absolument étrangère à la dénomination de Στενόν.

Hammer, à qui l'histoire turque doit infiniment plus que la topographie byzantine, s'est permis d'asseoir notre monastère *zwischen Kartal und Maldépé*[2]). Ce que j'ai dit tout-à-l'heure de l'ordre où Théophane le Chronographe et Constantin Porphyrogénète énumèrent les προάστεια maritimes de cette région, cela, dis-je, me semble établir que Satyre se trouvait plutôt en-deçà de Maltépé, à l'ouest du village et non pas à l'est.

[1]) *Constantinopolis christiana*, IV, XV, 42.
[2]) *Constantinopolis und der Bosporos*, t. II, p. 357.

Dans son étude sur la banlieue asiatique de Constantinople, A. Paspati a voulu placer le couvent d'Ignace à Djadi-Bostan[1]) et M. X. Sideropoulos a prétendu confirmer cette opinion par un témoignage épigraphique[2]). J'ai montré ailleurs[3]) tout au long, comment Djadi-Bostan s'identifie avec Rufinianes, point du tout avec Satyre: je n'y reviens pas.

Comme il ne saurait être question dans ces lignes que de topographes, laissons de côté Augustin Marrast dont une phrase commence par ces deux ou trois monstruosités: *A. Cartaliménos port sur la mer Noire, le monastère de Satyros*[4]) . . . et passons à l'opinion de M. Eleuthérios Tapeinos. D'après M. E. Tapeinos, c'est le moderne Maltépé qui occuperait l'ancien emplacement de Satyre et c'est la chapelle τοῦ Σωτῆρος sise dans ce village, qui rappellerait encore le couvent τοῦ Σατύρου[5]), A l'appui de cette assertion l'auteur n'apporte aucune preuve, mais sa manière de voir ne contredit point les données topographiques dont nous disposons. Elle les contredirait de front, si le village de Bryas-Maltépé n'avait jamais changé de place. Mais, comme le Maltépé d'aujourd'hui paraît bien avoir laissé assez à l'est l'emplacement du Maltépé d'il y a quelques siècles, rien ne défend de penser qu'il ait pu envahir l'assiette de Satyre. L'a-t-il réellement envahie? Encore une fois, il est imposible de trancher la question, et voilà pourquoi l'on peut hésiter sur l'identification du monastère ignatien. De nouveaux documents, à défaut d'un texte épigraphique, permettraient seuls de choisir à coup sûr entre les ruines dont je parlais ci-dessus et le point que préfère M. E. Tapeinos.

Satyre, quelle que soit au juste sa position, n'a pas une histoire bien longue. En 717, son port offrit un refuge à une partie de la flotte sarrazine conduite contre Constantinople par Izid, refuge précaire qui ne put sauver les bâteaux ennemis des atteintes du feu grégeois[6]). Au siècle suivant, Satyre était un des *proasteia* bithyniens où le préfet de la capitale était

[1]) Τὰ ἀνατολικὰ προάστεια τοῦ Βυζαντίου dans l'Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς Σύλλογος, t. XII, p. 47.

[2]) Βυζαντιναὶ ἐπιγραφαὶ dans l'Ἀρχαιολογικὸν παράρτημα τοῦ XIX τόμου τοῦ Ἑλλ. Φιλ. Συλλ., p. 27.

[3]) *Rufinianes*, loc. cit.

[4]) *Esquisses byzantines*, Paris, 1874, p. 18.

[5]) *Op. cit.* p. 65 et 75.

[6]) **Nicéphore**, Ἱστορία σύντομος, éd. de Boor, p. 54; **Théophane**, *Chronographia*, ad annum 6209, t. I, p. 397; **G. Cedrenus**, *op. et loc. cit.*

tenu d'aller au devant de l'empereur quand celui-ci revenait de quelque voyage dans les provinces asiatiques[1]).

Ce dernier passage donne à entendre que la cour possédait un pied-à-terre sur la plage de Satyre. Mais cette villa devait être fort peu importante. Ailleurs, en effet, Constantin Porphyrogénète mentionne les chateaux d'Hiéria et de Bryas sans mentionner celui de Satyre[2]).

Au monastère Saint-Michel, d'après nous, le patriarche Ignace vécut seulement son dernier sommeil. S'il fallait en croire M. E. Tapeinos[3]), l'illustre pontife en aurait été l'higoumène après avoir été renversé une seconde fois du trône œcuménique, μετὰ τὴν δευτέραν αὐτοῦ πατριαρχείαν. Mais depuis quand saint Ignace fut-il déposé deux fois? Réinstallé patriarche le 23 novembre 867, Ignace mourut patriarche le 23 octobre 877. L'histoire est là pour l'affirmer, et la petite synaxe des Ménées qui prétend le contraire est bien le dernier document que M. E. Tapeinos eût dû consulter.

Au lendemain de sa mort, survenue à la date que je viens de dire, saint Ignace reçut les honneurs de la sépulture dans son couvent de l'archange. Ce fait semble établir que le monastère de terre ferme, bien que fondé en dernier lieu, l'emportait sur les trois maisons religieuses précédemment ouvertes par Ignace dans l'archipel des Princes. Saint-Michel conserva-t-il longtemps cette importance? Les auteurs byzantins ont oublié de nous renseigner sur ce point et nous ne pouvons que nous taire comme eux.

Nous pouvons cependant, grâce au Typicon dont Jean II Comnène dota le monastère constantinopolitain du Pantocrator, déclarer, que Satyre n'était plus, durant la seconde moitié du XIIe siècle qu'une maison religieuse de second ordre. Dans son acte de 1124, Jean II le signale comme un simple métokhion du Pantocrator. La maison de l'archange compte encore 18 moines, mais ces 18 moines n'ont plus et ne peuvent plus avoir un higoumène en propre: celui qui préside aux destinées du Pantocrator, celui-là seul a droit de leur commander et de se présenter comme l'higoumène de Satyre[4]).

---

[1]) **Constantin Porphyrogénète**, *op. et loc. cit.*
[2]) *De administrando imperio*, 51, **Migne**, *P. G.*, t. CXIII, col. 385.
[3]) *Op. cit.* p. 66.
[4]) **A. Dmtrievski**, *Typika*, Kiev, p. 675 et 676.

Pourquoi, à propos du couvent ignatien, Skarlatos Byzantios[1]) et E. Tapeinos[2]) mentionnent-ils Michel Cérulaire et sa déposition? L'avant-dernier mois de 1059, quand Isaac Comnène le fit empoigner par les rudes Varègues de sa garde, Michel Cérulaire se trouvait dans un sien monastère des saints anges pour y célébrer la solennité du 8 novembre. S'ensuit-il, malgré l'ordinaire confusion de patronage et de culte établie en Orient comme en Occident entre l'ensemble des milices célestes et leur chef saint Michel, s'ensuit-il que ce couvent des saints anges fût celui de Satyre? Assurément non. Le couvent de Cérulaire s'élevait dans la banlieue thrace, nullement dans la banlieue asiatique: ce qui le prouve c'est que, mené directement de son monastère au bateau qui devait le transporter en exil, le patriarche fut embarqué au port des Blakhernes[3]), dans le fond de la Corne d' Or. De plus, le couvent de Cérulaire s'élevait à l'ouest de Constantinople, nullement à l'est: Michel Attaliate le déclare en toutes lettres[4]) et son dire est en trop parfait accord avec la donnée de l'embarquement aux Blakhernes pour qu'il y ait lieu de douter.

Du Cange, dans ses notes à l'*Alexiade*[5]) et sa *Constantinopolis christiana*[6]), a cru pouvoir prendre pour Satyre le monastère τοῦ Πατριάρχου où Anne Comnène fait camper un des chefs croisés, le comte Raoul[7]). Par malheur, ainsi qu'il résulte du contexte, le camp de Raoul se trouvait en terre d'Europe. Le comte et les 15000 soldats de son armée étaient arrivés par le haut de la presqu'île illyrique et c'est en arrivant à Constantinople qu'ils s'établirent près du couvent du Patriarche et le long de la rive thrace du Bosphore jusqu'à Sosthène. La position de Satyre trois heures à l'est du Bosphore en terre d'Asie ne permet pas de maintenir un seul instant l'identification proposée par Du Cange. On s'étonne que Skarlatos Byzantios[8]) et M. E. Tapeinos[9]), deux auteurs vivant sur les lieux, soient encore allés invoquer ce texte de l'Alexiade

---

1) *Op. cit.* t. II, p. 282.
2) *Op. et loc. cit.*
3) **Jean Skylitzès**, *Historia*, **Migne**, *P. G.*, t. CXXII, col. 372.
4) *Historia*, édit. de Bonn, p. 68.
5) Edit. de Venise, p. 85.
6) Lib. IV, sect. XV, N° 42, édit. de Venise, p. 132.
7) *Alexiade*, lib. X, édit. de Venise, p. 236.
8) *Op. cit.*, t. II, p. 281.
9) *Op. cit.*, p. 65.

à propos du monastère ignatien. Par le premier de ces deux topographes, il est vrai, le texte en question n'en est pas moins appliqué, et ici avec raison, au monastère dit du Patriarche qu'il s'élevait dans la banlieue européenne[1]). Mais pourquoi se contredire ainsi à quelques pages de distance?

Comme on le voit, n'était le passage du Typicon du Pantocrator, l'histoire du Saint-Michel du patriarche Ignace s'arrêterait pour nous à la mort de son fondateur. Les deux autres mentions postérieures que l'on a cru en trouver dans les auteurs byzantins regardent l'une et l'autre deux couvents qui n'ont rien de commun avec lui. Cela étant, force nous est d'avouer notre ignorance à son endroit et d'attendre la mise au jour de nouveaux documents pour en parler plus au long.

III. La vie monastique à Pita et à Oxia.

Nous en avons fini avec les quatre couvents fondés par saint Ignace de Constantinople. Comme les trois premiers de ces monastères nous ont retenus assez longtemps sur trois écueils de l'archipel des Princes et que nous avons à cœur de ne pas faire de jaloux parmi les îlots secondaires de cet archipel, il nous faut quitter encore une fois la terre ferme et voguer loin de Satyre pour rendre visite à Pita et à Oxia.

A. Pita

Pita, au nord-est d'Antigoni, tire son nom on ne sait d'où. Des gens sans poésie lui trouvent la forme d'une *tourte* et l'écrivent Πήττα. D'autres, moins terre à terre, disent qu'elle portait autrefois beaucoup de *pins* et l'apparentent à πίτυς. Vraie ou non, cette dernière étymologie ne saurait suffire à nous la faire identifier, comme le veulent T. de Hammer[2]) et P. Tchihatchef[3]), avec la Πιτυώδης d'Artémidore et la *Pitiodes* de Pline De fait, Pita est vraiment trop petite pour que ces deux auteurs aient entendu parler d'elle au détriment de l'une ou l'autre de ses grandes soeurs, les quatres principales îles de l'archipel.

Ignorant l'ancien nom de l'ilot, nous ne pouvons connaître son histoire. Ou plutôt, sans doute, notre îlot n'a point d'histoire. Le seul fait que Hammer[4]) prétend porter à son compte ne

[1]) *Op. cit.*, t. II, p. 102.
[2]) *Op. cit.*, t. II, p. 359.
[3]) *Le Bosphore et Constantinople*, p. 68.
[4]) *Op. cit.*, t. II, p. 371.

lui appartient point. En 477, raconte Georges Cedrenus [1]), l'empereur Zénon vainquit Basilisque et se mit à tirer vengeance de tous ceux qui avaient soutenu cet usurpateur: pour sa part, accusé de compter parmi les partisans de Basilisque, Pierre le Foulon fut exilé εἰς Πιτυούς. Ce lieu d'exil se confond-il avec notre écueil? Tout le monde jusqu'ici y a toujours vu *Pityonte,* la place bien connue de Lazique, et je ne crois pas que l'opinion contraire de Hammer doive prévaloir [2]).

Ainsi Pita nous dérobe tout son passé. A émettre une opinion sur le nom quelle pouvait porter aux temps byzantins, je penserais plutôt, mais sans rien affirmer, à ce mot Μεσονήσιον qui figure dans le chrysobulle trois fois mentionné de Manuel Ier Comnène. La position de Pita à l'entrée du détroit qui sépare Antigoni de Khalki en fait vraiment l'*îlot du milieu.* C'est aussi l'*îlot du milieu,* si on la compare aux quatre grandes îles, puisqu'il en a deux à droite et deux à gauche. C'est encore l'*îlot du milieu* par rapport à tout l'archipel, puisque Khalki, Prinkipo, Andérovitos et Niandro l'avoisinent à l'est à peu près dans le même ordre que Antigoni, Proti, Plati et Oxia à l'ouest. Malgré tout, cependant, cette identification de Μεσονήσιον avec Pita n'est qu'une simple conjecture.

Au cas où elle serait juste, nous pourrions dire que des moines habitaient notre îlot au mois de mars 1158. Donnée historique bien insignifiante en soi, mais précieuse du moment qu'il s'agit d'un point dont nous ne savons absolument rien autre chose.

B. Oxia.

De Constantinople et de Chalcédoine, de partout où l'on a vue sur le nord de la Propontide, *Oxia,* l'île abrupte et *pointue,* s'impose au regard. C'est la plus occidentale du groupe. Son nom, en grec Ὀξεῖα, est aujourd'hui, comme sa forme, tel qu'il était autrefois. Aucun doute par conséquent sur son identification.

Oxia est souvent mentionnée par les chroniqueurs et presque toujours à l'occasion de proscrits ou de moines. Mais ces mentions, il faut les chercher dans le texte original, et en y regardant de près, car parfois les éditeurs occidentaux ont pris

[1]) *Historiarum compendium,* Migne, *P. G.*, t. CXXI, col. 672.
[2]) Pityonte, tout le monde le sait, était un lieu de relégation ordinaire: saint Jean Chrysostome, par exemple, était en route pour s'y rendre lorsqu'il mourut à Comane.

le mot 'Ὀξεῖα, nom propre, pour un simple adjectif et l'ont traité en conséquence. Ainsi, par exemple, en a agi le bollandiste Daniel Papebroch: sous sa plume, notre pauvre 'Ὀξεῖα νῆσος est devenue une *abrupta insula* quelconque [1]).

Le passage qui a donné lieu à cette version tout ensemble si fidèle et si inexacte est de saint Théodore Studite [2]). Là, le grand higoumène nous apprend que son oncle saint Platon fut interné à Oxia de janvier 809 à 811. Etait-ce dans une cellule de monastère? Etait-ce dans un vulgaire cachot? Le studite ne nous en dit rien, mais je croirais volontiers que l'îlot ne portait pas encore alors de maison religieuse.

Après saint Platon, les deux premiers personnages que nous trouvions à Oxia sont des prisonniers politiques très redoutables, de ces prisonniers auxquels une geôle taillée dans le roc vif convenait mieux qu'une chambrette de cénobite. Est prisonnier politique à Oxia en 1027 et 1028, ce Basile Scléros dont j'ai signalé le duel, l'incarcération et la perte des yeux à propos de l'île Plati qui fut le lieu d'exil de Prusian le Bulgare son rival. Est prisonnier politique à Oxia en 1078 ce Nicéphore, surnommé Nicéphoritzès, qui avait gouverné l'empire sous Michel Parapinace et que les eunuques de Botoniate envoyèrent tuer sur son écueil, ἐν τῇ νήσῳ Πρώτῃ, dit Jean Skylitzés [3]) mais τῇ 'Ὀξείᾳ καλουμένῃ νήσῳ, écrit Nicéphore Bryenne [4]).

Dès cette fin du XIe siècle la vie religieuse commence à poindre sur l'îlot pointu. Le patriarche Jean d'Antioche est un ascète d'Oxia. Un discours de lui sur le charisticariat est signé: Τοῦ ἁγιοτάτου καὶ μακαριωτάτου πατριάρχου 'Ἀντιοχείας κυροῦ 'Ἰωάννου, τοῦ ἐν τῇ 'Ὀξείᾳ νήσῳ ἀσκήσαντος [5]). Quelques pages ascétiques de lui encore inédites se terminent par ces mots: Τέλος τῆς βίβλου τοῦ μακαριωτάτου πατριάρχου 'Ἀντιοχείας κυροῦ 'Ἰωάννου, τοῦ ἐν τῇ 'Ὀξείᾳ [6]). Jean d'Antioche n'est pas que l'auteur de ces deux écrits. De lui, récemment, le P. Alexandre

[1]) *Acta Sanctorum* aprilis t. I, p. 372. Cf. **G. Pien,** *Acta Sanctorum* julii t. III, p. 381.
[2]) *Laudatio S. Platonis,* 39, **Migne,** *P. G.* t. XCIX, col. 841.
[3]) *Historia,* **Migne,** *P. G.* t. CXXII, col. 476.
[4]) *Historiarum* lib. III, 26, **Migne,** *P. G.* t. CXXVII. col. 173. **G. Zonaras,** *Annales* XVIII, 19. **Migne,** *P. G.* t. CXXXIII, col. 292, reste neutre et désigne une des îles des Princes sans indiquer laquelle.
[5]) **J. B. Cotelier,** *Ecclesiæ Græcæ monumenta,* t. I, p. 159, **Migne,** *P. G.* t. CXXXII, col. 1118.
[6]) **P. Lambecius,** *Bibliotheca Cæsarea Vindobonensis,* t. V, col. 222.

de Lavra a publié un discours εἰς τὸν βασιλέα κύριον Ἀλέξιον τὸν Κομνηνόν sur l'affaire des biens sacrés qui agita l'Egise de Constantinople sous le règne de ce prince[1]) et une Συμβουλή πρὸς τοὺς βασιλεῖς relative au même sujet[2]). Cotelier[3]) lui attribue en outre les *Excerpta Johannis Antiocheni contra Latinos* d'un manuscrit de Vienne[4]) ainsi que le passage *Johannis Antiocheni episcopi ad Theodorum episcopum Ephesinum* qu'Allatius cite à propos du baptême et de la communion des enfants[5]). Cette attribution, au moins en ce qui regarde le dernier écrit, est d'autant plus vraisemblable que le siège d'Ephèse posséda réellement un titulaire du nom de Théodore à cette époque[6]).

Quand je dis: *à cette époque,* j'entends le dernier quart du XIe siècle. Cotelier[7]), suivi encore de nos jours par M. A. Ferradou[8]) préférait faire vivre notre prélat vers 1150. Voyant, d'une part, que l'auteur du discours sur le charisticariat plaçait lui-même 400 ans, τετρακοσίων ἤδη χρόνων παρῳχηκότων, entre l'iconoclasme et son temps[9]), il trouvait ce Jean trop récent pour être identifié avec celui qui occupait le siège d'Antioche au moment de la prise de cette ville par les Croisés en 1098[10]). Voyant, d'autre part, que Théodore Balsamon, lui-même patriarche d'Antioche en 1193, parlait de l'auteur du discours sur le charisticariat, τοῦ πατριάρχου ἐκείνου Ἀντιοχείας κυροῦ Ἰωάννου[11]), en termes qu'il n'aurait certainement pas employés vis-à-vis de son prédécesseur immédiat, il jugeait bon de le fixer une quarantaine d'années auparavant. Excellent calcul, mais qui prenait trop à la lettre la mention des quatre siècles écoulés depuis l'iconoclasme. Avec les seules allusions historiques du discours sur le charisticariat, C. Oudin[12]) et M. F. Chalandon[13])

[1]) Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, t. XX (1900) p. 354—358 et 362—363.
[2]) *Ibid.*, p. 364—365.
[3]) *Op. cit.*, t. I, col. 747 et 748.
[4]) **P. Lambecius**, *Op. cit.*, t. IV, col. 339.
[5]) *De ætate et interstitiis in collatione ordinum etiam apud Græcos servandis*, Rome, 1633, p. 215.
[6]) Mgr. Anthime d'Amasia n'inscrit point ce Théodore dans son catalogue épiscopal d'Ephèse, Νεολόγος № 6190, 2/14 mars 1890; mais on le trouve dans Le Quien, *Oriens christianus*, t. I, col. 686.
[7]) *Op. cit.*, col. 747.
[8]) *Des biens des monastères à Byzance*, p. 236.
[9]) **Cotelier**, *op. cit.*, p. 169.
[10]) **Guillaume de Tyr**, *Historia*, VI, 23; **Albert d'Aix** *Historia* V, 1; *Recueil des Historiens des Croisades: Historiens occidentaux*, t. I, p. 274; t. IV, p. 433.
[11]) *Concile* VII canon 13, **Migne**, *P. G.*, t. CXXXVII, col. 957.
[12]) *De scriptoribus ecclesiasticis*, t. II, p. 842.
[13]) *Essai sur la règne d'Alexis Ier Comnène*, Paris, 1900, p. XXIX.

n'ont pas eu de peine à établire que Jean d'Oxia était bien le contemporain d'Alexis Ier Comnène. Depuis, ainsi que l'a fait remarquer le P. L. Petit[1]), les deux nouveaux écrits extraits du codex athonite ont pleinement confirmé leur manière de voir. Le λόγος est adressé a l'empereur Alexis en personne et les allusions aux événements du règne y sont de toute clarté. Quant à la Συμβουλή ou du moins à une petite pièce qui l'accompagne, elle porte la date de l'an du monde 6590, correspondant au 1er septembre 1081 — 31 août 1082[2]).

De Jean d'Antioche simplement présenté comme ascète de l'île Oxia, on ne saurait dire s'il fut higoumène, ou moine, ou solitaire. Mais peu d'années plus tard, la vie cénobitique régne en maîtresse incontestée sur l'îlot pointu. Si Michel II Kourkouas, patriarche œcuménique de 1143 à 1146, porte le surnom d'*Oxitès*, c'est qu'il a passé par le monastère d'Oxia. *Auf der Insel Oxeia war der Patriarch Michael Oxyta geboren*, a écrit Hammer[3]); mais c'est là une grosse erreur que tous les documents réfutent. Pour Michel Oxia est non pas le lieu de sa naissance, mais le lieu de sa profession religieuse. Michel appartient au cloître insulaire d'Oxia.

Ici, Du Cange nous arrête. Placé devant les deux textes où Jean Cinname[4]) et Nicétas Khoniatès[5]) racontent l'élection du patriarche Michel, Du Cange a prétendu que le surnom d'Oxytès lui venait, non pas d'une île, mais d'une montagne. Un ὄρος τῆς Ὀξείας est connu, en effet, dans les environs de Chalcédoine pour avoir servi de retraite à saint Auxence de 442 à 451 ou 452, un ὄρος qu'il faut très probablement identifier avec le Kara-Bach-Baïr moderne. Mais est-ce bien vraiment de cette colline que Jean Cinname et Nicétas Khoniatès entendent parler lorsqu'ils présentent Michel Kourkouas comme l'higoumène d'Oxia? Certainement non. Ils entendent l'un et l'autre désigner l'île.

Pour établir ce point je n'invoquerai point Néophyte d'Arta qui nous montre Michel ἐν τῇ νήσῳ τῇ Ὀξείᾳ[6]), car Néophyte

[1]) *Echos d'Orient*, t. IV (1901) p. 315.
[2]) Ainsi croulent les dates, suspectes à force de précision, fournies par le patriarche Konstantios dans son Περὶ τῶν ἐν Ἀντιοχείᾳ πατριαρχευσάντων. Pour lui, Jean d'Oxia, élu au siége d'Antioche en 1155, serait mort en 1159, après quatre années de pontificat! Συγγραφαὶ ἐλάσσονες, Constantinople, 1866, p. 132.
[3]) *Op. cit.*, t. II, p. 370.
[4]) *Historiarum* lib. II, **Migne**, *P. G.* CXXXIII, col. 348.
[5]) *De Manuele Comneno*, I, 2, **Migne**, *P. G.* t. CXXXIX, col. 381.
[6]) Χρονικὸν σύντομον dans la Πατμιακὴ Βιβλιοθήκη de J. Sakkelion, Athènes, 1890, p. 305.

est vraiment trop tardif. Je n'invoquerai même pas l'Anonyme du XIIIe siècle qui nous dit comment en 1143 le choix de tous alla πρὸς τὸν ἀπὸ τῆς Ὀξείας ... μονῆς μοναχὸν Μιχαήλ [1]) et nous montre en 1146 τὸν Ὀξείτην παραιτησάμενον κἂν τῇ νήσῳ Ὀξείᾳ ἀποφοιτήσαντα [2]). Je n'invoquerai par non plus les vers d'Ephrem le Chronographe:

Μονῆς προεστὼς εὐαγοῦς τῆς Ὀξείας
Ὅστις ἑκὼν λέλοιπε ἱεραρχίαν,
Πρὸς νησίδα δὲ καὶ μονὴν τῆς Ὀξείας
Ἐπαναδραμὼν .. [3])

Pour établir qu'il s'agit bien de l'île et non de la colline, je citerai simplement les deux historiens invoqués par Du Cange, je veux dire Jean Cinname en personne, Nicétas Khoniatès en personne. Cinname dit expressément que Michel gouvernait un couvent insulaire: τοῦ κατὰ τὴν νῆσον, ἣν Ὀξεταν ἐκ τῆς θέσεως καλοῦσιν, ἦρχε φροντιστηρίου [4]) Et Nicétas, narrant la chute du patriarche, déclare que le prélat s'en retourna πρὸς τὴν νῆσον τὴν Ὀξεῖαν ... καθ' ἣν τὸν ἄσκευον βίον καὶ ἀπέριττον ἐκ παιδὸς ἐπανῄρητο [5]). On ne peut désirer témoignage plus clair.

En 1143, quand Michel Kourkouas démissionna du siège œcuménique, son monastère oxien avait un certain Grégoire comme supérieur. C'est ce que nous apprend une lettre de Théodore Prodrome, intitulée: πρὸς Γρηγόριον μοναχὸν καὶ καθηγούμενον τῆς ἐπὶ Ὀξείᾳ νήσῳ σεβασμίας μονῆς τῶν Βουλγάρων, ὅτε ἦλθε πρὸς τὸ νησίον ὁ ἁγιώτατος ἡμῶν δεσπότης ἀπὸ τοῦ πατριαρχείου ἀρρωστήσας καὶ παραιτησάμενος [6]). Ce Grégoire, correspondant de Théodore Prodrome, est le même que celui dont un codex de Vienne conserve deux lettres annoncées en ces termes, la première: Γρηγορίου μοναχοῦ καὶ καθηγουμένου τῆς ἐν τῇ Ὀξείᾳ νήσῳ σεβασμίας μονῆς, τοῦ Βουλγαρίου, ἐπιστολὴ τῷ Καίσαρι, la seconde: Τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὴν Πορφυρογέννητον κυρίαν Θεοδώραν ἐπὶ τῷ θανάτῳ τοῦ Πανυπερπρωτοσεβαστοϋπερτάτου Δεσπότου τοῦ Ἀνεμοῦς [7]).

[1]) Ἀνωνύμου σύνοψις χρονική dans la *Bibliothec a graeca medii aevi* de K. Sathas, t. VII, p. 218.
[2]) P. 231.
[3]) *Caesares*, vers 10136—10139, **Migne**, *P. G.*, t. CXLIII, col. 369.
[4]) *Op. et loc. cit.*
[5]) *Op. cit.*, II, 3, col. 413.
[6]) **Migne**, *P. G.*, t. CXXXIII, col. 1289.
[7]) **P. Lambecius**, *Bibliotheca Caesarea Vindobonensis*, t. v. Vienne, 1778, p. 479.

Si j'ai donné ces longs intitulés en grec, c'est que, en dehors de leur intérêt historique général, toute une petite discussion s'y rattache relative au nom du monastère oxien. Le monastère oxien, dit M. M. Gédéon [1]), s'appelait μονὴ τῶν Βουλγάρων. Rien de plus vrai si l'on s'en tient au libellé de la lettre de Théodore Prodrome, tel qu'il se lit imprimé. Mais le passage du manuscrit viennois que je viens de citer donne à réfléchir. A le lire comme Lambecius, à y conserver la virgule placée entre μονῆς et τοῦ Βουλγαρίου, il semblerait plus naturel d'appliquer ces deux derniers mots à l'higoumène Grégoire. Oui, si je ne me trompe, ces deux mots constitueraient plutôt le surmon de Grégoire que le nom de son monastère. La place qu'il occupent dans la phrase ne contredit point cette interprétation: rien n'est plus conforme à l'usage byzantin, en effet, que d'intercaler tous les titres d'un personnage entre son nom et son surnom. Les deux mots ainsi entendus, notre monastère resterait anonyme, mais son supérieur de 1146 y gagnerait d'être plus complètement connu. Il faudrait un peu retoucher τῶν Βουλγάρων, un peu aussi Βουλγαρίου, et l'on aurait devant soi quelque chose comme un Grégoire Boulgaris, un Grégoire le Bulgare.

Quoi qu'il en soit de ce point, Grégoire n'eut probablement pas à se démettre de l'higouménat pour le céder à Michel Kourkouas lorsque celui-ci descendit du trône œcuménique et retourna dans son île. Du moins, l'ex-patriarche ne paraît pas y avoir beaucoup recherché les honneurs. Dès son retour au couvent, racontent les auteurs [2]), on le vit se coucher à la porte de l'église et tous les moines furent, bon gré mal gré, réduits à lui passer sur le corps.

Une douzaine d'années plus tard, en 1158, le chrysobulle de Manuel 1er nous atteste, lui aussi, l'existence du couvent sur l'île Oxia. Là, rivés au rocher stérile et nu, les moines devaient être loin de trouver sur place de quoi subsister. D'où la necessité pour eux d'avoir une procure dans la grande cité pourvoyeuse, je veux dire à Constantinople. On connaît comme leur ayant appartenu au XIIIe siècle le petit immeuble dont

---

[1]) Τυπικὸν τῆς ἐπὶ τοῦ βουνοῦ τοῦ Αὐξεντίου σεβασμίας μονῆς Μιχαὴλ τοῦ Ἀρχαγγέλου, Constantinople, 1895, p. 75.

[2]) **Nicétas Khoniatès**, *op. cit.*, II, 3, col. 413; **Ephrem**, *op. cit.*, vers 10139—10143, col. 369; Ἀνωνύμου σύνοψις χρονική, *loc. cit.*

Georges Pachymère parle quelque part en ces termes: τὸ ἐν τῇ Βαρβάρᾳ κελλύδριον τοῦ θαυματουργοῦ Νικολάου, ὃ δὴ καὶ συνίστατο τότε πρὸς τῇ θαλάσσῃ καὶ ὡς μετόχιον τῇ Ὀξείᾳ ἡρμόζετο[1]).

L'historien mentionne ce modeste *métokhion* à propos de la seconde chute d'Arsène Autorianos qui fut patriache œcuménique d'abord à Nicée de 1254 à 1260, puis à Constantinople de 1261 à 1267. Arsène, dit Pachymère, passa dans le métokhion susdit le jour qui précéda son départ pour l'exil de Proconnèse. Et il ajoute à cette occasion que le patriarche s'était initié à la vie religieuse daus le couvent d'Oxia: τὸ ῥάκο ἐκεῖνος ἐν τῇ Ὀξείᾳ πρώτως ὑπέδυ τὸν μοναχὸν μεταμφιεννύμενος[2]).

Contre ce renseignement Ephrem le Chronographe proteste. Ses vers sur Autorianos sont ainsi conçus:

Σειρὰν γένους ἕλκων μὲν ἐκ Βυζαντίου,
Κομὴν δὲ καρεὶς ἐν μοναῖς τῆς Νικαίας
Καὶ τῇδε δειχθεὶς καὶ μονῆς ἐπιστάτης
Εἶθ' ἡσυχάζων καὶ Θεῷ προσανέχων
Ἐν Ἀπολλωνιάδος ἀσκητηρίοις[3])

Sans parler de son higouménat à Nicée, c'est bien dans le lac d'Apollonias que les autres auteurs byzantins rencontrent Arsène au moment de son élection. D'après eux, il menait la vie solitaire dans un des îlots du lac: ἐν τῇ τῆς Ἀπολλωνιάδος λίμνῃ, dit Georges l'Acropolite[4]) ἐν Ἀπολλωνιάδι τῇ λίμνῃ, répète Nicéphore Calliste[5]); περὶ ἕν τι τῶν ἀσκητηρίων ὃ κατὰ τοὺς τῆς Ἀπολλωνιάδος ἵδρυται χώρους, écrit Nicéphore Grégoras[6]).

Qui a raison de Georges Pachymère ou d'Ephrem? Pour répondre il convient de consulter la Σύνοψις χρονική de Sathas. L'auteur de cette chronique est un contemporain, un ami, un commensal d'Arsène Autorianos; ses renseignements sur la question qui nous occupe ne sauraient être révoqués en doute. Or, ses renseignements, les voici[7]). Fils d'Alexis Autorianos, né à

[1]) *De Michaele Palæologo,* IV, 8, **Migne,** *P. G.*, t. CXLIII, col. 717 et 718.
[2]) *Ibid.*
[3]) *Op. cit.*, vers 10275—10279. col. 376.
[4]) *Annales*, 53, **Migne,** *P. G.*. t. CXL, 1124.
[5]) *Catalogue patriarcal* dans **Bandnri,** *Imperii orientalis pars* III, édit. de Venise, p. 170.
[6]) *Byzantinæ annales*, III, 2, **Migne,** *P. G.*, t. CXLVIII, col. 181.
[7]) *Bibliotheca græca medii aevi,* t. VII, p. 511.

Byzance et baptisé sous le nom de Georges, le futur patriarche œcuménique de 1255 devint moine à Oxia sous le nom de Gennade: μοναχὸς ἀποκαρεὶς . . . τῆς ἐν τῇ 'Οξείᾳ μονῆς, Γεννάδιος μετωνόμασται. Plus tard, changeant une seconde fois, Gennade se fit appeler Arsène en souvenir de son père qui avait pris ce nom en prenant l'habit religieux avant de mourir. En 1254 Autorianos était supérieur de son monastère, τῆς 'Οξείας ἡγούμενος. Adjoint cette année-là à l'ambassade envoyée au pape par Jean Vatatzès, il accompagna Georges de Cyzique et Andronic de Sardes jusqu'à Rome et plaida comme eux la cause de son Eglise et de sa patrie auprès d'Innocent IV. De retour en Orient, Arsène ne voulut plus reprendre les soucis de l'higouménat. Pour ne plus commander à Oxia, τῆς 'Οξείας προΐστασθαι, — τὴν τῆς 'Οξείας ἐπικρατεῖν, il résolut de mener la vie solitaire ἐν τῇ τῆς 'Απολλωνιάδος λίμνῃ. C'est là, ἔν τινι τῶν κατὰ τὴν 'Απολλωνιάδα λίμνην νησιδίων, que Théodore II Lascaris, successeur de Jean Vatatzès, vint le prendre tout à la fin de 1254 pour l'élever au patriarcat.

Après les détails qui précèdent personne plus ne doutera que le patriarche Arsène Autorianos ne soit un Oxien. Ephrem s'est donc trompé à son endroit. Erreur d'un seul mot, d'ailleurs, et qui disparaîtrait si l'on pouvait lire tel de ses vers:

Κομὴν δὲ καρεὶς ἐν μοναῖς τῆς 'Οξείας.

Que notre patriarche fût Oxien voilà qui est prouvé, mais encore de quelle Oxia s'agit-il? Du Cange, commentant le passage de Pachymère cité tout à l'heure, l'a compris du mont Oxia de saint Auxence. A-t-il eu raison? Je ne crains pas de répondre par la négative. Nous savons par l'histoire de Jean d'Antioche et de Michel Kourkouas ainsi que par le chrysobulle de Manuel Ier Comnène que l'*île* Oxia possédait une maison religieuse importante. Nous ne pouvons, au contraire, citer le moindre texte qui parle d'une maison religieuse au *mont* Oxia, pas le moindre texte même qui désigne clairement cette colline connue par les seules biographies de saint Auxence. Comment, dans ces conditions, lorsqu'on nous parle d'un monastère oxien, le placerions-nous sur le mont et non dans l'île?

Relevons une erreur de Muralt et nous aurons épuisé les rapports d'Arsène Autorianos avec notre îlot. Muralt nous montre Arsène à Oxia après son deuxième patriarcat[1]). La présence

[1]) *Essai de chronographie byzantine* 1057—1453, p. 414.

de ce mot Oxia sous la plume de l'auteur est le fait d'une pure distraction. Comme il est aisé de s'en convaincre en recourant à la source indiquée, c'est-à-dire à Georges Pachymère. Oxia est à remplacer ici par *Proconnèse*[1]).

On ignore si le couvent oxien survécut longtemps aux événements que nous venons de rappeler. L'Anonyme de Sathas, qui écrivait dès la fin du XIIIe siècle, y annonce, il est vrai, la profession d'Arsène Autorianos en termes qui pourraient bien indiquer une ruine rapide. Μοναχὸς ἀποκαρεὶς ἔτι σωζομένης τῆς ἐν τῇ Ὀξείᾳ μονῆς, dit il[2]). Malheureusement le sens de ces deux mots ἔτι σωζομένης prête à discussion. Faut-il traduire: *qui existait encore?* ou bien: *qui existe encore?* Dans le premier cas, nous aurions la preuve que le monastère oxien disparut avant la fin du XIIIe siècle. Dans le second, nous aurions la certitude qu'il continuait à prospérer au moment où l'auteur anonyme tenait la plume.

Pour ce qui est du petit métokhion Saint-Nicolas, Georges Pachymère nous permet d'être plus affirmatif. Il écrit à son sujet: ὃ δὴ καὶ συνίστατο τότε πρὸς τῇ θαλάσσῃ καὶ ὡς μετόχιον τῇ Ὀξείᾳ ἡρμόζετο, et ces deux verbes à l'imparfait avec l'adverbe τότε montrent bien que l'existence du métokhion, en ce premier quart du XIVe siècle où écrit l'historien, est chose d'un passé désormais disparu.

Voilà bien longtemps que nous parlons du couvent oxien et son patron nous est encore inconnu. Peut-être les Ménées vont-ils nous éclairer sur ce point. D'après les Ménées, on célébrait, le 13 janvier, la fête des saints martyrs Hermyle et Stratonice ἐν τῷ εὐκτηρίῳ οἴκῳ τοῦ ἀρχαγγέλου Μιχαὴλ τῷ ὄντι ἐν τῇ Ὀξείᾳ [3]). D'après eux encore, on célébrait, le 19 janvier, une synaxe des saints Lucien, Paula et autres martyrs ἐν τῷ οἴκῳ Ἀναστασίου πατριάρχου ἐν τῇ Ὀξείᾳ [4]). D'après eux enfin, on célébrait, le 3 juin, la mémoire des saints Lucilien, Paula et autres martyrs ἐν τῷ ἁγιωτάτῳ αὐτῶν μαρτυρείῳ τῷ ὄντι πλησίον τοῦ ἀρχαγγέλου Μιχαὴλ ἐν τῇ Ὀξείᾳ [5]). Reste à fixer qu'il s'agit dans ces trois textes d'une seule et même Oxia.

---

[1]) *Op. cit.* IV, 8 et 16, col. 717 et 733—736.
[2]) *Op. et loc. cit.*
[3]) **M. Gédéon,** Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον, p. 58.
[4]) *Ibid.*, p. 60.
[5]) *Ibid.*, p. 111.

Le 19 janvier, au lieu de *Lucien* l'immense majorité des Ménées porte, comme au 3 juin, *Lucilien*. C'est assez dire, les autres personnages correspondant, que le groupe fêté le 19 janvier ne fait qu'un avec le groupe inscrit au 3 juin. D'où il suit que l'οἶκος du patriarche Anastase ἐν τῇ 'Οξείᾳ, sanctuaire désigné pour le 19 janvier, et le μαρτυρεῖον voisin de l'église Saint-Michel-archange ἐν τῇ 'Οξείᾳ, sanctuaire désigné pour le 3 juin, ne doivent présenter aucune différence, ou plutôt ne doivent présenter entre eux d'autre différence que celle existante entre le tout et la partie. D'autre part, l'église de l'archange ἐν τῇ 'Οξείᾳ du 13 janvier et l'église de l'archange ἐν τῇ 'Οξείᾳ du 3 juin ne sauraient être deux constructions distinctes. D'où il résulte que l'Oxia des trois citations ci-dessus est bien un seul et même point.

Du Cange, dans ses notes aux deux passages de Jean Cinname et de Nicétas Khoniatès relatifs à Michel II Kourkouas, a cru devoir appliquer ces trois citations au mont Oxia, premier séjour de saint Auxence. Les topographes grecs de nos jours ne sont pas encore fixés. M. M. Gédéon distingue: il place le sanctuaire Saint-Michel dans l'île; quant à l'οἶκος du patriarche Anastase, il se demande si l'on ne doit pas le transporter sur la colline, bien qu'il finisse pourtant par préférer l'île [1]. M. J. Miliopoulos distingue aussi: il donne Saint-Michel à l'îlot; mais la constuction d'Anastase, il la réserve pour la colline et, toujours identificateur sans preuves, la fixe à de certaines ruines sur l'Aëtos-Dagh [2]. Eh bien! non, il n'y a pas à distinguer. Si, comme je viens de le montrer, l'Oxia des Ménées est toujours un seul et même point, qu'il s'agisse du sanctuaire Saint-Michel ou qu'il s'agisse de la construction du patriarche Anastase, sanctuaire michaëlien et fondation patriarcale doivent tous deux rester unis au même lieu, et ce lieu unique c'est l'île Oxia. Pourquoi? Toujours pour la même raison. Parce que nul texte byzantin, en dehors des biographies de saint Auxence, ne mentionne le *mont* Oxia, tandis que force textes byzantins, en dehors des textes déjà signalés, mentionne l'*île* Oxia.

Ainsi l'établissement insulaire d'Anastase avait une petite chapelle dédiée aux saints martyrs Lucilien, Paula, et compag-

---

[1]) Τυπικόν . . ., p. 75 et. 76.
[2]) Βουνὸς Αὐξεντίου dans la *Byzantinische Zeitschrift*, t. IX (1900), p. 70.

nons: cela résulte de la célébration de leur double fête en ce lieu; — une petite chapelle enrichie de leurs reliques: cela résulte du mot μαρτυρεῖον [1]). Près de cette chapelle s'élevait le sanctuaire Saint-Michel. Le sanctuaire Saint-Michel appartenait-il à l'οἶκος du patriarche ou au monastère oxien? Je ne saurais dire. Si l'on se prononce en faveur du couvent, on aura le patron de la maison religieuse d'où nous avons vu sortir trois patriarches. Mai pourquoi se prononcer à l'aventure, toute preuve faisant défaut?

Au monastère de notre îlot, M. P. Bezobrazov [2]) a rapporté le Τυπικόν que Michel VIII Paléologe rédigea pour un couvent de saint Michel archange, et cette attribution a été reproduite depuis par M. E. Kurtz [3]) et M. K. Krumbacher [4]). Même en admettant que le couvent insulaire fût bien un couvent michaélien, pareille attribution n'est plus soutenable aujourd'hui, car le texte de l'œuvre impériale a paru [5]) et la maison religieuse qu'elle regarde y est formellement placée εἰς τὸ περιθρύλλητον ὄρος καὶ περιώνυμον . . . τῇ τοῦ θείου Αὐξεντίου κλήσει ἐνσεμνυνόμενον [6]). Où l'on voit que nous avons affaire ici au mont Saint Auxence, lequel n'a rien de commun avec Oxia, ni avec Oxia île, ni avec Oxia colline.

Depuis que l'οἶκος du patriarche Anastase nous occupe, le lecteur doit se demander sans doute ce qu'était cet établissement. D'après Skarlatos Byzantios [7]), c'était un orphelinat ou plutôt quelque chose comme une maison de correction pour les mauvais garnements de la capitale. En parlant ainsi, l'auteur de la Κωνσταντινούπολις ne fait qu'identifier deux des trois monuments, église Saint-Michel, orphelinat impérial et sanctuaire du patriarche Anastase, que le brave Konstantios réunit sur notre écueil [8]). Mais où l'auteur de la Κωνσταντινιάς a-t-il pris le renseignement relatif à l'existence de son orphelinat oxien? j'avoue ne pas le savoir du tout, l'ayant demandé en vain à

---

[1]) Cf. **M. Gédéon,** Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον, p. 71.
[2]) *Matériaux pour l'histoire de l'empire byzantin,* dans le *Journal du ministère de l'instruction publique,* Pétersbourg, novembre 1887, t. CCLIV, p. 75.
[3]) *Byzantinische Zeitschrift,* t. II (1898), p. 630.
[4]) *Geschichte der byzantinischen Litteratur,* 2e édit., p. 316.
[5]) De deux côtés à la fois et la même année, par les soins de M. M. Gédéon, édition citée, et par ceux de M. A. Dmitrievski, *Typika,* Kiev, 1895, p. 769—794.
[6]) Τυπικόν . . . p. 20.
[7]) *Op. cit.,* t. II, p. 318.
[8]) Κωνσταντινιάς 2e édit., p. 231.

Konstantios, en vain à Skarlatos Byzantios, en vain aussi aux nombreux modernes qui ont répété la même assertion après eux.

S. E. Aristarchis-bey, qui est le plus récent de ces modernes, va plus loin que tous ses prédécesseurs. Il va jusqu'à nommer un évêque, Nicéphore, qui serait devenu orphanotrophe de l'île Oxia en 877 après sa démission du siège métropolitain de Nicée[1]). Nicétas le Paphlagonien, à qui l'on prétend emprunter ce détail, nous déclare, à la vérité, que Nicéphore fut investi de la charge d'orphanotrophe vers la date dite[2]), mais il ne nous parle nullement d'Oxia et l'on n'avait nullement à compléter sa phrase en ajoutant ce mot. C'est dans la ville même, en effet, que se trouvait le grand orphelinat de Constantinople, et c'est de ce grand orphelinat que l'orphanotrophe avait la direction.

Les trois textes des Ménées cités plus haut doivent s'entendre, ai je-dit voici un instant, de notre îlot. Peut-être aussi, ajouterai-je prudemment mais sans grande conviction, désignent-ils un quartier jusqu'ici peu connu de Constantinople même. Car, et ceci paraît bien certain, un quartier de ce nom existait dans la capitale. Les reliques du martyr Artemius se trouvaient, déclare un manuscrit hiérosolymitain du XIe siècle, εἰς τὸν ἅγιον Ἰωάννην τὸν βαπτιστὴν εἰς τὴν Ὀξεῖαν, πλησίον τῶν Δομνίνου ἐμβόλων[3]) Et le nom de cet Oxia urbain, pour être écrit sans ε à la deuxième syllabe, n'en est pas moins identique à celui de l'Oxia île et de l' Oxia colline.

L'existence de ce quartier à Constantinople peut engendrer des doutes relativement á quelques passages d'auteurs byzantins. Lorsque Georges Hamartole nous montre certains bateaux arabes incendiés par le feu grégeois s'en aller à la dérive μέχρι τῆς Ὀξείας νήσου καὶ τῆς Πλάτης[4]), nous n'avons évidemment aucune hésitation sur le comte du lieu désigné. Mais tous les chroniqueurs de Byzance ne sont pas toujours aussi clairs. Georges Hamartole lui-même nous met dans l'embarras lorsqu'il nous présente sous le régne de Théophile Εὐστάθιον κυαίστορα τὸν ἐπίκλην Μοναχὸν ἐν τῇ Ὀξεία οἰκοῦντα[5]). Et Théophobe, con-

---

[1]) Φωτίου λόγοι καὶ ὁμιλίαι, Constantinople, 1901, t. I, p. 96, de l'introduction.

[2]) *Vita S. Ignatii*, **Migne**, *P. G.*, t. CV, col. 573.

[3]) **A. Papadopoulos-Kerameus**, Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη. t. II, p. 55.

[4]) *Chronicon*, IV, **Migne**, *P. G.* t. CX, col. 925.

[5]) *Op. cit.*, col. 1012.

temporain de cet Eustathe, où habitait-il avant d'être connu et célèbre? Κατὰ τὴν Ὀξεῖαν, répond sèchement un des Continuateurs de Théophane[1]), et Génésius ajoute: Ἐν ταῖς κατὰ τὴν Ὀξεῖαν διατριβαῖς, αἳ τοῦ Βοσπόρου καὶ τοῦ Κέρως Βύζης θυγατρὸς Βύζαντος ἀντικρὺ τούτου καὶ ἄνωθεν καθεστήκασιν[2]). Avec M. M. Gédéon[3]), j'estime que cette Oxia-ci est plutôt celle de Constantinople. Si la trop longue phrase de Génésius ne l'indique pas clairement, l'ensemble du récit relatif à Théophobe semble l'indiquer. Fils naturel d'un noble Persan et d'une petite Constantinopolitaine, Théophobe vivait à Constantinople avec sa mère, là-même où le Persan avait rencontré cette femme. Or, il n'est point croyable que pareille rencontre ait pu avoir lieu sur le rocher de la Propontide.

Ici prennent fin nos modestes observations sur Oxia. A l'îlot de la Propontide appartenait le monastère de ce nom. La hauteur bithynienne homonyme n'apparaît que dans la biographie de saint Auxence. Quant au quartier urbain dit Oxia, il n'est l'objet de la part des auteurs byzantins que de très rares mentions. Lui attribuer au détriment de l'île les divers monuments dont il s'agit dans les Ménées me paraît infiniment peu vraisemblable, attendu que pas un seul autre document topographique relatif à Constantinople ne parle de pareils monuments dans cette partie de la capitale où se trouvait l'Oxia voisine des ἔμβολοι de Domnin.

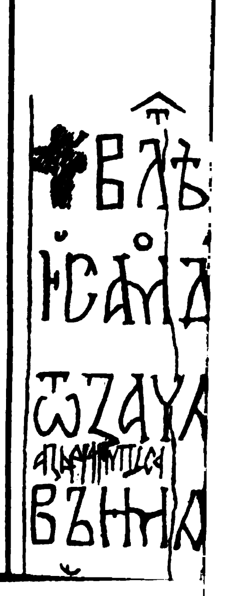
[1]) *Theophilus Michaelis filius*, **Migne**, *P. G.*, t. CIX, col. 124.
[2]) *Reges*, III, **Migne**, *P. G.*, t. CIX, col. 1057.
[3]) Τυπικόν, p. 73.

Табл. № 1. Планъ храма Сорока Мучениковъ.

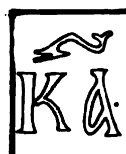
0 0 1 2 3 4 5 6 7 m.

Табл. № 2а. Колонна съ надписью Омортага.

✠ВЛѢ
ЇСАМД
ѾЗАУА
АЦАНИНТІСЯ
ВЪНИК

№ 1.

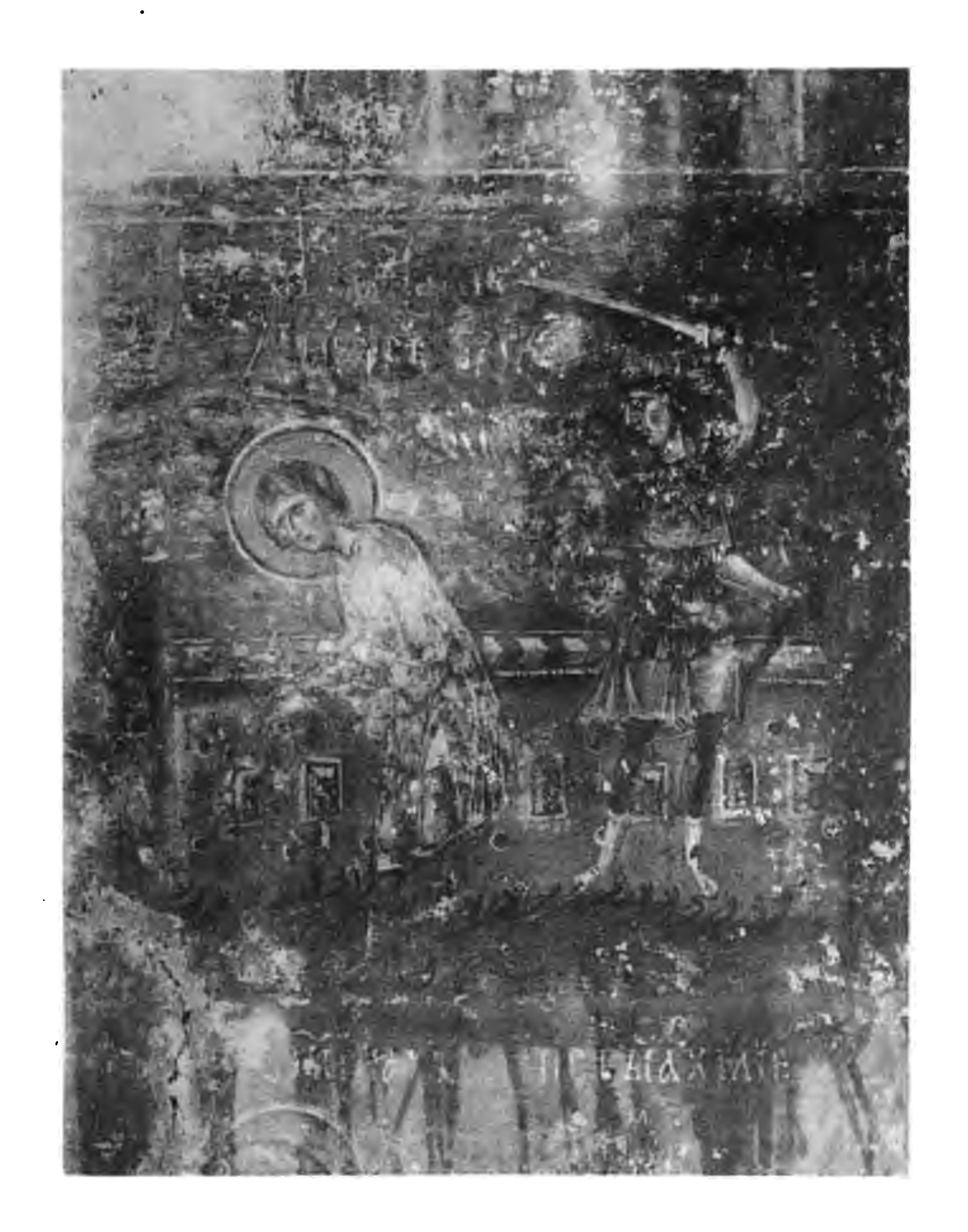

Табл. № 8а. Фрески изъ храма Сорока Мучениковъ.

Табл. № 86. Фрески изъ храма Сорока Мучениковъ.

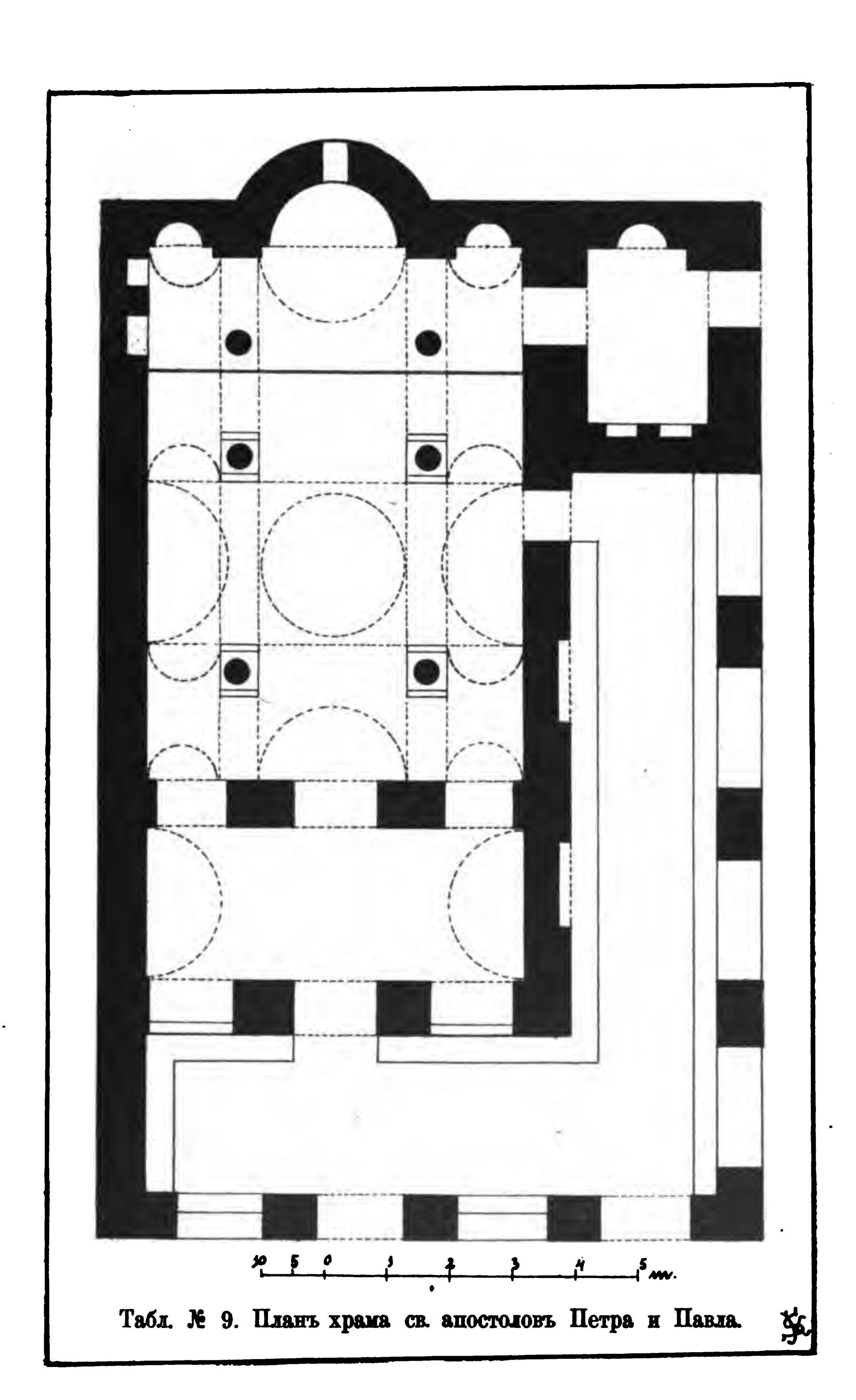
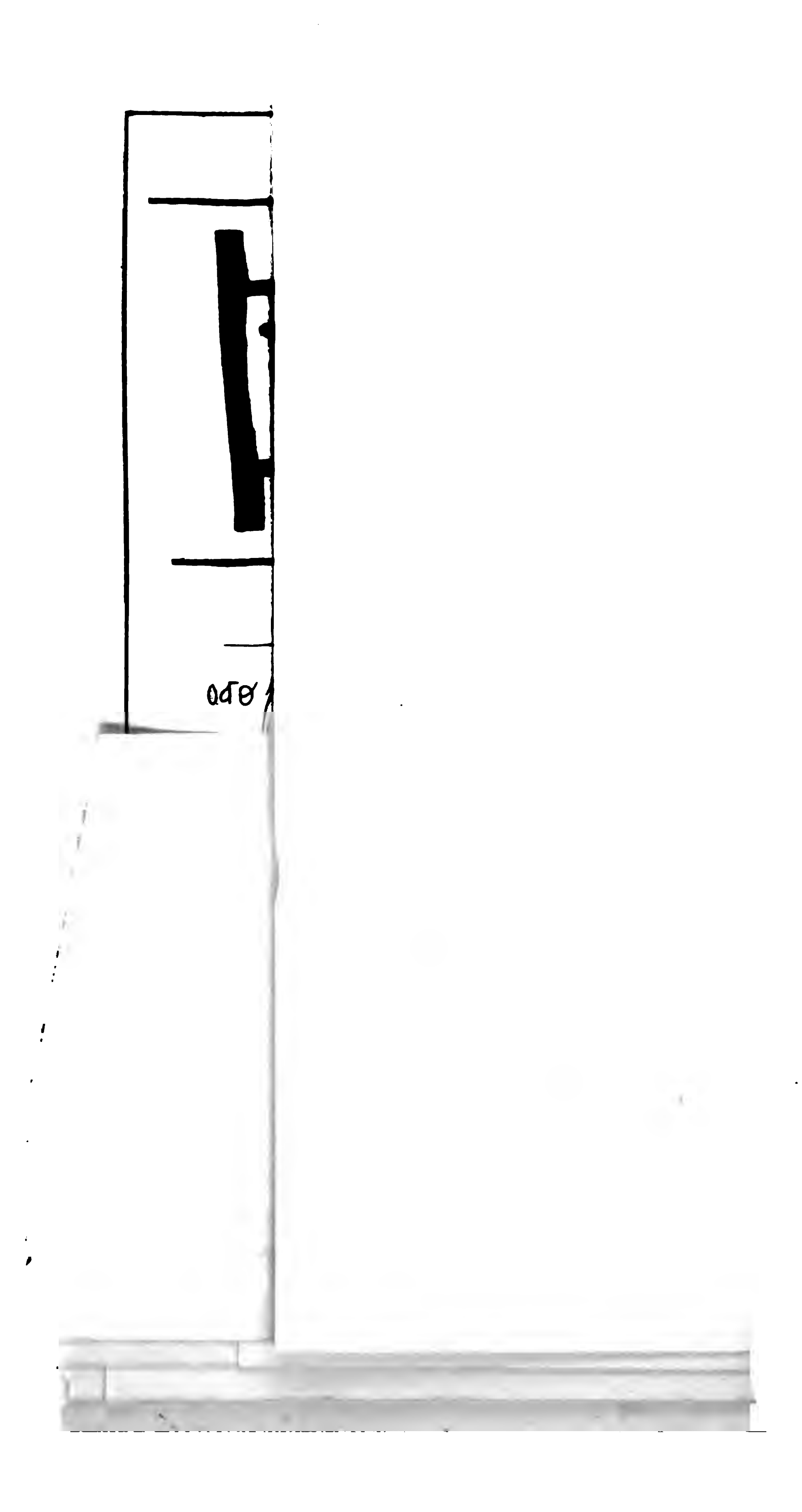

Табл. № 9. Планъ храма св. апостоловъ Петра и Павла.

ИЗВѢСТІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

VII.

ВЫПУСКЪ 2—3.

СОФІЯ
ДЪРЖАВНА ПЕЧАТНИЦА
1902.

Печатано на основаніи § 4 Устава Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Директоръ Θ. Успенскій.

Оглавленіе.

Ө. И. Успенскаго. Археологическіе памятники Сиріи . . . . . . 94—212

Отчетъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1900 годъ . . . . 218—244

Личный составъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ . . . . 245—250

Археологическіе памятники Сиріи.

Ѳ. И. Успенскаго.

Хотя культурное значеніе Сиріи уже въ достаточной степени оцѣнено, въ особенности послѣ появленія прекрасной книги De Vogüé, Syrie Centrale, Paris 1865—1877, но нельзя сказать, чтобы изученіе памятниковъ Сиріи было исчерпано, или чтобы не было надежды на новыя находки въ этой весьма богатой древностями странѣ. Не только не достаточно изучены находящіеся на поверхности земли памятники, но почти не затронуты подземные города мертвыхъ и остаются мало извѣстными находящіяся въ развалинахъ и засыпанныя слоемъ земли постройки.

Интересъ къ Сиріи, независимо отъ богатства монументальныхъ памятниковъ, въ самое послѣднее время сталъ поддерживаться и оживляться литературными памятниками, которые въ значительномъ числѣ издаются въ свѣтъ и вскрываютъ новыя стороны умственнаго развитія сирійцевъ. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія самыхъ важныхъ и широкихъ научныхъ задачъ новыя путешествія по Сиріи представляются весьма желательными и полезными.

Но снаряженіе археологической экспедиціи въ Сирію сопряжено съ большими трудностями и требуетъ значительныхъ издержекъ. Имѣемъ въ виду не только тѣ трудности, которыя проистекаютъ отъ плохихъ средствъ сообщенія, отъ полнаго отсутствія всякихъ признаковъ культурной жизни, но не менѣе того и все, что касается тщательной подготовки и организаціи

экспедиціи съ цѣлью обезпеченія ей надлежащаго успѣха. Археологическій Институтъ — и по скудости матеріальныхъ средствъ и по недостаточности своего состава — не могъ бы осуществить такое обширное предпріятіе, какъ научная экспедиція въ Сирію, если бы къ нему не пришло на помощь Императорское Православное Палестинское Общество, пожертвовавшее 5 тысячъ рублей на устройство поѣздки по Сиріи. Совершенно справедливо по этому въ началѣ настоящаго отчета объ археологической поѣздкѣ по Сиріи выразить глубокую благодарность Палестинскому Обществу за просвѣщенное вниманіе къ научнымъ потребностямъ Института и предоставленіе ему средствъ для ознакомленія съ весьма интересной, мало изученной и чрезвычайно важной въ исторіи христіанской культуры страной, какова Сирія въ періодъ предшествующій арабскому завоеванію. [1])

Извѣстно, что въ большей части Сиріи путешествіе совершается на верховыхъ лошадяхъ и что въ весьма рѣдкихъ случаяхъ путешественникъ можетъ разсчитывать на продовольствіе и удобный ночлегъ. Поэтому первая и самая главная забота наша заключалась въ томъ, чтобы найти надежное лицо, которое бы организовало караванъ и приняло на себя отвѣтственность по заготовкѣ всего необходимаго для путешествія, ночлеговъ и продовольствія. Обыкновенно караваны для Сиріи организуются въ Бейрутѣ или Дамаскѣ, смотря по цѣлямъ, какія преслѣдуются путешественникомъ.

Караванъ для экспедиціи Института организованъ былъ въ Дамаскѣ, причемъ заключенъ былъ контрактъ съ мѣстнымъ подрядчикомъ по устройству каравановъ г. Тадросъ, который обязался за условленную плату доставить все необходимое для путешествія по Сиріи. Въ силу заключеннаго съ предпринимателемъ условія, нашъ караванъ долженъ былъ прежде всего направиться въ Пальмиру, останавливаясь на пути лишь въ нѣкоторыхъ особенно важныхъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностяхъ. Изъ Пальмиры путь нашъ лежалъ въ среднюю Сирію, на города Гомсъ (Емеса) и Гаму (Епифанія), затѣмъ нужно было пересѣчь сирійское возвышенное плато Ель-Бару и отъ Алеппо направиться въ сѣверозападную гористую мѣстность для обо-

---

[1]) Въ составъ экспедиціи вошли: директоръ Института Ѳ. И. Успенскій, художникъ Н. К. Клуге, фотографъ Н. Э. Успенская и драгоманъ г. Хури. Рисунки и планы сдѣланы г. Клуге.

зрѣнія развалинъ знаменитаго монастыря Симеона Столпника, въ заключеніе посѣтить Антіохію и отсюда переправиться въ Александретту, гдѣ предполагалось сѣсть на пароходъ. Весь этотъ довольно большой маршрутъ былъ исполненъ въ періодъ отъ 15 апрѣля по 1 іюня, причемъ экспедиція изучала встрѣчаемые на пути памятники, дѣлала фотографическіе съ нихъ снимки, составляла планы и рисунки и такимъ образомъ получила весьма разнообразный и обширный матеріалъ, который для его окончательной обработки требуетъ значительнаго времени.

Предполагая здѣсь дать описаніе и посильную оцѣнку собраннаго Институтомъ матеріала, мы очень хорошо понимаемъ, что не можемъ вполнѣ исчерпать вопросы, задаваемые видѣнными нами памятниками. Частію мы не успѣли изучить ихъ съ той подробностью, какая необходима, частію же основательное изученіе ихъ потребовало бы больше времени и вызывало бы необходимость раздѣленія матеріала между нѣсколькими лицами. Печатая при всемъ томъ здѣсь обзоръ археологическихъ памятниковъ Сиріи, мы руководились тѣмъ соображеніемъ, что самые памятники чрезвычайно интересны и что независимо даже отъ недостатковъ комментарія они будутъ громко говорить сами за себя. Они въ состояніи перенести зрителя въ интимную жизнь христіанскаго общества V—VI в. и кромѣ того вскрываютъ передъ нами такія стороны жизни этого общества, которыя не могутъ быть изучаемы по другимъ памятникамъ. Мы бы сочли себя вполнѣ удовлетворенными, если бы наша въ сущности весьма скромная попытка заохотила другихъ къ поѣздкѣ въ Сирію и если бы значеніе сирійскихъ христіанскихъ памятниковъ признано было такимъ, чтобы вызвать обширную и лучше организованную правительственную экспедицію съ цѣлью систематическаго изученія и изданія хранящихся въ Сиріи памятниковъ.

Эта страна представляетъ между прочимъ глубокій интересъ и въ томъ отношеніи, что въ ней до сихъ поръ можно наблюдать страшные слѣды религіозныхъ преслѣдованій и гоненій, результатомъ которыхъ было ослабленіе ея и довольно легкій переходъ подъ власть арабовъ.

По пустыннымъ городамъ и селеніямъ Сиріи, сохранившимъ стѣны домовъ, водопроводы, полуразрушенныя церкви и пр., слѣдуетъ ходить, прочитавъ главы Іоанна Ефесскаго о преслѣдованіяхъ при Юстиніанѣ *(Van Douwen et Land,*

Ioannis episcopi Ephesi Commentarii, Amstelodami 1889, p. 218—221) и имѣя въ виду исторію арабскихъ властителей въ Алеппо (*Freytag,* Geschichte der Dynastien der Hamdaniden in Mosul und Aleppo, въ Zeitschr. der Morgenländ. Gesellschaft, X, 432—498; XI, 177—252).

Помѣщаемая здѣсь карта имѣетъ цѣлью показать направленіе, какого держалась экспедиція, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить пользованіе предлагаемымъ обзоромъ археологическихъ памятниковъ Сиріи. (Табл. № 1, карта).

Бальбекъ, древній Heliopolis. Никто изъ путешествующихъ по Сиріи не можетъ миновать Бальбека, этого величественнаго памятника римской культуры въ Сиріи. О древностяхъ Бальбека можно читать у *De Vogüé,* op. c.; *Sachau,* Reise in Syrien und Mesopotamien, Leipzig 1883; *Jullien,* Sinaï et Syrie, Lille 1893 и др. Древностямъ Бальбека посвящено кромѣ того спеціальное сочиненіе, принадлежащее мѣстному любителю древностей *Alouf,* Histoire de Balbek, 1896, въ которомъ, кромѣ интересныхъ свѣдѣній историко-литературныхъ, можно находить и самыя новыя надписи, найденныя въ Бальбекѣ.

Развалины Бальбека составляютъ одинъ изъ самыхъ величественныхъ памятниковъ Сиріи. Какъ сохранность древнихъ сооруженій, такъ и изящество ихъ производятъ чарующее впечатлѣніе. (Табл. № 2). Величественный храмъ Солнца, обращенный Константиномъ или Θеодосіемъ Великимъ въ христіанскую церковь, а затѣмъ мусульманами передѣланный въ мечеть, еще и нынѣ хранитъ слѣды бывшаго своего христіанскаго назначенія. По настоящее время въ этомъ языческомъ сооруженіи можно указать слѣдующіе остатки христіанской эпохи: чаша надъ входомъ въ отдѣльную камеру арабской постройки (образцы чашъ указаны ниже) и крестъ, вдѣланный въ стѣну. Величественный храмъ Юпитера, представляющій отдѣльное зданіе на югъ отъ храма Солнца, вслѣдствіе совершенно случайной раскопки, сдѣланной въ недавнее время, тоже обнаружилъ слѣды приспособленія его для христіанскихъ цѣлей. На базѣ колонны съ южной стороны храма, четвертой отъ входа, оказался крестъ, относящійся къ первымъ вѣкамъ христіанства (рисунокъ № 1). Изъ этого во всякомъ случаѣ можно выводить заключеніе, что изслѣдованія Бальбека въ соединеніи съ раскопками могли бы сопровождаться откры-

тіемъ новыхъ данныхъ и для христіанской археологіи (Табл. № 3).

Въ 1895 году въ сѣверной стѣнѣ Бальбека найдена надпись, хранящаяся нынѣ въ англійской школѣ. Хотя она напечатана въ книжкѣ г. Алуфа, но названа латинской надписью и не снабжена ни чтеніемъ, ни объясненіями.

Рис. № 1. (Масшт. 1/6).

ΚΤΙϹΜΑΠΥ Ρ	Κτίσμα πύργου
ϹΥΝΘ͞Ш͞ΓΙΜΑ	σὺν θεῷ γί(νεται) Μα-
ΚΕΔШΝШΝ	κεδώνων
ΙΝΔ͞ΘΤ ϚΜΑ	ἰνδ[ικτιὼν] θ′ (ἔτος) ͞ϡμζ (947=636 по Р. Х.)

Въ разсужденіи приведенной надписи слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторыя ея особенности. Во второй строкѣ необычное сокращеніе ΓΙ, и въ послѣдней строкѣ обозначена хронологія тоже необычнымъ написаніемъ литеры изображающей сотни. Нельзя сомнѣваться, что начертаніе этой литеры въ эпиграфическихъ памятникахъ не представляетъ рѣдкаго явленія. Недавно появившійся томъ надписей Ликіи, Tituli Asiæ Minoris, v. I, enarravit *Kalinka* (Вѣна 1901), даетъ совершенно ясное начертаніе гласной литеры похожей на нашу: въ ликійскомъ алфавитѣ эта гласная соотвѣтствуетъ буквѣ *a* и *ê*. Но конечно главнѣйше нужно искать аналогій въ сирійскихъ надписяхъ, которыя должны объяснить занимающее насъ начертаніе. И дѣйствительно, въ сборникѣ надписей *Waddington,* Inscriptions grecques et latines de la Syrie, Paris 1870, нерѣдко встрѣчаемъ то же начертаніе: №№ 2638 (въ хронологіи), 1988. Что касается значенія этой литеры, то мы безъ всякаго колебанія считаемъ ее числовымъ знакомъ Sau или Sampi (900); сравни Gardthausen, Griechische Pälæographie, S. 266, 294. Предыдущими объясненіями мы нѣсколько приблизились къ опредѣленію хронологіи надписи, это индиктъ 9, годъ 947 очевидно эры Селевкидовъ, которая начинается ранѣе христіанской эры на 312 л. Слѣдовательно, для полученія счисленія христіанской эры мы вычитаемъ изъ 947—312 и получимъ 635 или собственно

636 годъ, соотвѣтствующій индикту 9. Постройка укрѣпленій въ Бальбекѣ въ эту эпоху означаетъ крайнія мѣры Ираклія къ защитѣ этой части Сиріи противъ мусульманъ. Извѣстно, что вскорѣ затѣмъ Бальбекъ подвергся разрушенію со стороны арабовъ, см. *Gibbon*, The decline and fall of the Roman Empire vol. V, p. 340 sq. Остается необъясненное сокращеніе ΓΙ, которое мы думаемъ читать γίνεται. Какъ объяснять слѣдующее затѣмъ слово Μακεδόνων — въ смыслѣ ли эры македонской, или въ смыслѣ наименованія башни, это остается не совсѣмъ яснымъ; мы предпочитаемъ во всякомъ случаѣ относить къ башнѣ слово Μακεδόνων.

Наша надпись была издана Clermont-Ganneau въ Etudes d'Archéologie, II, p. 147. Издатель говоритъ: L'abréviation γι est insolite. Le nom des Macédoniens serait-il employé pour définir l'ére des Seleucides ou bien désigner un mois (10) du Calendrier syro-macédonien?

Бальбекъ былъ мѣстомъ, гдѣ язычество наиболѣе упорно боролось съ христіанствомъ. Въ 554 году въ Бальбекѣ разбило молніей статую въ 150 локтей высоты вмѣстѣ съ святилищемъ, гдѣ она находилась (*Assemani,* Bibl. Orient. II, 86—89.) Изъ свидѣтельства I. Ефесскаго узнаемъ, что въ 579 г. въ Бальбекѣ большинство богатыхъ и наиболѣе вліятельныхъ гражданъ принадлежало къ старой религіи и притѣсняло христіанъ. По приказанію императора Тиверія туда является высокопоставленный чинъ по имени Θеофилъ, который подвергъ язычниковъ мукамъ, пыткамъ и смерти. Съ тѣхъ-то поръ Бальбекъ, бывшій любимымъ мѣстопребываніемъ діавола, по воззрѣнію христіанскихъ писателей, обратился въ христіанскій городъ [1]).

Дамаскъ. Въ настоящее время главный интересъ въ Дамаскѣ возбуждаютъ работы въ большой мечети, предпринятыя турецкимъ правительствомъ съ цѣлью приспособленія этого древняго и обширнаго зданія къ потребностямъ культа. Слѣдствіемъ этихъ работъ было то, что нѣкоторыя части зданія, составлявшаго прежде христіанскую церковь, очищенныя отъ мусора и мусульманскихъ пристроекъ, предстали въ совершенно новомъ видѣ и получили громадный археологическій интересъ. Кромѣ того въ оградѣ церковнаго зданія оказалась одна постройка въ видѣ башни, привлекшая къ себѣ вниманіе

[1]) *Schultze*, Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums, II, 251—252, съ ссылкой на житье Св. Пелагеи, гдѣ діаволъ говоритъ: Ἡλιούπολις ἡ ἐμή.

тѣмъ, что оказалась полна древними рукописями. Хотя ознакомленіе съ этимъ древнимъ зданіемъ затруднялось вслѣдствіе производящихся въ немъ работъ, но благодаря рѣдкой любезности архитектора г. Апери, который возобновляетъ мечеть,

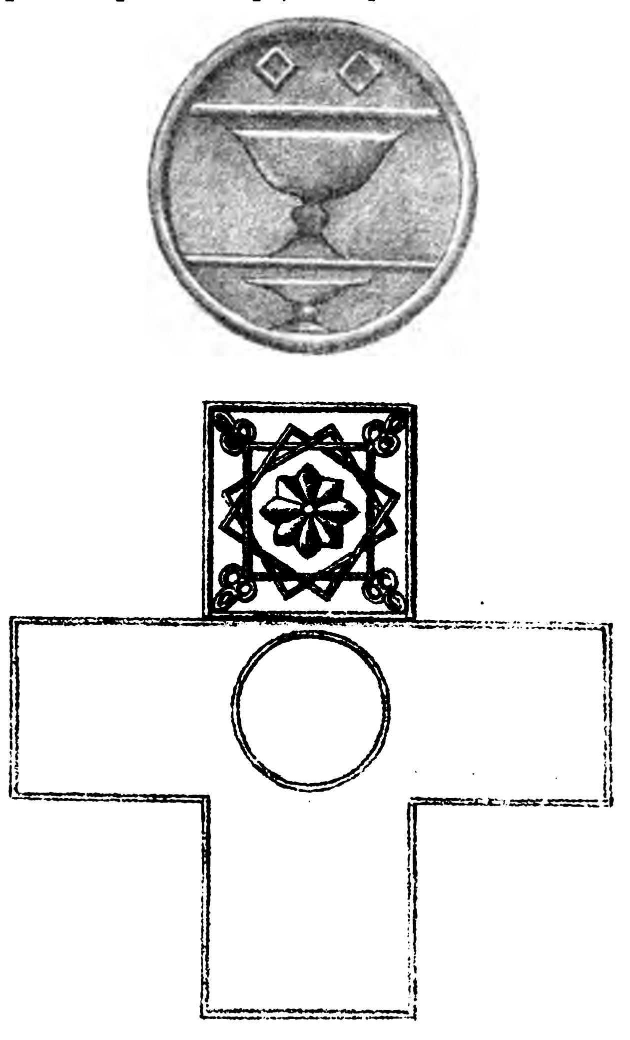

Рис. № 2.

намъ удалось быть нѣсколько разъ внутри ограды мечети и сдѣлать нѣкоторыя наблюденія и замѣтки. Въ различныхъ мѣстахъ можно наблюдать христіанскія эмблемы: чаша и крестъ (рисунокъ № 2). Въ южномъ кораблѣ храма оказалась греческая

надпись, начертанная на камнѣ, вдѣланномъ въ стѣну въ перевернутомъ положеніи. Имѣя въ виду положеніе камня, слѣдуетъ заключать, что онъ прежде постройки церкви имѣлъ другое назначеніе. Надпись въ семь строкъ, но не сохранилась вполнѣ, недостаетъ въ верхнихъ строкахъ по нѣскольку буквъ.

Σ ΝΜΗΤΡΟΦΑΝΗΣ	[Ἐποίη]σ[ε]ν Μητροφάνης
ˡ ΙΠΟΥΟΠΡΩΤΟΣ	[Φιλ]ίππου ὁ πρῶτος
.ΧΙ ΚΓΩΝΜΕΤΑΔΙΟ	[ἀρ]χι[τ]έ]κ[τ]ων μετὰ Διο-
Ν[Υ]ΣΙΟΥΑΔΕΛΦΟΥΚΑΙ	ν[υ]σίου ἀδελφοῦ καὶ
ΑΝΝΙΟΥΣΥΝΤΡΟΦΟΥ	Ἀννίου συντρόφου
ΚΑΙΣΕΛΑΜΑΝΟΥΣΤΟΥ	καὶ Σελαμάνους τοῦ
Α[Ρ]ΧΙΜΑΓΕΙΡΟΥ	ἀ[ρ]χιμαγείρου.

Въ этой надписи обращаетъ на себя вниманіе имя лица ΣΕΛΑΜΑΝΗΣ, читаемое на шестой строкѣ. Въ сирійской миѳологіи это имя принадлежитъ божеству луннаго свѣта; какъ видно изъ многочисленныхъ надписей, культъ луны былъ въ большомъ распространеніи въ Сиріи въ ближайшій періодъ къ христіанской эпохѣ. О надписяхъ съ именемъ божества ΣΕΛΑΜΑΝΗΣ будетъ рѣчь ниже.

Хотя въ башню съ находящимися въ ней древними рукописями доступъ воспрещенъ, но было извѣстно, что въ ней производятся работы по разборкѣ рукописей. Ходили въ городѣ слухи о значеніи рукописныхъ сокровищъ, найденныхъ въ башнѣ, но лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ удалось мнѣ получить нѣсколько точныхъ свѣдѣній по этому вопросу. Привожу отрывокъ изъ письма одного изъ моихъ дамасскихъ друзей *С. В. Тухолки,* касающійся собранія рукописей.

„Съ Іюня мѣсяца сего года въ здѣшней знаменитой библіотекѣ „Кубе-эль-хазне“ занимается нѣмецкій ученый Віоле. Частью изъ его разсказовъ, частью изъ рапорта, который онъ приготовилъ для представленія валѝ, я получилъ объ этой библіотекѣ нѣкоторыя, къ сожалѣнію весьма неполныя свѣдѣнія. На всякій случай, позволю себѣ передать ихъ на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

Мысль объ изслѣдованіи сказанной библіотеки принадлежитъ нѣмецкому профессору Берлинскаго Университета барону

фонъ Соденъ, который предпринялъ изданіе Новаго Завѣта, основанное на подробныхъ изысканіяхъ всевозможныхъ древнихъ памятниковъ. Берлинская академія также заинтересовалась изслѣдованіемъ библіотеки и наконецъ, благодаря ходатайству Императора Вильгельма, послѣдовало султанское ираде, разрѣшающее г. Віоле приступить къ работамъ.

Віоле нашелъ библіотеку въ страшномъ запущеніи. Она представляетъ безконечное число мѣшковъ, наполненныхъ бумагами, въ безпорядкѣ туда сваленными. Цѣлыхъ книгъ почти не встрѣчается, а все только отдѣльные листы. Многіе манускрипты разорваны, другіе испорчены огнемъ и водою (библіотека страдала отъ пожаровъ).

Первымъ дѣломъ г. Віоле было отдѣлить арабскіе манускрипты отъ прочихъ, ибо его задача заключается въ изученіи христіанскихъ памятниковъ. На арабскіе манускрипты и книги приходится до 99 % всего содержанія библіотеки. Большинство изъ нихъ представляетъ отрывки изъ корана. Затѣмъ встрѣчаются другія религіозныя и юридическія книги, письма, объявленія и пр.

Отрывки изъ корана имѣютъ большую цѣнность, ибо многіе изъ нихъ относятся, судя по почерку, къ 2-му и даже 1-му вѣку гиджры. Тутъ встрѣчаются всевозможные почерки: тонкій и длинный куфическій почеркъ безъ точекъ, коимъ писали при Омайадахъ; позднѣйшій куфическій почеркъ вплоть до 6-го вѣка гиджры, когда онъ уже выходилъ изъ употребленія; простой арабскій почеркъ и образцы вычурной каллиграфіи. Многіе кораны украшены рисунками (арабесками), раззолочены и раскрашены. Многіе манускрипты написаны на пергаментѣ, другіе на папирусѣ; встрѣчаются кораны, писанные куфическимъ почеркомъ (т. е. отъ 2 до 6 вѣка гиджры) на бумагѣ, которая такимъ образомъ представляетъ древнѣйшіе образцы бумаги. Есть также много палимпсестовъ, т. е. пергаментовъ, исписанныхъ во второй разъ по первому письму, для прочтенія коего пергаментъ должно выскоблить или подвергнуть химической обработкѣ.

Изученіемъ корановъ г. Віоле не занимался, ибо это не входило въ его задачу. Возможно, что это изученіе, кромѣ чисто научнаго интереса, могло бы привести къ нахожденію варіантовъ корана, что, какъ извѣстно, не допускается мусульманскими богословами, и такимъ образомъ произвести расколъ касательно основаній мусульманской науки и религіи. Во всякомъ случаѣ

такое изученіе представляетъ громадныя трудности, ибо прежде всего нужно подобрать разбросанные листы и переплести ихъ.

Не арабская группа манускриптовъ представляетъ большое разнообразіе языковъ. Тутъ встрѣчаются еврейскій, арабскіе манускрипты писанные по еврейски, сирійскій съ различными діалектами и почерками, греческій (между прочимъ, манускрипты на греческомъ, написанные только большими буквами), латинскій, армянскій, коптскій, самаритянскій и старо-французскій (временъ крестоносцевъ). Судя по почеркамъ, манускрипты эти относятся къ столѣтіямъ отъ 7 (можетъ быть, даже 6-го) до 14—15-го христіанской эры. Эти манускрипты и листы въ такомъ же безпорядкѣ, какъ и арабскіе. По мнѣнію г. Віоле, послѣ пожара и разрушенія Дамаска (можетъ быть монголами) остатки библіотекъ въ мечетяхъ, церквахъ и синагогахъ были всѣ сложены въ „куббе" Большой мечети.

Большинство христіанскихъ манускриптовъ и книгъ представляетъ отрывки изъ евангелія и богослужебныхъ книгъ. Встрѣчаются новые интересные варіанты евангелія (г. Віоле главнымъ образомъ просмотрѣлъ документы на сирійскомъ языкѣ). Между прочимъ г. Віоле нашелъ отрывки греческаго евангелія, въ коемъ евангеліе св. Іоанна слѣдуетъ за евангеліемъ св. Матѳея. Нужно сказать, что г. Віоле еще далеко не закончилъ своей работы. Пока онъ только поверхностно просмотрѣлъ и разобралъ документы. Онъ предполагаетъ списать всѣ интересные документы и потомъ уже въ Германіи заняться ихъ изученіемъ".

Упомянутый выше архитекторъ г. Апери пожертвовалъ для музея Института весьма любопытную археологическую находку. Это небольшой снарядъ, изъ котораго бросали въ непріятеля греческій огонь. Подобный снарядъ необходимъ былъ при сухопутныхъ и морскихъ войскахъ и носилъ различныя названія: χειρομάγγανον, στρεπτόν, χειροσίφωνον (Извѣстія VI, стр. 207); содержащееся въ снарядѣ средство называлось τὸ σκευαστόν или τὸ κολλητικὸν πῦρ (ibid.). Въ изданіи *Wescher,* Poliorcétique des Grecs, Paris 1847, p. 262, приведенъ рисунокъ подобнаго снаряда. Какъ изъ описанія, такъ на основаніи изображенія снаряда можно выводить заключеніе, что это дѣйствительно былъ небольшой ручной глиняный сосудъ, къ которому приспособлялась рукоятка или стержень. По всѣмъ вѣроятіямъ, не сосудъ съ содержащимся въ немъ взрывчатымъ и возгорающимся составомъ бросаемъ былъ въ непріятеля, а содержа-

щійся въ сосудѣ составъ съ силой выбрасываемый на врага, находящагося по близости, вслѣдствіе воспламененія наносилъ ему вредъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ объяснять мѣсто Ирона (Wescher, Poliorcétique, 262): Εἰ δέ τινες τῶν ἐπὶ τῆς διαβάθρας ἑστώτων καὶ μετὰ στρεπτῶν ἐγχειριδίων πυροβόλων κατὰ πρόσωπον τῶν πολεμίων διὰ πυρὸς ἀκοντίζουσι, τοσοῦτον τοὺς τῷ τείχει προεστῶτας ποιήσουσιν, ὥστε τὴν ἀπὸ τῆς μάχης προσβολὴν καὶ τὴν τοῦ πυρὸς μὴ ὑποφέροντας ῥύμην τάχιον αὐτοὺς ὑπεκφεύξεσθαι τοῦ τόπου. Нашъ снарядъ имѣетъ два отверстія: одно для приспособленія стержня или ручки, отсюда онъ и наполнялся воспламеняющимся составомъ; другое очень узкое отверстіе для выбрасыванія огня, оно закрывалось небольшой крышкой, которая должна была отпадать при воспламененіи состава. Та часть снаряда, при которой проспособлялась ручка, украшена орнаментомъ. (Рисунокъ № 3 и 4 въ половину натуральной величины.)

Рис. № 3.

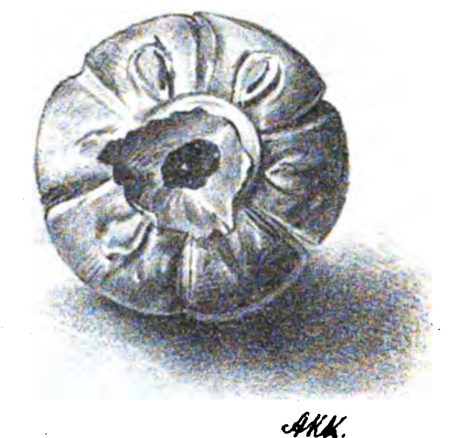

Рис. № 4.

Сейдная или **Сегденеа** (Seidnaya). Это весьма живописная мѣстность населенная христіанами и представляющая остатки многихъ древнихъ христіанскихъ памятниковъ. Первое мѣсто между ними принадлежитъ греческому монастырю съ храмомъ въ честь Сегденайской Богородицы (ἡ μονὴ τῆς Παναγίας Σεγδεναίας), выше котораго на скалѣ находятся развалины другаго монастыря (св. Ѳомы). Въ этомъ послѣднемъ въ стѣнахъ церкви видны камни съ надписями. Въ виду того, что эти камни представляютъ собой фрагменты и что одинъ изъ нихъ вставленъ въ стѣну въ перевернутомъ видѣ, слѣдуетъ думать,

что они прежде служили для другой цѣли и употреблены для постройки стѣны впослѣдствіи.

На одномъ фрагментѣ читается

ТОВА
ЄNNAЄ
ФІЛІППОС

Въ церкви имѣющей видъ четыреугольника сохранились слѣды фресковой живописи, но позднѣйшаго времени. Хотя кладка стѣнъ древняя, но по всей вѣроятности древнее зданіе было приспособлено для христіанскихъ цѣлей. Въ церковной оградѣ находимъ массу фрагментовъ, части капителей и большихъ размѣровъ фронтонъ. Въ ближайшей скалѣ и въ окрестностяхъ находится множество пещеръ, служившихъ для погребенія умершихъ; изъ нихъ одна устроена на подобіе большой залы съ колоннами по серединѣ; на одной изъ среднихъ колоннъ сохранился крестъ. По стѣнамъ пещеры идутъ возвышенія на подобіе наръ, надъ которыми во всю длину стѣнъ расположены углубленія — мѣста для погребенія.

По скалѣ, на которой стоитъ монастырь Богородицы, съ восточной стороны высѣчены три ниши въ формѣ раковины съ

Рис. № 5. (Масшт. $^1/_{81}$).

рельефными въ каждой фигурами и съ подписями (Рис. № 5). Хотя надписи сглажены и рельефы съ отбитыми головами, всеже

по этимъ остаткамъ можно судить о времени происхожденія пещеръ. Въ одной нишѣ надпись, относящаяся къ 3-му вѣку,

ЄΤΟΥϹ ΙΦ . . . .
ΙΟΥΝ› ΑΡΤЄ
ΜΙΔϢΡΟϹ ΚΑΙ
ΠΡЄ

Хотя церковь монастыря Богородицы не представляетъ интереса въ археологическомъ отношеніи, и хотя фресковая живопись сдѣлана не ранѣе 18-го вѣка, но можно отмѣтить нѣкоторыя особенныя черты росписи. Въ изображеніи Тайной вечери (композиція за св. престоломъ) нашли себѣ выраженіе мѣстныя особенности. Передъ каждымъ апостоломъ ножъ и вилка съ двумя зубцами, круглый хлѣбъ и овощи. На столѣ зажженныя свѣчи и большія чаши. Но въ ризницѣ монастыря находятся такія драгоцѣнности, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія и изученія.

Прежде всего сюда относится прекрасный складень, состоящій изъ трехъ пластинокъ, соединенныхъ въ настоящее время проволокой. (Табл. № 4, въ натур. велич.). На середней пластинкѣ находится изображеніе Христа на тронѣ, на двухъ боковыхъ — Богородицы и І. Предтечи; первая вдвое больше, чѣмъ послѣднія. По отношенію къ боковымъ пластинкамъ слѣдуетъ замѣтить, что одна изъ нихъ, именно съ изображеніемъ Богородицы, и по техникѣ и по матеріалу выдаетъ свое позднѣйшее происхожденіе и принадлежность другому мастеру и другой эпохѣ, чѣмъ остальныя двѣ пластинки. Въ наибольшей цѣлости сохранилась средняя часть складня съ изображеніемъ Христа, — это есть прекрасный образецъ хорошей византійской эмали, его можно поставить рядомъ съ эмалевыми медаліонами въ собраніи А. В. Звенигородскаго (см. Византійскія эмали, Спб. 1892. Таблицы). Христосъ сидитъ на тронѣ, спинка котораго имѣетъ два украшенія въ формѣ трилистника. Правая рука Христа приподнята для благословенія, лѣвая рука опирается на евангеліе, лежащее на лѣвомъ колѣнѣ, ноги покоятся на подножкѣ трона. Фигура Христа исполнена по золотому фону разноцвѣтной эмалью, перегородками. Очень хорошо сохранились детали на верхней одеждѣ Спасителя. Ободокъ кругомъ изображенія Христа снабженъ большими ячейками для пасты или для драгоцѣнныхъ камней, камнями украшенъ и тронъ. Вообще

это есть образецъ византійскаго искусства лучшей эпохи (X—XI в.).

Въ изображеніи I. Предтечи эмаль во многихъ мѣстахъ выкрошилась. Перегородки въ видѣ золотой сѣти рѣзко выдѣляются на всей одеждѣ, на ногахъ ясно видны ремни. Часть пластинки близъ лика Предтечи весьма пострадала, причемъ утратилась и часть надписи, съ лѣвой стороны читается нѣсколько буквъ

Δ
Ρ
ω
Μ
Ο
Σ

Кругомъ изображенія также ободокъ съ перегородками или ячейками, въ коихъ была или паста, или стекло, или драгоцѣнные камни. Что касается третьей пластинки съ изображеніемъ Богородицы, то она представляетъ собой серебряную дощечку съ вырѣзанными на ней чертами Богородицы. Она присоединена къ нашему складню въ послѣдующее время и очевидно замѣнила пропавшую пластинку.

Внѣшняя сторона складня представляетъ крестъ съ медаліономъ и съ четырьмя отверстіями по концамъ.

Другой интересный памятникъ — это дощечка изъ кости съ вырѣзанной на ней довольно сложной композиціей (шир. 0,9, выс. 0,11 м.). Вверху медаліонъ, въ которомъ представленъ Спаситель сидящимъ на тронѣ: правая рука приподнята, въ лѣвой развернутый свитокъ. Кругомъ медаліона различныя группы людей въ парадныхъ одеждахъ и съ приподнятыми благоговѣйно руками, со взорами, обращенными къ Спасителю. Всю середину композиціи и низъ картины занимаютъ разные виды животныхъ и звѣрей. По бокамъ композиціи серебряный ободокъ съ таковыми же цвѣтами, въ которые вставлялись камни. Довольно сглаженныя во многихъ мѣстахъ изображенія и совершенно стертыя надписи представляютъ сильное затрудненіе для опредѣленія содержанія изображеній на нашемъ памятникѣ, въ особенности трудно разобрать изображенія въ самомъ медаліонѣ вокругъ Христа. Первоначальное предполо-

женіе о Страшномъ судѣ должно было оказаться несостоятельнымъ. Болѣе подходитъ къ объясненію нашего памятника, хотя не вполнѣ его комментируетъ, композиція извѣстная подъ именемъ τὸ πᾶσα πνοή. Объ этой композиціи см. Schäfer, Das Handbuch der Malerei vom Berge Athos, S. 237 [1]). (Табл. № 5).

Далѣе слѣдуетъ отмѣтить палицу. Это небольшой квадратный платъ роскошной работы, вышитый золотомъ. Въ центрѣ находится шитье креста, въ серединѣ изображенъ Христосъ, по концамъ креста четыре евангелиста. Всѣ фигуры представляютъ восточные типы и снабжены надписями на сирійскомъ языкѣ. Въ четырехъ углахъ, образуемыхъ концами креста, находятся четыре небольшихъ медаліона изъ прекрасной эмали, въ каждомъ медаліонѣ надпись. Въ верхнихъ медаліонахъ ΜΡ ΘΥ и ΙΩ ΝΙ, въ нижнихъ ΠΕ (т) ΡΟϹ и ΠΑ (в) ΛΟ(с) (Табл. № 6). Работа мастера въ особенности выигрываетъ, если принять въ соображеніе, что приходилось считаться съ фигурами весьма малыхъ размѣровъ.

Очень также хорошій памятникъ византійской эмали представляетъ собой энколпій. На фонѣ изъ голубой пасты изображеніе Христа золотомъ; волоса на головѣ, равно какъ на бородѣ и на усахъ, исполнены черной эмалью, такого же цвѣта глаза и брови. Правая рука приподнята для благословенія, въ лѣвой евангеліе.

Наконецъ, въ ризницѣ монастыря находится омофоръ — прекрасное шитье золотомъ и серебромъ. Этотъ омофоръ, какъ сказано въ надписи, принесенъ въ даръ Дмитріемъ Кантакузиномъ.

По сообщеніямъ мѣстныхъ жителей, въ близкомъ отсюда разстояніи находятся развалины монастыря св. Христофора, а въ деревнѣ Марра остатки мозаикъ, занимающихъ будто бы площадь въ нѣсколько метровъ. Провѣрить эти свѣдѣнія намъ однако не удалось.

Маалула, древняя Maglula. Это весьма живописная мѣстность, находящаяся въ ущельѣ Антиливана. Здѣсь находится монастырь съ чудотворной иконой св. Ѳеклы (Табл. № 7), привлекающей въ монастырь множество богомольцевъ. Какъ можно заключить по множеству надписей, начертанныхъ на отвѣсныхъ

---

[1]) За указаніе мѣста приношу благодарность проф. А. А. Павловскому.

скалахъ кругомъ монастыря, въ древнее время здѣсь было значительное поселеніе; въ византійскую эпоху Маалула была епископскимъ городомъ. Хронологія большинства надписей даетъ четвертое или пятое столѣтіе эры Селевкидовъ, т. е. указываетъ на второй вѣкъ христіанской эры (надписи см. Waddington, Inscriptions grecques et latines de la Syrie, p. 588, №№ 2563—2565). Надписи однако далеко не всѣ прочитаны, потому что находятся весьма высоко отъ земли и требуютъ большихъ приспособленій, чтобы можно было приблизиться къ нимъ. Мы замѣтили, напримѣръ, одну надпись въ девять строкъ, изъ которой за дальностью разстоянія, даже при помощи бинокля, могли прочитать лишь нѣсколько словъ.

Другая особенность Маалулы та, что по скаламъ ручья, протекающаго въ ущельѣ, находится множество пещеръ и малыхъ нишъ, высѣченныхъ въ скалѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ пещеръ заслуживаютъ вниманія столько же по ихъ устройству и рельефнымъ изображеніямъ, въ нихъ сохранившимся, сколько по надписямъ (Рис. № 6).Такова, напримѣръ, пещера съ рельефомъ

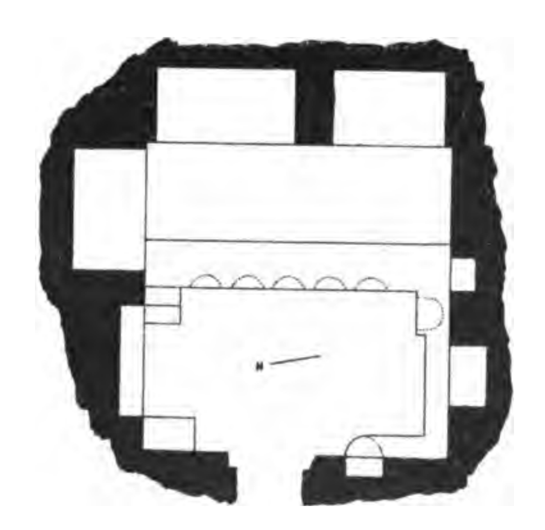

Рис. № 6. (Масшт. $^1/_{125}$).

въ потолкѣ, представляющимъ орла съ распростертыми крыльями, слѣды рельефа орла замѣтили мы также въ одной нишѣ той же пещеры. Хотя вообще рельефы значительно пострадали отъ времени и отъ злонамѣренной руки, но всеже они придаютъ подразумѣваемымъ здѣсь археологическимъ па-

мятникамъ интересъ (Рисунокъ № 7). Детальный планъ и разрѣзы пещеры представлены на таблицѣ № 8.

Рис. № 7. (Масшт. 1/10).

Вслѣдствіе недоступности положенія со стороны окружающихъ горъ, Маалула имѣла важное значеніе во время движеній и возстаній противъ турокъ среди мѣстнаго населенія. Весьма вѣроятно, что и въ древнее время скалы и пещеры Маалулы были мѣстомъ убѣжища и защиты.

Придѣлъ св. Θеклы, высѣченный въ скалѣ, напомнилъ намъ церковь въ монастырѣ Сумела близь Трапезунта.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что какъ въ Маалулѣ, такъ и въ Сейденаѣ содержатся Императорскимъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ школы для арабовъ. Здѣсь не мѣсто говорить о значеніи этихъ школъ, но находимъ справедливымъ замѣтить, что Палестинское Общество въ Сиріи развиваетъ весьма полезную дѣятельность и пользуется большой популярностью. Намъ неоднократно приходилось слышать заявленія въ разныхъ мѣстахъ Сиріи, что палестинскихъ школъ желательно имѣть въ гораздо большемъ количествѣ.

Ябрудъ (κλίμα Ἰαμβρούδων). Въ древности здѣсь былъ епископскій городъ, нынѣ это незначительное селеніе. Въ церкви, перестроенной заново и сохраняющей лишь остатки стараго зданія, находится памятникъ весьма почтенной христіанской старины. Это мраморная плита подъ святымъ престоломъ (дл. 1,35, ширина 0,84 м.) съ надписью и рельефными изображеніями; послѣднія совершенно сбиты и сохраняютъ лишь слѣды. По тѣмъ остаткамъ, которые еще можно наблюдать, ясно, что на доскѣ была представлена композиція Рождества Христова. Наиболѣе сохранилась надпись

† ЄГNO O BOYC TON KTHCAMЄNON

KAI O ONOC THN ФATNHN TOY K̅Y̅ AYTȢ †

Ἔγνω ὁ βοῦς τὸν κτησάμενον καὶ ὁ ὄνος τὴν φάτνην τοῦ κυρίου αὐτοῦ т. е. позна волъ стяжавшаго й и оселъ ясли господина своего (Исаіи 1, 3). Эти слова пророка Исаіи сближены съ изображеніемъ Рождества въ первый разъ на памятникахъ IV вѣка (343 г.), хотя уже и ранѣе того ставились въ связь съ Рождествомъ (Толкованіе Оригена на еванг. Луки въ бесѣдѣ XIII); см. Н. В. Покровскій, Евангеліе, стр. 56.

Вторая надпись † НАГϛ МАРІА служитъ показателемъ того, что Богоматерь была представлена въ композиціи Р. Х., и по всей вѣроятности не въ сидячемъ, а полулежачемъ положеніи. Кромѣ того то обстоятельство, что здѣсь еще не является Богоматерь (M̅P̅ Θ̅O̅Y̅), служитъ доказательствомъ очень древняго происхожденія нашего памятника.

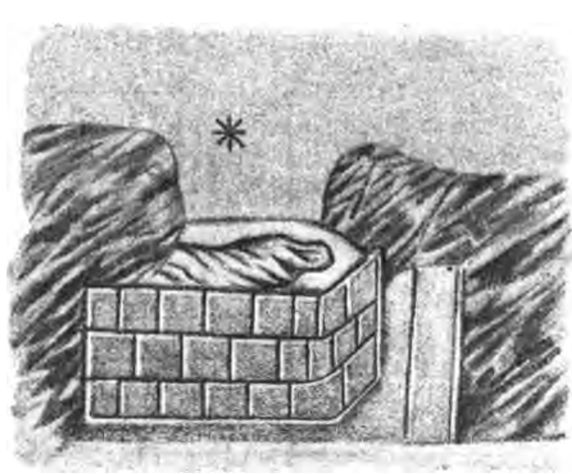

Рис. № 8.

Что касается сохранившихся частей рельефа, самая важная представляетъ младенца Іисуса, повитаго пеленами въ ясляхъ. (Рисунокъ № 8 въ натур. велич.).

На рисункѣ ясли представляютъ кладку изъ камня, совершенно какъ въ Ватиканскомъ Минологіи. Надъ яслями звѣзда, ниже должны были быть изображенія вола и осла, но они не сохранились. По всѣмъ указаннымъ признакамъ мы должны отнести памятникъ къ концу V или началу VI вѣка.

Проведя ночь въ **Небкѣ** (Nebk), гдѣ собственно не оказалось болѣе или менѣе значительныхъ памятниковъ для изученія, мы получили свѣдѣніе отъ мѣстныхъ жителей, что по близости есть монастырь, а въ немъ можно находить надписи. Но до монастыря два часа пути и притомъ онъ находится въ гористой мѣстности, кромѣ того на счетъ разстоянія давались разнорѣчивыя показанія. Поэтому, не измѣняя предварительно составленнаго плана, мы направились въ деревню Кара, о которой также говорили намъ какъ о важной археологической мѣстности. Но слухи оказались неосновательны, какъ впрочемъ почти всегда показаніямъ мѣстнаго населенія нужно довѣряться съ большой осторожностью.

Въ **Карѣ** мы нашли на мѣстѣ древней церкви мусульманскую мечеть; въ новой постройкѣ едва можно было открыть слабые слѣды древняго христіанскаго храма; что касается надписей, то всѣ онѣ оказались новыя и составлены на арабскомъ языкѣ. Въ C. I. G. n. 8830 приведены два слова изъ надписи въ стѣнѣ древней церкви, но въ настоящее время мы не замѣтили слѣдовъ надписи (ср. Waddington № 2566a). Для археологическаго изученія Кары теперь болѣе интереса могутъ представлять сохранившіяся здѣсь древнія зданія, носящія названія: ханъ Синанъ-паша и Сѣверный ханъ. Это безъ всякаго сомнѣнія памятники византійскаго происхожденія, что доказывается системой кладки стѣнъ и сводовъ; надъ воротами, въ нишѣ, можно видѣть рельефъ чаши. Весьма можетъ быть, что здѣсь была укрѣпленная башня, или даже *κάστρον*, въ которомъ помѣщался византійскій гарнизонъ. Арабы воспользовались этими укрѣпленіями для своихъ цѣлей и сдѣлали въ нихъ соотвѣтствующія передѣлки и приспособленія, такова одна арка арабской работы.

Наиболѣе интересное и важное мѣсто затѣмъ представляетъ **Гауаринъ** (Haouârîn). Пріурочить это названіе къ какому-либо изъ древнихъ городовъ въ занимающей насъ мѣстности чрезвычайно трудно. Прежде всего на спеціальныхъ даже картахъ весьма мало отмѣчено географическихъ мѣстъ на границѣ пустыни между Сиріей и Пальмирой. Въ атласѣ Киперта здѣсь

находимъ Jabrada (конечно вышеуказанный Yabroud) и Adarin, т. е. повидимому нашъ Гауаринъ; въ атласѣ Spruner-Menke на этомъ мѣстѣ читается Ocurura и нѣсколько далѣе Averia. Итакъ, получается три названія для мѣстности, гдѣ находится Гауаринъ. Мы два раза изучали археологическіе памятники Гауарина: на пути въ Пальмиру и на пути изъ Пальмиры, и вынесли то впечатлѣніе, что здѣсь имѣется весьма важный памятникъ христіанской культуры, къ сожалѣнію совсѣмъ неизвѣстный, заброшенный и безпощадно разрушаемый живущими въ его развалинахъ полудикими обитателями. Дать объ немъ нѣсколько болѣе подробное представленіе важно еще и потому, что Гауаринъ можетъ служить типомъ для многочисленныхъ городовъ этой мертвой страны, въ которой въ началѣ христіанской эры кипѣла бойкая жизнь въ городахъ и деревняхъ. Большинство сирійскихъ городовъ въ настоящее время или въ развалинахъ, или покрыто слоемъ земли, и для поверхностнаго наблюдателя не можетъ представлять никакихъ признаковъ бившей здѣсь ключомъ культурной жизни.

Въ большинствѣ случаевъ бедуинское племя живетъ на мѣстѣ стараго города; жалкія хижины и загородки для скота ютятся близъ стѣнъ, маскируя такимъ образомъ красивую арку или апсиду и прикрывая грязью и нечистотами мраморную настилку пола, барельефъ, базу или стволъ колонны. Важное археологическое значеніе мѣстности обнаруживается тогда, когда случай дастъ возможность открыть по близости отъ такихъ развалинъ помѣщенія подземнаго города. Почти всегда по близости отъ сирійскаго города есть подземный городъ мертвыхъ, устроенный съ большимъ вкусомъ и хранящій въ себѣ больше памятниковъ, чѣмъ надземный городъ.

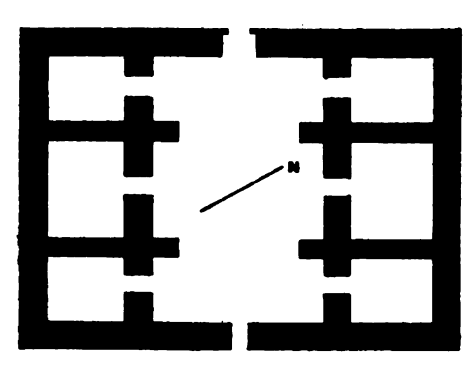

Рис. № 9. (Масшт. $^1/_{500}$).

Въ Гауаринѣ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе остатки громадныхъ сооруженій.

Въ серединѣ современнаго поселенія возвышается большое зданіе (Табл. № 9), имѣющее видъ башни, основаніе которой равняется 21×29 метровъ (рисун. № 9).

Въ это зданіе ведутъ двѣ двери: сѣверовосточная шириной въ 2.35 м., югозападная въ 1.27 м. Съ внутренней стороны находимъ здѣсь обширное помѣщеніе въ 17.70×11.55 м., по сторонамъ котораго имѣется по три камеры. На внутреннихъ стѣнахъ наблюдаются пробоины или гнѣзда отъ балокъ, свидѣтельствующія, что зданіе состояло изъ нѣсколькихъ этажей. Не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ слѣды укрѣпленія древняго Гауарина отъ эпохи римскаго господства. Это можно заключать какъ по толщинѣ внѣшнихъ стѣнъ, такъ и по положенію зданія относительно древнихъ стѣнъ бывшаго здѣсь города. Въ византійскую эпоху это зданіе также продолжало служить для цѣлей защиты и подвергалось передѣлкамъ и приспособленіямъ, что видно изъ нѣкоторыхъ остатковъ византійскаго искусства. Такъ на фронтонѣ воротъ съ югозапада сохранился камень съ изображеніемъ трехъ крестовъ въ кругѣ, надъ сѣверовосточными воротами находятся также камни съ крестами и съ орнаментомъ (лавровый вѣнокъ). (Рис. 10 и 11).

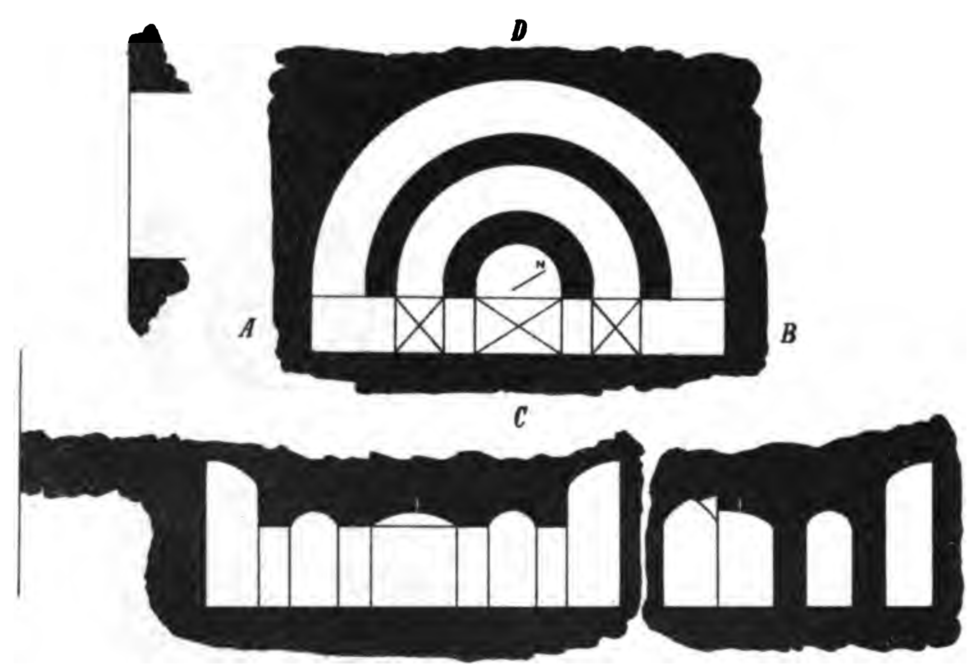
Рис. № 10.

Рис. № 11. (Масшт. 1/10).

Въ небольшомъ разстояніи отъ этой башни, во дворѣ одного бедуина, находится замаскированное большимъ камнемъ отверстіе, ведущее въ подземелье. Въ планѣ это подземелье представляетъ два концентрическихъ полукруга шириной въ 0.62 и 0.65 м., упирающіеся концами въ прямой корридоръ, который имѣетъ въ ширину 0.75 и въ длину 5.32 метра. По серединѣ этого корридора находится полукруглая ниша въ видѣ апсиды (1.22 м. ширины и 0.75 глубины). Эта часть подземелья перекрыта низкимъ стрѣльчатымъ сводомъ, который передъ нишей и при встрѣчѣ съ внутреннимъ полукруглымъ корридоромъ (концентрическій полукругъ) образуетъ три крестовыхъ свода. Отсутствіе входныхъ дверей и толстый слой штукатурки, покрывающій все подземелье, — достаточные при-

знаки, что мы имѣемъ здѣсь цистерну, напоминающую по своему плану нѣкоторыя константинопольскія того же назначенія сооруженія (см. Стржговскій, Die Byzantinischen Wasserbehälter, Wien 1893). (Рис. № 12).

Разрѣзъ A—B. Разрѣзъ C—D.
Рис. № 12. (Масшт. 1/100).

Къ сѣверозападу отъ деревни среди мусора и обломковъ камней можно видѣть части зданія (см. рис. 13), имѣющаго крестообразную форму съ закругленными концами (21.5×21.5 м.). Но отъ этого зданія такъ мало сохранилось, что было бы рискованно дѣлать догадки на счетъ его плана и первоначальнаго назначенія.

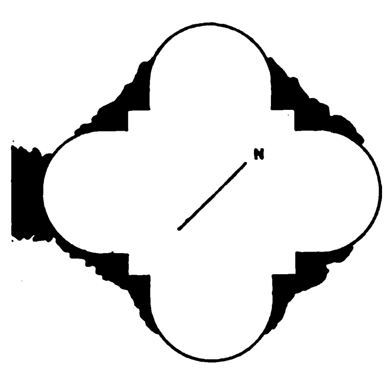
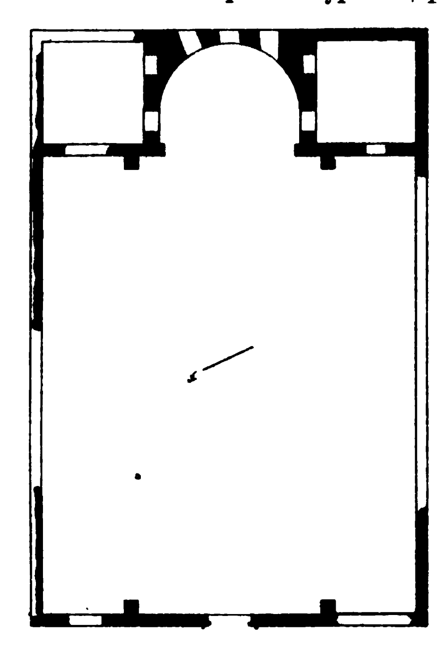

Рис. № 13. (Масшт. 1/500).

Но главные памятники Гауарина суть остатки церковныхъ зданій. Такова, напримѣръ, церковь, отъ которой сохранилась апсида съ тремя окнами и часть конхи. (Табл. № 10). Вся площадь церкви покрыта

обломками, которые показываютъ, что здѣсь было громадное сооруженіе. На обширной площади, гдѣ расположенъ былъ древній городъ, на каждомъ шагу встрѣчаемъ кучи щебня и фрагменты тесаннаго камня. Мѣстные жители говорятъ о существованіи здѣсь въ старое время семи церквей, во всякомъ случаѣ большинство осмотрѣнныхъ нами развалинъ несомнѣнно представляетъ остатки церквей, что̀ доказывается существованіемъ апсидъ съ восточной стороны зданій. Нельзя также не замѣтить, что вся площадь Гауарина покрыта большими кусками мрамора и обработаннаго камня, изъ чего нельзя не заключить, что здѣсь былъ большой городъ, съ нѣсколькими громадными городскими постройками. Всего любопытнѣе остатки одной церкви, стоящей внѣ деревни. Въ фундаментѣ апсиды лежатъ базы громадныхъ колоннъ, положенныя горизонтально; одинъ изъ пилястровъ, поддерживавшихъ сводъ, утверждается на громадной базѣ, повидимому оставшейся in situ. (Табл. № 11). Это ведетъ къ догадкѣ, что христіанскій храмъ построенъ на мѣстѣ стараго римскаго зданія и что матеріалъ для постройки храма взятъ былъ изъ разрушеннаго стараго зданія. — Особенностью архитектуры церквей Гауарина нужно признать то, что апсиды у нихъ оказываются придѣланными или вставленными въ обыкновенное прямоугольное зданіе, иначе говоря, что черезъ придѣлку апсиды обыкновенное зданіе обращалось въ храмъ. Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что апсида не составляетъ нераздѣльнаго цѣлаго съ восточной стѣной храма, а приставлена къ ней, и что во многихъ случаяхъ приходилось наблюдать, что апсида построена совершенно изъ другого матеріала (рис. № 14), чѣмъ стѣны храма (капители и базы колоннъ, фронтоны, обработанный камень и проч.).

Рис. № 14. (Масшт. $^{1}/_{400}$).

Можно бы думать, что храмы Гауарина строились на́скоро, или что на потребности христіанскаго культа обращались готовыя зданія языческой эпохи. При такихъ условіяхъ нельзя ожидать примѣненія современнаго искусства къ храмамъ въ Гауаринѣ. Въ настоящее время величественныя развалины Гауаринскихъ церквей служатъ загонами для скота, а мѣстные жители готовятъ въ нихъ матеріалъ для отопленія (кизякъ). (См. Табл. №. 10).

Указанный характеръ апсидъ въ Гауаринѣ повторяется во многихъ мѣстахъ въ Сиріи и ниже будетъ нами отмѣчаемъ. Чтобы не возвращаться нѣсколько разъ къ объясненіямъ по поводу этой особенности, позволяемъ себѣ присоединить нѣсколько замѣчаній. Апсиды встроенныя или пристроенныя къ параллелограму базилики принадлежатъ къ особенностямъ древнѣйшихъ христіанскихъ церквей. This internal apse is a feature of very great antiquity, and it was characteristic of all the earliest churches of Asia and Europa — *Butler*, The ancient coptic churches of Egypt, Oxford 1884, vol. I. p, 33.

Такое устройство апсидъ найдено въ Алжирѣ, см. Mélanges d'arch. et d'hist. XIV (1894), p. 36, 47, 57, 60, 62, 65; въ Палестинѣ, см. de Vogüé, Les églises de la Terre Sainte, pl. XXV; Syrie Centrale, pl. 59, 60, 63, 65, 68, 116, 118, 139, 149; Н. К. Клуге въ Сообщ. Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, XII (1901), № 2, стр. 184, 205, 214[1]).

Осматривая частныя зданія — жалкія хижины бедуиновъ, — мы напали на остатки древней христіанской эпохи. Въ стѣнѣ одного дома оказались обломки плиты, составлявшей часть алтарной преграды, на которой имѣется монограмма, крестъ и византійскій орнаментъ. Весьма жаль, что монограмма не можетъ быть возстановлена, такъ какъ медаліонъ разбитъ и не всѣ буквы сохранились (рис. № 15). Не можетъ подлежать сомнѣнію лишь то, что въ Гауаринѣ — въ частяхъ и въ цѣломъ — сохранились христіанскіе памятники V или VI вѣка.

При ознакомленіи съ древностями Гауарина удалось намъ получить свѣдѣнія на счетъ подземнаго города, т. е. пещеръ или катакомбъ для погребенія мертвыхъ. Въ получасовомъ разстояніи отъ Гауарина къ сѣверозападу находится башня. Наружныя

---

[1]) За указаніе мѣстъ приносимъ благодарность члену Института Ө. И. Шмиту.

стѣны ея, возвышающіяся надъ профилированнымъ стиловатомъ, сложены изъ хорошо обработаннаго матеріала, взятаго изъ другихъ построекъ (рис. № 16). Небольшой проломъ въ восточной стѣнѣ ведетъ

Рис. № 15.

внутрь башни, которая представляетъ собой прекрасно сохранившуюся гробницу съ мѣстами для погребенія, по обѣ стороны продолговатаго пространства (коридора), имѣющаго въ длину 8.35 м. Въ сѣверной стѣнѣ находится восемь отдѣльныхъ мѣстъ для погребенія (ниши) и кромѣ того дверь въ 1.3 м. шириной; въ южной же стѣнѣ было повидимому десять компартиментовъ; изъ нихъ одинъ разрушенъ во время перестройки гробницы, причемъ на этомъ мѣстѣ устроена лѣстница, ведущая на верхъ. Хотя въ на-

Масшт. 1/100.

Разрѣзъ A—B

Разрѣзъ C—D

a. Профиль стилобата (Масшт. 1/100).

b. Профиль наличника двери. (Масшт. 1/20).

Рис. № 16.

стоящее время гробница сильно завалена мусоромъ и обломками камня, но есть еще полная возможность прослѣдить способъ погребенія труповъ въ указанныхъ выше нишахъ. Каждый компартиментъ представлялъ нѣсколько отдѣленій или ярусовъ, позволявшихъ хоронить здѣсь нѣсколько труповъ (см. на рис. 16 разрѣзъ А—В). Мѣста для loculi устроены были такимъ образомъ, что крышка нижняго служила основаніемъ для верхняго. При самомъ поверхностномъ осмотрѣ этой башни можно видѣть, что первоначально это былъ погребальный памятникъ; но позднѣе онъ былъ передѣланъ и приспособленъ для военныхъ цѣлей, причемъ наружныя стѣны утолщены новой облицовкой.

О важномъ значеніи мѣстности, занимаемой Гауариномъ, свидѣтельствуетъ и то, что городъ окруженъ былъ стѣнами; на сѣверовосточной сторонѣ стѣны оказались остатки башни. По линіи стѣнъ можно судить, что собственный городъ долженъ былъ лежать въ серединѣ, гдѣ находятся наиболѣе замѣтные археологическіе памятники.

Въ получасовомъ разстояніи отъ Гауарина находится селеніе **Маинъ,** въ которомъ сохранились остатки прекраснаго древняго храма (рисун. № 17). Тамъ же въ одномъ частномъ

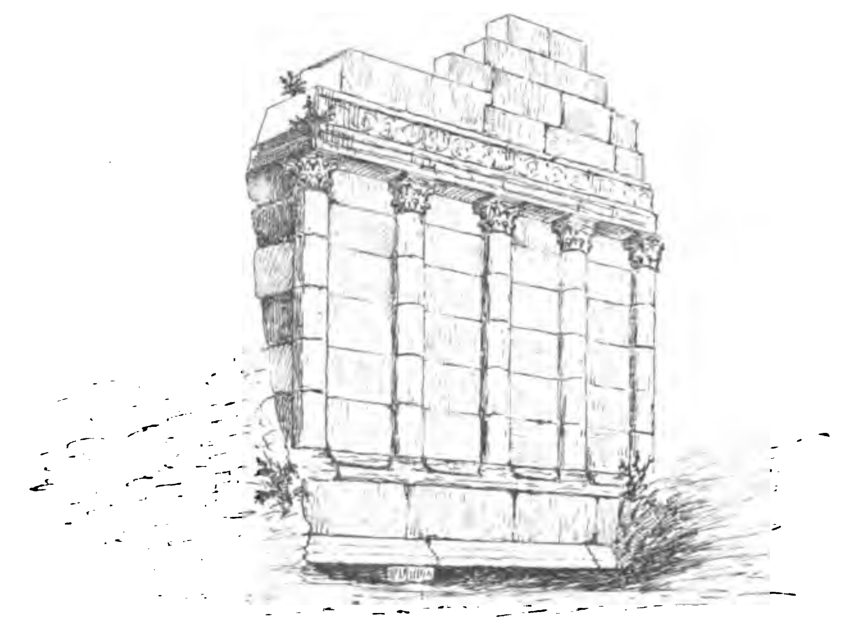

Рис. № 17.

домѣ мы нашли остатки фриза, составлявшаго принадлежность большого зданія (длина 1.30 м., высота 0.45). (Рис. № 18).

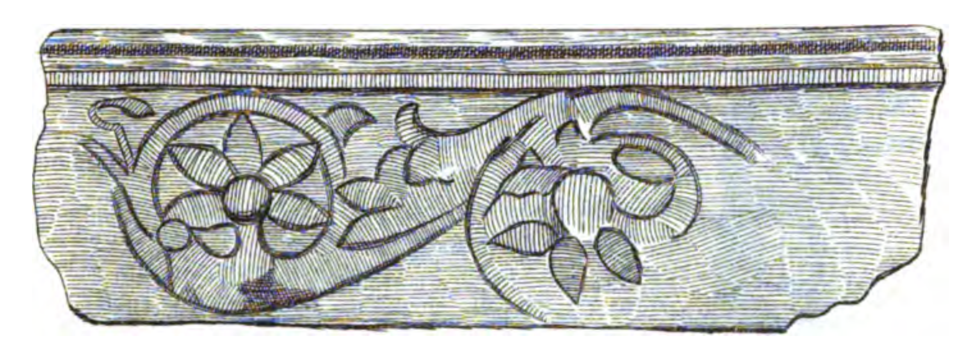

Рис. № 18.

Въ часовомъ разстояніи къ с. отъ Гауарина близь деревни Гайдеръ находится обширное мѣсто погребенія или городъ мертвыхъ. Внѣшнимъ признакомъ онаго служатъ возвышающіяся надъ землей башни, сохравившіяся въ полуразрушенномъ видѣ, по близости отъ которыхъ наблюдаются возвышенія со входами въ пещеры или въ большія подземныя сооруженія, приготовленныя для погребенія. Особенностью посѣщенной нами башни служитъ то, что въ нижней ея части находится родъ корридора, крытаго огромными блоками, опирающимися на камни, покрывающіе loculi или мѣста погребенія узкія и длинныя. Съ лѣвой стороны корридора такихъ компартиментовъ 10 — каждый для двухъ погребеній —, съ правой же стороны 8, такъ какъ съ этой стороны находится арка, ведущая въ другое, закрытое помѣщеніе. Все описываемое помѣщеніе засыпано землей, такъ что можно наблюдать лишь верхнюю часть арки. Любопытно отмѣтить, что каменные блоки, изъ которыхъ построена нижняя часть башни, состоятъ изъ твердаго похожаго на гранитъ камня, который былъ привезенъ въ эту мѣстность издалека. Это громадное сооруженіе для погребенія мертвыхъ, находящееся по близости отъ жалкаго селенія Гайдеръ, населеннаго полудикими обитателями изъ бедуиновъ, свидѣтельствуетъ, что по близости былъ въ древности большой городъ.

Крайній населенный пунктъ, въ которомъ мы переночевали на границѣ безводной пустыни, былъ **Каріатеинъ.** Здѣсь предстояло запастись водой и продовольствіемъ для перехода безводнаго пространства около 80 километровъ. Въ домѣ мѣст-

наго шейха находится собраніе древностей. Какъ можно было убѣдиться впослѣдствіи при ознакомленіи съ скульптурными памятниками Пальмиры, большинство рельефовъ и бюстовъ, находящихся у шейха, происходитъ изъ неисчерпаемыхъ богатствъ подземной Пальмиры. Здѣсь мы обратили вниманіе на рельефъ юноши съ вьющимися волосами въ короткомъ хитонѣ, подпоясанномъ подъ чреслами. Хитонъ украшенъ расшитой каймой по подолу, по концамъ рукавовъ и по всему переду. Въ рукахъ у юноши, прижатыхъ къ груди, блюдо, на которомъ возлежитъ агнецъ (Рисун. № 19).

Рис. № 19.

Слѣдуетъ отмѣтить, что подобная же фигура съ агнцемъ на рукахъ повторяется на другомъ рельефѣ. (Рис. № 20).

Любопытны далѣе рельефы женщины или съ младенцемъ на рукахъ — это излюбленный сюжетъ пальмирскихъ катакомбъ —, или съ разными аттрибутами женскихъ занятій въ рукахъ или возлѣ бюста (табл. № 12); наконецъ здѣсь же мы замѣтили рельефы лежащаго льва и быка съ ремнемъ на шеѣ. — Кромѣ того здѣсь нашли нѣсколько надписей, большинство которыхъ на арамейскомъ языкѣ. Весьма любопытна надпись съ крестоподобными знаками (рисун. № 21).

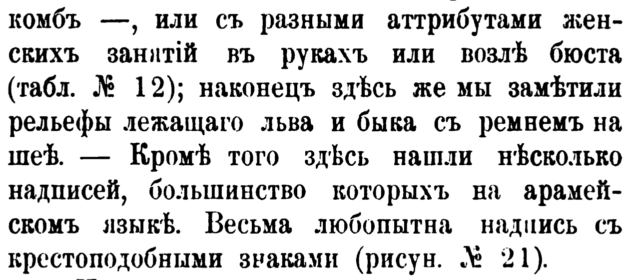
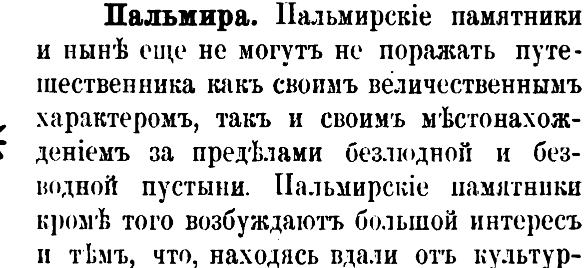

Рис. № 20.

Подобные знаки, находимые на арамейскихъ надписяхъ, получаютъ особенный интересъ при сопоставленіи ихъ съ староболгарскими надписями на греческомъ языкѣ, относящимися завѣдомо къ языческой эпохѣ (времени Крума и Омортага).

Пальмира. Пальмирскіе памятники и нынѣ еще не могутъ не поражать путешественника какъ своимъ величественнымъ характеромъ, такъ и своимъ мѣстонахожденіемъ за предѣлами безлюдной и безводной пустыни. Пальмирскіе памятники кромѣ того возбуждаютъ большой интересъ и тѣмъ, что, находясь вдали отъ культур-

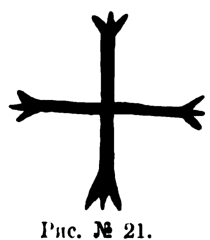

Рис. № 21.

ныхъ центровъ. оказываются совершенно беззащитными отъ невѣжества и безцеремоннаго хищничества. Отъ Дамаска и Бейрута по всей Сиріи можно встрѣчать въ частныхъ рукахъ бюсты и рельефы изъ Пальмиры, легко отличаемые какъ по чертамъ лица и отдѣлкѣ волосъ на головѣ, такъ въ особенности по одеждѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ попадались цѣлыя коллекціи пальмирскихъ рельефовъ и бюстовъ. Это показываетъ, до какой степени подвергаются расхищенію пальмирскіе памятники и какъ они беззащитны. Это происходитъ отъ того, что на мѣстѣ стараго города, или лучше въ оградѣ его знаменитаго храма, живетъ цѣлое племя полудикихъ бедуиновъ; многіе изъ обитателей этого историческаго города получили вкусъ къ изслѣдованію его надгробныхъ памятниковъ и достаютъ оттуда новые археологическіе предметы. Мѣстный начальникъ небольшого гарнизона едва-ли въ состояніи обуздать хищничество, тѣмъ болѣе, что находящаяся въ его распоряженіи команда даже не можетъ знать, какимъ путемъ и когда появляются на свѣтъ скульптурные памятники, между тѣмъ какъ между мѣстными жителями есть прекрасные знатоки пальмирскихъ катакомбъ, которые съ полиціей не дѣлятся своимъ знаніемъ, хотя и дѣлятся вырученной за проданные памятники добычей.

Независимо отъ того, время и перемѣны климата производятъ свое вліяніе на архитектурные памятники Пальмиры. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ величественныя арки угрожаютъ паденіемъ, потому что выпалъ или сошелъ со своего мѣста тотъ камень, на положеніи котораго основывается связь арочнаго свода. Такъ, во многихъ мѣстахъ постепенно падаютъ колонны, унося вмѣстѣ съ тѣмъ надписи и громадные каменные блоки надъ капителями колоннъ. Постепенно пыль и мусоръ покрываютъ поваленныя на землю изящныя колонны.

О Пальмирѣ на русскомъ языкѣ писалъ князь *С. Абамелекъ-Лазаревъ,* Пальмира. Археологическое изслѣдованіе. Спб. 1884. О постепенномъ ознакомленіи съ Пальмирой — стр. 36—37. Нашему соотечественнику принадлежитъ открытіе извѣстнаго пальмирскаго таможеннаго тарифа (см. стр. 42 и слѣд.) О сирійскихъ памятникахъ см. *Simonsen,* Sculptures et Inscriptions de Palmyre à la glyptoth. de Ny-Carlsberg, Copenhague 1889.

Прежде всего предстояло здѣсь ознакомиться съ состояніемъ извѣстнаго памятника, открытаго княземъ Абамелекъ-Лазаревымъ, именно съ двуязычной надписью таможеннаго тарифа. Этотъ

памятникъ, извѣстный лишь небольшому числу спеціалистовъ, не обращаетъ на себя вниманія обыкновенныхъ путешественниковъ и по положенію, въ которомъ находится, не можетъ быть предметомъ вниманія. Это есть весьма большихъ размѣровъ плита, находящаяся въ вертикальномъ положеніи и покрытая со всѣхъ сторонъ землей, такъ что надъ поверхностью торчитъ только самая верхняя часть, не имѣющая буквъ. Лицевая сторона плиты, когда ее освободили отъ земли, оказалась раздѣленной на четыре отдѣленія, изъ коихъ въ каждомъ находится греческое и арамейское письмо. Между отдѣленіями есть свободная отъ письма полоса отъ 15 до 20 сантиметровъ въ ширину. Всѣ четыре отдѣленія, въ которыхъ находится надпись, сохранились далеко не одинаково. Прежде всего въ первомъ и послѣднемъ есть квадратныя выбоины, кромѣ того тѣ же отдѣленія не сплошь записаны, а представляютъ свободную отъ письма поверхность, болѣе записаны второе и третье отдѣленіе. Нужно также замѣтить, что во многихъ мѣстахъ поверхность камня вылущилась, такъ что чтеніе представляется весьма затруднительнымъ. Не менѣе того пострадалъ самый верхъ плиты, не засыпанный землей: отколото нѣсколько кусковъ и притомъ уже послѣ описанія, сдѣланнаго княземъ Абамелекъ-Лазаревымъ. Изъ этого послѣдняго обстоятельства можно видѣть, что нужно почитать большимъ счастьемъ, что плита осталась до послѣдняго времени не обнаженной отъ земли. — И мы послѣ снятія фотографіи съ плиты позаботились снова закрыть землей весь камень и сравнять мѣсто, чтобы оно не кидалось въ глаза. Длина плиты 5.45 м., высота 2.40 м. Весьма важнымъ обстоятельствомъ нужно однако признать то, что письмомъ не занята вся поверхность сверху до низу. Въ первомъ отдѣленіи письмомъ занято сверху внизъ 1,34 м.; во второмъ 1.47; въ третьемъ 1,35; присоединивъ еще карнизъ 0,23 м. мы найдемъ высоту плиты записанной надписью 1,70 м. Такимъ образомъ, почти на 1 м. высоты наша плита не представляетъ надписи и поэтому легко можетъ быть распилена въ нижней части безъ всякаго вреда для письма. Это обстоятельство слѣдуетъ принять во вниманіе при соображеніяхъ о перевозкѣ этой надписи, такъ какъ ясно, что плита, въ цѣломъ составѣ представляющая грузъ до 700 или болѣе пудовъ, не можетъ быть погружена на обыкновенныя дроги и вообще представляетъ такую тяжесть, которая для своего передвиженія нуждается въ чрезвычайныхъ средствахъ.

Обратная сторона плиты, на сколько можно было судить по небольшой части обнаженной отъ земли, представляетъ необработанную поверхность, такъ что устраняется всякая мысль о какой-либо надписи на этой сторонѣ плиты. Для правильнаго установленія фотографическаго аппарата необходимо было не только совершенно обнажить лицевую сторону плиты, но еще раскопать значительную часть земли, прилегающей къ плитѣ; при этихъ работахъ обнаружены были слѣдующія данныя. Прежде всего найденъ маленькій обломокъ камня съ буквами АГО и подъ ними П. Это обломокъ карниза нашей плиты. По близости къ плитѣ находится часть ствола громадной колонны, затѣмъ большихъ размѣровъ необработанный камень, наконецъ въ самомъ низу и притомъ почти у подножья плиты еще громадныхъ размѣровъ камень. Это послѣднее обстоятельство было причиной, что мы никакъ не могли установить того факта, на чемъ утверждена плита и находится ли она на мѣстѣ первоначальной своей постановки, или же нѣтъ. Такъ какъ плита до сихъ поръ находится въ совершенно правильномъ вертикальномъ положеніи, то можно думать, что она опирается или на пьедесталъ, или на какія-нибудь приспособленія съ противоположной стороны, которая осталась не обнажена и которую очищать отъ земли мы не имѣли смѣлости, чтобы не возбудить ненужныхъ подозрѣній и излишняго вниманія со стороны мѣстной власти.

Снявъ фотографію съ надписи и зарисовавъ форму плиты, мы могли считать свою задачу по отношенію къ надписи оконченной тѣмъ болѣе, что эта работа отняла у насъ три дня изъ 7, проведенныхъ въ изслѣдованіи Пальмиры. — Въ настоящее время занимающая насъ плита, вслѣдствіе ходатайства г. Императорскаго Россійскаго Посла въ Константинополѣ, Его Величествомъ Султаномъ пожертвована Россіи, перевезена изъ Пальмиры въ Бейрутъ и отсюда препровождена на пароходѣ Русскаго общества въ Одессу. — Ближайшія обстоятельства, касающіяся произведенныхъ вокругъ плиты раскопокъ и способа нагрузки камня на дроги и перевозки его, а равно и сдѣланныхъ при этомъ наблюденій по отношенію къ способу утвержденія нижней части камня, — составляютъ предметъ журнала, веденнаго *Я. И. Хури,* которому Императорскимъ Россійскимъ Посольствомъ была поручена перевозка плиты.

Ознакомленіе съ пальмирскими памятниками — даже поверхностное — требуетъ значительнаго времени. Въ особенности слѣдуетъ принимать во вниманіе время года. Мы прибыли въ Пальмиру въ первыхъ числахъ мая; жара была такая удручающая, что работать можно было только до 9 ч. утра, а потомъ до 5 по полудни приходилось сидѣть или лежать въ палаткѣ безъ движенія. Если имѣется въ виду спеціальная цѣль и изученіе на мѣстѣ подробностей, то нужно разсчитывать по крайней мѣрѣ на семь, а то и на 10 дней. — Пальмирскіе горячіе источники и теплыя ванны представляютъ прекрасное, хотя и единственное, развлеченіе для путешественника.

Капитальнѣйшій памятникъ Пальмиры — храмъ Солнца — почти недоступенъ для детальнаго изученія. Почти вся площадь обширнаго полуразрушеннаго зданія занята жалкими лачугами, въ которыхъ ютится небольшое бедуинское племя. Хижины и хлѣвы для скота, то прислоненныя къ стѣнамъ старыхъ храмовыхъ построекъ, то сдѣланныя изъ обломковъ мрамора и обработаннаго камня между величественными колоннами храма, весьма затрудняютъ составить отчетливое впечатлѣніе о планѣ и главныхъ частяхъ храма. Нужно однако замѣтить, что жители не чуждаются иностранцевъ, охотно впускаютъ ихъ въ свои хижины и помогаютъ подниматься на кровли хижинъ, чтобы прочитать тамъ и здѣсь надпись, разобрать рельефъ или разсмотрѣть направленіе стѣнъ храма Солнца.

Мы не беремъ на себя задачи знакомить съ Пальмирой вообще, достаточно указать прекрасныя описанія этого интереснаго памятника древности у иностранныхъ путешественниковъ. Наиболѣе бросается въ глаза въ Пальмирѣ обиліе надписей. Эти надписи находятся въ громадномъ числѣ на колоннахъ и на могильныхъ памятникахъ. Надписи на колоннахъ суть или декреты въ честь императоровъ или почетныя постановленія въ честь государственныхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Большинство такихъ надписей издано или въ C. I. G. или у Waddington'а, или въ указанной выше книгѣ Симонсена, хотя нельзя сказать, что представляемый надписями матеріалъ исчерпанъ для изученія устройства и управленія Пальмиры. Нѣтъ сомнѣнія, что продолжительное пребываніе въ Пальмирѣ и тщательное изслѣдованіе развалинъ зданій можетъ дать еще не мало новыхъ надписей, не говоря уже о томъ, что правильныя раскопки обѣщаютъ увеличить какъ эпигра-

фическій матеріалъ, такъ и скульптурный. Такъ почетныя надписи во множествѣ лежатъ въ землѣ вмѣстѣ съ колоннами, въ чемъ мы могли убѣдиться, обнаживъ отъ земли стволъ одной колонны къ югу отъ такъ называемой базилики Діоклетіана, причемъ обнаружилась надпись въ 9 строкъ. Начало надписи весьма стерто и частію испорчено, изъ продолженія можно видѣть, что это былъ декретъ въ честь Аврелія, оказавшаго городу большія услуги.

ΑΥΡΗΛΙΟΝΦΥΛΗCΤΗCΑΥΤΗC...... εὐεργετησ-
ΑΝΤΑΑΥΤΟΙCЄΝΠΟΛΛΟΙCΠΡΑΓΜΑCΙΝ
... ΚΤΙCΜΑCΙΝΚΑΙΑΝΑΘΗΜΑCΙΝ
ΑΝΑΛΩΜΑCΙΝΟΥΚΟΛΙΓΟΙCΤЄΙΜΗC
ЄΝЄΚЄΝЄΤΟΥCЄ̄Ο̄ΤΜΗΝ[ὸς
CЄΠЄΡЄΙΤΙ[ου

Большинство надписей на мѣстномъ пальмирскомъ или арамейскомъ языкѣ. Въ особенности надгробныя надписи всегда почти на арамейскомъ.

Пальмирскіе памятники на поверхности земли далеко однако не могутъ дать идеи объ археологическомъ значеніи этого замѣчательнаго города.

На окраинахъ Пальмиры обращаютъ на себя вниманіе особые монументальные памятники, имѣющіе видъ башенъ; на самомъ дѣлѣ это усыпальницы, въ которыхъ покоятся останки богатыхъ пальмирцевъ. (Табл. № 13). Эти башни въ большинствѣ указываютъ на присутствіе по близости находящихся подъ землей помѣщеній для погребенія мертвыхъ. Эти послѣднія представляютъ собой или отдѣльныя залы съ саркофагами и могилами по сторонамъ, или сложныя подземныя помѣщенія, подобныя катакомбамъ, украшенныя скульптурными произведеніями пальмирскихъ мастеровъ и фресковой живописью по стѣнамъ. Всѣ памятники, о которыхъ мы говорили выше, выносятся изъ погребальныхъ помѣщеній. Сколько ихъ расхищено и сколько остается не тронуто, никто сказать не можетъ, потому что хорошо знаютъ подземныя усыпальницы только тѣ, которые имѣютъ интересъ скрывать отъ другихъ то, что имъ доступно.

Посѣщеніе гробницъ и подземныхъ помѣщеній для мертвыхъ не только представляетъ живой интересъ съ точки зрѣнія

ознакомленія съ пальмирскими памятниками, но можетъ вознаграждаться неожиданными и важными находками. Уже мы начали дѣлать приготовленія къ обратному движенію, какъ получили извѣстіе, что есть одна пещера недавно открытая, которая представляетъ большой интересъ.

Чтобы войдти въ пещеру, мы должны были воспользоваться тѣмъ отверстіемъ, которое указалъ намъ феллахъ, и которымъ по приставленной лѣстницѣ мы спустились въ подземелье. Это отверстіе было впрочемъ заложено камнями и повидимому извѣстно было одному нашему путеводителю, который первый и открылъ эту пещеру и достаточно ее расхитилъ, какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

Небольшое отверстіе, ведущее въ пещеру, находится на окраинѣ города, на волнообразной мѣстности представляющей рядъ возвышеній. Въ весьма близкомъ разстояніи отсюда возвышаются стѣны монументальной башни — усыпальницы, частію уже разрушенной. Изъ ямы, въ которую мы спустились, ведетъ узкій проходъ, сдѣланный очевидно весьма недавно, въ обширное подземное помѣщеніе. Какъ можно было убѣдиться при ближайшемъ вниманіи, этотъ проходъ сдѣланъ былъ поверхъ каменной арки составляющей принадлежность входныхъ воротъ въ пещеру, какъ въ этомъ легко убѣдиться, смотря на проломъ съ внутренней стороны (рис. № 22).

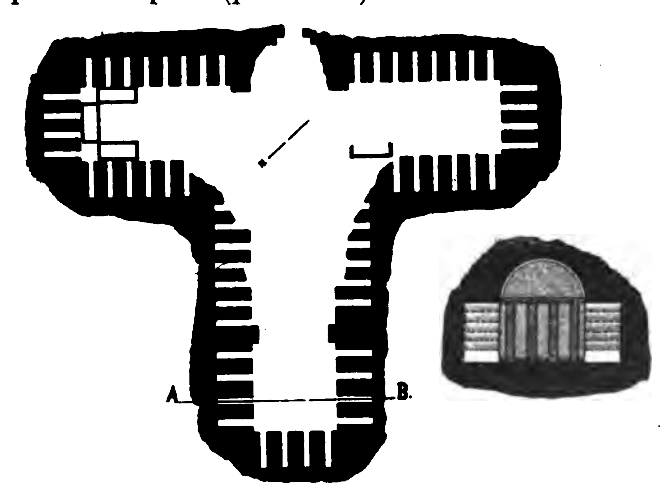

Рис. № 22. (Масшт. $^1/_{100}$).

Такъ какъ входъ пришелся почти подъ самымъ сводомъ, то можно думать, что первые посѣтители пещеры не мало

содѣйствовали разрушенію сводовъ, чтобы устроить спускъ въ помѣщенія пещеры. Во всякомъ случаѣ мы нашли всю часть пещеры близь входа наполненной мелкимъ камнемъ, щебнемъ и мусоромъ, что объясняется какъ разрушеніемъ сводовъ, образованныхъ изъ цемента и мелкаго камня, такъ и паденіемъ пилястровъ и другихъ архитектурныхъ частей, имѣвшихъ назначеніемъ придать весьма обширной пещерѣ желаемую форму отдѣльныхъ залъ или помѣщеній для умершихъ. Въ настоящее время можно различать въ пещерѣ три залы.

Начнемъ обзоръ съ той части, которая находится направо отъ входа. Это есть сводчатое зданіе удлиненной формы, по обѣимъ сторонамъ котораго идетъ рядъ пилоновъ или простѣнковъ, образующихъ loculi или мѣста для погребенія умершихъ. Въ эти мѣста между стѣнами клались снизу до верху мертвецы, причемъ всякій трупъ отдѣлялся отъ верхняго плитой и замазывался глиной. Можно предполагать, что въ каждомъ компартиментѣ было до 6 или 7 погребеній. Если принять во вниманіе, что на правой сторонѣ въ нашемъ помѣщеніи находится восемь, на лѣвой шесть мѣстъ, и если въ каждомъ было 7 loculi, то ясно, что эта зала могла служить мѣстомъ погребенія для сотни умершихъ, при томъ всѣ мѣста были такъ устроены, что сейчасъ же надъ свѣжепогребеннымъ трупомъ готовились новыя мѣста для слѣдующаго погребенія. Такъ какъ въ мѣстахъ погребенія мы нашли массу щебня и извести, то затрудняемся опредѣлить количество рядовъ погребеній въ каждомъ отдѣльномъ помѣщеніи. Теперь всѣ почти мѣста погребеній уже разорены, скелеты частію разрушены, частію выброшены изъ мѣстъ погребенія. Весьма однако возможно, что внизу подъ слоемъ мусора окажутся еще нетронутыя могилы, но для этого потребовалась бы расчистка всей мѣстности погребеній. Мы даже не можемъ теперь судить о высотѣ залы, такъ какъ подъ ногами имѣемъ неопредѣленной толщины слой щебня и каменныхъ обломковъ и скульптурныхъ: торсы, бюсты, рельефы и т. п. Существенной особенностью этой залы слѣдуетъ однако признать саркофаги, отъ варварскаго расхищенія и истребленія коихъ и произошли скульптурные фрагменты, о которыхъ сейчасъ говорено было. Въ задней части этого помѣщенія находятся три саркофага; два изъ нихъ — что по бокамъ залы — очень пострадали отъ хищнической руки, сохранился же до извѣстной степени тотъ, который находится

въ серединѣ и примыкаетъ къ задней стѣнѣ залы, гдѣ также находятся loculi для погребеній. Какъ можно судить по болѣе сохранившемуся, саркофаги предназначались не для одного лица, и состояли изъ слѣдующихъ составныхъ частей: а) изъ нижняго ящика, въ коемъ имѣлось два погребенія, совершенно отдѣленныя одно отъ другаго, какъ это показано выше; въ этомъ отдѣленіи есть четырехугольное отверстіе, позволяющее ясно видѣть содержимое этой части саркофага; б) изъ средняго ящика, характернымъ отличіемъ котораго служатъ медаліоны: ихъ четыре по фасу и два по бокамъ съ чашевидной колонной по угламъ, — выше медаліоновъ бордюръ — орнаментъ разнаго рисунка; в) наконецъ изъ плиты, которая опирается на кайму съ орнаментомъ и вся украшена скульптурными изображеніями. Эти скульптурныя изображенія — то полная фигура, то бюстъ — совершенно разбиты на двухъ саркофагахъ и самая доска снята съ мѣста, и можетъ быть наблюдаема на прежнемъ мѣстѣ только на одномъ саркофагѣ. Изображенія на ней состоятъ изъ 5 фигуръ. Центральная фигура опирается лѣвымъ локтемъ на шитую узорами подушку и находится въ полулежачемъ состояніи; въ лѣвой рукѣ у ней чаша; рядомъ съ ней другая и также цѣльная фигура въ такомъ же положеніи. Передъ ними двѣ фигуры меньшихъ размѣровъ въ стоячемъ положеніи, наконецъ одна сидитъ. Замѣтны остатки примѣненія красокъ для нѣкоторыхъ частей одежды. Детальныхъ наблюденій нельзя однако сдѣлать, потому что всѣ головы отбиты и нѣкоторыя такъ грубо и неискусно, очевидно при помощи самаго элементарнаго орудія, что нижнія части лица остались на плитѣ, а верхнія оказались сбиты. Можно однако отмѣтить чрезвычайно тонкую обработку одежды и детальныя работы по выдѣлкѣ украшеній на женскихъ фигурахъ. Эта особенность можетъ быть признана характерной въ пальмирскихъ художественныхъ прозведеніяхъ. Для того, чтобы дать наглядное представленіе о скульптурной части пальмирскихъ саркофаговъ, даемъ фотографію съ одной доски, снятой съ саркофага и находящейся въ конакѣ пальмирскаго мудира (табл. № 14). Здѣсь въ центрѣ возлежащая фигура съ весьма хорошо выдѣланной короткой одеждой и шитьемъ по каймамъ. Саркофагъ съ сохранившимися на своемъ мѣстѣ составными частями представляетъ весьма импозантную картину. Примыкая одной или двумя сторонами къ стѣнамъ, онъ получалъ обработку только съ тѣхъ сторонъ, которыя оставались на виду.

Переходя къ слѣдующей залѣ, находящейся налѣво отъ входа, нужно прежде всего замѣтить, что она распланирована совершенно также, какъ и первая. По бокамъ расположены мѣста для погребеній совершенно по той же системѣ, какъ и въ первомъ помѣщеніи. Каждый отдѣльный компартиментъ давалъ мѣсто шести или семи погребеніямъ, изъ коихъ каждое отдѣлялось плитой и замазывалось. Разность отъ описанной выше залы та, что здѣсь нѣтъ въ настоящее время саркофаговъ, — хотя это не служитъ доказательствомъ, что ихъ и прежде не было, такъ какъ мы замѣтили часть саркофага съ правой стороны при входѣ въ этотъ залъ. О степени разрушенія, постигшей этотъ залъ, можно судить по слою земли и щебня, покрывающаго половину указаннаго саркофага; здѣсь же оказались во множествѣ разбросанные подъ ногами и частію покрытые мелкимъ щебнемъ бюсты съ отбитыми головами. Это не могли быть рельефы съ саркофаговъ, это были отдѣльно приготовленные бюсты, очевидно предназначавшіеся для усыпальницъ.

По поводу этихъ бюстовъ слѣдуетъ сдѣлать нижеслѣдующее замѣчаніе. Большинство пальмирскихъ бюстовъ, видѣнныхъ мной въ Бейрутѣ, Дамаскѣ и Каріатейнѣ, происходятъ изъ пальмирскихъ усыпальницъ, и можно думать, что эта скульптурная добыча составляетъ наиболѣе обычное содержаніе усыпальницъ и что бюсты привлекаютъ мѣстныхъ феллаховъ разыскивать новыя пещеры, открывать въ нихъ входъ и расхищать содержащіеся въ нихъ памятники. Какое мѣсто занимаютъ подобные бюсты въ усыпальницахъ? Одинъ изъ мѣстныхъ феллаховъ, занимающійся продажей бюстовъ, объяснилъ намъ, что бюсты находятся обыкновенно передъ каждымъ компартиментомъ для положенія труповъ, что обыкновенно передъ входомъ въ loculi нижней части каждаго компартимента ставился бюстъ. Было бы желательно провѣрить это въ такихъ пещерахъ, которыя не подвергались расхищенію. Мы во всякомъ случаѣ не замѣтили въ пещерахъ никакой подставки, базы или цоколя для постановки бюста, между тѣмъ какъ видѣли множество цоколей на колоннахъ, предназначенныхъ именно для постановки бюстовъ. Не можетъ однако быть сомнѣнія, что весьма распространенный бюстъ женщины съ ребенкомъ на рукахъ относится къ памятникамъ погребальнымъ и взятъ именно изъ усыпальницъ. Техника этихъ бюстовъ почти всегда одинакова. Хорошая обработка передней части лица, шаблонный

носъ, губы и лобъ, головной уборъ съ перевязью на волосахъ. Но затѣмъ всѣ детали весьма грубы, въ особенности руки и пальцы только намѣчены, у ребенка всѣ части непропорціональны, пальцы грубы, ноги совсѣмъ не отдѣланы. Какъ будто эти бюсты дѣлались въ одной мастерской, и какъ будто было обычаемъ не намѣчать подробностей и дѣлать по данному шаблону головной уборъ, правую руку поднятую къ головному убору и проч. (Табл. № 15). Особенностью этой залы нужно еще признать то, что всѣ почти стѣнки мѣстъ для погребеній имѣютъ съ наружной стороны надписи на арамейскомъ языкѣ, при чемъ одна надпись въ нѣсколько строкъ. Надписи сдѣланы красками и хорошо сохранились. Сводъ представляетъ хорошую сохранность, вполнѣ сухъ и имѣетъ штукатурку, которая нигдѣ не отвалилась.

Несомнѣнно большій интересъ представляетъ однако третья зала, находящаяся прямо противъ входа. Она имѣетъ болѣе удлиненную форму, чѣмъ двѣ первыя, и первоначально раздѣлена была на двѣ части. Первая, съ восемью или болѣе отдѣленіями для погребеній съ той и другой стороны и со сводомъ покрытымъ штукатуркой, оканчивалась аркой и воротами, ведущими въ слѣдующее помѣщеніе. Слѣды воротъ видны на боковыхъ пилонахъ, кромѣ того подъ аркой находимъ остатки порога; самая арка утверждалась на слегка выступающихъ изъ стѣны пилястрахъ. Въ этомъ второмъ отдѣленіи, имѣющемъ квадратную форму, находимъ по четыре отдѣленія на каждой изъ трехъ сторонъ. Но особенное отличіе этого помѣщенія состоитъ въ томъ, что въ немъ украшены фресковой живописью сводъ, пилоны и простѣнки между отдѣленіями для погребеній; здѣсь находимъ и цѣлыя фигуры во весь ростъ, и медаліоны, и цѣлыя сцены. Въ особенности по сложности сюжета замѣчательна композиція, находящаяся въ полукругѣ надъ карнизомъ въ задней части залы.

Остановимся на отдѣльныхъ картинахъ.

На наружныхъ стѣнкахъ мѣстъ для погребенія или, что тоже, на простѣнкахъ между отдѣленіями для погребеній находятся по правую и по лѣвую сторону стоячія фигуры женскихъ изображеній. Женская фигура съ правой стороны сохранила краски одежды, но нельзя разобрать, что поддерживаютъ приподнятыя руки, ибо изображеніе въ верхней части сильно пострадало вслѣдствіе выдолба, который служилъ по всей вѣроятности для

вкладыванія болта, служившаго запоромъ. Точно такой же выдолбъ находится и на противоположномъ пилястрѣ, и опять-таки къ сожалѣнію онъ пришелся на верхнюю часть женской фигуры, здѣсь изображенной. Такъ какъ на лѣвой сторонѣ женская фигура представлена съ младенцемъ на рукахъ, то можно думать, судя по позѣ, что и другая фигура также имѣетъ на рукахъ младенца. Голова убрана въ кокошникъ, сзади имѣется драпировка, цвѣтъ лица почти совсѣмъ не сохранился, выраженіе очень блѣдное. Съ лѣвой стороны изображеніе сохранилось лучше, хотя выдолбъ на верхней части правой груди значительно портитъ впечатлѣніе. Какъ сказано, женщина изображена съ младенцемъ на рукахъ. Голова ея въ кокошникѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями. На шеѣ и въ ушахъ у женщины богатыя украшенія, цвѣтъ широкаго платья, падающаго до самыхъ ступней, трудно опредѣлить. Бѣлое покрывало спускается съ головы и падаетъ на станъ; изъ подъ одежды видны ноги въ бѣлыхъ чулкахъ, обутыя въ красныя туфли. На фонѣ картины, на высотѣ лица плетеная корзинка или вазочка и квадратный ларецъ. У младенца на головѣ шапочка и короткая рубашка. Надъ фигурой женщины цоколь, въ которомъ фигура ромба и въ серединѣ его кругъ; ниже изображеніе животныхъ въ быстромъ движеніи. За описаннымъ пилястромъ слѣдуетъ стѣнка отдѣленія для умершихъ; на ней написана колонна на базѣ съ капителью коринѳскаго стиля, на пьедесталѣ снова ромбъ и въ немъ кругъ. Всѣ слѣдующія стѣнки отдѣленій или простѣнки между отдѣленіями для умершихъ украшены разнообразными фигурами. Вверху подъ карнизомъ медаліонъ, и на синемъ фонѣ въ медаліонѣ портретное изображеніе. Медаліоны подерживаются крылатыми геніями, стоящими на сферѣ, перевитой аканѳовыми листьями. Геніи почти всѣ одинаковы на девяти простѣнкахъ, медаліоны же представляютъ разнообразіе фигуръ мужскихъ и женскихъ. Все это безъ сомнѣнія портретныя изображенія, имѣющія интересъ для изученія костюмовъ и украшеній. Всего имѣемъ четыре женскія фигуры и пять мужскихъ, между прочимъ на одномъ — въ медаліонѣ — мужская фигура съ младенцемъ. Подъ геніями пьедесталъ съ ромбомъ и кругомъ, ниже охотничья сцена или изображенія животныхъ. Краски кожи блѣдны, но почти вездѣ можно замѣтить даже выраженія лицъ.

Хорошо также сохранился рисунокъ свода. Въ центрѣ фигура Ганимеда съ одной подогнутой ногой и другой вытянутой. На обнаженномъ тѣлѣ сзади спускается плащъ, застегнутый фибулой. Позади фигуры героя орелъ съ распростертыми крыльями. На головѣ бога фригійская шапочка.

Гораздо труднѣе понять довольно сложную сцену изображенную въ полукругѣ между сводомъ и карнизомъ въ самомъ фонѣ изучаемой залы. Здѣсь краски не вездѣ хорошо сохранились вслѣдствіе попавшей сырости; затрудняетъ также и то, что изображенная сцена находится высоко, что нѣтъ свѣта, и что нельзя приблизиться къ рисунку, чтобы изучать его.

На большинствѣ гробницъ находимъ надписи на арамейскомъ языкѣ; на рисункѣ № 23 приводимъ образцы.

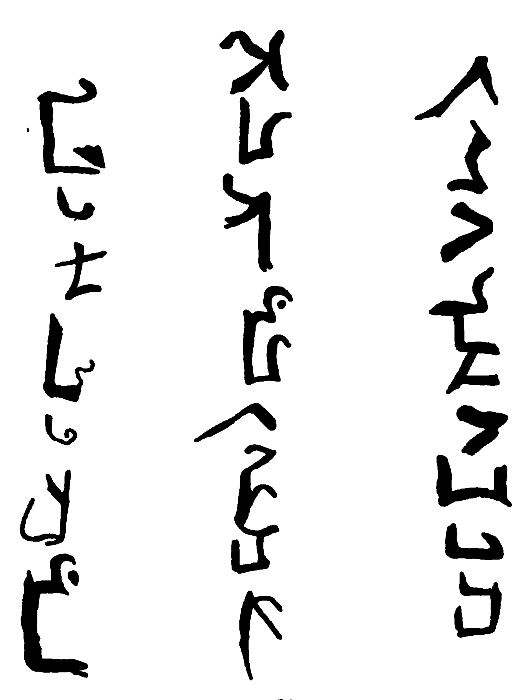

Рис. № 23.

Когда мы приготовляли къ печати обзоръ памятниковъ Сиріи, появилась книга Стржиговскаго Orient und Rom, въ которой изданы фрески изъ указанной выше пещеры. Находя однако, что собранный нами матеріалъ нѣсколько шире того, что отмѣчено было американцами, мы нашли неизлишнимъ снова переиздать планы и рисунки, сдѣланныя нами въ пещерѣ. Обработку всего нашего матеріала любезно взялъ на себя бывшій ученый секретарь Института Б. В. Фармаковскій, трудъ котораго появится отдѣльной статьей въ Извѣстіяхъ.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ памятникахъ. Обширныхъ размѣровъ колоннада, составляющая наиболѣе выразительный признакъ пальмирскихъ древностей, на

планахъ показывается съ уклономъ къ сѣверу, хотя на самомъ дѣлѣ эта колоннада начинается отъ тріумфальной арки близъ храма Солнца и направляется прямо къ такъ называемой базиликѣ Діоклетіана. (Табл. № 16). Эта послѣдняя поражаетъ легкостью и изяществомъ стиля. Она построена у подножія холма, къ ней ведетъ пробитая въ скалѣ лѣстница. Апсида представляетъ оригинальную форму: извнутри полукруглая, а снаружи прямолинейная. (Рис. № 24). Можно догадываться, что христіанскіе памятники были въ Пальмирѣ въ значительномъ количествѣ. Такова христіанская надпись на одной изъ колоннъ: ЄІС ѲЕОС ZΟΗ...

Возвращаясь изъ Пальмиры, мы должны были снова пройдти почти всю прежде сдѣланную дорогу и принять направленіе къ сѣверу уже отъ Каріатейна. Отсюда путь нашъ лежалъ на **Гомсъ** (древняя Эмеса); по пути дѣлались остановки на мѣстахъ, представлявшихъ археологическій интересъ.

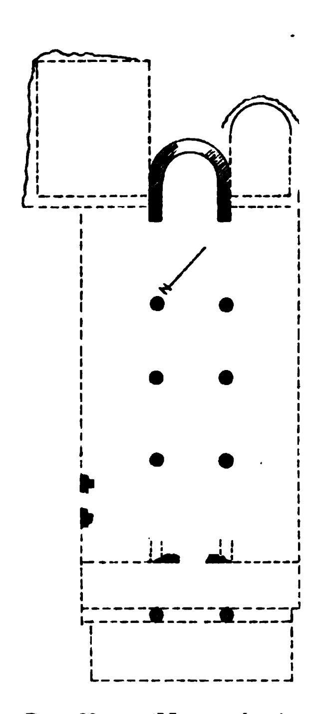

Рис. № 24. (Масшт. 1/300).

На пути къ **Гомсу** нѣсколько интересныхъ наблюденій мы сдѣлали въ селеніи **Сададъ** или **Седадъ.** Это очень большое мѣстечко, бывшее прежде городомъ, какъ можно заключать по остаткамъ большихъ сооруженій и по сохранившейся башнѣ римской постройки. Въ селеніи числится четыре церкви, хотя нѣтъ ни одной болѣе или менѣе древняго происхожденія. Жители Садада придерживаются нѣкоторыхъ особенностей въ вѣроученіи и обрядахъ, принадлежа къ послѣдователямъ монофизитскаго ученія. Въ VI вѣкѣ, какъ извѣстно, остатки монофизитовъ были объединены и организованы Іаковомъ Барадеемъ, по имени котораго восточные монофизиты называются Іаковитами. Съ мусульманскимъ завоеваніемъ Іаковиты получили значительную поддержку, выбрали своего патріарха и могли

сохраниться до настоящаго времени. Какъ мы могли нѣсколько разъ убѣждаться, Іаковиты имѣютъ серіозную склонность къ православію и, конечно, легко могли бы войдти въ унію съ православной церковью, если бы вселенская патріархія въ состояніи была стать выше узкихъ интересовъ эллинизма.

Любопытнѣйшими наблюденіями здѣсь мы обязаны изученію церквей.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе церковь св. Саркиса (Сергія). Имѣя въ виду, что по близости замѣтили мы нѣсколько обломковъ колоннъ, двѣ-три капители и основанія старыхъ стѣнъ, можно заключать, что нынѣшняя церковь построена на мѣстѣ древней или по крайней мѣрѣ изъ матеріала, служившаго для древней церкви. Къ остаткамъ древности слѣдуетъ относить камень съ изображеніемъ креста, вдѣланный въ св. престолъ. (Рис. № 25).

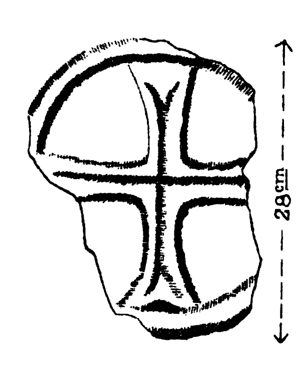

Рис. № 25.

Но самымъ любопытнымъ фактомъ въ церкви нужно признать фресковую живопись. Хотя фрески относятся къ довольно новому времени, но онѣ сдѣланы по старымъ образцамъ и любопытны какъ выраженіе мѣстнаго искусства, характеризующаго живопись сиро-яковитскихъ церквей. Не только замѣчаемъ здѣсь особенности въ выборѣ сюжетовъ и въ построеніи картинъ, но самая техника исполненія каждаго сюжета — увеличенные размѣры людей и животныхъ — свидѣтельствуетъ, что мастеромъ руководили другія преданія, чѣмъ тѣ, какія видимъ въ православныхъ церквахъ.

Чтобы дать болѣе точное представленіе о росписи храма св. Саркиса, присоединяемъ здѣсь набросокъ плана, на которомъ обозначено цифрами мѣстонахожденіе отдѣльныхъ композицій. (Рис. № 26).

Начавъ съ алтаря, имѣемъ слѣдующій рядъ фресковыхъ изображеній съ надписями на сирійскомъ: 1) Симеонъ Богопріимецъ; 2) Игнатій; 3) Григорій; 4) св. Діоскоръ и Сараканъ; 5) Богородица съ парой голубей въ рукѣ; 6) Іосифъ; 7) Димитрій; 8) Василій; 9) Антоній Великій; 10) Макарій Великій; 11) св. Вакхъ; 12) Сергій или Саркисъ; 13) св. Варѳоломей (Барѳамъ); 14) патріархъ Северъ (на тронѣ); 15) Моисей изъ

Эфіопіи; 16) Страшный Судъ; 17) св. Кирикъ; 18) Пророкъ Іона; 19) Рождество Христово; 20) Ѳеодоръ Восточный; 21) ?; 22) Жертвоприношеніе Исаака; 23) Богородица между двумя ангелами; 24) Пророкъ Илья; 25) св. Юліанъ Восточный; 26) Богородица съ Іосифомъ; 27) св. Георгій.

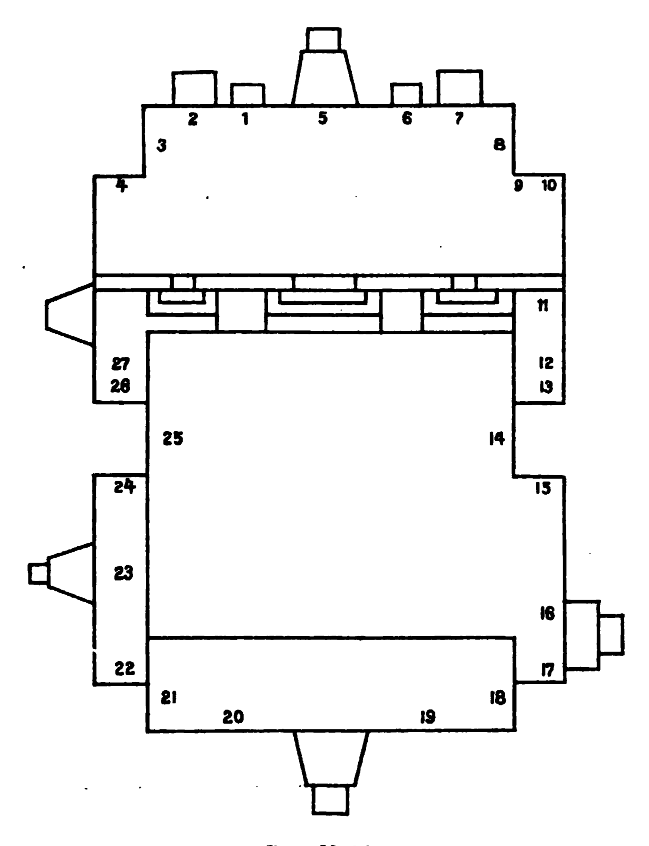

Рис. № 26.

Остановимся на нѣкоторыхъ изображеніяхъ. Картина Рождества Христова представляетъ Младенца Іисуса въ ясляхъ; выше хоръ ангеловъ (серафимы и херувимы) и звѣзда. Богородица въ коронѣ и въ парадномъ облаченіи изображена сидящей на престолѣ; позади стоитъ Іосифъ. Внизу передъ яслями лежатъ животныя. Въ сторонѣ картина представляетъ группу пастырей и волхвовъ. — Но далѣе слѣдующая фигура, если только она относится къ той же композиціи, — всадникъ съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ, поражающій дракона распро-

стертаго подъ ногами коня —, повидимому совсѣмъ выходитъ изъ сюжета композиціи евангельской исторіи (Проф. Н. В. Покровскій, Евангеліе). (Табл. № 17).

Разсмотримъ еще картину Страшнаго Суда. Вверху изображенъ Христосъ съ приподнятой для благословенія правой рукой, рядомъ съ Христомъ Богородица, по лѣвую руку Христа серафимъ, а далѣе трубящіе архангелы. Внизу, ниже Христа, апостолы по шести въ рядъ; между ними ангелъ съ вѣсами въ рукахъ. Картина рая и ада занимаетъ очень мало мѣста и не представляетъ особенно характерныхъ чертъ. (Табл. № 18).

На южной сторонѣ композиція представляетъ двухъ всадниковъ, оба въ коронахъ и оба поражаютъ конями дракона. Повидимому въ одномъ всадникѣ слѣдуетъ признать женскую фигуру. На крупѣ коня одного изъ всадниковъ маленькая сидячая фигурка. На фрескахъ мы привыкли видѣть подобное изображеніе Димитрія Солунскаго, поражающаго подъ стѣнами Солуни царя Асѣня, но здѣсь несомнѣнно не этотъ сюжетъ. — Слѣдуетъ сдѣлать общее замѣчаніе, что всѣ всадники посажены на коней громадныхъ размѣровъ, эти кони лишены движенія, точно деревянные, между тѣмъ какъ фигуры людей выразительны и полны жизни. (Табл. № 19).

Затѣмъ въ церкви есть множество фресокъ, изображающихъ святыхъ, чтимыхъ только яковитскою церковью. Изъ того, что мы могли выяснить, явствуетъ, что здѣсь изображены древніе борцы за монофизитскую идею, слѣдовательно фрески представляютъ большой церковно-историческій интересъ.

Такова фигура въ церковномъ облаченіи съ посохомъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой. По правую и по лѣвую руку два изображенія тоже въ церковной одеждѣ. По всей вѣроятности, эта композиція представляетъ эпизодъ борьбы монофизитовъ съ послѣдователями Халкидонскаго собора. Надпись на сирійскомъ значитъ Маръ Северъ. Нѣтъ сомнѣнія, фреска изображаетъ извѣстнаго монофизитскаго патріарха Севера, управлявшаго 8 лѣтъ антіохійскимъ престоломъ (512—519 г.). См. Востокъ Христіанскій, Сирія, преосв. Порфирія Успенскаго (отдѣльный оттискъ изъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1875 и 1876 г.), стр. 58; въ особенности объ немъ The Syriac chronicle of Zachariah of Mitylene by Hamilton, London 1899; The Book of Governors by Wallis Budge, London 1893. (Табл. № 20).

Безъ сомнѣнія, того же характера другая фреска, представляющая двѣ фигуры. Первая съ посохомъ въ одной рукѣ и съ крестомъ въ другой, въ одеждѣ и головномъ уборѣ того же типа, что и патріархъ Северъ. Надпись на сирійскомъ Маръ Илія указываетъ на патріарха или епископа монофизитскаго. Рука его съ крестомъ простерта надъ дракономъ. По лѣвую руку стоитъ фигура, имѣющая сирійскую надпись Маръ Іаковъ. Можетъ быть разумѣется извѣстный организаторъ монофизитской церкви Іаковъ Барадей. (Табл. № 21).

Есть общая черта свойственная всѣмъ фрескамъ церкви св. Саркиса: онѣ представляютъ рѣзко выраженнымъ мѣстный монофизитскій характеръ, служатъ образцомъ совершенно особенной школы и поэтому заслуживаютъ вниманія съ церковно-исторической точки зрѣнія.

Въ томъ же селеніи мы посѣтили церковь св. Георгія, гдѣ также находятся остатки древности.

Совершенную особенность представляетъ рисунокъ въ аркѣ передъ иконостасомъ. Это — Богородица на облакахъ въ полусферѣ, окруженная ликомъ ангельскимъ. Въ правой рукѣ она держитъ поясъ, который подаетъ внизу стоящему лицу съ распущенными волосами. Это есть апокрифическій поясъ Богородицы. (Рис. № 27). Объ немъ приводимъ слѣдующія справки, сообщенныя намъ членомъ Института Θ. И. Шмитомъ.

Рис. № 27.

По одному варіанту, сохранившемуся у Іоанна Дамаскина (Migne Patrol. Gr. XCVI, p. 748 sqq. (880) „Homilia II in Dormitionem B. V. Mariæ“), легенда приводится изъ Εὐθυμιακῆς ἱστορίας τρίτου λόγου κεφαλαίου τεσσαρακοστοῦ, т. е. изъ еще болѣе ранняго сочиненія. При Успеніи Божіей Матери не былъ апостолъ Θома; онъ прибылъ позднѣе и захотѣлъ проститься съ тѣломъ, но когда могилу открыли, въ ней оказались только ризы Св. Дѣвы. Можно сопоставить *Schaefer*, Ἑρμηνεία τῆς Ζωγραφίας, Trier 1855, p. 279, § 396.

Другой варіантъ, повидимому болѣе поздній, мы находимъ въ „Legenda aurea Jacobi a Voragine“ (ed. Th. Græsse, Vratislaviæ 1890, p. 509): „. . . statimque anima ad Mariæ accessit cor-

pusculum et de tumulo prodiit gloriosum sicque ad aethereum assumitur thalamum comitante secum multitudine angelorum. Thomas autem cum abesset et rediens credere recusaret, subito zonam, qua corpus ejus præcinctum fuerat, ab aere recepit illæsam, ut vel sic intelligeret, quod totaliter fuisset assumpta."

Поясъ Богородицы, по свѣдѣніямъ Menol. Gr. (Urbino 1737, vol. III, p. 225), 31 августа, былъ перенесенъ Императоромъ Аркадіемъ въ Константинополь: „ὁ τοῦ μεγάλου Θεοδοσίου υἱὸς Ἀρκάδιος τὴν τιμίαν Ζώνην τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου ἐξ Ἱεροσολύμων ἐξαναγαγών, φυλαττομένην ἐκεῖσε μέχρι τοῦ τότε καιροῦ μετὰ καὶ τῆς τιμίας ἐσθῆτος ὑπὸ παρθένου γυναικός τινος. Καὶ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀποκομίσας, κατέθετο ἐν λαμπρᾷ θήκῃ, ἣν καὶ ἐκάλεσεν ἁγίαν σορόν" κτλ.; ср. Acta Sanctorum XL p. 748 sqq.

Поясъ этотъ однако далеко не единственный (перечисленіе у Rohault de Fleury, „La sainte Vierge", Paris 1878, I. p. 251, 291 sq.). Особенно знаменитъ поясъ въ Прато, вывезенный во время крестовыхъ походовъ изъ Іерусалима[1]), и, согласно надписи, переданный въ 1395 г. въ особо построенную часовню, расписанную Agnolo Gaddi (Crowe et Cavalcaselle „Geschichte der italienischen Malerei", d. v. Max Jordan, Leipzig 1869, II, 42): одна изъ фресокъ изображаетъ моментъ полученія апостоломъ Ѳомою пояса.

Подобныя изображенія часты въ западномъ искусствѣ: рельефы Andrea Orcagna въ Orsan Michele въ Флоренціи и Nanni di Banco въ S. Maria del Fiore въ Флоренціи (cf. E. Muntz „Histoire de l'art pendant la Renaissance" Paris 1889, I, p. 525); терракотта Luca della Robbia во Флоренціи (Barbier de Montault „Traité d' Iconographie chrétienne", Paris 1890, II, p. 230); картины: Palma Veccio, № 59 Венеціанской Академіи (Crowe et Cavalcaselle, VI, 551), Domenico di Bartolo въ Берлинской Galerie № 1122 (ibid. IV, 63.), Benvenuto di Giovanni въ Oratorio di San Sebastiano, въ Borgo di Montalboli, близь Casciano (ibid. IV, 79).

---

[1]) Романтическую исторію его перевезенія см. G. Bianchini „Notizie storiche intorno alla sacratissima Cintola di Maria Vergine, chè si conserva nella città di Prato"; 1795, cf. Mss Jameson „Legends of the Madonna", London 1867, p. 320.

Кромѣ того здѣсь обращаетъ на себя вниманіе древняя базальтовая купель, имѣющая вышину въ 0.50 м. и діаметръ подставки 0.88 м. На ней есть надпись (рисунокъ № 28).

Рис. № 28.

ω	
К Н Θ Є Р	κ[αὶ] Θερ[ινὸς]
Є Р Оᵛ К Є І N	ἱ]ερὸ[ν] κεῖν[ο]
Е П О І Н С	ἐποίησ[αν]

Судя по характеру буквъ нужно думать, что купель относится къ первымъ вѣкамъ византійской имперіи (6—7 вв.).

Гомсъ, древняя Эмеса. Здѣсь пробыли мы три дня. Знакомство съ древними памятниками въ этомъ городѣ приводитъ къ заключенію, что Гомсъ игралъ важное значеніе въ церковной жизни Сиріи. Населяющіе Гомсъ мусульмане придаютъ большое значеніе мечети Халида, въ которой по господствующему мусульманскому воззрѣнію погребенъ герой, современный Магомету и завоеватель страны. На самомъ дѣлѣ зданіе мечети не только не можетъ быть относимо къ эпохѣ арабскаго завоеванія, но едва-ли не построено послѣ крестоносной эпохи. Зданіе образовано изъ четырехъ куполовъ въ рединѣ и изъ арокъ и пилоновъ. Куполы и арки носятъ характеръ арабскаго стиля. Но весьма вѣроятно, что при постройкѣ мечети употребленъ былъ въ дѣло матеріалъ изъ другихъ и можетъ быть изъ христіанскихъ зданій. Такъ верхній косякъ двери, ведущей въ мечеть съ лѣвой стороны, носитъ на себѣ орнаментъ изъ меандра (рисунокъ 29).

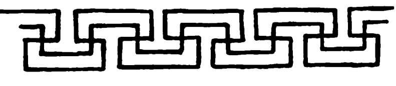

Рис. № 29.

Во дворѣ мечети находится капитель колонны съ орнаментомъ изъ пятилистника (происхожденія крестоносной эпохи). Домъ, занятый въ настоящее время казармами, построенъ также на мѣстѣ стараго зданія. Въ немъ мы нашли нѣсколько археологическихъ остатковъ. Въ одной изъ арокъ вдѣлана плита съ изображеніемъ *чаши* (рис. № 30).

← — — — 43cm — — — →

Рис. № 30.

Въ одномъ изъ помѣщеній, въ полу, находится камень съ остатками надгробной надписи

СХ̄РП

ХАІРЕ

Въ домѣ, занимаемомъ дервишами, рядомъ съ казармой, найденъ медаліонъ на камнѣ съ орнаментомъ, происходящимъ изъ эпохи крестовыхъ походовъ (рис. № 31).

← — — 21cm — — →

Рис № 31.

Хотя мѣстные жители утверждаютъ, что нынѣшняя Большая мечеть построена на мѣстѣ монастыря І. Предтечи, но продолговатое зданіе съ 12-ю подковообразными сводами, утвержденными на пилонахъ, проходящихъ по серединѣ его, не имѣетъ ничего общаго съ архитектурой христіанскаго храма.

Наиболѣе значенія имѣетъ церковь св. Юліана, мученика подвизавшагося въ Эмесѣ въ началѣ IV в. Построена церковь, вѣроятно, въ позднѣйшее время, но въ ней находятся древніе памятники. Въ алтарѣ сохранился мраморный саркофагъ или рака мученика Юліана. Она состоитъ изъ двухъ частей: изъ ящика и крышки, и украшена рельефными изображеніями крестовъ (рис. № 32).

Престолъ и нѣкоторыя части придѣла украшены плитами фаянса, точно также украшены мѣста подъ мѣстными иконами. Разсматривая иконы, мы обратили вниманіе на одну съ изображеніемъ св. Юліана, на которой сохранилась надпись

† ἐτελειώθη ἡ παροῦσα εἰκὼν διὰ συνδρομῆς καὶ κόπου τοῦ παναγιωτάτου πατριάρχου Ἀντιοχίας κυρίου Ἰωακὴμ ἐν (ἔτει) ζρϛ μαΐῳ ιη΄, т. е. въ 1598 г.

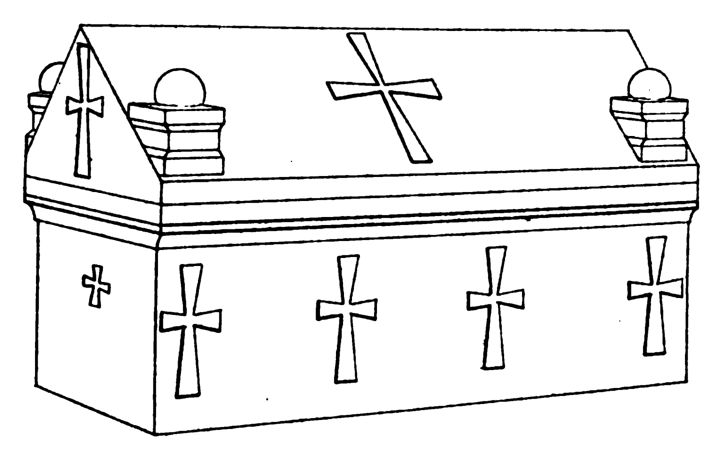

Рис. № 32. (Масшт. 1/25).

Упоминаемый здѣсь патріархъ есть Іоакимъ Зеаде (1592—1613), см. Порфирій Успенскій, Востокъ христіанскій. Сирія, въ Трудахъ Кіевской Дух. Ак. 1895—1896 г.

Нѣсколько незначительныхъ остатковъ древностей отмѣчено было при осмотрѣ частныхъ домовъ. Такъ въ домѣ Захраба эфенди, гдѣ по преданію былъ монастырь, сохранились капители колоннъ, орнаменты и между прочимъ, повидимому, одинъ средневѣковый рыцарскій гербъ (рис. № 33).

Въ Эмесѣ находится много камней съ надписями въ частныхъ домахъ. Эти надписи частію изданы у *Waddington,* Inscriptions grecques et latines de la Syrie, Paris 1870, №№ 2567—2570, хотя и неправильно прочитаны. Такъ напр., надпись 2569а, находящаяся на базарѣ, въ стѣнѣ мечети Салиби Саяти читается Ἰούλιος Σόαιμος Ἀμφίονος, между тѣмъ у Ваддингтона она не прочитана (рис. № 34).

Рис. № 33.

Рис. № 34.

Въ домѣ Ахмета Бахіе фрагментъ съ надписью Ἐπὶ Φλ. βοηθοῦ κον (рис. № 35).

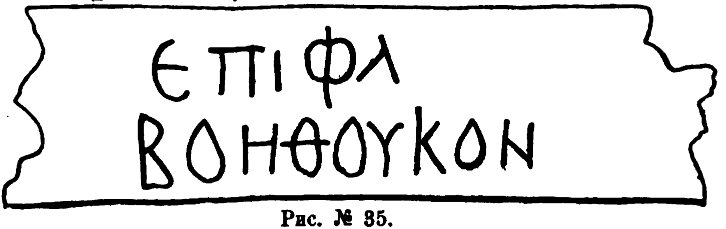

Рис. № 35.

Въ церкви Сорока Мучениковъ надъ святымъ престоломъ надгробная плита съ надписью (Рис. № 36).

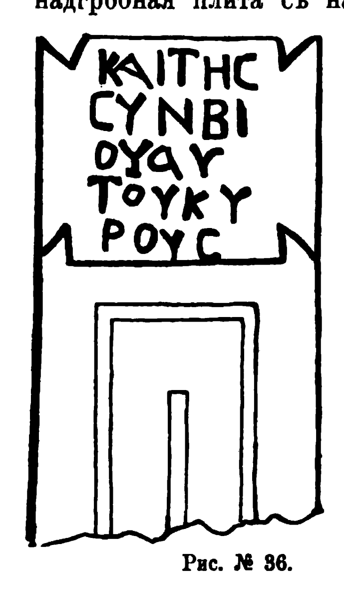

Рис. № 36.

καὶ τῆς

συνβί-

ου αὐ-

τοῦ Κυροῦς

Въ домѣ Жомали на улицѣ Шехомаръ, на порогѣ дома, камень съ надписью, исполненною большими литерами.

ΠΟΛΛΑ ΤСΊ| |

Эта надпись едва-ли не должна быть сопоставлена съ другою, находящеюся надъ входными воротами въ мечеть Абу-Люббаде (верхній камень перевернутъ) и представляющею чтеніе:

αὕ]τη πύλη τοῦ Θεοῦ —
-δικοις αὐτῆς (рисунокъ № 37).

Рис. № 37.

Здѣсь же камень съ орнаментомъ (рисунокъ № 38).

Рис. № 38.

Въ домѣ Мустафы обломокъ огромнаго блока (по всей вѣроятности остатокъ архитрава) съ крестомъ (рис. № 39).

Въ мечети Омаръ Хаттебъ Ментуали Вофаи фрагментъ съ надписью

ὁ ἐγείρων ἀπὸ γῆ[ς (рис. № 40).

Въ воротахъ Бабъ-Тедмуръ изображеніе креста въ кругѣ съ орнаментомъ (рис. № 41).

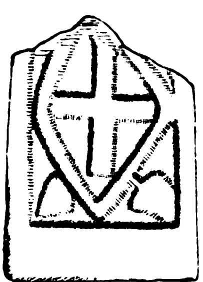

Рис. № 39.

Кремль Гомса почти совсѣмъ разрушенъ. Сохранившіяся части стѣнъ и укрѣпленій выдаютъ частью византійскую, частью арабскую работу. Послѣдняя характеризуется не только матеріаломъ, взятымъ

изъ византійскихъ построекъ, но и мочками въ стѣнахъ, образованными изъ стволовъ колоннъ, какъ это напримѣръ видно на стѣнахъ Іерусалимскихъ. Стѣны съ внутренней стороны, если

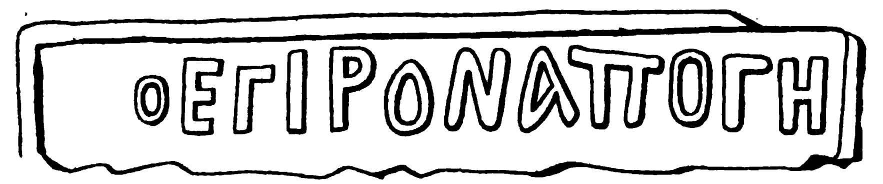

Рис. № 40.

наблюдать ихъ изъ кремля, представляютъ собой рядъ камеръ, сообщающихся между собой внутренними ходами. Большинство военныхъ приспособленій, равно какъ арки, ворота и архитравы, обличаютъ эпоху арабскаго господства въ странѣ. Насколько можно наблюдать долину подъ кремлемъ, она представляетъ рядъ холмовъ, имѣвшихъ, по всей вѣроятности, стратегическое значеніе. Кремль и его укрѣпленія окружены глубокимъ рвомъ, который наполнялся водой, о чемъ свидѣтельствуютъ еще до сихъ поръ сохранившіяся трубы для воды. Расположенный ниже кремля городъ также былъ огражденъ стѣной. Въ заключеніе замѣтимъ, что за стѣнами города находятся также значительные остатки древностей: имѣемъ въ виду двѣ башни близь мусульманскаго кладбища. Мѣстность эта слыветъ подъ именемъ храма Солнца, отъ котораго впрочемъ на поверхности земли ничего не осталось. Одна изъ башенъ обращаетъ на себя вниманіе, хотя отъ нея сохранилась весьма небольшая часть. Первоначально зданіе было въ два этажа и имѣло по всей вѣроятности купольное покрытіе; первый этажъ образованъ былъ купольной аркой, отъ которой остался слѣдъ. Съ внѣшней стороны стѣны зданія представляли облицовку изъ бѣлыхъ и черныхъ квадратовъ въ нѣсколько поясовъ. Каждый поясъ отдѣлялся полосой орнамента, представляющей гирлянду изъ плетенія, какъ это видимъ на саркофагахъ римской эпохи. И не подлежитъ сомнѣнію, что это есть погребальный памятникъ и притомъ первыхъ вѣковъ христіанской эры. (Табл. № 22).

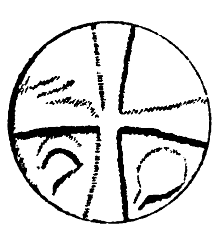

Рис. № 41.

По пути отъ Гомса къ Гамѣ, близь деревни *Эль-Рестанъ,* съ шоссейной дороги замѣчаются остатки древнихъ сооруженій. Это есть мѣстоположеніе древняго города **Аретузы.** Въ одномъ мѣстѣ возвышается надъ грудой камней и щебня высокій пилонъ съ остатками наверху части арки (р. № 42).

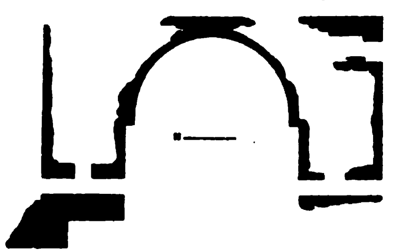
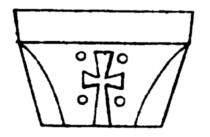

Рис. № 42. (Масшт. 1/400).

Послѣ недавно сдѣланныхъ въ этомъ мѣстѣ раскопокъ мѣстными крестьянами, разрушающими древности для добычи камня, выяснилось, что здѣсь былъ обширный храмъ и что сохранившійся высокій пилонъ поддерживалъ апсиду этого храма. На многихъ мѣстахъ расположенія этого обширнаго города мы замѣтили ямы и траншеи, изъ чего могли придти къ заключенію, что раскопки призводятся здѣсь настойчиво и въ разныхъ мѣстахъ. Но крестьяне сосѣдней деревни оказались весьма не сообщительны по поводу этихъ раскопокъ и вещей, здѣсь найденныхъ: всѣ показанія ихъ ограничились тѣмъ, что найденные ими камни и обломки статуй были отправлены въ Гомсъ. — Широкая площадь на склонахъ холма сплошь покрыта остатками стѣнъ, колоннъ и другихъ архитектурныхъ и скульптурныхъ памятниковъ, раскрытіе которыхъ не представляетъ никакихъ трудностей, такъ какъ все на виду. — Въ деревнѣ Рестанъ на каждомъ шагу встрѣчаемъ въ стѣнахъ домовъ камни изъ древняго города, капители и стволы колоннъ. Въ смыслѣ христіанскихъ памятниковъ любопытны византійскія капители колоннъ съ крестомъ и птичкой (рисунокъ № 43).

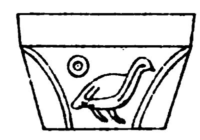

Рис. № 43. (Масшт. 1/20).

Гама, древняя **Епифанія.** Весьма интересный памятникъ находимъ въ митрополіи въ церкви Богоматери. Здѣсь св. престолъ утвержденъ на древнемъ камнѣ, имѣющемъ слѣдующую надпись (рис. № 44)

† ΥΠΕΡΕΥΧΙ[ΗC]ΜΑΡΑ(ΚΑΙ)ΚΟCΜΑ[Є]ΤΟΥCΖ↑

† ΙΝΔΙΔΜЄΝΙΝΟΕΜΒΡΙȣΚЄ̄ЄΤЄ-ΘΙΟΛΙΘΟC †

† Ὑπὲρ εὐχῆς Μαρᾶ καὶ Κοσμᾶ [ἔ]τους 907(=596) ἰνδ(ικτιῶνος) ιδ' μ(η)νὶ νοεμβρίου κε' ἐτέθ(η) ὁ λίθος.

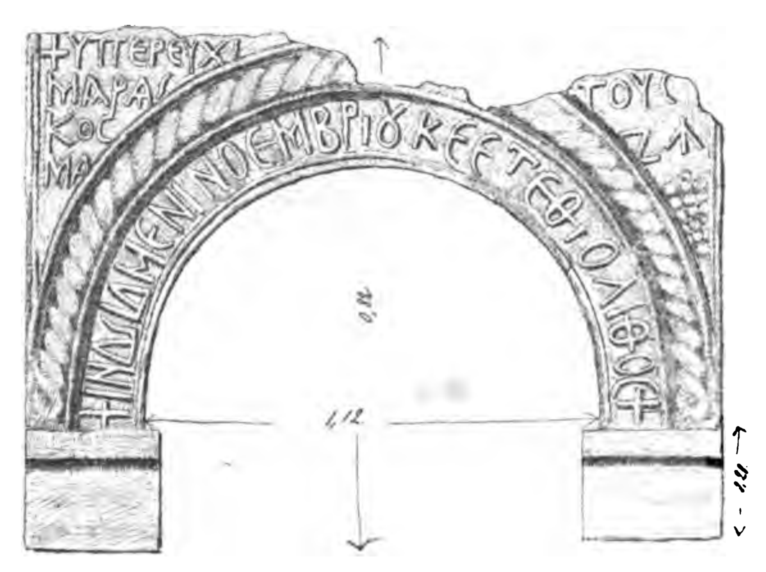

Рис. № 44.

Здѣсь же мы видѣли мраморную крещальню съ крестомъ, значительно попорченную.

Приведенная выше надпись имѣла бы весьма важное значеніе для исторіи христіанскихъ памятниковъ въ Гамѣ, если бы то мѣсто надписи, гдѣ заключается хронологія памятника, не возбуждало сомнѣній. Если принять въ соображеніе палеографическія наблюденія, надпись пришлось бы отнести къ VI вѣку.

Совершенно подобнаго же рода камень съ надписью находится въ стѣнѣ большой мечети. Это былъ также камень для св. престола и, какъ видно изъ надписи и монограммы, долженъ быть приписанъ тому же церковному благотворителю, что и камень митрополичьей церкви. Надпись на этомъ второмъ камнѣ читается (рис. № 45, см. Waddington, № 2638)

† ἐτέθη ὁ λίθος μενὶ σε(πτε)νβρίου ἔτο(υ)ς 907 (596) ἰν(δικτιῶνος) ιδ'.

Поверхъ надписи орнаментъ изъ плетенія, надъ которымъ виноградная лоза, монограмма и крестъ. На монограммѣ различаемъ буквы МАР, въ которыхъ можно видѣть то же имя, что и на первой надписи. Что касается изображенія креста, онъ

имѣетъ форму употребительную въ 7—8 в. на надписяхъ. Хронологія и этой надписи зависитъ отъ разрѣшенія хронологическаго недоумѣнія по отношенію къ предыдущей. Во всякомъ случаѣ здѣсь слѣдуетъ принять въ вниманіе исторію арабскихъ завоеваній въ Сиріи и относить и эту надпись къ VI вѣку.

Рис. № 45.

Въ той же большой мечети, о которой говорятъ, что она построена на мѣстѣ древней церкви, хотя въ планѣ постройка не имѣетъ съ храмомъ ничего общаго, находимъ на столбахъ изображеніе *чаши* (рис. № 46).

Несомнѣнно больше інтереса долженъ представлять пограничный столбъ, выс. 1,40 м. и шир. 0,31, служившій прежде показателемъ границы церковныхъ владѣній храма Богородицы и храма въ честь Космы и Даміана, т. е. по всей вѣроятности тѣхъ самыхъ церквей, о которыхъ свидѣтельствуютъ приведенныя выше надписи (рис. № 47).

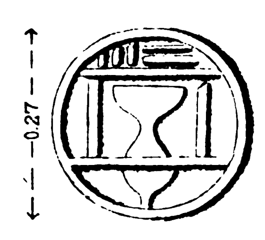

Рис. № 46.

Ὅροι ἄσυλοι τῆς δεσποίνης ἡμῶν τῆς Θεοτόκου καὶ τῶν ἁγίων Κοσμᾶ καὶ Δαμιανοῦ. Δωσ(ου)ε

Эта надпись относится къ первымъ вѣкамъ христіанства и весьма интересна съ точки зрѣнія вопроса о раздѣленіи

церковныхъ имуществъ такими же пограничными столбами, какъ раздѣлялись свѣтскiя имущества (надпись Дексiократа въ Извѣстiяхъ Института, т. IV, вып. 2).

На углу дома Абдулъ-Кадыръ-бей камень съ надписью (рис. № 48).

Если читѣть въ ней число 6030, то получилось бы начало 6-го вѣка (522 г.), т. е. эпоха, къ которой должно относиться большинство находимыхъ здѣсь памятниковъ.

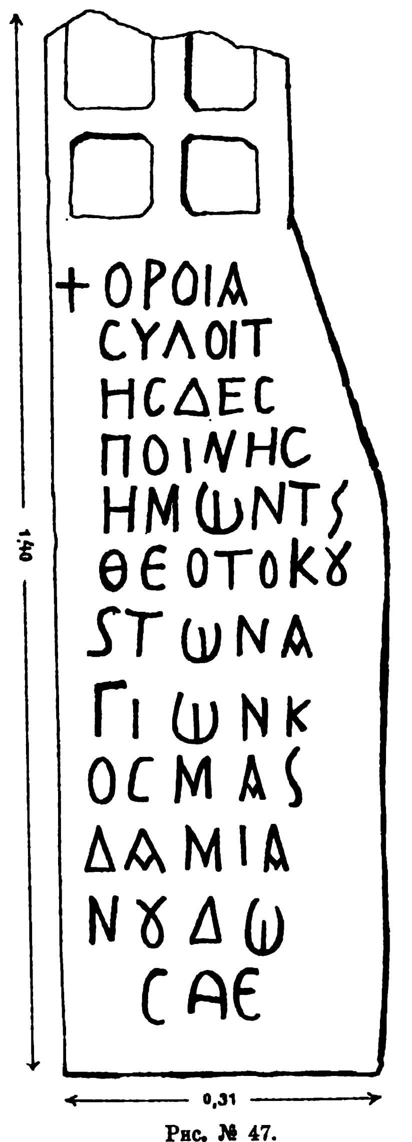

Рис. № 47.

На дворѣ митрополiи и въ прилегающемъ къ ней кладбищѣ находятся обломки съ надписями

† ιω
τω
μεν
ϑεο

Далѣе на фрагментѣ обозначенъ индиктъ 14 (рисунки № 49 и 50).

Въ Гамѣ, въ митрополiи, нашлись люди, заинтересовавшiеся нашими разысканiями; отъ нихъ мы получили нѣкоторыя интересныя свѣдѣнiя. Передавали, что въ Лаодикеѣ находится въ митрополiи евангелiе, найденное въ развалинахъ Φαροῦς и относящееся, о чемъ гласитъ запись, ко времени игумена монастыря Θеодора. Говорятъ, что ему болѣе 1500 лѣтъ. Тамъ же въ церкви св. Георгiя сохраняется другое рукописное евангелiе, но не такой какъ первое древности. Но еще любопытнѣе были свѣдѣнiя о рукописи Макарiя патрiарха Антiохiйскаго, имѣющей своимъ содержанiемъ исторiю Антiохiйской церкви. Всѣ эти свѣдѣнiя мы не могли провѣрить.

Въ населенныхъ мѣстахъ Сиріи мы не разъ были предметомъ большого любопытства и очень трогательнаго вниманія со стороны православныхъ сирійцевъ. Это слѣдуетъ приписать просвѣтительной дѣятельности въ Сиріи Православнаго Палестинскаго Общества, школы котораго, основанныя въ городахъ и деревняхъ, пріобрѣтаютъ громадное значеніе. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности, но нельзя не замѣтить, что русскія школы въ сирійскихъ деревняхъ (въ Маалулѣ и Сейденайѣ) и въ

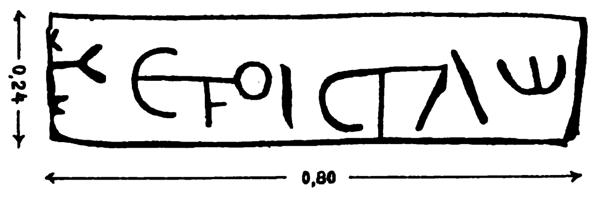
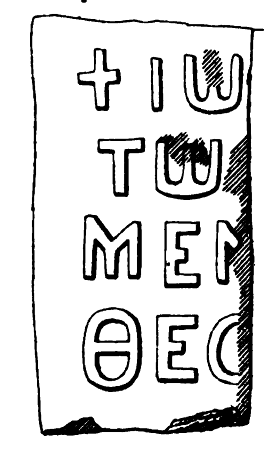

Рис. №. 48.

городахъ прозводятъ на путешественника весьма сильное впечатлѣніе. Значеніе школъ Палестинскаго Общества особенно выигрываетъ тамъ, гдѣ рядомъ съ ними дѣйствуютъ католическія школы. Предпочтеніе къ палестинскимъ школамъ и неоднократныя просьбы, обращенныя къ намъ со стороны оффиціальныхъ и частныхъ лицъ, — ходатайствовать объ открытіи новыхъ школъ — служатъ прекраснымъ доказательствомъ, что въ Сиріи Палестинское Общество избрало весьма правильный путь для служенія православію и поддержанія сирійской народности. Мы не желаемъ называть здѣсь ни лицъ, ни мѣстъ, чтобы не навлечь на добрыхъ друзей за руссофильское ихъ направленіе разнаго рода непріятностей.

Рис. № 49.

По пути изъ Гамы на сѣверъ (въ Калатъ Мудикъ, др. Апамея) встрѣчаются развалины древняго укрѣпленія деръ **Калатъ-Седжеръ** (Ларисса). Вся постройка обнаруживаетъ характерные признаки арабскаго стиля. Между колоннами и стѣнами древняго города живутъ бедуины въ жалкихъ хижинахъ. Въ разныхъ мѣстахъ попадаются обломки древнихъ памятниковъ, между прочимъ капители съ крестами. Во всей системѣ укрѣпленій, идущихъ по холму, обмываемому рѣкой, наиболѣе со-

Рис. № 50.

хранилась югозападная башня. (Табл. № 23). Она построена въ три этажа и снабжена бойницами и обширными помѣщеніями для гарнизона и всякихъ запасовъ. По строительному матеріалу можно догадываться, что башня построена изъ стараго византійскаго зданія, что̀ позволяетъ въ свою очередь предполагать здѣсь существованіе византійской крѣпости.

Калатъ Мудикъ древняя **Апамея.** Здѣсь по преимуществу обращаютъ на себя вниманіе памятники арабской архитектуры. Есть башня постройки Саладина, какъ показываетъ это арабская надпись. Разсматривая матеріалъ строительный, можно убѣдиться, что камни или взяты изъ прежняго византійскаго зданія, или изготовлены были греческими каменотесами. Употребительнѣйшіе знаки на камняхъ — такіе же, какіе находимъ на грековизантійскихъ постройкахъ (рис. № 51).

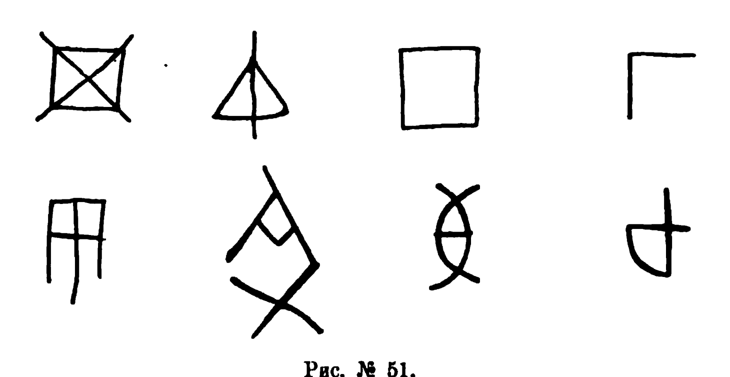

Рис. № 51.

Кромѣ того въ Апамеѣ попадаются еще обломки съ надписями.

ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΑ	Αὐτοκράτορα
ΝЄΡΟΥΑΤΡΟΙΑΝΟ	Νέρουα[ν] Τρ[α]ιανὸ[ν]
ΚΑΙϹΑΡΑΘЄΙѠΤΑΤΟΥΝΕΡΟΥ	Καίσαρα θει(ο)τάτου Νέρου[α]
ΥΟΝϹЄΒΑϹΤΟΝΓΕΡ	υἱὸν Σεβαστὸν Γερ-
ΜΑΝΙΚΟΝΔΑΚΙΚΟΝ	μανικὸν Δακικὸν
ΚΛΗΡΟΝΟΜΟΙ	κληρονόμοι
ΑΠΙΟΥΗΡΚΟΥΛΙ	Ἀπίου Ἡρκουλί[ου]

Камень высотою 0,49 м., шириною 0,46 м.

Одна надпись изъ Апамеи издана у Ваддингтона (№ 2643). Независимо отъ того попадаются тамъ и сямъ христіанскіе памятники, хотя не представляющіе значенія сами по себѣ вслѣдствіе плохой сохранности, но по крайней мѣрѣ могущіе свидѣтельствовать, что арабская эпоха въ Апамеѣ слѣдовала за христіанско-византійской и воспользовалась памятниками этой послѣдней.

Чтобы судить о значеніи города Апамеи, нужно не ограничиваться кремлемъ, а ознакомиться съ величественными развалинами, находящимися къ востоку отъ кремля. Окружавшія городъ стѣны сохранились въ значительномъ видѣ и представляютъ хорошую византійскую кладку. На стѣнахъ можно видѣть остатки греческихъ надписей (есть между прочимъ одна въ 12 строкъ), у городскихъ воротъ видѣли рельефъ и надпись разбитыя на куски, на одномъ изъ которыхъ читается

AVREL .

Тамъ же обрывокъ надписи на латинскомъ

AE . . . . P.R
ORIVND> PAN
NVNIA SVPERI
ORE . .
SAV .

изъ которой къ сожалѣнію можно извлечь только то, что это былъ надгробный памятникъ лица, происходившаго изъ Верхней Панноніи.

Тамъ же барельефъ съ надписью

DVPLI
CIARIOLEG.IIPAP.SEVERI
ANAE

Бѣглый взглядъ на развалины показалъ, что здѣсь еще не коснулась хищническая рука памятниковъ, находящихся даже на поверхности земли. Остатки величественной колоннады, идущей съ сѣвера на югъ и представляющей нѣсколько рядовъ колоннъ, частію стоящихъ на мѣстѣ, равно какъ лежащіе подлѣ колоннъ карнизы и фронтоны изъ громадныхъ каменныхъ блоковъ сближаютъ развалины Апамеи съ наиболѣе величествен-

ными сирійскими археологическими памятниками, какъ Бальбекъ и Пальмира.

По части надписей присоединимъ еще слѣдующій отрывокъ

НМωΝ ΤΟ	ἡμῶν. το-
ΟΔΟΝΔΗΜΟCΙΑΝΚΑ	δδὸν δημοσίαν κα-
ЄΙΠ ΟCΗΚΟΛΤΑΜЄ	-ει π[ρ]οσήκο[ν]τα με-
ΑCΤΗCЄ ... ᵛΗΝΟΥ	-ας τῆς
ЄΚΑCΤΟΝΚΙΟΝ ΥΘΥCЄΚ	ἕκαστον κίον[α ε]ὐθὺς ἐκ
ΟΤΙΚΟΥCΥΝCΔЄ ΟΥΚΑΙΤ	-οτικοῦ συνεδέου καὶ
ΗCΓΟΡCωC·ΤΟΙ Α	......

Отъ Апамеи путь лежитъ по горному плато, почти необитаемой, но чрезвычайно интересной въ археологическомъ отношеніи мѣстности. Путей сообщенія нѣтъ, за исключеніемъ едва замѣтной тропинки сдѣланной животными; вся страна представляетъ каменистую мѣстность, лишенную растительности. И между тѣмъ здѣсь путешественникъ вступаетъ въ поясъ покинутыхъ людьми городовъ и селеній, въ область обширныхъ развалинъ и подземныхъ кладбищъ, высѣченныхъ въ скалѣ,— что все вмѣстѣ свидѣтельствуетъ не только о большомъ населеніи этой страны въ давно прошедшее время, но и о высокой степени культуры, о роскоши и удобствахъ жизни, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Близь деревни **Гассъ** *(Khirbet Hâss)* въ небольшомъ разстояніи отъ Эль-Бары встрѣчаемъ въ необитаемой мѣстности остатки прекраснаго мавзолея, облицованнаго тесанымъ камнемъ и построеннаго въ формѣ квадрата. Особенность этого памятника состоитъ въ томъ, что въ немъ находится нѣсколько саркофаговъ, всѣ они разбиты за исключеніемъ одного, который носитъ христіанскую эмблему (дл. 2,60, шир. 1,35 м.) и придаетъ особый характеръ самому мавзолею. (Табл. № 24). Прекрасные памятники этого рода близь Гасса, - въ сочиненіи de Vogüé Syrie centrale, Pl. 70 и сл. Можно принять какъ общее правило, что по близости отъ башень, большею частію полуразрушенныхъ, находятся огромные блоки, покрывающіе спускъ въ пещеры, изсѣченныя для цѣлей погребенія. Вообще по всему этому пустынному и каменистому плато путешественникъ встрѣчаетъ огромные города мертвыхъ.

Близь Гасса сохранилось не мало монументальныхъ памятниковъ. По пропорціональности частей и по изяществу въ

цѣломъ обращаетъ на себя вниманіе христіанское зданіе, состоящее изъ сочетанія четырехъ арокъ. Маленькая дверь вела въ этотъ пріютъ мертвыхъ, гдѣ оказался еще на мѣстѣ обширный саркофагъ (табл. № 25).

Въ сѣверномъ направленіи отъ Гасса находится обширная площадь этого мертваго города съ пещерами въ скалахъ. Въ одномъ мѣстѣ обнаруженъ прекрасно устроенный спускъ въ подземелье съ лѣстницей и остатками каменныхъ дверей, разбитыхъ на нѣсколько кусковъ (табл. № 26). При разсмотрѣніи этихъ кусковъ можно видѣть, что дверь имѣла назначеніемъ христіанскій памятникъ (рис. № 52).

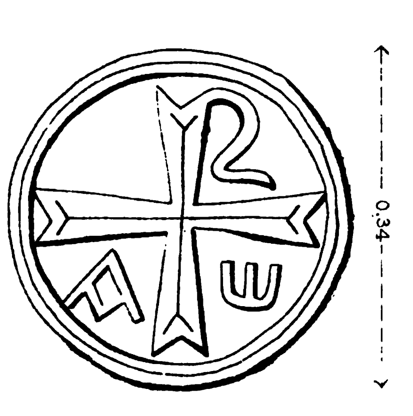

Рис. № 52.

Совершенно особенное впечатлѣніе производитъ монументальная постройка въ одинъ камень, какъ впрочемъ большинство сирійскихъ каменныхъ кладокъ, изъ которой сохранилась сѣверная стѣна и часть восточной. Это продолговатое зданіе можно бы принять за базилику, какъ и названо оно у de Vogüé, pl. 66, но по нашимъ наблюденіямъ восточная часть зданія не имѣетъ характера апсиды, построена въ 3 этажа съ большими и малыми окнами и вообще скорѣй представляется частнымъ домомъ, чѣмъ церковью.

Какъ увидимъ далѣе, наиболѣе интереса въ занимающей насъ мѣстности представляютъ именно частные дома со всѣми особенностями и оригинальностію ихъ внутренняго устройства. Часто въ нихъ недостаетъ только кровли и мебели, какъ будто хозяева оставили ихъ лишь нѣсколько лѣтъ назадъ. Всѣ почти дома отличаются выразительнымъ христіанскимъ характеромъ: или надписью надъ входомъ, заимствованной изъ священнаго писанія, или христіанскими эмблемами. Типъ частныхъ построекъ почти одинъ и тотъ же; мы будемъ имѣть случай дать имъ описаніе и привести фотографическіе снимки. Между христіанскими эмблемами всего чаще, конечно, встрѣчаемъ крестъ надъ входными дверьми, но кромѣ того

ΙΧθΥC ΑΛΗΛΟΥΊΑ

и христіанскую монограмму (рис. № 53).

Въ рѣдкихъ случаяхъ замѣтно употребленіе красокъ для орнамента, который въ большинствѣ растительный. (Рис. № 54)

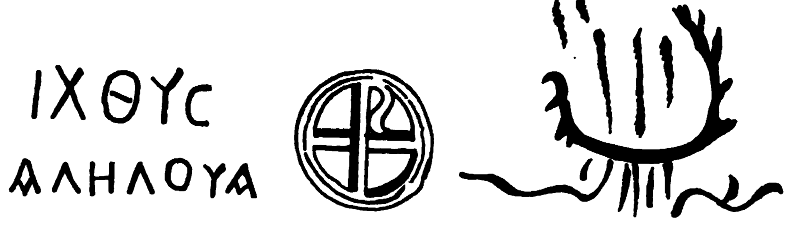

Рис. № 53. Рис. № 54.

Между развалинами частныхъ домовъ встрѣчаемъ и остатки базиликъ, отъ которыхъ сохранились лишь основанія и части апсиды. Иногда въ апсидѣ попадаются остатки мозаичнаго пола, представляющаго сочетаніе цвѣтовъ синяго, бѣлаго и желтаго. Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вмѣсто стѣнъ находимъ площадь, покрытую колоннами, капителями и базами, карнизами и пилонами, то не представляется возможности говорить ни о планѣ, ни объ общемъ характерѣ архитектуры церквей.

Муджелея. Въ этомъ мертвомъ городѣ сохранились во множествѣ интересные археологическіе памятники. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе базилика, отъ которой сохранились апсида, сѣверная стѣна и часть западной, и которая разрушена, какъ можно догадываться по положенію камней на поверхности, не очень давно. Мозаика пола, лежащая подъ слоемъ большихъ камней и слегка прикрытая землей, состоитъ изъ одноцвѣтныхъ квадратныхъ камней, крѣпко затвердѣвшихъ въ известковомъ растворѣ. Храмъ былъ въ три корабля и имѣлъ два ряда колоннъ. Въ апсидѣ надъ окномъ былъ орнаментъ или можетъ быть надпись вязью, но эта часть такъ разрушена, что трудно высказать опредѣленное заключеніе. Рядомъ съ храмомъ остатки башни, въ которой обнаружены подземныя помѣщенія. Въ постройкѣ на камняхъ имѣются знаки, между прочимъ крестовидные, которые во множествѣ наблюда-

Рис. № 55.

емы были на древнихъ постройкахъ въ Болгаріи, между прочимъ надпись NIKAE въ перевернутомъ видѣ (рис. № 56).

Въ развалинахъ большого зданія, на архитравѣ, сохранились остатки надписи. Длина камня 2.10 м., толщ. 0.50 м., величина буквъ отъ $5^1/_2$ до 10 сантиметровъ.

.... AVPANNIANOC ЄГРАΨA

Бетурса — также мертвый городъ. Въ частномъ домѣ, высѣченномъ въ скалѣ, видимъ въ стѣнѣ небольшія углубленія и рельефъ, представляющій орнаментъ. Въ такъ называемомъ домѣ артиста, на аркѣ, раздѣляющей помѣщеніе на двѣ половины, сохранился сложный орнаментъ, представляющій сочетаніе геометрическаго и растительнаго и повторяющій мотивы, наблюдаемые въ предыдущихъ городахъ. Это въ сущности образцы разнаго орнамента, сдѣланные какъ будто на показъ покупателю. Тутъ есть и образцы капители колоннъ (пальметка, аканѳъ), орнаментъ для потолка и для фронтоновъ, орнаментъ изъ перевитыхъ плетеній, и наконецъ крестъ въ медаліонѣ съ разнообразными украшеніями. — Описывать подробности видѣнныхъ въ Бетурсѣ домовъ значило бы повторять замѣченное въ другихъ мѣстахъ.

Частные дома вездѣ имѣютъ орнаментацію и надписи передъ входомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны саркофаги, стоящіе совершенно на поверхности земли. На одномъ лицевая сторона имѣетъ два медаліона съ крестами. Отмѣтимъ оригинальный крестъ на саркофагѣ въ Беудѣ, деревнѣ, находящейся близь Бетурсы (рисунокъ № 56).

Рис. № 56.

Изъ посѣщенныхъ нами мертвыхъ городовъ Сиріи особенно живое впечатлѣніе оставила **Серджилла** (De Vogüé, Syrie Centrale, p. 80, pl. 30 sq.) благодаря прекрасно сохранившейся мозаикѣ. Прежде чѣмъ говорить объ этомъ памятникѣ, считаемъ необходимымъ замѣтить, что русская экспедиція посѣтила Серджиллу, какъ теперь оказывается, вскорѣ послѣ американской экспедиціи (американцы были здѣсь 24 марта, а мы 20 мая 1900 г.). Мозаика, о которой будетъ дальше рѣчь, составила уже предметъ американскаго изслѣдованія, помѣщеннаго въ Revue Archéologique, XXIX, p. 26—76, juillet—août 1901 (A Mosaic Pavement and Inscription from the bath at Serdjilla). Для насъ были облегчены занятія въ Серджиллѣ американцами и

мы могли извлечь больше подробностей изъ изученія мозаики, почему и находимъ возможнымъ переиздать здѣсь этотъ интересный памятникъ.

Незадолго до нашего прибытія сюда, американцами сдѣлана была попытка раскопать или лучше расчистить отъ земли и мелкаго щебня одну залу въ древнихъ баняхъ, причемъ открыта была надпись и часть мозаики. Мѣстные бедуины сейчасъ же сообщили намъ, что недавно были франки и что въ баняхъ есть мозаика, слегка только прикрытая землей. Предстояло нанять рабочихъ, очистить мозаику отъ слоя земли, продолжить раскрытіе всей мозаики и заняться изученіемъ и описаніемъ этого интереснаго памятника. Когда вынесена была земля и обмытъ полъ, мы увидѣли большую залу, раздѣленную четырьмя колоннами на двѣ части — восточную и западную. Восточная часть больше западной, полъ въ ней покрытъ мозаичными изображеніями, а въ самомъ центрѣ медаліонъ, сплошь заполненный греческой надписью. Мозаичныя изображенія, то-есть сцены охоты дикихъ звѣрей, птицы и деревья окружаютъ со всѣхъ сторонъ медаліонъ. Мозаика окружена далѣе бордюромъ, представляющимъ разнообразный сюжетъ: птички и животныя въ растительномъ орнаментѣ. Въ западной половинѣ залы тоже была мозаика, но она не имѣла изображеній, а состояла изъ крупныхъ бѣлыхъ кубиковъ, раздѣленныхъ на квадраты полосками черныхъ кубиковъ (Таблица № 27).

Въ центрѣ залы, какъ сказано, медаліонъ и въ немъ надпись, объясняющая и назначеніе зданія, и эпоху постройки, и имя строителя. Такъ какъ памятникъ пріобрѣталъ значительный интересъ, то мы занялись подробнымъ его изслѣдованіемъ. Списавъ надпись, мы сдѣлали фотографическій снимокъ съ мозаики и попытались разобраться въ отдѣльныхъ сюжетахъ, изображенныхъ мозаичистомъ. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что фотографическій снимокъ не могъ отчетливо воспроизвести мозаику. Чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе о живости красокъ и тонкости работы мозаичиста, мы воспроизвели красками часть сюжетовъ (табл. № 28).[1]) Закончивъ занятія, мы тщательно покрыли землей весь мозаичный полъ въ надеждѣ, что подъ землей удастся сохранить этотъ прекрасный памятникъ

---

[1]) Натуральный тонъ мозаики наша таблица не воспроизводитъ, такъ какъ мозаика покрыта слоемъ цемента и глины.

старины еще на нѣсколько лѣтъ. Впрочемъ, судя по нѣсколькимъ свѣжимъ примѣрамъ расхищенія мозаикъ въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ, остается мало вѣроятнымъ, чтобы и мозаика въ Серджиллѣ сохранилась еще до прибытія какой-нибудь новой ученой экспедиціи; поэтому тѣмъ обязательнѣе дать объ ней полное представленіе.

Какъ сказано выше, центральное мѣсто въ мозаикѣ занимаетъ медаліонъ, заполненный надписью и снабженный бордюромъ; кругомъ медаліона расположены сцены, представляющія разнообразный сюжетъ. Начнемъ описаніе съ восточной части. Въ центрѣ этой картины гранатовое дерево съ широко раскинутыми вѣтвями, подъ нимъ двѣ сценки охоты дикихъ звѣрей. Тигръ гонится за газелью, — сцена полна экспрессіи. Звѣрь уже схватилъ за крупъ бѣдное животное, у котораго подкосились ноги, и оно готово въ изнеможеніи повалиться. Картина хорошо передаетъ отчаяніе газели и торжество дикаго звѣря, овладѣвшаго своей добычей. По другую сторону дерева, т. е. съ южной стороны картины, мозаичистъ изобразилъ еще хищнаго звѣря, но уже находящагося въ покоѣ и самоудовлетвореніи. Это, по всей вѣроятности, левъ, спокойно пожирающій пойманнаго имъ осла, который лежитъ уже вверхъ ногами. Въ противоположность первой сценѣ, здѣсь покой и удовлетвореніе.

Въ западной части мозаика представляетъ нѣсколько отдѣльныхъ сценъ:

1) въ центрѣ дерево съ раскинувшимися вѣтвями, подъ нимъ изображенія звѣрей;

2) животное съ раздвоенными копытами, находящееся въ сильномъ движеніи и обращенное по направленію къ югу;

3) въ параллель съ этой картинкой изображена фигура льва въ сильномъ движеніи, звѣрь стремится въ сѣверномъ направленіи;

4) ближайшая фигура представляетъ газель, которую преслѣдуетъ дикій звѣрь, изображенный уже въ параллели медаліона; на таблицѣ, изданной въ Revue Archéologique, не воспроизведены сцены западной части мозаики;

5) выше газели роскошно изображенная фигура страуса съ распущенными крыльями;

6) далѣе еще продолженіе дикой охоты: пантера въ погонѣ за газелью;

7) по близости къ бордюру медаліона двѣ птицы: одна изъ породы аистовъ (съ длинными ногами), другая можетъ быть утка.

Бордюръ, которымъ окружена вся мозаика, заслуживаетъ также вниманія, какъ художественное произведеніе. Онъ представляетъ довольно искусно сдѣланное сочетаніе растительнаго орнамента съ фигурами птицъ, головками мелкихъ животныхъ, плодами и т. п.

Разсмотрѣнная мозаика представляетъ большой интересъ съ точки зрѣнія древняго искуства, такъ какъ это есть датированный памятникъ (473 г.) и такъ какъ онъ рѣзко выдѣляется между памятниками той же эпохи, внушенными христіанской идеей (the purely secular character of its subject takes it out of that large class of religious mosaics, which date from the end of the 4-th century to the close of the Byzantine period, and places it in a comparatively small class. — Revue Archéologique, XXIX, p. 67).

Переходимъ къ надписи, находящейся въ медаліонѣ. Не можетъ быть сомнѣнія, что она составлена въ метрической формѣ, хотя гексаметръ не вездѣ правильный и между четырьмя первыми стихами и двумя послѣдними дата отмѣчена прозой.

Ἰουλιανὸς μὲν ἔτευξεν, χάριν δ' ἔχ(ε)ι ἅπασα κώμη
Δόμνηι σὺν ἀλόχῳ καὶ ἄσπετον ὤπασεν ὄλβον
Πάτρην κυδαίνων· ἀλλὰ φθόνον ἐκτὸς ἐλαύνοι
Δόξα καὶ κῦδος ὔμμιν ἐπὶ πλ(ε)ῖον αἰὲν ἀ(ε)ίροι.
ἐτελ(ε)ιώθη τὸ λουτρὸν μηνὶ Πανέμου τοῦ ΔΠΨ' ἔτους ἰνδικτιόνος ΙΑ
Θαλλασ(σ)ίου ἐσθλὸς παῖς Ἰουλιανὸς τόδ' ἔτευξ[εν]
[Βου]λῇ κ(αὶ) πραπίδεσ[σιν Ἀλε]ξᾶν ἔχων σ[υμβοη]θόν.

„Юліанъ построилъ вмѣстѣ съ женой своей Домной — и вся деревня приносить ему благодарность — и доставилъ безграничное счастіе прославленіемъ своего отечества. Слава да отгонитъ далеко зависть и да возвышаетъ ваше счастіе. Термы окончены въ мѣсяцѣ Панемѣ, 784 года, индикта 11-го. Благородный сынъ Θалассія Юліанъ устроилъ это своимъ тщаніемъ и стараніемъ, имѣя сотрудникомъ Алексаса".

По отношенію къ чтенію надписи необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній лишь къ послѣднимъ строкамъ, гдѣ надпись не хорошо сохранилась. Въ реченіи Ἀλεξᾶν сохранилось

лишь окончаніе ξαν; первые издатели надписи дополнили слово такъ: δόξαν. Но мы думаемъ, что δόξα здѣсь нельзя видѣть, такъ какъ на фотографическомъ снимкѣ передъ ξαν ясно читается не ο, а ε. Точно также послѣднее слово первые издатели прочли συνέριθον, между тѣмъ какъ мы предпочли чтеніе συμβοηθόν. Замѣтимъ еще, что приводимыя въ Revue Archéolog. p. 72 цитаты изъ C. I. G. n. 8608 и др. не могутъ подкрѣплять догадку о чтеніи συνέριθον.

Юліанъ долженъ быть признанъ строителемъ т. е. жертвователемъ на постройку бани, а не мастеромъ и не мозаичистомъ, — въ первомъ значенія обыкновенно употребляется τεύχειν (Revue Archéol. p. 73). Что касается имени строителя бань Юліана, заимствуемъ изъ указанной статьи слѣдующія данныя. „По связи съ серджильской надписью очень важно указать на T. Flavius Julianus, который устроилъ для себя и своего семейства надгробный памятникъ въ Катурѣ въ разстояніе 60 миль отъ Серджиллы. Тамъ же сохранилась греческая надпись съ именемъ Ѳалассія“.

Дата — мѣсяцъ панемъ 784 года — указываетъ на эру Селевкидовъ, по которой почти обыкновенно велось лѣтосчисленіе въ Сиріи: 784 годъ и мѣсяцъ панемъ соотвѣтствуютъ іюлю 473 года по Р. Х.

Эль-Бара (el-Bâra). Это былъ весьма значительный и укрѣпленный городъ, какъ показываютъ сохранившіяся части развалинъ. Эль-Бару можно признать наиболѣе типическимъ представителемъ мертвыхъ городовъ сѣверной Сиріи; это въ особенности краснорѣчивый памятникъ неожиданно пріостановленной здѣсь общественной жизни вслѣдствіе какой-то катастрофы. Эль-Бара, съ другой стороны, весьма хорошо знакомитъ съ культурной жизнью общества въ эпоху, современную паденію западной римской имперіи.

Попытаемся характеризовать эту жизнь по остаткамъ, и донынѣ наблюдаемымъ въ Эль-Барѣ. Улицы селеній или городовъ по большей части узки и вымощены булыжникомъ. Дома всѣ имѣютъ доступъ со стороны улицы черезъ небольшую дверь, ведущую во дворъ. Почти всѣ дома въ два этажа, иногда оба этажа украшены колоннами; часто вокругъ дома идетъ галлерея. Первый этажъ отдѣляется отъ второго полуаркой, на которую настилается полъ верхняго этажа. Стѣны и главнѣйше ворота и наличники украшены или орнаментомъ растительнаго харак-

тера (листья винограда и аканеъ), или христіанскими эмблемами, а также надписями. Изъ христіанскихъ эмблемъ чаще всего встрѣчается монограмма въ кругѣ, буквы А Ω въ соединеніи съ крестомъ, изрѣдка рыба или агнецъ съ крестомъ на спинѣ. Общій и отличительный характеръ эмблемъ и надписей церковный и христіанскій. Всѣ постройки изъ камня, стѣны почти вездѣ сохранились, иногда стоятъ на мѣстахъ лѣстницы и галлереи.

Надписи на воротахъ домовъ чрезвычайно разнообразны, хотя исключительно заимствованы изъ священнаго писанія. Вотъ два блока, служившіе архитравомъ надъ воротами, одинъ длиной въ 1,25 м., другой въ 1,15 м., на одномъ изъ нихъ надпись

† Κύριος τῶν δυνάμεων μεθ' ἐμῶν (вмѣсто ἡμῶν) ἔστω, то-есть „Господи силъ съ нами буди".

Вотъ надпись на карнизѣ окна: Δόξα ἐν ὑψίστοις Θεῷ καὶ ἐπὶ γῆς ἰρήνην (т. е. εἰρήνη) то-есть „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ".

Такова надпись надъ входными дверьми: † Κύριος φυλάξη τὴν εἴσοδόν σου καὶ τὴν ἔξοδον ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ ἕως τῶν αἰώνων. ἀμήν, то-есть „Господь сохранитъ входъ твой и исходъ твой отнынѣ и до вѣка; аминь.

Словомъ, церковность даетъ такую печать постройкамъ этой эпохи, что можно думать, что находишься не въ городѣ, не среди домовъ свѣтскихъ людей, а въ какомъ-либо монастырѣ!

Укажемъ еще надписи: „Если Богъ за насъ, кто противъ насъ. Слава Ему во вѣки". — „Господи помоги дому сему и живущимъ въ немъ". Или просто „Христе помоги" † Χριστὲ βοήθη † (эти надписи приведены у de Vogüé, pl. 39).

А вотъ надпись съ указаніемъ владѣльца дома: † Μεγάλη δύναμις τῆς ἁγίας τριάδος † ὁ κόμις Πρίσκος ἐν τούτῳ νίκα, т. е. „Великая сила Святой Троицы. Комитъ Прискъ симъ побѣждай".— Трудно конечно сказать, о какомъ Прискѣ здѣсь идетъ рѣчь, но не будетъ слишкомъ смѣлымъ думать здѣсь о Прискѣ комитѣ экскувиторовъ, жившемъ въ VI в. и кончившемъ жизнь свою монахомъ въ послѣдніе годы VI вѣка, — Theoph. Chronogr. ed. de Boor, p. 292_{8}; Chron. paschal., p. 703_{10}. У Муральта, Chronogr. byzant, p. 113, указанъ Прискъ, жившій въ концѣ V вѣка (s. a. 498); cp. Evagrius ed. Bidez, p. 224 sq. Не увеличивая количества надписей, сошлемся на изданіе Ваддингтона, Inscriptions grecques et latines de la Syrie, NN. 2644—2653.

Разсматривая древности Эль-Бары во всей совокупности, нельзя не вывести заключенія, что здѣсь представлена не столько показная и такъ сказать оффиціальная жизнь большого города, сколько интимная сторона жизни христіанскаго общества. Здѣсь мы не находимъ ни громадныхъ колоннадъ и обширныхъ дворцовъ, ни большихъ храмовъ, а наблюдаемъ частные дома средняго класса населенія. Объ этомъ говорятъ и надписи надъ входами въ домъ, это же подтверждаетъ и самая постройка домовъ, небольшіе размѣры ихъ и отсутствіе дорогихъ украшеній.

Самымъ большимъ памятникомъ въ Эль-Барѣ слѣдуетъ считать громадную базилику, въ которой сохранилась апсида и часть западной стѣны. Вся площадь бывшаго величественнаго зданія покрыта стволами колоннъ, карнизами, частями плафона, — всѣ эти лежащіе на землѣ обломки покрыты роскошнымъ орнаментомъ съ мотивами растительнаго и животнаго царства. Главная апсида громадныхъ размѣровъ образована двумя рядами колоннъ, идущихъ до самаго нарѳика, какъ можно видѣть по стволамъ колоннъ и по капителямъ, поваленнымъ вѣроятно вслѣдствіе землетрясенія. О томъ, до какой степени примѣнено здѣсь было искусство, можно судить по тѣмъ образцамъ, которые сохранились нынѣ въ воротахъ мечети (de Vogüé, pl. 50). Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить здѣсь превосходные погребальные памятники въ видѣ пирамидъ. Въ основаніи это квадратныя зданія на цоколѣ, завершающіяся пирамидой. Внутри такихъ зданій сохраняются саркофаги; впрочемъ большинство ихъ разбито на мелкіе куски, такъ какъ входъ въ подобнаго рода зданія никому не возбраняется. Памятникамъ Сиріи угрожаетъ неизбѣжная гибель, такъ какъ ихъ не кому защищать противъ невѣжества и жадности (ради добыванія извести изъ мрамора, подвергаемаго горѣнію).

Деиръ Самбиль. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько вполнѣ сохранившихся частныхъ домовъ, характерная особенность коихъ — колоннада передъ входомъ. Весьма рѣдко также повторяющаяся особенность — на внѣшней стѣнѣ дома изображеніе овна съ крестомъ (табл. № 29, четвертый рядъ сверху). Надъ входомъ въ частный домъ встрѣтили мы надпись Χριστὲ βοήθει (рис. № 57).

† ΧΡΙCΤΕΒΟΕΘΗ †

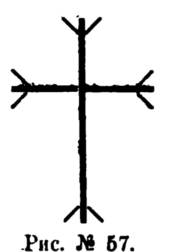

Рис. № 57.

Рувейха. Здѣсь сохранились величественные остатки мертваго города. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить обширное зданіе христіанской базилики, отъ которой сохранилась апсида съ треми окнами. Любопытно наблюдать, что апсида составляетъ здѣсь совершенно особое и самостоятельное зданіе, вставленное въ восточную часть четырехугольника. Храмъ былъ въ три корабля. Особенность архитектурнаго стиля характеризуется величественными арками, на которыхъ утверждалось все зданіе (См. планъ у de Vogüé, pl. 68—69). Въ церкви было два нарѳика съ тремя дверьми, покрытіе основывалось на системѣ полуарокъ. Надъ главными воротами надпись ΒΙΖΖΟϹ ΠΑΡΔΟΥ (Waddington, n. 2670) и выше архитравъ съ превосходнымъ орнаментомъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ города найдена была другая базилика, въ которой сохранились апсида, восточная и западная стѣна и частію южная; совершенно разрушена сѣверная. Такимъ образомъ для изученія плана эта базилика представляетъ наилучшія условія. Апсида вдѣлана въ четырехугольный кадръ и совсѣмъ отъ него независима. Отъ апсиды съ той и другой стороны идетъ рядъ колоннъ, причемъ сохранилось 8 колоннъ in situ съ южной стороны; этими рядами колоннъ образованъ главный корабль храма, малые боковые корабли находятся между колоннами и стѣнами сѣверной и южной. Къ апсидѣ примыкаетъ отдѣльное квадратное помѣщеніе. Окна въ стѣнахъ маленькія и узенькія, какъ въ частномъ домѣ. Надъ колоннами возвышаются полуарки, на которыхъ лежитъ каменная кладка свода. Кровля была на два ската, какъ это можно видѣть на восточной и западной стѣнѣ (см. у de Vogüé, pl. 68).

Погребальные памятники въ Рувейхѣ многочисленны, многіе изъ нихъ сохранились въ цѣлости, въ особенности нельзя не упомянуть объ одномъ въ формѣ греческаго храма съ портикомъ и двумя колоннами спереди. Это не только изящный самъ по себѣ памятникъ, онъ замѣчателенъ еще по своей сохранности. Внутри раздѣленъ онъ аркой и крытъ на двѣ стороны, крыша вполнѣ сохранилась. Прекрасное зданіе устроено на два этажа; въ нижнемъ мѣста для погребенія, для чего имѣются три ниши или полуарки, въ верхнемъ ярусѣ тоже были повидимому саркофаги, хотя на мѣстѣ ихъ не сохранилось (de Vogüé, pl. 91).

Частные дома здѣсь подверглись большому разрушенію. Уцѣлѣвшія стѣны домовъ обращены въ загоны для скота, изъ грудъ камня устроены помѣщенія для пастуховъ и для склада хозяйственныхъ принадлежностей. Обработанный камень бьютъ и обжигаютъ для извести. Типъ частныхъ домовъ можно видѣть на прилагаемой таблицѣ, они характеризуются колоннадой и галлереей (табл. №30). Многіе дома сохранили надписи, напримѣръ надъ дверью дома съ колоннадой надпись красками:

† ὁ καθικῶν (вмѣсто κατοικῶν) ἐν βοηθείᾳ τοῦ ὑψίστου ἐν σκέπῃ ☧

т. е. „Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Небеснаго“, или надъ входомъ другого дома:

. . . ἑμᾶς ἔσωσεν ἀπὸ παντὸς κακοῦ. ἀμήν. †

Алеппо не представляетъ интереса съ археологической стороны, и мы должны были остановиться здѣсь съ той цѣлью, чтобы навести справки о дальнѣйшемъ пути и чтобы заявиться въ русское консульство, куда была направлена наша корреспонденція. Здѣсь мы имѣли удовольствіе познакомиться съ Россійскимъ генеральнымъ консуломъ г. Григоровичемъ, который съ любезной готовностью оказалъ намъ всяческое содѣйствіе и далъ на помощь экспедиціи драгомана консульства г. Антаки, такъ какъ сопровождавшій экспедицію г. Хури былъ отозванъ своимъ начальствомъ въ Іерусалимъ. Кромѣ того здѣсь я познакомился съ г. Pognon, французскимъ консуломъ, занимающимся изученіемъ сирійскихъ надписей. Г. Pognon много путешествовалъ по Востоку, прекрасно знакомъ съ Месопотаміей и ея археологическими памятниками. Недавно получивъ назначеніе въ Алеппо, онъ достаточно однако ознакомился съ мѣстностью и могъ сообщить мнѣ весьма полезныя свѣдѣнія, за которыя приношу ему глубокую благодарность.

Кромѣ того г. Pognon предоставилъ въ наше распоряженіе нѣсколько эстампажей съ греческихъ надписей, попадавшихся эму во время его экскурсій въ окрестностяхъ Алеппо приводимъ здѣсь двѣ надписи, обязательно приготовленныя для печати Р. Х. Леперомъ.

ϹЄΙΜΙѠΚΑΙϹΥΜΒЄΤΥΛѠΚΑΙΛΕΟΝΤΙΘЄΟΙϹΠΑΤΡѠΟΙϹΤΟ
ЄΛΑΙΟΤΡΟΠΙΟΝϹΥΝΚΑΤΑϹΚЄΥΗΠΑϹΗЄΚΤѠΝΤѠΝΘЄѠΝΠΡΟ
ϹΟΔѠΝΔΙΑΝΟΜЄΡΙΟΥΚΑΙΒЄΡΙѠΝΟϹΚΑΙΔΑΡЄΙΟΥΚΑΙΚΛΑΥΔΙΟΥΤ
ЄΠΙΜЄΛΗΤѠΝΚΑΙΑΝΤѠΝΙΟΥΚΑΙϹѠΠΑΤΡΟΥΛЄΥΚΟΥΡΓѠΝ
Δ[..]ΜЄΤΙΑΝΟϹΤЄΚΤѠΝΜΝΗϹΘΗ
ΚΑΙΓΑΙΟΥΚΑΙϹЄΛЄΥΚΟΥΤЄΚΤΟΝѠΝЄΤΟΥϹΒΟϹΜΗΝΟϹ
ΠЄΡΙΤΙΟΥЄΙϹΥΝЄΤЄΛЄϹΘΗΚΑΙΑΦΙЄΡѠΘΗ
ΟΓΡΑΨΑϹΘЄΟΤЄΚΝΟϹ

Σειμίῳ καὶ Συμβετύλῳ καὶ Λέοντι θεοῖς πατρῴοις τὸ ἐλαιοτρόπιον σὺν κατασκευῇ πάσῃ ἐκ τῶν τῶν θεῶν προσόδων διὰ Νο(υ)μερίου καὶ Βερίωνος καὶ Δαρείου καὶ Κλαυδίου τ[ῶν] ἐπιμελητῶν καὶ Ἀντωνίου καὶ Σωπάτρου λευκουργῶν καὶ Γαΐου καὶ Σελεύκου τεκτόνων (Δ[ο]μετιανὸς[1]) τέκτων μνησθῇ)[2]) ἔτους 272 (=224) μηνὸς Περιτίου ЄΙ συνετελέσθη καὶ ἀφιερώθη.
Ὁ γράψας Θεότεκνος.

Божества Σείμιος, Συμβέτυλος, Λέων встрѣчаются здѣсь впервые. Строка 5, вырѣзанная болѣе мелкими буквами, представляетъ вставку, причемъ рѣзчикъ вмѣсто одного пропущеннаго имени Домиціана вставилъ все примѣчаніе, бывшее, вѣроятно, на поляхъ оригинала.

ὑπὲρ] ΕΥΧΗϹΤΟΥΑΓΙΟΥΖΑΧΕΟΥΕΤΟΥϹΓΝΦ

Zacchaeus M. Antiochiæ называется въ Acta Sanct. III, 33 подъ 10 Іюля.

Изъ Алеппо мы должны были держать путь къ крайней цѣли нашей экспедиціи, къ монастырю св. Симеона Столпника. Дорога пролегаетъ по каменистой странѣ, почти лишенной населенія и мало имѣющей археологическихъ памятниковъ.

Въ селеніи **Вофертинъ** обращаютъ на себя вниманіе остатки базилики, отъ которой сохранилась впрочемъ одна апсида. Эта теперь пустынная мѣстность была когда-то густо населена: во множествѣ сохранились пещеры для погребенія умершихъ съ саркофагами и безъ оныхъ. Пещеры

---

[1]) Δομετιανός = Δομιτιανός.

[2]) Conj. 3 л. вм. Imperat. cf. Dieterich, Untersuchungen z. Gesch. d. gr. Spr., p. 206: Theoph. 182/4 ἐπαρθῇ τὸ χρῶμα, ἀνασκαφῇ τὰ ὀστέα и т. п. Hatzidakis, Einl. in d. neugr. Gramm. p. 219.

имѣютъ разныя формы, то съ надписями, то съ христіанскими эмблемами, многія раздѣлены на отдѣльные компартименты и снабжены маленькими loculi для погребеній. Нѣкоторыя, закрытыя большими каменными плитами, представляютъ внутри значительный интересъ. Такъ въ одной пещерѣ замѣтили мы двѣ полуарки или ниши, въ каждой по три мѣста для погребенія, а прямо противъ входа высѣченъ въ скалѣ громадной величины саркофагъ, имѣющій форму софы или ложа. На фонѣ стѣны возлѣ саркофага остатки барельефа, весьма впрочемъ испорченнаго. Другая пещера болѣе обширныхъ размѣровъ сохраняетъ ясные слѣды христіанскаго погребенія. Здѣсь можно замѣтить вырѣзанный въ скалѣ крестъ и кресты, исполненные краской. Все, повидимому, побуждаетъ думать, что и на сѣверъ отъ Алеппо продолжается та же культура, какую мы наблюдали въ Эль-Барѣ и окрестныхъ мѣстахъ, т. е. христіанская культура V—VII вѣка.

Монастырь св. Симеона Столпника есть безспорно наиболѣе величественный памятникъ въ сѣверной Сиріи, который одинъ и самъ по себѣ можетъ служить прекраснымъ показателемъ религіознаго и культурнаго состоянія Сиріи въ V вѣкѣ. Не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что монастырь этотъ имѣлъ такое же значеніе въ Сиріи, какое Кіево-печерская или Сергіева лавра въ Россіи. Онъ находится въ разстояніи 35—40 в. отъ Антіохіи и приблизительно столько же отдаленъ отъ Алеппо, расположенъ весьма красиво на высокомъ холмѣ, съ котораго открывается несравненный видъ какъ на лежащія у подножія его долины, такъ и на господствующія надъ нимъ вершины горъ (табл. № 31).

Монастырь построенъ въ концѣ V в., храмъ его имѣетъ форму креста, центръ котораго занимаетъ квадратный открытый дворъ съ знаменитой колонной въ самой его серединѣ, на которой подвизался св. Симеонъ. Несомнѣнно, въ Сиріи нѣтъ ничего величественнѣй этой святыни, хотя въ настоящее время она утратила всякое значеніе, ибо въ окрестности на цѣлые десятки верстъ „все дико и пусто кругомъ". О быломъ значеніи монастыря — по крайней мѣрѣ до конца X вѣка — можно судить по тому, что у подошвы холма, на которомъ онъ расположенъ, возникъ цѣлый городъ Симеона (Деиръ Семанъ), который жилъ и процвѣталъ на счетъ богомольцевъ, отовсюду стекавшихся на поклоненіе чудотворцу. Этотъ городъ Симеона

представляетъ изумительно блестящій результатъ приложенія большого труда и капитала, чтобы обезпечить достаточнымъ количествомъ воды большое населеніе этого совершенно безводнаго и каменистаго мѣста. Слѣдуетъ также замѣтить, что возведеніе громадныхъ монастырскихъ зданій на скалистомъ неровномъ холмѣ требовало большого искусства и техническихъ знаній.

Раскрыть хотя до нѣкоторой степени исторію такого импозантнаго археологическаго памятника, какъ монастырь Симеона Стилита, значило бы поднять завѣсу съ весьма деликатнаго во всемірной исторіи вопроса — о роли Сиріи въ византійскомъ искусствѣ и культурѣ. Къ сожалѣнію, наука обладаетъ пока на этотъ счетъ весьма скудными свѣдѣніями, которыя даютъ основанія лишь для догадокъ и предположеній, а не для твердыхъ выводовъ. Нужно надѣяться, что начавшееся въ послѣдніе годы движеніе по изданію и изученію памятниковъ сирійской и арабской письменности можетъ пролить свѣтъ на культуру V и VI вѣка въ Сиріи.

Въ настоящее время можемъ указать на превосходныя страницы въ книгѣ Диля Justinien et la civilisation byzantine au VI siècle, p. 567 sqq. гдѣ чуть-ли не въ первый разъ авторитетно намѣчается цѣлый рядъ культурныхъ фактовъ и мѣстныхъ особенностей въ развитіи Сиріи.

„Христіанство въ Сиріи, говоритъ Диль (p. 574), приняло довольно оригинальное направленіе подъ вліяніемъ семитическихъ расовыхъ чертъ сирійцевъ и склонности ихъ къ партикуляризму. Антіохія, Апамея, Эдесса, Осроена и Месопотамія — все это были излюбленныя мѣста монаховъ, пустынниковъ, столпниковъ и чудотворцевъ. По всей Сиріи было громадное число монастырей и православныхъ и еретическихъ, въ которыхъ сосредоточивалась производительная литературная дѣятельность. Многіе монастыри были весьма многолюдны, такъ напр. монастырь Populorum имѣлъ 1000 монаховъ (Ioannis, ep. Ephesi p. 221 ed. Van Douwen); по выраженію современниковъ, монахи составляли здѣсь настоящее государство. Но еще многочисленнѣй были пустынники. Во всей этой странѣ аскетизмъ былъ популярнымъ явленіемъ, и подвиги пустынножителей возбуждали всеобщее почтеніе. Никто не находилъ поэтому страннымъ, что благочестивый пустынникъ удаляется на уединенную гору и поселяется, какъ дикій звѣрь, въ пещерѣ, или что другой живетъ продолжительные

годы въ тѣсномъ пространствѣ между высокими стѣнами, сообщаясь съ внѣшнимъ міромъ только чрезъ отверстіе въ стѣнѣ. Находили достойными похвалы и подражанія самыя странные обычаи. Обычай проводить жизнь на столпѣ особенно былъ предметомъ удивленія. Знаменитому подвижнику V вѣка Симеону, показавшему образецъ этого способа самоумерщвленія, нашлось много подражателей. Православные и еретики соперничали въ устройствѣ болѣе высокихъ колоннъ и въ усиленіи подвиговъ. У воротъ Антіохіи на Дивной горѣ Симеонъ Младшій провелъ на колоннѣ 68 лѣтъ . . .“

Въ особенности любопытно отмѣтить, что Сирія сдѣлалась страной по преимуществу монофизитской, т. е. еретической. Начиная со второй половины V-го вѣка монофизиты такъ же усиливаются въ Сиріи, какъ въ Египтѣ; въ царствованіе Юстиніана ересь пустила въ Сиріи глубокіе корни. Между тѣмъ какъ несторіанство перенесло центръ своей дѣятельности въ Персію (Diehl, p. 579), монофизитизмъ напротивъ усиливался болѣе и болѣе, причемъ имъ воспользовались для своего обнаруженія сепаратистскія тенденціи сирійскаго населенія. Сиріи принадлежали главные апостолы и распространители ереси: Яковъ Сарухскій, Филоксенъ, Іоаннъ изъ Теллы, Петръ Апамейскій и другіе, ведшіе страстную полемику противъ приверженцевъ Халкидонскаго собора, въ особенности же Яковъ Барадей и Іоаннъ Азійскій, возстановившіе яковитскую церковь, почти уничтоженную вслѣдствіе преслѣдованій. Въ главныхъ сирійскихъ городахъ и въ безчисленныхъ монофизитскихъ монастыряхъ монофизитское ученіе имѣло самыхъ горячихъ приверженцевъ и самыхъ мужественныхъ проповѣдниковъ. Борьба между православными и монофизитами достигла наибольшаго ожесточенія въ Антіохіи — при Северѣ (512—518 г.), самомъ знаменитомъ ученомъ монофизитской церкви, и Ефремѣ (526—545 г.), самомъ энергичномъ православномъ епископѣ въ борьбѣ съ иномыслящими.

Отмѣтимъ еще нѣсколько чертъ литературнаго и художественнаго движенія въ Сиріи. Въ этомъ отношеніи весьма немногія провинціи имперіи могутъ идти въ рядъ съ Сиріей. Шестое столѣтіе знаменуетъ высшій подъемъ Сирійской литературы. Къ этому времени относятся знаменитые писатели, указанные выше вожди монофизитизма, ученые какъ медикъ Сергій, историки какъ Іоаннъ Ефесскій, лѣтописцы какъ про-

должатель Захаріи Митилинскаго или анонимные авторы хроники Іисуса Стилита и хроники Эдесской и др. Кромѣ того, большинство знаменитыхъ византійскихъ писателей этой эпохи суть сирійцы по происхожденію. Сюда относятся жизнеописатели святыхъ какъ Кириллъ Скиѳопольскій, великій историкъ эпохи Прокопій, историкъ Іоаннъ Малала, Евагрій и Іоаннъ Эпифанійскій, знаменитые юристы какъ Ѳеофилъ, Дороѳей и Стефанъ. Изъ Сиріи же происходятъ церковные писатели: патріархъ Северъ и Ефремъ, Іоаннъ Климакъ и Симеонъ Стилитъ Младшій. Такимъ образомъ, нельзя не видѣть, что Сирія стояла въ VI в. высоко въ литературной производительности. Не менѣе почетное мѣстъ занимаетъ она въ развитіи исскуства, какъ показываютъ ея архитектурные памятники.

Переходя къ св. Симеону Столпнику, необходимо прежде всего замѣтить, что онъ не относится къ числу извѣстныхъ политическихъ или литературныхъ дѣятелей, и не обязанъ своей знаменитостью какимъ-нибудъ исключительнымъ внѣшнимъ подвигамъ. И между тѣмъ церковная исторія едва ли можетъ указать болѣе популярное и болѣе извѣстное имя въ первые вѣка христіанства, чѣмъ имя Симеона Столпника[1]).

Должно думать, что нашъ святой есть продуктъ того религіознаго настроенія и глубокаго воодушевленія аскетическими подвигами, какое замѣчается не только въ Сиріи, но и на всемъ востокѣ въ V и VI вѣкѣ. Всесвѣтной славой своей онъ обязанъ главнѣйше тому способу самоусовершенствованія и аскетическаго подвига, который онъ избралъ и освятилъ своимъ примѣромъ. Это было стояніе на столпѣ. Около 40 лѣтъ Симеонъ выносилъ невѣроятныя физическія страданія, соединенныя съ этимъ способомъ подвижничества. „Эта новость, говоритъ Тилльмонъ (ibid. p. 462), въ самомъ дѣлѣ сначала всѣхъ поразила, одни осмѣивали ее, другіе осуждали: противъ Симеона выставили обвиненіе, что онъ изъ тщеславія ведетъ такой родъ жизни“. Тѣмъ не менѣе извѣстность св. Симеона распространялась быстро. Къ нему приходили не только изъ ближайшихъ селеній, но и издалека, одни приводили разслабленныхъ, другіе просили у него исцѣленія отъ различныхъ болѣзней

---

[1]) *Tillemont*, Memoires pour servir à l'histoire eccles. XV, p. 347: il n' y a guere de saints dans l'eglise dont le nom soit aussi celebre qu'est celui de S. Symeon Stylite. Cependant l'honneur que nous luy rendons aujourdhui n'est qu'un reste de celuy que les Fidèles luy ont rendu de son vivant mesme.

всѣ по вѣрѣ ихъ получали просимое и распространяли славу о чудодѣйственной силѣ св. Симеона на далекія страны. Стали приходить въ Сирію изъ отдаленнѣйшихъ странъ: изъ Испаніи, Англіи и Галліи, а въ Римѣ изображенія святого ставились въ притворахъ ремесленныхъ заведеній (Tillemont, p. 361). О громадномъ авторитетѣ Симеона свидѣтельствуетъ то значеніе, какое придавалъ ему императоръ Θеодосій младшій въ вопросѣ о церковныхъ волненіяхъ. Изъ писемъ Θеодосія ясно, что императоръ приписываетъ его молитвамъ уничтоженіе ереси Несторія и ожидаетъ мира церкви отъ благотворнаго вліянія Симеона на тѣхъ, которые поддерживаютъ церковныя смуты.

Прежде чѣмъ продолжать исторію Симеона, находимъ умѣстнымъ коснуться здѣсь вопроса о *столпникахъ*. Есть спеціальная статья о стилитахъ или столпникахъ, въ которой собраны древнѣйшія извѣстія о способѣ подвижничества на столпахъ (*Delehaye,* Les Stylites, въ Compte-rendu du IIIe Congrès scientifique tenu à Bruxelles, 1895, p. 191-232). Но какъ смотрѣть на происхожденіе столпничества?

Что въ христіанскую эпоху перешли нѣкоторые обычаи языческіе, что въ обрядовой сторонѣ христіанскаго культа есть пережитки старыхъ культовъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Такъ въ культѣ Богородицы указываютъ черты обряда языческихъ женскихъ божествъ (*Schultze,* Gesch. des Untergangs des gr.-röm. Heidentums, Jena 1892, II, p. 355), такъ въ обрядѣ постриженія въ монашество усматриваютъ сходство съ языческимъ обрядомъ принесенія волосъ въ жертву божеству (ibid. p. 370). Припомнимъ при этомъ и остатки языческой старины въ нашихъ народныхъ представленіяхъ объ Ильѣ пророкѣ и о великомученикѣ Георгіи.

Искать въ обычаѣ восхожденія на столпъ и проживанія на немъ съ цѣлью аскетическихъ подвиговъ — остатковъ древнихъ религіозныхъ обрядовъ, отмѣченныхъ именно въ Сиріи, побуждаютъ нѣкоторыя мѣста Лукіана[1]) περὶ τῆς Συρίης Θεοῦ (Bibl. Teubneriana, Luciani Samosatensis opera ex recens. *Iacobitz,* vol. III, p. 341), въ которыхъ говорится о фаллахъ въ соединеніи съ культомъ Діониса (p. 347 καὶ φαλλοὶ δὲ ἑστᾶσιν ἐν τοῖσι προπυλαίοισι δύο κάρτα μεγάλοι). Описывая далѣе святилище, Лукіанъ говоритъ (p. 354): притворъ храма

[1]) За указаніе мѣста приношу благодарность *Я. И. Смирнову.*

(τὰ δὲ προπύλαια τοῦ ἱεροῦ) находится съ сѣверной стороны и имѣетъ до 100 саженъ (μέγαθος ὅσον τε ἑκατὸν ὀργυιέων). Въ этомъ притворѣ стоятъ столпы, поставленные Діонисомъ, вышиной въ 30 саженъ (ἐν τούτοισι τοῖς προπυλαίοισι καὶ οἱ φαλλοὶ ἑστᾶσι, τοὺς Διόνυσος ἐστήσατο, ἡλικίην καὶ οἵδε τριήκοντα ὀργυιέων). На одинъ изъ этихъ столбовъ каждогодно всходитъ по два раза одинъ мужъ и проводитъ на самой вершинѣ столба семь дней (ἐς τουτέων τὸν ἕνα φαλλὸν ἀνὴρ ἑκάστου ἔτεος δὶς ἀνέρχεται οἰκέει τε ἐν ἄκρῳ τῷ φαλλῷ χρόνον ἑπτὰ ἡμερέων). Причина же восхожденія указывается такая: „по мнѣнію большинства стоящій на столпѣ бесѣдуетъ съ богами на высотѣ и молится за благо всей Сиріи, они же (т. е. боги) вблизи выслушиваютъ молитвы; а нѣкоторые думаютъ, что это дѣлается въ воспоминаніе Девкаліона, когда люди спасались отъ воды на горахъ и высокихъ деревьяхъ“. Далѣе Лукіанъ высказываетъ и собственный взглядъ на этотъ обычай, сближая его съ культомъ Діониса, которому ставятъ фаллы-столпы и на эти послѣдніе сажаютъ деревянныя изображенія людей. Но конечно его соображеніе о томъ, что настоящіе люди восходятъ на столпы изъ подражанія обычаю ставить на столпы деревянныя изображенія людей, — не можетъ насъ удовлетворить. Дѣло въ томъ, что Лукіанъ имѣлъ передъ собой религіозный обычай, уже потерявшій смыслъ и обратившійся въ обрядъ.

Весьма конечно не легко поставить въ связь фаллическій культъ съ вопросомъ, о которомъ мы здѣсь трактуемъ. Да можетъ быть въ этомъ и не представилось бы надобности. Мѣсто Лукіана прямо даетъ намъ матеріалъ для пониманія подъ фаллами столповъ (30 саженъ!), онъ же объясняетъ этотъ обычай, согласно съ мнѣніемъ большинства, какъ болѣе удобный способъ бесѣды съ божествомъ и молитвъ за благо всей Сиріи.

Мы не беремъ на себя задачи изслѣдованія этого вопроса по даннымъ грекоримской миѳологіи. Все, что имѣетъ отношеніе къ фаллу въ культѣ Діониса (*Roscher,* Ausführliches Lexicon, I. 1057), не можетъ имѣть здѣсь приложенія. Скорѣй можно бы подумать здѣсь о Великой матери, или о „сирійской богинѣ“, культъ которой въ Сиріи имѣлъ громадное распространеніе, и при входѣ въ храмъ которой стояли два исполинскіе фалла (*Preller,* Römische Mythologie, II, p. 397).

Сказанія о св. Симеонѣ были составлены еще ближайшими его учениками, затѣмъ дополнены и распространены

церковнымъ историкомъ Евагріемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ жизнеописаніяхъ св. Симеона предстоитъ еще выдѣлить первоначальный пластъ отъ наслоеній; но для такой работы не пришло время, потому что не изданы еще древнѣйшія и оригинальныя житія. Точно также едва ли въ настоящее время можно говорить о роли, которую св. Симеонъ игралъ въ борьбѣ монофизитовъ съ приверженцами Халкидонскаго собора. О рукописномъ матеріалѣ см. *Delehaye,* Les Stylites, p. 194, n. 1., въ особенности *W. Wright,* A short history of Syriac Literatur, London 1894, p. 55—56; *Wright,* Catalogue of the Syriac manuscripts, Cambridge 1901, vol. II, p. 849, гдѣ указаны письма на сирійскомъ въ опроверженіе Халкидонскаго собора, письма къ императору Льву и др. Catalogue, of S. M. in the British Museum, p. 951, 986, 1153, 1325, Index.

Симеонъ родился въ концѣ IV-го вѣка (ок. 390 г.) и умеръ по всей вѣроятности въ 460 году. Разнорѣчія въ показаніяхъ ближайшихъ, т. е. восточныхъ источниковъ о годѣ смерти Симеона расходятся весьма мало. Составитель Эдесской хроники (*Assemani,* Bibl. Orient. I, 405) относитъ смерть Симеона къ 771 г. эры селевкидовъ, т. е. къ 460 г., ту же хронологію даетъ пресвитеръ Косьма (Assemani, ibid. I. p. 252); у *Barhebræi,* Chron. ecclesiast. p. 181, показанъ 461 г. Разница въ сущности весьма незначительная, происходящая, какъ можно догадываться, отъ способа перевода мѣстнаго сирійскаго лѣтосчисленія на византійское (см. Barhebraei, Chron. p. 181, n. 2). Но чрезвычайно важно замѣтить здѣсь, что весьма не много лѣтъ спустя по смерти Симеона на мѣстѣ его подвиговъ построенъ былъ монастырь въ его честь: c' est dans la deuxième moitié du cinquième siècle que nous avons définitivement placé la construction du monument élevé en l' honneur de S. Siméon Stylite (De Vogüé, Syrie centrale, I, p. 142). Это заставляетъ думать, что и при жизни Симеонъ уже пользовался большой извѣстностью и что извѣстія житій о сношеніяхъ св. подвижника съ императорами заслуживаютъ полнаго довѣрія. Кстати здѣсь замѣтить, что большинство сирійскихъ памятниковъ, которыми мы здѣсь занимаемся, происходитъ приблизительно изъ той же эпохи V—VI в. Какъ извѣстно, въ V в. происходитъ отмѣна стараго строя на западѣ и основаніе новыхъ государствъ на развалинахъ западной имперіи. Возникновеніе на востокѣ монументальныхъ памятниковъ во вторую половину

V-го вѣка свидѣтельствуетъ о живыхъ силахъ восточной имперіи, продолжающихъ въ ней дѣйствовать еще тысячу лѣтъ. У Θеодорита Кирскаго встрѣчаемъ весьма важное, хотя трудно пока объяснимое извѣстіе, что св. Симеонъ пользовался большимъ уваженіемъ въ Римѣ, гдѣ его изображенія ставились въ притворахъ мастерскихъ „на счастье и удачу“: Φασὶ γὰρ οὕτως ἐν Ῥώμῃ τῇ μεγίστῃ πολυθρύλλητον γενέσθαι τὸν ἄνδρα, ὡς ἐν ἅπασι τοῖς τῶν ἐργαστηρίων προπυλαίοις εἰκόνας αὐτῷ βραχείας ἀναστῆναι, φυλακήν τινα σφίσιν αὐτοῖς καὶ ἀσφάλειαν ἐντεῦθεν πορίζοντας (Patrol. Græca, t. LXXXII, col. 1473).

Въ связи съ извѣстіями о смерти Симеона въ византійскихъ хроникахъ помѣщаются свѣдѣнія о тогдашнемъ главнокомандующемъ восточными войсками Ардавуріи и о перенесеніи тѣла Симеона въ Антіохію.

Malal. chronogr. lib. XIV, p. 369	Chron. pasch. I, p. 593
. . . ἐτελεύτα ὁ ἅγιος Συμεὼν ὁ Στυλίτης, ὄντος τότε Ἀρδαβουρίου τοῦ πατρικίου τοῦ υἱοῦ Ἄσπαρος στρατηλάτου ἀνατολῆς.	τελευτᾷ ὁ ἅγιος Συμεὼν ὁ Στυλίτης, ὄντος τότε κόμητος ἀνατολῆς Ἀρδαβουρίου τοῦ πατρικίου τοῦ υἱοῦ Ἄσπαρος τοῦ στρατηλάτου.

Оказывается, что въ Антіохіи поднялся бунтъ изъ-за тѣла св. подвижника, такъ какъ антіохійцы заявили желаніе положить Симеона въ своемъ городѣ. По этому случаю и выступаетъ на сцену Ардавурій съ готскимъ отрядомъ.

Ардавурій есть весьма извѣстное лицо на Востокѣ. Отъ него сохранилось блюдо (Флоренція, Uffici), представляющее его въ консульскомъ облаченіи вмѣстѣ съ дѣтьми его Ардавуріемъ младшимъ и Плинеой. На блюдѣ латинская надпись Fl. Ardavurius Aspar vir inlustris comes et magister militum et consul ordinarius. Онъ принадлежалъ къ роду знаменитаго Аспара, варвара готскаго происхожденія, который поставилъ на византійскій тронъ не одного царя изъ своихъ приверженцевъ. Всемогущій Аспаръ и его родъ принадлежалъ къ аріанскому исповѣданію и только поэтому не отваживался выступить съ притязаніями на императорскій титулъ, хотя по существу власти, находящейся въ его рукахъ, онъ могъ дѣлать въ Византіи все, что хотѣлъ. Такъ какъ въ житьѣ и въ отмѣченныхъ выше извѣстіяхъ Ардавурій ставится въ опредѣленныя отношенія къ Си-

меону, то намъ весьма важно опредѣлить, какое значеніе имѣетъ эта черта въ біографіи сирійскаго подвижника. Нѣтъ сомнѣнія, что греческій титулъ στρατηλάτης ἀνατολῆς соотвѣтствуетъ латинскому magister militum orientis; до извѣстной степени можно опредѣлить, когда Ардавурій носилъ этотъ титулъ. У Евагрія ed. Bidez, p. 22 обозначена связь лицъ и событій слѣдующимъ образомъ: перенесеніе тѣла Симеона въ Антіохію произошло ὕστερον, Λέοντος τὰ σκῆπτρα διέποντος, Μαρτυρίου τηνικαῦτα τῆς Ἀντιόχου προεδρεύοντος, Ἀρδαβουρίου δὲ αὖ τῶν ἑῴων στρατηγοῦντος ταγμάτων. Царствованіе Льва падаетъ на періодъ между 457—474 годами, время патріарха Мартирія падаетъ на 460—473 г. (Oriens christianus, II, s. v.). Такимъ образомъ и время командованія Ардавурія восточными войсками, и все, что относится къ перенесенію тѣла Симеона въ Антіохію, можетъ имѣть мѣсто въ періодъ между 460 и 471 годомъ. Но въ 471 году родъ Аспара постигла катастрофа, положившая конецъ не только вліянію рода, но вообще гото-германскому преобладанію въ Византіи (Malala, p. 371_{10} и 374_{10}: ἐφώνευσα Ἄσπαρα καὶ Ἀρδαβούριον ἵνα μηδείς μοι ἐναντιοῦται κελεύοντι. cf. p. 371_{10}.), съ другой же стороны въ хроникѣ Пасхальной смерть Симеона отмѣчена 311 Олимпіадой и консульствомъ Рустикія и Оливрія, что соотвѣтствуетъ 464 г. (Clinton, Fasti Romani, II, p. 203; Muralt, I, p. 76). Имѣя однако въ виду, что здѣсь подъ однимъ и тѣмъ же годомъ сообщается и о смерти Симеона, и о перенесеніи его тѣла въ Антіохію, мы можемъ относить къ 464-му году лишь послѣдній актъ, для смерти же остановиться на 460-мъ годѣ, оправдываемомъ всѣми житьями сирійскими и греческими.

Въ извѣстіяхъ, касающихся перенесенія тѣла святого подвижника, выдвигается на первый планъ столько же Ардавурій, сколько находящійся подъ его властью готскій элементъ. Между другими чудесами Симеона въ житьѣ разсказывается между прочимъ слѣдующее. На службѣ у Ардавурія былъ нѣкто Юліанъ. Онъ, объятый безуміемъ, сталъ приставать къ Ардавурію съ такой просьбой: позволь мнѣ, я пойду на колонну и схвачу его (т. е. Симеона) и подвергну его поруганію и наказанію, ибо онъ обманщикъ, вводящій людей въ заблужденіе. — И подошли къ нему. Юліанъ, подставивъ лѣстницу, входитъ на столпъ въ полной увѣренности достигнуть и низвергнуть Симеона. Только что онъ дошелъ до третьей ступени, какъ лѣстница поднялась и повисла

на воздухѣ, на высотѣ четырехъ почти локтей отъ земли. Всѣ присутствовавшіе пришли въ ужасъ. Тогда Ардавурій въ сильномъ гнѣвѣ натянулъ лукъ, чтобы пронзить святого стрѣлой, но въ тотъ же мигъ рука его онѣмѣла и была не въ состояніи пустить стрѣлу. И не только рука его подверглась параличу, но и въ ногахъ оказалась подагра, отъ которой онъ не освободился до конца жизни.

Въ этомъ сказаніи во всякомъ случаѣ заключается любопытный мотивъ, заслуживающій серьезнаго вниманія, именно, что Ардавурій, предводитель готскаго и слѣдовательно аріанствующаго отряда, не раздѣлялъ общей вѣры въ святость Симеона Столпника.

Есть и еще любопытная черта въ относящихся сюда извѣстіяхъ, это техническій терминъ γοτθικὴ βοήθεια для обозначенія военнаго отряда, участвовавшаго въ церемоніи перенесенія тѣла св. Симеона въ Антіохію. Всѣ извѣстія согласны въ томъ, что это перенесеніе происходило при исключительныхъ обстоятельствахъ. Повидимому само правительство было озабочено этимъ дѣломъ, ибо была опасность, чтобы не произошло волненій среди окрестныхъ селеній изъ-за обладанія тѣломъ Симеона — ὡς ἂν μὴ αἱ γειτνιῶσαι πόλεις συνελθοῦσαι τοῦτον διαρπάζοιεν (Evagrius, p. 23). Была даже мысль перенести св. Симеона въ Константинополь, и только по усиленной просьбѣ антіохійцевъ рѣшено было оставить у нихъ святыню — διὰ τὸ μὴ ὑπάρχειν τεῖχος τῇ πόλει . . . ὅπως ἡμῖν γένηται τεῖχος καὶ ὀχύρωμα. Слѣдуетъ здѣсь вспомнить слова Θеодорита Кирскаго объ изображеніяхъ св. Симеона, служившихъ какъ φυλακὴ и ἀσφάλεια для ремесленныхъ заведеній въ Римѣ. — Такое было громадное стеченіе народа, сопровождавшаго процессію съ гробомъ, что казалось, будто массы народа за гробомъ составляли безбрежное море, а присоединявшіяся къ нимъ изъ окрестныхъ селеній толпы уподоблялись рѣкамъ (*Migne*, Patrolog. græca, t. LXXXII, col. 1472). Для предупрежденія всякихъ неожиданностей процессію сопровождала ἡ γοτθικὴ βοήθεια.

Этотъ терминъ останавливаетъ на себѣ вниманіе потому, что здѣсь прямо названъ готскій военный отрядъ подъ командой Ардавурія. Для военной исторіи восточной имперіи въ V вѣкѣ въ высшей степени важнымъ является вопросъ о частныхъ дружинахъ. Находившаяся подъ командой Ардавурія военная

часть — составляла ли имперское войско, или частную дружину вождя? — Въ жизнеописаніи св. Симеона обозначенъ численный составъ этой дружины: venit ergo . . . præfectus Ardavurius cum sex virorum millibus ne regionis istius incolæ eum raperent — Vita, col. 248. Шеститысячный готскій отрядъ подъ командой Ардавурія напоминаетъ въ позднѣйшей исторіи Византіи шеститысячный русскій отрядъ, посланный великимъ княземъ Владиміромъ.

Монастырь Симеона Столпника раздѣлялъ судьбы христіанства въ Сиріи и его исторія должна быть изучаема параллельно съ исторіей страны. Приведемъ здѣсь весьма удачное выраженіе Шлумбергера (Schlumberger, L'épopée Byzantine, vol. I, p 566: „c'est vraiment l'expression d'une grande pensée. Le majestueux édifice traduit dans un langage plus éloquent que la parole la dévotion du peuple de Syrie pour l'illustre Stylite“. Наиболѣе интересное извѣстіе о первоначальномъ зданіи, построенномъ на мѣстѣ подвиговъ св. Симеона, принадлежитъ Евагрію. Стоитъ вспомнить его слова о толпахъ окрестныхъ крестьянъ, стекавшихся къ храму и входившихъ въ открытый дворъ вмѣстѣ съ своими вьючными животными (Evagr. p. 24) и водившихъ хороводы вокругъ столпа. Не смотря на то, что зданіе было камéнное, оно не разъ подвергалось пожарамъ; уже въ 548 г. отмѣченъ пожаръ, истребившій часть монастыря (*Muralt*, Chronographie, p. 690).

Арабское завоеваніе не лишило нашъ монастырь его значенія и вліянія; хотя арабы нѣсколько разъ нападали на монастырь и разоряли его, но нужно думать, что по минованіи опасности монастырь снова привлекалъ къ себѣ богомольцевъ изъ окрестностей. Отъ первой половины VII в. имѣется слѣдующее извѣстіе (*Assemani*, Bibl. orientalis, III, p. 423): . . Chaledus ab Omaro Alepum et Antiochiam cum copiis missus multos mortales perdidit. Sed et S. Simeonis Stylitae coenobium adortus, ingentem virorum, mulierum, puerorum, puellarumque turbam, qui ad festum eo die confluxerunt, abduxit. — Это нападеніе отмѣчено 4 годомъ Омара, слѣдовательно падаетъ на 638 годъ. Дальнѣйшее извѣстіе относится къ 985 году (Баронъ Розенъ, Императоръ Василій Болгаробойца): „И пошелъ Каргуя на монастырь Симеона халебскаго и осаждалъ его три дня и воевалъ его весьма сильно и взялъ его мечемъ въ среду 8-го айлуля (сентября) 1297 (т. е. 985) и

убилъ множество его монаховъ — это былъ монастырь многолюдный и цвѣтущій — и увелъ въ плѣнъ многихъ спасшихся туда изъ окрестностей. И были они приведены въ Халебъ и выставлены на позоръ". У того же Яхъи, изъ котораго заимствованы приведенныя слова, есть еще упоминаніе о нашемъ монастырѣ отъ начала XI-го вѣка. Изъ него видно, что несмотря на опустошеніе конца X вѣка, монастырь всеже продолжалъ послѣ него свое существованіе.

Какова была судьба монастыря въ XI вѣкѣ, къ сожалѣнію мы не имѣемъ на этотъ счетъ никакихъ извѣстій. Но принимая во вниманіе, что въ архитектурѣ нѣкоторыхъ частей храма, равно какъ въ способѣ постройки нѣкоторыхъ внѣшнихъ укрѣпленій, замѣтны ясные слѣды арабскаго вліянія, нельзя думать, что монастырь св. Симеона обратился въ развалины и сдѣлался необитаемъ съ конца X вѣка. Напротивъ, слѣдуетъ полагать, что монастырь нашелъ возможность возстановить разрушенныя непріятелемъ зданія, собрать въ свои стѣны разбѣжавшихся монаховъ и снова сдѣлаться центромъ религіозной жизни въ сѣверной Сиріи. Въ XII вѣкѣ, съ образованіемъ на востокѣ латинскаго Антіохійскаго княжества, монастырю св. Симеона возможно было если не процвѣтать, то во всякомъ случаѣ продолжать свое существованіе. Трудно однако на основаніи скудныхъ данныхъ судить, къ нашему ли монастырю относить упоминанія о монастырѣ Симеона въ XII и XIII в. или къ другому. Въ исторіи войнъ Нуреддина съ крестоносцами упоминается монастырь Симеона zwischen Antiochien und dem Meere (Röricht, Geschichte des Königreichs Jerusalem, p. 261). Точно также въ исторіи патріарха Рудольфа говорится, что онъ in das St. Simeon's Klöster nicht weit vom Meere abgeführt wurde (ibid. p. 224).

Въ 1224 году игуменъ и братія св. Симеона жаловались папѣ Григорію III на злоупотребленія властію и несправедливыя притѣсненія со стороны графа Триполійскаго, управлявшаго антіохійскимъ княжествомъ. Онъ, оказывается, изгналъ изъ монастыря игумена и монаховъ и отдалъ монастырь другимъ лицамъ (non sine vitio simoniacæ pravitatis) и всячески утѣснялъ и обременялъ монастырь. Папа поручаетъ патріарху антіохійскому защищать монастырь отъ притѣсненій означеннаго графа, разрѣшая въ случаѣ нужды употребить противъ него

церковную цензуру, — см. Pitra, Analecta novissima Spicilegii Solesmensis, altera continuatio, I, p. 586 [1]).

Въ 1728 году посѣтилъ Антіохію знаменитый русскій путешественникъ Василій Григоровичъ-Барскій. (Странствованія Василія Григоровича-Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока. Изданіе Правосл. Палестинскаго Общества, ч. II, стр. 128). Барскій не былъ въ монастырѣ, но слышалъ объ немъ отъ жителей Антіохіи слѣдующее: „Еще же обрѣтается тамо въ горахъ, четирма часа отстоящое мѣсто святаго Симеона Столпника, идѣже иногда бяше церковь и монастиръ, нинѣ же вся раззорена суть отъ агарянъ, и столпъ сокрушенъ есть, токмо отчасти основаніе обрѣтается". Говоримъ, что нашъ пѣшеходъ не былъ самъ въ монастырѣ, потому что умный, наблюдательный и благочестиво настроенный человѣкъ, какимъ былъ Барскій, не могъ бы ограничиться такимъ замѣчаніемъ, если бы самъ видѣлъ величественные остатки монастыря и храма: „нинѣ же вся раззорена суть". Конечно, онъ не былъ въ Калатъ-Семанѣ, не былъ же потому, что немногочисленные христіане Антіохіи не питали въ XVIII-мъ вѣкѣ живыхъ чувствъ благоговѣнія къ мѣсту подвиговъ св. Симеона и, вѣроятно, отсовѣтовали ему пускаться въ это небезопасное путешествіе. Уже то обстоятельство, что Барскій полагаетъ четыре часа пути отъ Антіохіи до Калатъ-Семана, достаточно подтверждаетъ наше предположеніе, ибо на самомъ дѣлѣ разстояніе нужно считать на 6 или 7 часовъ (до 35 верстъ).

Другой путешественникъ XVIII-го вѣка, англичанинъ Пококкъ, посвятилъ нѣсколько строкъ описанію развалинъ монастыря (*Pococke,* A Description of the East, II, 1, p. 169—170, London 1745). Между прочимъ Пококка занялъ планъ монастыря и частію его древняя исторія. Онъ сообщаетъ, не приводя впрочемъ источника, что монастырь былъ разрушенъ въ концѣ X вѣка однимъ изъ мусульманскихъ владѣтелей Алеппо. Разстояніе монастыря отъ Антіохіи англійскій путешественникъ полагаетъ въ 6 часовъ.

Въ виду важности мѣста, освященнаго необыкновенными подвигами христіанскаго аскетизма, и въ виду величественныхъ остатковъ монастырскихъ развалинъ было бы весьма важно войти въ обсужденіе вопроса о пріобрѣтеніи всего холма съ

---

[1]) За указаніе мѣста приношу благодарность о. Louis Petit.

развалинами въ руки христіанъ. Въ настоящее время въ монастырскихъ развалинахъ живетъ всего лишь одна бедуинская семья, пользующаяся сохранившимися постройками для своего жилья и для овечьихъ и коровьихъ загоновъ. Часть монастырской площади распахивается и засѣвается тою же крестьянской семьей. Можно думать, что пріобрѣтеніе покупкой всей монастырской площади не встрѣтило бы большихъ затрудненій, если бы вести дѣло съ должными предосторожностями. Антіохійскому патріархату всего ближе было бы озаботиться мѣрами къ покупкѣ мѣстности монастыря Симеона Стилита.

Переходимъ къ описанію того, что мы видѣли сами при посѣщеніи этой мѣстности.

Подробное описаніе развалинъ монастыря съ планами и рисунками можно найти у de Vogüé, pl. 139 sq. Нечего и говорить, что Вогюе былъ главнымъ нашимъ руководителемъ во всей экспедиціи по Сиріи и что мы обязаны ему многими полезными указаніями. Само собой разумѣется, что мы тщательно провѣряли указанія Вогюе и не считали нужнымъ повторять то, что находится въ его прекрасномъ сочиненіи Syrie Centrale. Подходя въ настоящее время къ главнѣйшему памятнику Сиріи, считаемъ справедливымъ сдѣлать оговорку, что планы и рисунки Вогюе оставляютъ желать весьма многаго, и что новая научная экспедиція въ Сирію, въ особенности для спеціальной цѣли изученія церквей и подземныхъ усыпальницъ, была бы весьма желательна и обѣщала бы новые результаты.

Начнемъ осмотръ монастыря съ южной стороны отъ входныхъ воротъ (табл. № 32). Здѣсь, у югозападнаго угла террасы, примыкающей къ южной окончности крестоваго зданія, у Вогюе показана на планѣ башня, которая къ первоначальному плану зданія не принадлежитъ, а придѣлана послѣ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что угловая квадратная башня не стоитъ на линіи фундамента стѣны и при томъ заключаетъ въ себѣ матеріалъ, имѣвшій уже другое употребленіе. Кромѣ того, точность требовала бы, чтобы башня эта не изображалась ничѣмъ не занятой снизу, ибо на самомъ дѣлѣ она заполнена камнемъ, и кромѣ того при входѣ въ башню мы замѣтили цистерну, на планѣ у Вогюе не показанную. Кстати уже замѣтимъ здѣсь, что башнямъ вообще не мѣсто на планѣ, такъ какъ онѣ придѣланы не ранѣе VII вѣка. И далѣе мы

будемъ имѣть случай нѣсколько разъ убѣдиться, что главный недостатокъ плана Вогюе есть то, что онъ не отдѣлилъ основныхъ византійскихъ частей отъ прикладныхъ арабскихъ, напримѣръ, ворота у юговосточнаго угла зданія несомнѣнно арабскія; точно также и пилоны, обработанные съ той стороны, которая задѣлана теперь позднѣй выведенной стѣной. — Переходимъ къ южному крылу зданія церкви. Въ него ведутъ три арки, замѣняющія входные ворота. Входя въ нарѳикъ, имѣемъ передъ собой четверо воротъ: двое въ центральной аркѣ и двое въ боковыхъ аркахъ. Южное крыло церкви представляетъ базилику въ три корабля съ рядомъ колоннъ. Въ этой базиликѣ не сохранилась лишь та часть, которою соприкасается она съ открытымъ дворомъ, занимающимъ центръ крестовиднаго храма. Реконструкція этой части южнаго крыла, совершенно обрушившагося, вполнѣ возможна по аналогіи съ западнымъ крыломъ, вполнѣ сохранившимся. Противъ плана Вогюе здѣсь многое измѣнилось. Въ осьмиугольномъ дворѣ съ открытымъ дворомъ, среди котораго стоитъ знаменитый столпъ Симеона, между арками стояли колонны въ два ряда — теперь сохранились на мѣстѣ базы. Здѣсь было пять арокъ, изъ коихъ три разрушены; четыре ниши — въ видѣ малыхъ апсидъ — хотя не игравшія роли алтарей. На пилонахъ, поддерживающихъ арки, вездѣ видны прорѣзы и пробоины, — признакъ того, что вездѣ была мраморная облицовка. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что къ восточному крылу храма ведетъ арка, забранная въ настоящее время стѣной. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ плану Вогюе и здѣсь необходима поправка, ибо стѣна придѣлана послѣ, какъ говорятъ, для того, чтобы обезпечить спокойствіе и тишину во время богослуженія, такъ какъ въ осьмиугольномъ дворѣ были разговоры и шумъ.

Въ сѣверномъ крылѣ замѣчаемъ нѣкоторыя отличія противъ плана южнаго и восточнаго крыла, кромѣ того въ планъ вкрались нѣкоторыя ошибки. На западной стѣнѣ этого крыла показано три двери, между тѣмъ въ дѣйствительности ихъ двѣ; сѣверная стѣна иначе устроена, чѣмъ южная, на которой четыре двери, хотя на планѣ показаны три. Къ восточной стѣнѣ пристроенъ прямоугольникъ съ четырьмя саркофагами. Слѣдовъ портика, идущаго за сѣверной стѣной, не обнаружено.

Наиболѣе пострадало западное крыло вслѣдствіе арабскихъ пристроекъ. Арабы воздвигли здѣсь башню, для чего въ сере-

динѣ западнаго крыла они должны были устроить стѣну и соединить ее съ внѣшней стѣной каменной кладкой, замѣнившей прежнія арки, слѣды которыхъ покрываютъ всю площадь этого крыла. На одной изъ колоннъ сохранился орнаментъ — квадратъ съ звѣздочкой и вѣнкомъ въ серединѣ.

Восточное крыло или главная апсида всего крестовиднаго зданія сохранилось въ значительно лучшемъ видѣ противъ другихъ частей. Главная апсида представляетъ величественную арку съ превосходнымъ фронтономъ и орнаментомъ и имѣетъ пять оконъ. Можетъ быть, что внутреннія стѣны апсиды были облицованы мраморомъ, если этому приписывать выбоины и слѣды гвоздей по всей стѣнѣ апсиды надъ окнами и ниже ихъ. Въ малыхъ апсидахъ и между прочимъ въ сѣверной найденъ орнаментъ, сдѣланный красками, и слѣды штукатурки. Кромѣ того у боковыхъ апсидъ сохранились небольшія квадратныя помѣщенія, съ сѣверной стороны въ полной сохранности, съ южной — съ передѣлками, чего на планѣ также не обозначено. Стѣны внутри этого крыла носятъ слѣды облицовки мраморомъ. Кромѣ того на сѣверной и южной стѣнѣ можно замѣтить слѣды вторичной кладки, которая повидимому имѣла цѣлью приспособить часть этого крыла для жилого помѣщенія. Что постройка у южной апсиды, состоящая изъ двухъ квадратныхъ помѣщеній, есть позднѣйшая придѣлка и не должна принадлежать къ основному плану, это легко видѣть съ наружной стороны, гдѣ карнизъ и швы зданія ясно обличаютъ двѣ различныя эпохи строенія. Мы могли убѣдиться въ указанныхъ обстоятельствахъ изъ малой церкви, находящейся близь южной апсиды храма.

Смотря на главную апсиду съ наружной стороны, мы замѣтили, что она украшена шестью колоннами въ два ряда одинъ надъ другимъ и въ архитравѣ имѣетъ рядъ раковинообразныхъ нишей. Колонны представляютъ большое разнообразіе стиля. Одна изъ нихъ, капитель которой имѣетъ орнаментъ изъ листьевъ, поднимаемыхъ вѣтромъ, является повтореніемъ мотивовъ, нѣсколько разъ встрѣчающихся въ орнаментикѣ храма. Съ наружной стороны хорошо также наблюдается пристройка стѣны малой церкви, а равно со всей очевидностью выступаютъ неисправности сдѣланнаго Вогюе плана (de Vogüé, pl. 142).

Названная сейчасъ малая церковь представляетъ особенный интересъ по устройству апсиды, которая совершенно втиснута

въ ящикъ, составленный четырьмя стѣнами церковнаго зданія. Эта церковь примыкаетъ своей южной стѣной къ постройкамъ, гдѣ жила монастырская братія, составляющимъ цѣлый корпусъ, общее положеніе котораго и отдѣльныя части не достаточно изучены и не совсѣмъ вѣрно обозначены на планѣ Вогюе. Наиболѣе интереса представляетъ здѣсь галлерея на столбахъ въ три этажа, которая даетъ собой изящный архитектурный образецъ. Чтобы окончить обзоръ частей храма, слѣдуетъ еще замѣтить, что архитекторъ долженъ былъ бороться съ значительными затрудненіями, какія представляла скалистая и неровная мѣстность: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему нужно было срѣзывать неровности, въ нѣкоторыхъ предпринимать устройство искусственыхъ сводовъ, на которыхъ бы можно было утвердить часть зданія. Видимымъ знакомъ этого остаются весьма тонкія техническія особенности, напримѣръ, неодинаковой длины колонны.

Къ сѣверу отъ зданія храма высѣчена въ скалѣ камера для погребенія умершихъ, здѣсь же подземное помѣщеніе, приготовленное для той же цѣли. Въ верхнемъ этажѣ 8 нишей съ саркофагами. На планѣ Вогюе здѣсь не показанъ входъ въ склепъ.

Въ небольшомъ разстояніи находимъ отдѣльное зданіе квадратной формы, которое нѣкоторыми принимается за крещальню. Здѣсь въ настоящее время устроенъ складъ хозяйственныхъ принадлежностей одной бедуинской семьи и хлѣвъ для скота. Въ этомъ зданіи бросаются въ глаза четыре колонны и ниши. Оно было въ два этажа, на второмъ этажѣ имѣло 8 колоннъ на базахъ, сохранившихся на своемъ мѣстѣ. Снаружи оно также представляетъ рядъ колоннъ и угловъ или выступовъ на углахъ, образуемыхъ квадратной формой перваго этажа. Здѣсь было 8 оконъ, слѣдовательно много свѣта. Какъ было покрыто зданіе, трудно сказать. Можетъ быть была пирамида, а можетъ быть купольный сводъ. Мы думаемъ, что это былъ погребальный памятникъ, мавзолей. Въ пользу этого предположенія говоритъ и то, что рядомъ съ этимъ зданіемъ находимъ слѣды небольшой церкви. Въ средніе вѣка мѣстность, занимаемая этой церковью, обращена въ укрѣпленіе, вслѣдствіе чего позади апсиды видимъ башню; точно также башня появилась у задней стѣны церкви. По остаткамъ черепицы можно судить, что кровля была черепичная.

Таковы въ общихъ чертахъ зданія монастыря св. Симеона Столпника.

Въ такомъ величественномъ памятникѣ христіанской древности кромѣ архитектурныхъ частей найдено весьма мало матеріала для характеристики эпохи, создавшей этотъ храмъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что изслѣдователь пытается открыть подъ грудами камней и щебня какіе-либо остатки искусства. Прежде всего намъ желательно было опредѣлить, сохранился ли полъ въ главномъ кораблѣ восточнаго крыла храма и нельзя ли расчистить мѣсто подъ святымъ престоломъ. Результаты моихъ изслѣдованій въ этомъ отношеніи заключаются въ слѣдующемъ. По очисткѣ небольшой части средняго корабля, можно было убѣдиться въ томъ, что не сохранилось ни настилки изъ плитъ, ни мозаики, но остался на мѣстѣ слой цемента, что служитъ лучшимъ доказательствомъ, что полъ дѣйствительно былъ изъ мозаики, а не изъ каменныхъ плитъ, для которыхъ не потребовалось бы цемента. Вторая пробная расчистка сдѣлана была передъ самой апсидой и дала благопріятные результаты. Именно, не только обнаружена была часть мозаики на мѣстѣ, но притомъ въ такомъ достаточномъ количествѣ, что можно было составить понятіе о самомъ рисункѣ. Раскрытая часть представляетъ кругъ въ квадратѣ, исполненный изъ разноцвѣтныхъ и разной формы плитокъ треугольниковъ, ромбовъ, квадратовъ (табл. № 33). Произведенная при этомъ расчистка пола въ среднемъ кораблѣ передъ самымъ алтаремъ дала возможность сдѣлать другія наблюденія. Сейчасъ же за указаннымъ выше кругомъ находимъ большую плиту, которая составляла первую ступень подъема къ алтарю; всего было по всей вѣроятности три ступени. Чтобы выяснить способъ приготовленія мѣста для св. престола, мы провели траншею отъ мѣста находки мозаики до стѣнъ апсиды, причемъ замѣтили, что алтарь расположенъ на скалѣ, возвышающейся надъ уровнемъ церковной площади. Тогда стали для насъ ясны упомянутыя выше ступени, по которымъ нужно было подниматься изъ средняго корабля въ алтарь. Кромѣ того было обнаружено, что алтарь не представлялъ совершенно ровную поверхность, но имѣетъ легкій наклонъ отъ в. къ западу. Въ самой серединѣ алтаря, гдѣ долженъ былъ стоять св. престолъ, оказалось продолговатое отверстіе заваленное мелкимъ камнемъ. Указанныя наблюденія заставляютъ принять, что св. престолъ былъ устроенъ

не на скалѣ, а на искусственно сдѣланномъ мѣстѣ, и что замѣтная въ траншеѣ известковая прослойка служила для этой цѣли. Мы пытались далѣе выяснить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли считать отверстіе или трещину въ скалѣ подъ престоломъ

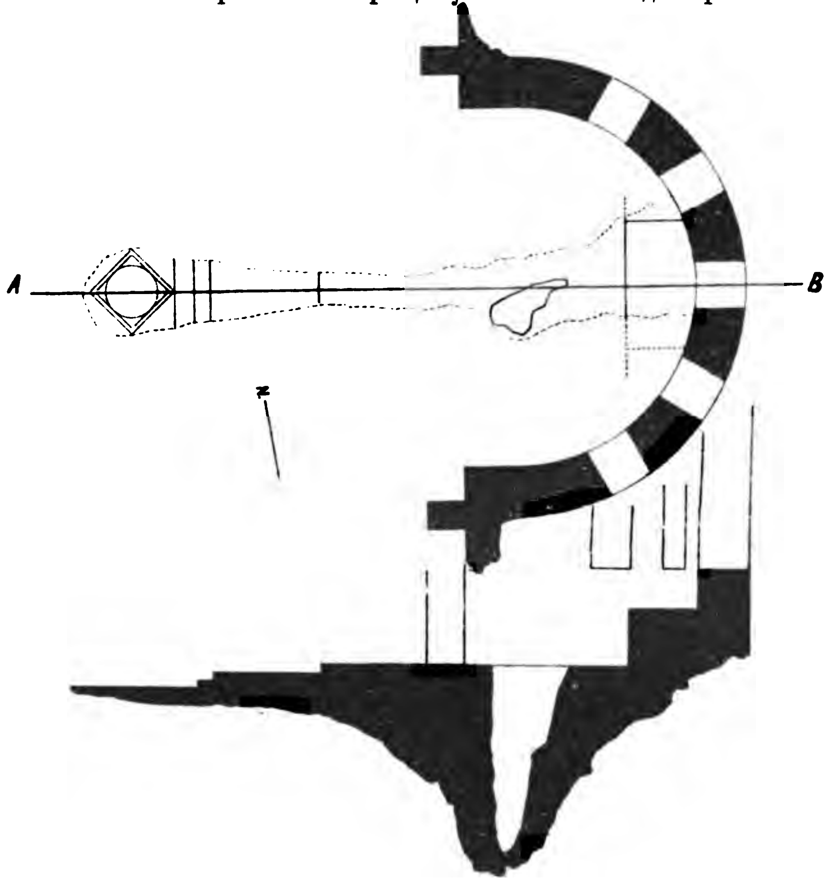

Рис. № 58. (Масшт. $^1/_{200}$).

натуральной или искусственной, для чего очистили ее отъ мусора и земли, но не нашли въ ней никакихъ предметовъ, по которымъ бы можно было судить объ ея цѣли и назначеніи (рис. № 58). Такимъ образомъ нужно остановиться на мысли, что отверстіе въ скалѣ было натуральное. Такъ какъ мы не нашли въ алтарѣ никакихъ остатковъ отъ св. престола, и никакихъ предметовъ богослуженія, то слѣдуетъ думать, что алтарь и все въ немъ заключавшееся разграблено было еще въ отдаленное время. Переходя къ стѣнамъ апсиды, слѣдуетъ упомянуть,

что по всему пространству полукруга шла довольно высокая настилка изъ каменныхъ плитъ. Но были ли здѣсь стасидіи или отдѣльныя сидѣнья для священнослужителей, сказать трудно. Замѣтили мы еще, что въ указанное выше отверстіе въ скалѣ ведетъ небольшой каналъ отъ стѣны апсиды: можетъ быть онъ сдѣланъ былъ для стока воды отъ омовенія рукъ священнослужителями. Въ слоѣ мусора и щебня попадаются между прочимъ обломки большихъ гладкихъ плитъ, служившихъ настилкой въ алтарѣ, и база небольшой колонны. — Въ церкви Симеона Стилита сравнительно легче производить развѣдки и спеціальныя изслѣдованія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что своды апсиды еще не упали и система арокъ, господствующая въ архитектурѣ всей церкви, не дала образоваться въ стѣнахъ церкви такому громадному слою камня и щебня, какое бы необходимо было при сводчатой системѣ или при двускатной крышѣ изъ камня (табл. № 34).

Попытка сдѣлать расчистку въ сѣверномъ крылѣ не привела ни къ какому результату, такъ какъ на глубинѣ полуметра оказался уже материкъ. Въ широкомъ открытомъ дворѣ, гдѣ находится фундаментъ столпа-стилы Симеона, открыто древнее замощеніе изъ каменныхъ плитъ (табл. 35). Въ томъ же ли видѣ сохранилась цистерна, изъ которой мы пили превосходную холодную воду и которая находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колонны? По всей вѣроятности это та же цистерна, которая была и во время Симеона Стилита. Мы могли сдѣлать множество наблюденій и въ деревняхъ и въ оставленныхъ жителями городахъ по отношенію къ системѣ устройства колодцевъ. Часто кругомъ нѣтъ и слѣда человѣческаго пребыванія, вся жизнь замерла, но гдѣ-нибудь около древнихъ развалинъ встрѣчаешь цистерну съ превосходной холодной водой.

Колонна Симеона въ настоящее время имѣетъ на мѣстѣ одинъ громадной величины камень, довольно грубо обдѣланный, на которомъ былъ еще совершенно необдѣланный блокъ, теперь сдвинутый съ своего мѣста, лежащій на грудѣ камней около перваго камня и однимъ краемъ опирающійся на него (см. de Vogüé, op. c. I, p. 149).

Въ книгѣ Де Вогюэ можно найдти подробное описаніе колонны Симеона и рисунокъ камней, служившихъ основаніемъ

для нея. Но конечно много остается неяснымъ по отношенію къ устройству колонны. Описанія жизнеописателей не даютъ представленія ни о томъ, какъ устроенъ былъ входъ, ни о томъ, какъ можно было проводить на колоннѣ цѣлые десятки лѣтъ. Прилагаемыя таблицы восполняютъ до нѣкоторой степени недостатокъ подробныхъ описаній того столпа, на которомъ подвизался Симеонъ. Таблица № 36 представляетъ фотографическій снимокъ съ миніатюры, находящейся въ греческой рукописи евангелія въ библіотекѣ Русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ. Это есть прекрасная рукопись евангелія, писаннаго на пергаментѣ въ 4 долю листа въ XI в. Къ особенностямъ рукописи нужно отнести и то, что въ ней находятся нотные знаки.

Представленная здѣсь миніатюра (Cod. II, fol. 186) изображаетъ св. Симеона на столпѣ въ монашескомъ одѣяніи, съ головою покрытой чернымъ уборомъ и съ руками, простертыми для молитвы. Колонна стоитъ на двухъ большихъ камняхъ, служащихъ основаніемъ, верхъ ея составляетъ расширенная чашеобразная надстройка, въ которой и помѣщался столпникъ. Миніатюра удовлетворительно разрѣшаетъ вопросъ о способѣ сообщенія столпника съ живущими на землѣ людьми. Для этого повидимому служила приставленная къ колоннѣ лѣстница. Въ повѣствованіи объ Ардавуріи и его дружинѣ, какъ мы видѣли, также играетъ роль лѣстница. Вообще нужно думать, что колонна не имѣла внутренняго хода и что лѣстница къ ней приставлялась. — Передъ колонной изображена женская фигура въ молитвенномъ обращеніи къ святому. Это есть иллюстрація одной черты житья св. Симеона. Когда уже онъ прославился на колоннѣ, въ монастырь приходитъ мать его и умоляетъ позволить ей видѣть сына, съ которымъ она не видалась десятки лѣтъ. Симеонъ не разрѣшилъ пустить свою мать въ ограду монастыря, и она умерла передъ входомъ отъ печали. На миніатюрѣ мать представлена передъ колонной, но по житью она не могла видѣть колонны, ибо находилась внѣ ограды.

Таблица № 37 представляетъ столпъ Симеона, какъ онъ изображенъ на одной иконѣ, находящейся въ Андреевскомъ скитѣ на Аѳонѣ. Здѣсь столпъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, что соотвѣтствуетъ описаніямъ его въ житьяхъ. Верхъ также составляетъ чашеобразную придѣлку. Одѣяніе святого

вполнѣ такое-же, какъ на миніатюрѣ; въ правой рукѣ крестъ, лѣвая обращена къ зрителю ладонью.

Сходя съ холма, на которомъ стоитъ монастырь, вступаемъ въ городъ Симеона **(Деиръ Семанъ)**. По всѣмъ вѣроятіямъ этотъ городъ возникъ въ ту же эпоху, что̀ и монастырь; но въ немъ не имѣетъ первоначальнаго значенія то, что стоитъ на первомъ планѣ въ монастырѣ. Городъ Симеона возникъ для потребностей богомольцевъ, здѣсь поэтому нашли себѣ выраженіе обыкновенныя и ежедневныя людскія потребности. Здѣсь мы знакомимся съ системой постройки большихъ домовъ для пріема путешественниковъ; здѣсь мы видимъ широкія террасы, могущія дать помѣщеніе для массъ народа; наконецъ, здѣсь мы находимъ обширныя постройки для обезпеченія водой громаднаго населенія. Само собой разумѣется, и религіозные интересы представлены въ Деиръ Семанѣ не менѣе значительно: здѣсь сохранились остатки трехъ церквей и множество усыпальницъ для погребенія мертвыхъ. Попытаемся разсмотрѣть по порядку памятники Деиръ Семана.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе одно громадное зданіе или лучше цѣлый корпусъ зданій, окруженный колоннадой или галлереей въ три этажа. Оно совершенно ясно характеризуется тѣмъ, что не походитъ на обыкновенныя частныя зданія и должно было имѣть общественный характеръ. Въ серединѣ его имѣется весьма обширная зала, снаружи идутъ галлереи, съ которыхъ открывается прекрасный видъ на окрестности. Съ этимъ зданіемъ соединено было другое съ крытой галлереей въ два этажа. По всей вѣроятности весь этотъ комплексъ зданій и составлялъ гостинницу или страннопріимницу, о которой свидѣтельствуетъ надпись, читаемая у de Vogüé, pl. 114, но которой мы уже не нашли. Эта надпись удостовѣряетъ, что гостинница или τὸ πανδοχεῖον построена была въ іюлѣ 479 года. Передъ этимъ зданіемъ терраса, отъ которой сохранилась настилка изъ плитъ.

Но между постройками Деиръ Семана важное значеніе имѣли и церкви. Въ высшей степени интересно было бы рѣшить вопросъ о томъ, какія постройки относятся къ болѣе ранней эпохѣ — тѣ, которыя на горѣ, или тѣ, что подъ горой. По нашему мнѣнію храмъ Симеона на горѣ возникъ позднѣе, чѣмъ монастырскія постройки подъ горой; все за-

ставляетъ кромѣ того принять, что св. Симеонъ, прежде чѣмъ избралъ столпъ для своихъ подвиговъ, жилъ нѣкоторое время въ монастырѣ при подошвѣ холма, т. е. въ нынѣшнемъ Деиръ Семанѣ. На церкви мы обратили и потому вниманіе, что въ книгѣ de Vogüé оказывается странное упущеніе по этому поводу, ибо онъ не упоминаетъ ни одной церкви въ Деиръ Семанѣ. Между тѣмъ нѣкоторый интересъ къ этому предмету возбужденъ былъ сообщеніемъ Клермонъ-Ганно въ 1890 году, напечатаннымъ въ Comptes-Rendus de l'Académie des Inscr. et Belles lettres, 4 série t. XVIII p. 178—179 и повтореннымъ въ 1896 г. въ сочиненіи Jullien, Sinai et Syrie (Lille, Société de S. Augustin), p. 259. Именно сообщалось, что въ одной изъ церквей Деиръ Семана сохранилась прекрасная мозаика изъ цвѣтнаго мрамора на бѣломъ полѣ съ геометрическимъ орнаментомъ, цвѣтами и съ греческой надписью, что мозаика находится въ полу противъ алтаря. Само собой разумѣется, предстояло провѣрить указанное сообщеніе и заняться мозаикой, хотя какъ видно изъ описанія, здѣсь нельзя было ожидать какой-либо оригинальной композиціи.

Въ Деиръ Семанѣ сохранилось три церкви. Отмѣченная у Клермонъ-Гано и г. Жюльена церковь съ мозаичнымъ поломъ находится въ западномъ направленіи и поэтому мы будемъ называть ее *западная церковь*. — Это небольшая базилика въ 17,55 м. длины и 8,20 м. ширины, весьма хорошо сохранившаяся (таблица № 38, планъ на табл. № 40, C) и представляющая ту особенность, что главная апсида имѣетъ квадратную форму, равно какъ и боковыя. Къ сожалѣнію эта изящная базилика служитъ въ настоящее время загономъ для скота, наполнена навозомъ и нечистотами. Мы приняли мѣры къ расчисткѣ церковнаго пола, причемъ еще разъ могли убѣдиться въ печальномъ фактѣ быстраго уничтоженія археологическихъ памятниковъ на Востокѣ. Оказалось, что мозаика вообще выцарапана и что остались на мѣстѣ только слѣды цемента для утвержденія мозаичныхъ частей. О надписи нѣтъ и помину. При дальнѣйшемъ продолженіи работъ по очисткѣ храма выяснилось, что мозаика погибла именно въ той части, которая открыта была о. Клермонъ-Ганно, но что нѣсколько ближе къ алтарю сохранилась часть той же мозаики (табл. № 39). Вотъ что можно было отмѣтить послѣ очистки отъ земли этого мѣста. На бѣломъ фонѣ идетъ бордюръ, за нимъ слѣдуетъ другой съ меандромъ и

растительнымъ орнаментомъ. Въ рамкѣ, образуемой двумя указанными бордюрами, и заключалась мозаика, покрывавшая весь полъ. Въ той части мозаики, которая ближе къ алтарю, находимъ орнаментъ изъ цвѣтовъ, въ слѣдующемъ затѣмъ квадратѣ представленъ геометрическій орнаментъ. По всей вѣроятности, здѣсь былъ медаліонъ и въ немъ надпись, безъ слѣда утраченная По аналогіи сохранившейся части нужно полагать, что западная часть мозаики, ближе ко входу въ церковь, занята была полосой цвѣтовъ. Изъ середины церкви мозаика шла въ среднюю и въ боковыя апсиды. При работахъ въ этой церкви былъ найденъ стеклянный флакончикъ и замѣченъ саркофагъ (рис. № 59), мѣсто котораго показано на Табл. 40, С; кромѣ того

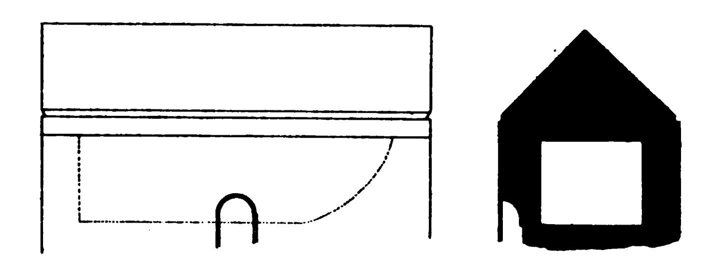

Рис. № 59. (Масшт. 1/40).

обнаружена куфическая надпись. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь будетъ подвергаться уничтоженію и эта послѣдняя часть мозаики, такъ что лѣтъ черезъ пять отъ мозаичнаго пола не останется и слѣда.

Вторая церковь (Табл. № 40, А), тоже хорошо сохранившаяся за исключеніемъ сѣверной стѣны, часть которой обвалилась, находится на сѣверозападѣ. Главная апсида имѣетъ обыкновенную полукруглую форму, хотя заключена въ квадратномъ ящикѣ церковнаго зданія, и была покрыта полукуполомъ. Церковь состояла изъ трехъ кораблей, раздѣленныхъ колоннами, на которыхъ утверждались полуарки. Какъ показываютъ сохранившіяся на мѣстѣ базы, было по пяти колоннъ съ той и другой стороны. Все пространство внутри церкви покрыто колоннами и капителями. Очень любопытной особенностью слѣдуетъ признать то, что боковыя или малыя апсиды квадратныя, а не полукруглыя. Какъ относительно этой

церкви, такъ и предыдущей слѣдуетъ отмѣтить, что по близости ихъ находятся усыпальницы или зданія для погребенія умершихъ въ видѣ портика и съ нишами, высѣченными въ скалѣ.

Третья церковь (табл. № 40, В.), сѣверовосточная, находящаяся всего ближе къ подножью горы, на которой расположенъ монастырь, по своему плану совершенно походитъ на сѣверозападную церковь. Точно также три корабля, точно также большая средняя апсида полукруглая, а боковыя квадратныя. На мѣстѣ сохранились базы колоннъ, по четыре съ каждой стороны; у сѣверной стѣны этой церкви находится круглая каменная крещальня.

Мы говорили о спеціальныхъ зданіяхъ при церквахъ, предназначенныхъ для погребенія. Имѣя въ виду, что въ Деиръ Семанѣ оказывается весьма много погребальницъ, слѣдуетъ думать, что здѣсь погребались не только постоянные жители этого священнаго убѣжища, но главнымъ образомъ пришлые изъ разныхъ мѣстъ богомольцы. По обширности размѣровъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе мѣсто погребенія, устроенное въ скалѣ при спускѣ съ холма. Эта усыпальница въ два этажа высѣчена въ скалѣ, такъ что въ ней были погребенія надъ землей, въ верхнемъ этажѣ, и ниже земли, въ скалѣ. Въ нижнемъ этажѣ высѣчены ниши въ скалѣ, и въ каждой отдѣльныя мѣста погребеній (табл. № 41).

Наконецъ, слѣдуетъ остановиться вниманіемъ на огромныхъ постройкахъ и приспособленіяхъ для обезпеченія населенія водой. Сюда относится громадныхъ размѣровъ цистерна, сдѣланная по всѣмъ правиламъ римской техники. Она состоитъ изъ ряда колоннъ, на которыя опирается архитравъ. Разстояніе между колоннами около 2 метровъ, въ рядъ идетъ три колонны. Какъ можно судить на глазомѣръ (цистерна хотя теперь и безъ воды, но довольно глубока, до 5 саженъ), цистерна имѣетъ до 108 кв. метровъ. Повидимому, вода отсюда сообщалась посредствомъ подъемнаго снаряда по всему городу. Для этого служила система каменныхъ столбовъ или пилястровъ, на которыхъ лежали, а частію и теперь еще лежатъ, каменныя плиты, снабженныя углубленіями, по которымъ текла вода въ разныя части города, имѣя отдѣльные проводы и въ частные дома. Систему водопровода подобнаго рода мы замѣтили только въ св. городѣ Симеона. Таковы сдѣланыя нами

наблюденія въ монастырѣ св. Симеона, гдѣ мы провели 4 дня (Табл. № 42).

Шейхъ Баракатъ (Cheikh Barakât). Километрахъ въ 10 отъ монастыря Симеона Столпника, на вершинѣ одного изъ холмовъ той же цѣпи горъ (Джебель Семанъ), на которой расположенъ и названный монастырь, находится мусульманское святилище — шейхъ Баракатъ. По живописности положенія мѣсто это можетъ поспорить съ христіанскимъ монастыремъ; но оно заслуживаетъ вниманія еще и потому, что здѣсь, какъ оказывается, было древнее языческое святилище, собиравшее массы богомольцевъ и привлекавшее къ себѣ религіозное чувство значительной части сирійской области. Это можно заключать по остаткамъ громадныхъ сооруженій на вершинѣ холма, гдѣ теперь находится жалкое текэ Шейхъ Бараката, по множеству лежащихъ тамъ и сямъ мраморныхъ обломковъ и, наконецъ, по фундаментамъ грандіозныхъ сооруженій. Все это въ настоящее время заброшено, поросло травой и кустарникомъ и представляетъ лишь слѣды бывшаго здѣсь когда-то религіознаго памятника. Если принять въ соображеніе, что бывшее здѣсь языческое святилище, надписи котораго относятся къ I—II в. христіанской эры, очевидно уступило мѣсто великолѣпному монастырю и обширному храму на нынѣшнемъ Калатъ-Семанѣ, то мѣстность шейхъ-Баракатъ можетъ имѣть въ нашихъ глазахъ особый интересъ съ точки зрѣнія смѣны культовъ на томъ же самомъ мѣстѣ: языческій, христіанскій и магометанскій культъ смѣняютъ одинъ другой съ той существенной разницей, что приверженцы перваго и второго культа созидали и насаждали, между тѣмъ какъ мусульмане, владѣтели страны, не оставили здѣсь кромѣ жалкаго текэ никакихъ слѣдовъ своего пребыванія.

Остатки древнихъ сооруженій въ шейхъ Баракатѣ и находимыя тамъ надписи въ недавнее время были предметомъ изслѣдованія о. Клермонъ-Ганно, помѣстившаго небольшую статью въ своихъ Etudes d'archéologie orientale, t. II, p. 35—54 (=Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes fasc. 113, Paris, 1896) подъ заглавіемъ Les inscriptions du Cheikh Barakât. Клермонъ-Ганно отмѣтилъ здѣсь 8 надписей, изъ нихъ три напечатаны въ C. I. G.

Уже статья наша была напечатана, когда въ журналѣ Hermes 1-es Heft (Berlin 1902), мы ознакомились съ сочиненіемъ *Prentice*,

Heiligthum auf dem Djebel Schêkh Berekât. Это результатъ изученія Шейхъ Бараката американской экспедиціей. Авторъ останавливается на разборѣ 8 надписей, которыми устанавливается фактъ постройки стѣнъ вокругъ святилища разными лицами. Но, какъ можно убѣдиться изъ послѣдующаго, американская экспедиція не исчерпала надписи на Шейхъ Баракатѣ.

Несомнѣнно, слѣдуетъ поспѣшить съ тщательнымъ изученіемъ остающихся еще здѣсь памятниковъ. Они разбросаны по всему холму, служатъ для ограды, для цистерны, для воротъ или валяются безъ всякаго употребленія и могутъ быть легко уничтожены первымъ пастухомъ или феллахомъ. Мѣстность, покрытая развалинами и обломками, есть довольно обширная площадь, окруженная стѣнами, отъ которыхъ впрочемъ сохранились лишь основанія (нужно думать, матеріалъ увезенъ или въ Калатъ Семанъ, или въ Деиръ Семанъ) и въ разныхъ мѣстахъ колонны и капители. Опредѣленіе количества сохранившихся надписей весьма затруднительно, ибо ихъ нужно искать въ разныхъ мѣстахъ на довольно значительной площади.

Въ словарѣ грекоримскихъ древностей, издаваемомъ *Daremberg et Saglio,* 26-me fascicule, p. 700 (s. v. Iupiter), сказано объ имени занимающаго насъ старосирійскаго божества: le nom du dieu n'a pas encore été complétement déchiffré, quoiqu' on possède un bon nombre de dédicaces, où il parait.

Такъ какъ большинство надписей суть посвятительныя въ честь главныхъ божествъ, то предстояло отыскать такую изъ неизданныхъ еще надписей, въ которой бы чтеніе божества не представляло сомнѣнія.

Таковъ, напримѣръ, фрагментъ длиной 0,52 м. и шириной 0,43 м., находящійся въ полѣ. Здѣсь чтеніе имени божества совершенно не подлежитъ спору

ΔΙΙΜΑΔΒΑΧ[ΩΚΑΙΣΕΛΑΜΑΝΕΙ]
ΔΙΟΓΕΝΗΣ . μετὰ
ΤΟΥΑΔΕΛΦ[ΟΥ εὐσε-
ΒΟΥΣΘΕΟΦΙ[ΛΟΥ Θεό
ΦΙΛΟΣΚΑΙΣ ἐκτι-
ΣΑΝΕΚΤΩ[ΝΙΔΙΩΝ
ΔΡΑΧ̄ΨΔ/
ΤΟΥΠΕΡΙ[βόλου

Надпись на громадномъ каменномъ блокѣ въ стѣнѣ, длиной 1,70 м., шириной 0,50. Эта надпись издана и прочитана правильно у Ганно. Не читается лишь въ первой строкѣ только одна буква, слѣдующая послѣ М, но не подлежитъ сомнѣнiю, что здѣсь должно быть А, т. е. нужно читать

ΔΙΙΜΑΔΒΑΧΩΚΑΙΣΕΛΑΜΑΝΕΙ

На архитравѣ, вдѣланномъ въ загородку, ведущую въ усыпальницу Шейха, была надпись изъ трехъ строкъ, которыя почти совсѣмъ выкрошились и вывѣтрились, за исключенiемъ начальныхъ словъ ΔΙΙΜΑΔΒΑΧΩ.

Вообще о надписяхъ на горѣ Шейхъ-Баракатъ слѣдуетъ сказать, что онѣ попадаются не только въ стѣнахъ ограды, но также и въ полѣ, и что по содержанiю онѣ всѣ посвятительныя: приношенiя и пожертвованiя въ честь божества. Хотя чтенiе ихъ въ большинствѣ весьма затруднительно, но однородность содержанiя значительно облегчаетъ пониманiе и испорченныхъ строкъ и словъ. Многiя уже разбиты на части и остаются на мѣстѣ лишь фрагменты, таковъ отрывокъ

ΟΜΝΟΥΤΟΥΘΕ	Δ]όμνου τοῦ Θε-
ΡΙΒΟΛΟΥΤΟΥ	πε]ριβόλου τού[του
ΝΔ. ΙΔΟΕΤΟ	ἰ]νδ. ιδ' ἔτο[υς
ΠΙΚΤΙϹΑϹΚΑΙΑ	ἐ]πικτίσας καὶ ἀ...
ΕΟΙΓΚΑΡ... ΑΥ	

Изъ предыдущаго можно убѣдиться, что имя божества слѣдуетъ читать ΜΑΔΒΑΧΟΣ. Кромѣ того нельзя не обратить вниманiе на то, что почти всегда Μαδβάχος стоитъ въ надписяхъ рядомъ съ Σελαμανεύς или Σελαμανής — двоица, представлявшая обожествленiе солнца и луны.

Весьма любопытно здѣсь отмѣтить, что культъ Симеона Столпника, смѣнившiй въ этой части Сирiи обожанiе Мадваха и Селаманея, не лишенъ до нѣкоторой степени элементовъ старой вѣры языческихъ сирiйцевъ въ солнце и луну. Въ высшей степени интересно, что эта черта отмѣчена у церковнаго писателя Евагрiя (ed. Bidez, p. 24; cp. Vita s. Simeonis, Acta Sanct. Ianuarii, I, col. 285), который сообщаетъ слѣдующее: „По лѣвую сторону колонны въ окнѣ я самъ видалъ со всѣмъ находившимся тамъ народомъ, когда крестьяне водили вокругъ колонны хороводы, огромную звѣзду по всему окну пробѣгавшую

и дававшую лунный свѣтъ, и это не разъ и не два, и не три, но часто: померкнетъ и потомъ сново неожиданно появится. Это наблюдается только въ дни памяти святого. Нѣкоторые же говорятъ — и нельзя не оказывать вѣры этому чудесному разсказу какъ по совершенной благонадежности повѣствующихъ, такъ и по соображеніи всего, что мы видѣли, — что и самое лицо его видывали тамъ и здѣсь появляющееся, борода у него длинная, и голова покрыта колпакомъ, какой онъ имѣлъ обыкновеніе носить."

Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь перемѣшалось поклоненіе христіанскому святому съ обожаніемъ луны, и что τεθέαμαι... ἀστέρα ὑπερμεγέθη κατὰ πᾶν τὸ κλειθρίδιον διαθέοντά τε καὶ σελαγίζοντα и слѣдующія за тѣмъ слова: τὸ προσωπεῖον αὐτοῦ τεθέανται ὧδέ τε κἀκεῖσε περιπτάμενον — эти выраженія относятся къ лунѣ. Нужно думать, что въ связи съ тѣми же старыми вѣрованіями нужно объяснять вышеуказанное извѣстіе, находящееся у историка Θеодорита (Patrol. Cursus Compl., ser. graeca, t. LXXXII, col. 1473), по которому изображеніе Симеона Столпника обыкновенно ставилось во всѣхъ мастерскихъ, какъ охрана и защита: φασὶ γὰρ ὡς ἐν ἅπασι τοῖς τῶν ἐργαστηρίων προπυλαίοις εἰκόνας αὐτῷ βραχείας ἀναστῆσαι, φυλακήν τινα σφίσιν αὐτοῖς καὶ ἀσφάλειαν ἐντεῦθεν πορίζοντας.

Во время стоянки каравана въ монастырѣ мы дѣлали *поѣздки въ окрестности*. Селеніе **Катура** съ развалинами древнихъ зданій и съ весьма оргинальными надгробными памятниками; двѣ высокія колонны, сверху соединенныя архитравомъ, и стоящія на квадратномъ зданіи съ входомъ въ подземное помѣщеніе для погребенія; надъ входомъ надпись, свидѣтельствующая, что памятникъ принадлежитъ Эмилію Ригину (195 г.). Другой памятникъ въ честь Исидора (222 г.). Рисунки изданы у de Vogüé, pl. 94, надписи у Waddington'a.

Близь Катуры находится весьма интересная долина (Намусь-ель-Моаллакъ), представляющая множество погребальныхъ пещеръ. Особенность этой долины еще въ томъ, что въ скалѣ сохранилось множество рельефныхъ изображеній, представляющихъ весьма впрочемъ обычныя сцены надгробныхъ стелъ, но такъ какъ рельефы и надписи подъ ними ничѣмъ не защищены отъ дождей и вѣтровъ, то они весьма пострадали и не могутъ

имѣть научнаго значенія. Здѣсь же по близости находится пещера съ двуязычной надписью, изданной у Waddington, n. 2699.

Рефади. Особенный интересъ имѣютъ здѣсь частные дома и погребальницы. Надъ воротами домовъ, а также надъ окнами — розетки или извѣстная христіанская монограмма, или медаліонъ, исполненный геометрическими фигурами. Около домовъ галлерея изъ ряда колоннъ. Капители просты, но весьма изящны (у de Vogüé, pl. 110, 111).

Въ нѣкоторыхъ домахъ крестъ изображенъ въ медаліонѣ на большомъ камнѣ (рис. 60 и 61) и окруженъ сложнымъ растительнымъ орнаментомъ. Въ одномъ домѣ весьма счастливо сохранилась галлерея съ шестью колоннами, стоявшими на мѣстѣ.

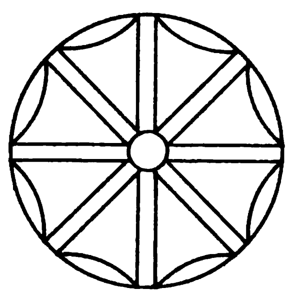

Рис. № 60.

Рис. № 61.

Очень также рѣдкая особенность, что здѣсь сохранилась на своемъ мѣстѣ преграда, т. е. каменныя обдѣланныя плиты между колоннами съ орнаментомъ и различными христіанскими изображеніями (de Vogüé, pl. 110). Громадныя плиты лежатъ и понынѣ на архитравахъ надъ колоннами, служа крышей зданія. Другой небольшихъ размѣровъ частный домъ съ хорошо сохранившимся портикомъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для характеристики домашней жизни сирійскаго общества отъ IV до VII в. Здѣсь же обращаютъ на себя вниманіе подземныя погребальницы, устроенныя съ соблюденіемъ высокой техники. Надъ входомъ надпись, встрѣчающаяся не рѣдко ἰχθὺς Ἰησοῦς Χριστός; на одномъ изъ пилястровъ внутри пещеры надпись, тоже часто повторяющаяся: εἷς θεὸς καὶ..., остальное вытерто.

Въ 35 минутномъ разстояніи находится деревня **Тызре**, въ которой сохранились черты древнехристіанской жизни. Въ одномъ изъ частныхъ домовъ на нижнемъ камнѣ полуарки встрѣчаемъ крестъ въ причудливой орнаментаціи; на дверяхъ

одного дома находимъ крестъ весьма рѣдкой формы, т. е. безъ всякихъ украшеній и четырехконечный. Частные дома — съ портиками и въ два или три этажа. На второмъ этажѣ между колоннами стоятъ на своемъ мѣстѣ плиты (преграды), иногда съ волютами и другими украшеніями.

Нѣсколько остатковъ древностей нашли мы въ селеніи **Ассе.** Въ стѣнѣ частнаго дома сохранился саркофагъ съ барельефомъ (длиной 1,37, высотой 6,30 м.). Очистивъ съ него слой грязи, мы могли прочесть нѣсколько словъ:

νειχη - σεληνη - ε

δ]εσπύτης ἐν πολλοῖς εὐ

. . . δ]εσποτῶν χα . . . (Табл. № 43).

Надъ деревней крѣпость того же имени (древняя Артесія), по всей вѣроятности камни съ надписями происходятъ изъ этой крѣпости. На улицѣ камень, на которомъ читается надпись. (Рис. № 62).

ΟΥΑΛΘЄ
ΙΧΘ
Β
ЄΒΟΥΛ

Рис. № 62.

Въ сѣверной Сиріи, между монастыремъ св. Симеона и Антіохіей, привлекаетъ къ себѣ вниманіе замѣчательный изъ мертвыхъ городовъ **Дана.** Судя по остаткамъ большихъ сооруженій и главнѣйше по устройству пещеръ для погребенія умершихъ, слѣдуетъ думать, что Дана была густо населеннымъ пунктомъ. Точно также и на поверхности земли сохранившіеся памятники указываютъ на важное значеніе города. Таковъ прекрасный памятникъ въ видѣ греческаго храма: четыре колонны на квадратномъ постаментѣ, капители связаны архитравомъ. На кровлѣ, въ смыслѣ архитектурнаго украшенія, родъ саркофага съ пирамидальнымъ завершеніемъ (см. de Vogüé, pl. 93). Такова же обширная цистерна, высѣченная въ скалѣ, съ 5 пилонами въ длину и 3 въ ширину. Она была приготовлена для снабженія водой значительно населеннаго мѣста.

Какъ большинство сирійскихъ городовъ, Дана скрываетъ главный археологическій интересъ подъ поверхностью земли. Такова прежде всего прекрасно сохранившаяся пещера, высѣченная въ скалѣ. На присоединенномъ ниже планѣ входъ въ

пещеру (рисунокъ пещеры № 63) отмѣченъ буквой А. Отсюда идетъ спускъ, постепенно расширяющійся и приводящій къ дверямъ, ведущимъ въ довольно обширное закрытое помѣщеніе. Это центральная подземная камера, стѣны и своды которой покрыты штукатуркой и вслѣдствіе сухости преврасно сохранились. При всѣхъ стараніяхъ намъ не удалось открыть на стѣнахъ ни рисунка, ни надписи и ни одной эмблемы. Изъ этой камеры ведутъ отдѣльные входы въ три боковыя помѣщенія. Въ каждомъ изъ послѣднихъ устроено по три отдѣленія въ стѣнахъ

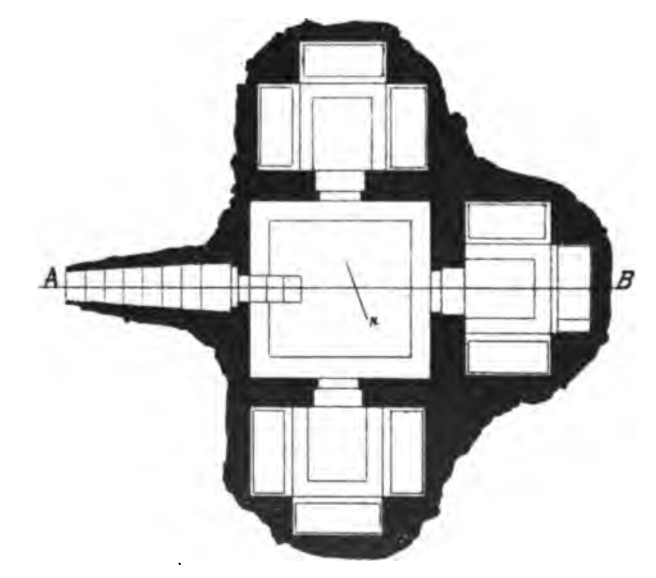

Рис. № 63. (Масшт. 1/200).

Рис. № 64.

для погребенія умершихъ и въ каждомъ отдѣленіи находится по саркофагу. Всѣ помѣщенія оказываются въ большой сохранности, стѣны чистыя съ твердымъ слоемъ штукатурки.

Частные дома всѣ построены изъ тесанаго камня. Въ стѣнахъ домовъ можно иногда видѣть большія плиты, очевидно взятыя изъ древнѣйшей постройки. Такую древнѣйшую и монументальную постройку можно бы указать въ остаткахъ башни, находящейся по близости, равно какъ въ присутствіи громадныхъ каменныхъ блоковъ, лежащихъ въ разныхъ мѣстахъ подъ кучами щебня.

На одномъ изъ большихъ обдѣланныхъ камней, прежде составлявшихъ часть фронтона, и нынѣ находящемся на мѣстѣ, которое слыветъ подъ именемъ бурга или кремля, сохранилась надпись: εἷς Θεὸς καὶ ὁ Χριστὸς αὐτοῦ καὶ τὸ Ἅγιον πνεῦμα βοήθη (вм. ει) ... ἔτους ϐλφ̄ μ(ηνὸς) Γορπιέου κζ̄ ἰνδικ(τιῶνος) ζ́ †

Эта надпись издана у Ваддингтона подъ n. 2689. Къ сожалѣнію въ ней не сохранилась та часть, гдѣ должно было стоять имя, — на бордюрѣ камня послѣ βοήθει:

Т
Ш
В
О
С
⋮

Прочитать это имя не удалось и намъ, но надпись заслуживаетъ по нашему мнѣнію вниманія. Она датирована 483 годомъ и относится къ періоду господства монофизитскаго вліянія въ этой мѣстности и кромѣ того камень съ надписью, какъ сейчасъ увидимъ, лежитъ на мѣстѣ полуразрушенной церкви.

Посвятивъ нѣсколько вниманія этой мѣстности и посѣтивъ лежащія здѣсь жалкія и грязныя хижины бедуиновъ, я имѣлъ возможность убѣдиться, что тутъ находилась обширная христіанская базилика. Между прочимъ оказались колонны на мѣстѣ первоначальнаго ихъ нахожденія и по нимъ можно было составить понятіе о направленіи главнаго корабля и о мѣстѣ апсиды. Около южной апсиды найдена надпись, которая и сама по себѣ уже составляетъ прекрасное доказательство, что мы находимся здѣсь въ стѣнахъ христіанской церкви. Съ большимъ трудомъ, постепенно переходя изъ двора крестьянской хижины въ прилегающую къ ней конюшню, мы могли возстановить части базилики, которая имѣла три, если не пять кораблей. Тутъ же, въ хлѣвѣ, мы были вознаграждены открытіемъ части

надписи, продолженіе которой оказалось замаскированнымъ позднѣйшей каменной постройкой. Вотъ что удалось прочесть на камнѣ, высотой въ 0,61 м., длиной въ свободной его части въ 1,70 м.

† ΑΓΙΑΜΑΡΙΑΠΡΟϹΔЄΞЄΤΗΝΔЄΗϹΙΝΠΟΝΗϹΑΝΤ . .
ΦΟΡΗϹΑΝΤѠΝΚΑΙΚΤΙϹΑΝΤѠΝΑΓΙΟΝΟΙΚΟΝϹΟΥ
ΙΝΔ. ϹЄΠΤ.

ἁγία Μαρία πρόσδεξαι τὴν δέησιν πονησάντ[ων . .
καρπο]φορησάντων καὶ κτισάντων τὸν ἅγιον οἶκον σου
. . . . . ἰνδ(ικτιῶνος) σεπτ(εμβρίου)

Такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что здѣсь былъ обширный храмъ въ честь Богородицы. Судить о времени его постройки мы не можемъ, такъ какъ хронологія надписи закрыта мусульманской придѣлкой, кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что надпись значительно попорчена, какъ то показываютъ полустертые и испорченные христіанскіе символы: крестъ, розетка и проч. Можно впрочемъ съ увѣренностью относить постройку этого храма къ V-му вѣку, какъ сейчасъ это будетъ доказано.

Продолжая изслѣдованія въ той же мѣстности, мы имѣли удовольствіе сдѣлать еще находку, относящуюся также къ этому храму. Таковъ камень съ надписью, найденный въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ:

† ΧΡΤЄΒΟΗΘΙϹΟΝΠΑϹΙΝΑΝΑΝЄѠϹΑϹ
ЄΥϹЄΒΙΟϹΜΑΡΓΗΜΙϹȢ.ΙΠΡ
ΓΛ
ΤȢ
ΒΜΦ
ЄΤΟϹ

Χριστὲ βοήθησον πᾶσιν. Ἀνανεώσας
Εὐσέβιος μὰρ Γημισοῦ . . . . . τοῦ βμφ (542) ἔτους

Эта надпись сообщаетъ уже болѣе значительный матеріалъ, чѣмъ вышеприведенная, — здѣсь имѣемъ строителя и хронологію. Но прежде всего слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно нѣкоторыхъ словъ.

Μαρ Γημισοῦ. Что касается реченія Μαρ, оно относится, къ спеціально арабской терминологіи и обозначаетъ почетное

званіе, прилагаемое къ духовнымъ лицамъ, — см. напр. Joannis episcopi Ephesi Commentarii, ed. Van Douwen: p. 3 – Mar Dada, p. 185 – Mar Samuel; и Gregorii Barhebraei, chron. ecclesiast. I: p. 470 – Mar Dionysius, p. 776 – Mar Barsumae. Нѣсколько сложнѣй вопросъ о чтеніи Γημισοῦ: нѣтъ сомнѣнія, что идетъ рѣчь о мѣстномъ имени и что такъ назывался на греческомъ языкѣ одинъ изъ сирійскихъ городовъ. Сирійская и арабская форма Hims и Homs для нынѣшней Емесы (*Reinaud,* Géographie d'Abulféda, s. v.) вполнѣ могутъ объяснить греческую форму Γημισός. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь чтеніе Маръ Емесы. Послѣ того въ надписи слѣдуютъ эпиграфическіе знаки и затѣмъ четыре буквы написанныя вязью, которыя мы всего легче объяснили бы въ смыслѣ μητροπολίτου. Хронологія 542 несомнѣнно мѣстная, антіохійская; переведя на общеупотребительную христіанскую (отнимая 49), получаемъ 493 годъ возобновленія храма Маръ Евсевіемъ.

Если мы правильно раскрыли слова писанныя вязью, то нужно бы считать возобновителемъ храма Евсевія митрополита Емесскаго. Но такого имени нѣтъ у Лекьена. Кромѣ того вообще трудно допустить, чтобы Емеса была въ древности митрополіей.

Указанныя находки, полученныя въ Данѣ, могутъ свидѣтельствовать о важности этой мѣстности въ археологическомъ отношеніи. По всей вѣроятности здѣсь былъ значительный центръ христіанскаго культа; въ концѣ V вѣка нѣкто Маръ Евсевій возобновилъ здѣсь церковь во имя Богоматери.

Остатки громаднаго церковнаго сооруженія замѣтны и въ другихъ постройкахъ въ Данѣ. Такъ мы видѣли въ стѣнѣ частнаго дома громадной величины блокъ, дл. 2 м., выш. 0,55 м. и толщ. 0,45 м., прежде бывшій архитравомъ, на которомъ была надпись, теперь значительно пострадавшая, и христіанскія эмблемы:

Здѣсь снова имѣемъ хронологію (598 г.), указывающую повидимому на половину 6 вѣка (= 549 г.). Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что въ Данѣ была большая церковностроительная дѣятельность въ шестомъ вѣкѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ здѣсь нужно полагать епископскій городъ.

Въ часовомъ разстояніи отъ Даны находится селеніе **Сармеда.** Здѣсь также главное вниманіе обращаютъ на себя подземныя помѣщенія для мертвыхъ и прекрасный мавзолей — двѣ соединенно стоящія колонны на одномъ постаментѣ, но на двухъ базахъ (de Vogüé, pl. 93). Есть и надпись, но она совершенно выкрошилась. У Ваддингтона она приведена подъ № 2687, но въ такомъ видѣ, что изъ нея ничего нельзя почерпнуть. Для характеристики христіанской культуры въ этой мѣстности интереснѣй нѣсколько наблюденій, сдѣланныхъ нами при осмотрѣ отдѣльныхъ домовъ. Такова надпись на перекрытіи двери на громадной плитѣ длиной 2,55 м., высотой 0,50 м. и толщиной 0,30 м.:

ЄICΘЄOCKAIOXPICTOCÁΥΤΟΥ
ЄΤΟΥC ЧΤ т. е. 390 (= 341) г.

Могла конечно эта надпись быть при входѣ и въ частный домъ, какъ показываютъ примѣры; но здѣсь мы предполагаемъ, судя по величинѣ ея (2 м. съ половиной), что она служила карнизомъ общественнаго учрежденія, т. е. храма. Далѣе, на дверяхъ частнаго дома камень (длиной 0,75 м., выс. 0,37 м.) съ надписью:

ЄIHCOΛЄIC

Камень возлѣ колодца съ надписью, отъ которой впрочемъ сохранилось мало

. . PONNAON
CЄNЄΞIΔIω

Несомнѣнно однако изъ приведенныхъ словъ [ἱε]ρὸν ναὸν .. [ἔκτι]σεν ἐξ ἰδίων [ἀναλωμάτων], что здѣсь имѣемъ остатокъ надписи строителя храма. Подобный же камень и также со слѣдами надписи видѣли мы въ саду феллаха

. . ΤΟΥЄVΛAB . . . ΟΥΠAPAMAN . . . .

Подъ надписью медаліонъ съ орнаментомъ, подобный которому мы видѣли на колоннѣ въ Калатъ-Семанѣ.

На пути между Алеппо и Антіохіей, въ области весьма богатой остатками городовъ и древнихъ поселеній, есть мѣстность, носящая названіе **Kasr-el-Bénât.** Здѣсь сохранились развалины нѣсколькихъ древнихъ зданій и между прочимъ базилики, отъ которой остались на мѣстѣ апсида и западная стѣна съ пилонами, поддерживавшими высокія арки. Сохра-

нилось на мѣстѣ также нѣсколько базъ колоннъ. Преданіе усвояетъ этимъ развалинамъ значеніе женскаго монастыря. (Табл. № 44).

По близости отъ этихъ развалинъ находится интересный памятникъ — это начертанная на скалѣ надпись. Хотя она читается въ C. I. G. № 8650, но издана здѣсь въ такомъ жалкомъ видѣ, что новое ея изданіе является вполнѣ необходимымъ. (Табл. № 45).

Надпись сдѣлана на скалѣ, въ рамкѣ, высотою 0,66 м., шириной 0,60 м. Выше этой рамки находится еще гладкая квадратная рамка для надписи, которая оказалась почти совсѣмъ сглаженной, съ большимъ трудомъ удалось прочесть на ней отдѣльныя слова:

AIѠNATO
KPATO
NOCOΥ

изъ которыхъ однако нельзя сдѣлать никакого заключенія.

Чтеніе нашей надписи заключается въ слѣдующемъ:

† κατὰ κέλευσιν
[Ἀξιό]χου τοῦ ἐν-
δοξ(οτάτου) κόμ(ητος) τῆς ἕω
διὰ Ἰωάννου λαμπρ(οτάτου)
καγκελλαρ(ίου) τοῦ Καπ-
ροβαράδε ἐπήχθη τὸ
ὁροθ(έ)σι(ον). Βιζικων
Ἰνδ(ικτιῶνος) ζ′τοῦ ςλχ ἔτους

Предложенное чтеніе сообщаетъ опредѣленный характеръ надписи и даетъ ей важное мѣсто между немногими византійскими надписями, имѣющими историческое содержаніе. Прежде чѣмъ оцѣнивать однако содержаніе памятника, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ.

Строка 2. При помощи эстампажа, фотографическаго снимка и наблюденія начертанія буквъ на самой скалѣ мы могли въ имени комита Востока прочесть еще третью съ конца букву, именно χ, затѣмъ остались непрочитанными начальныя буквы имени, коихъ никакъ нельзя предполагать больше четырехъ. Мы допустили здѣсь буквы ΑΞΙΟ и дали слову чтеніе Ἀξιόχου,

можно бы предложить и чтеніе Ἀξοῦχος хотя отыскать Аксуха на государственной службѣ Византіи въ VI вѣкѣ было бы труднѣй, чѣмъ Аксіоха (см. Zosim., p. $251_{,10}$). Что касается имени другого чина, упоминаемаго въ надписи, здѣсь мы не только стоимъ на вѣрной дорогѣ съ точки зрѣнія чтенія памятника, но кромѣ того, имя Καπροβαράδε, какъ бы оно ни представлялось на первый взглядъ мало обычнымъ, находимъ въ греческихъ памятникахъ. Первая составная часть имени Κάπρος не чужда надписямъ, см. C. I. G. № 3662; вторая часть Βαραδε читается на свинцовой печати въ коллекціи Института № 35 (κύριε βοήθει Κωνσταντίνῳ πρεσβυτέρῳ καὶ κουβουκλησίῳ τῷ Βαράδε) (Рис. № 65).

Рис. № 65.

Но всего важнѣй конечно 6 и 7 строка, совсѣмъ не прочитанная въ C. I. G. Между тѣмъ съ помощью эстампажа и здѣсь удалось намъ получить довольно удовлетворительное разрѣшеніе трудностей. ΕΠΙΧΘΗ, т. е. Ἐπήχθη совершенно гармонируетъ съ первымъ словомъ 7-й строки ὁροθέσιον, т. е. утверждена или положена граница. Между словомъ ὁροθέσιον и слѣдующимъ географическимъ терминомъ Βιζίχων на камнѣ видны черты, о которыхъ трудно сказать, составляютъ ли онѣ эпиграфическій орнаментъ, или же представляютъ крестъ. Что касается хронологіи индиктъ 7, годъ 636, то безъ всякаго сомнѣнія здѣсь нужно видѣть мѣстную хронологію, т. е. или сирійское, или въ частности антіохійское счисленіе. Принимая въ соображеніе указаніе на 7 индиктъ и переводя антіохійское счисленіе на христіанское, мы получаемъ 589 годъ для занимающей насъ надписи. Что касается оцѣнки содержанія нашего памятника, въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе упоминаніе о комитѣ Востока и о канкеларіи какъ двухъ административныхъ органахъ перваго періода Византійской имперіи: comes orientis или κόμης τῆς Ἀνατολῆς или κόμης τῆς ἑῴας — это императорскій намѣстникъ, стоявшій во главѣ всей администраціи, какъ объ этомъ читается у Зосима, ed. Bonn. p. 248: ὁ δὲ (Θеодосій I) κόμητα τῆς ἑῴας πεποίηκεν. αὕτη δὲ ἡ ἀρχὴ βούλεται τὸν προβεβλημένον αὐτῆς ἐφεστᾶναι πᾶσι τοῖς τὰ τῆς ἑῴας ἐπαρχίας ἰθύνουσι καὶ ἐπὶ τοῖς οὐ κατὰ τὸ δέον πραττομένοις εὐθύνειν. —

Второй упоминаемый въ надписи чинъ канкеларія не состоитъ между чинами приказа Comes Orientis (Seeck, Notitia dignitatum, p. 48); можетъ быть, здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать тотъ же чинъ, состоящій въ приказѣ magister officiorum (Notitia dign., p. 145). Во всякомъ случаѣ тотъ чинъ, который по нашей надписи уполномоченъ былъ комитомъ востока *утвердить границу* селенія Визика, не имѣетъ ничего общаго съ канкеларіями, о которыхъ говоритъ *Böcking,* Notitia dign. II., p. 305. — Возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія чтеніе слова ὁροθήσιον на предпослѣдней строкѣ. Въ Thesaurus linguae Graecae находимъ ὁροθεσία и ὁροθέσιον въ смыслѣ designatio terminorum, terminus, limes. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ нашей надписи подразумѣвается актъ постановки пограничнаго знака. Въ C. I. G. n. 8650 надпись истолкована такъ: eo tempore iussu comitis orientis per Ioannem cancellarium pertusa rupe via illa strata est. — Слѣды римской дороги видны по близости, но упоминанія о дорогѣ въ надписи нѣтъ.

Развалины Касръ-эль-Банатъ представляютъ громадный комплексъ зданій, между которыми особенное вниманіе привлекаетъ базилика. На мѣстѣ остались лишь апсида и западная стѣна съ пилонами для высокихъ аркадъ. Базы колоннъ, на которыя опирались арки, сохранились на своемъ мѣстѣ. Вообще нужно предполагать здѣсь значительнный и населенный пунктъ, можетъ быть остатки города.

Гаримъ — пріобрѣтаетъ извѣстность во время завоеванія страны крестоносцами. Цитадель или замокъ выстроенъ на холмѣ и снабженъ сильно укрѣпленными стѣнами, при подошвѣ холма ровъ (Табл. № 46). При нѣкоторомъ вниманіи можно убѣдиться, что матеріалъ для постройки франкской и арабской крѣпости взятъ изъ бывшихъ здѣсь ранѣе византійскихъ строеній, какъ показываетъ напримѣръ обломокъ камня въ одной изъ дверей съ орнаментомъ византійскимъ, или камень въ аркѣ съ византійской надписью, слишкомъ впрочемъ поврежденной, о которой можно развѣ сказать, что она не позже 6-го вѣка.

ЄПА/////

Ч ЄТОС К

Подобные матеріалы, взятые изъ построекъ византійской эпохи, находимъ даже въ стѣнахъ крѣпости, какъ показываетъ

громадная плита съ крестомъ по серединѣ, очевидно бывшая прежде карнизомъ надъ колоннами или надъ воротами.

Антіохія была послѣдній пунктъ нашего путешествія по Сиріи. Нынѣшняя Антіохія представляетъ весьма мало пищи для археолога. Весь старый городъ, находящійся у подошвы горы, по которой шли антіохійскія укрѣпленія, покрытъ мусоромъ и обломками прежнихъ зданій. Чтобы сдѣлать хотя бы одинъ шагъ въ смыслѣ разъясненія топографіи, необходимо начать съ раскопокъ. При постройкѣ новыхъ домовъ, равно какъ при проведеніи канавъ и расчисткѣ новыхъ мѣстъ подъ ограды сплошь и рядомъ находимы бываютъ предметы древности и остатки византійской христіанской культуры. Въ виду этого въ Антіохіи есть довольно интересныя частныя коллекціи. Въ домѣ богатаго землевладѣльца Хаджи Калфа Агазада находится статуя Аѳины-Паллады, недавно найденная. Статуя въ сильно попорченномъ видѣ, такъ какъ отбита нижняя часть лица. У него же видѣли мы архитравъ средневѣкового происхожденія (въ орнаментѣ лилія). За стѣнами города на дачѣ одного частнаго владѣльца, на глубинѣ 1 метра отъ поверхности земли, найдена мозаика, занимающая весьма обширную площадь. Повидимому этой мозаикой изъ мраморныхъ кусочковъ разныхъ цвѣтовъ покрытъ полъ обширнаго зданія. По техникѣ и формѣ мраморныхъ кусочковъ эта мозаика напоминаетъ ту, которую мы видѣли въ монастырѣ Симеона Стилита (Табл. 47).

Тоже самое впечатлѣніе о значительномъ археологическомъ матеріалѣ, скрывающемся въ Антіохіи подъ землей, мы вынесли изъ осмотра мѣста близь мечети Шейхъ Али. Здѣсь при очисткѣ мѣстности подъ новое зданіе были найдены мраморные обломки предметовъ искусства и разные остатки погибшей культуры. Все это складывалось въ кучу какъ матеріалъ для возводимой постройки; тутъ мы нашли: обломки фронтоновъ, стволы колоннъ или части ихъ, карнизы, наличники отъ оконъ и дверей, капители и проч. Мраморные фрагменты откладываются особо, изъ нихъ предполагается приготовлять известь. Въ особенности наше вниманіе обратилъ на себя барельефъ хорошей сохранности, представляющій часть саркофага. Сюжетъ барельефа самый распространенный. На ложѣ возлежитъ умершій, опираясь на лѣвую руку, правую руку онъ простираетъ впередъ по направленію къ женщинѣ, сидящей передъ ложемъ. Между фигурами свободное поле заполнено растительнымъ орнаментомъ. Греческая надпись толкуетъ барельефъ:

ΕΡΜΕΙCΕΡΜΙΟΥ
ΙΟΥΛΙΟΝΤΟΝΥΙΟΝ
ΑΥΤΗCΕCΤΗCΕΑΛΥΠΕΧΑΙΡΕ
ΕΤΟΥCΗΡΛШΟΥ

Ἑρμεῖς Ἑρμίου
Ἰούλιον τὸν υἱὸν
αὐτῆς ἔστησε. Ἄλυπε χαῖρε.
ἔτους ηρ' λώου

Женское имя Ἑρμεῖς встрѣчается въ эпиграфикѣ, см. C. I. G. n. 2664. Употреблено здѣсь мѣстное антіохійское счисленіе, указывающее на 101 годъ христіанской эры. — Эту надпись предполагается ввести въ постройку зданія такимъ образомъ, чтобы буквы не пострадали.

Окрестности Антіохіи несомнѣнно могутъ обѣщать археологическія находки какъ византійской, такъ въ особенности французской эпохи.

Осмотръ антіохійской цитадели чрезвычайно труденъ вслѣдствіе крутого подъема. Слѣдуетъ притомъ же сказать, что старая антіохійская крѣпость находится въ такомъ видѣ упадка и разрушенія, что осмотръ ея не вознаграждаетъ соединенныхъ съ этимъ трудностей и траты времени. Живописный видъ сверху на окрестности, на долину Оронта; панорама старыхъ укрѣпленій вокругъ города.... но это покупается цѣной такого утомленія и страданій отъ холоднаго вѣтра на вершинѣ горы, что совершенно теряется удовольствіе отъ созерцанія блестящей картины!

Въ частныхъ рукахъ мы видѣли нѣсколько интересныхъ археологическихъ предметовъ и весьма жалѣемъ, что владѣльцы ихъ взяли съ насъ слово не называть ихъ именъ. Слѣдуетъ отмѣтить прежде всего прекрасной сохранности моливдовуллъ императрицы Зои. На одной сторонѣ Богородица Оранта, на другой женская фигура въ царскомъ облаченіи съ державой и скипетромъ и кругомъ надпись † ΖΩΗ. Далѣе тоже хорошей сохранности мина: легенда

ΕΤΟΥC Δ
ΔΗΜΟΣΙΑ
ΜΝΑ

Бюстъ съ бородой, два рога изобилія и колосъ, кругомъ надпись ZHNOBIOY. Ближе всего подходитъ къ видѣнной нами двойная мина, изданная въ Catalogue des Bronzes antiques de la Bibl. Nationale par Babelon, p. 690, № 2261, съ тою разницей, что наша круглой формы.

Заканчивая обзоръ памятниковъ, видѣнныхъ нами въ Сиріи, попытаемся бросить общій взглядъ на результаты нашей экспедиціи. Памятники Сиріи не представляются больше новинкой послѣ книги de Vogüé. Послѣе Вогюэ Сирію посѣщали вновь и неразъ и французскіе, и нѣмецкіе ученые, почти въ одно время съ нами тамъ путешествовали американцы. Каждая вновь отправленная въ Сирію миссія находитъ тамъ новые предметы, имѣющіе важный научный интересъ, — уже это служитъ доказательствомъ, сколь обширны и неистощимы археологическія богатства этой страны. Можно думать, что Сирія и еще выиграетъ съ точки зрѣнія археологіи, если съ изслѣдованіями соединятся раскопки, и если въ поле изученія войдутъ и ея мертвые города. Общій характеръ сирійскихъ памятниковъ это есть ихъ оригинальность, которая указываетъ, что здѣсь мы наблюдаемъ особенную культуру, произведеніе духа восточныхъ народовъ. Съ точки зрѣнія всемірной исторіи сирійскіе памятники даютъ своей оригинальностью очень интересный и свѣжій фактъ, подготовляющій, на ряду съ другими подобными, раскрытіе проблемы объ элементахъ, входящихъ въ образованіе византинизма. Монументальные сирійскіе памятники должны быть поставлены рядомъ съ произведеніями литературы и искусства. Литературные памятники, дѣлающіеся извѣстными въ послѣдніе годы, бросаютъ новый взглядъ на событія V и VI вѣковъ. Духовное развитіе Сиріи въ роковую эпоху для западно-европейскаго міра показываетъ многочисленные примѣры высокаго подъема и напряженности. Стоитъ припомнить, какъ много сирійцы участвовали въ разработкѣ тонкихъ и важныхъ догматическихъ вопросовъ и какъ многообразна была литературная производительность въ V и VI в. на сирійскомъ языкѣ, и какъ распространенъ былъ на Востокѣ сирійскій Законникъ. Не менѣе того монофизитское движеніе и всѣ вопросы поднятые вслѣд-

ствіе Халкидонскаго собора свидѣтельствуютъ о сильномъ національномъ чувствѣ, отзывчивости и глубокомъ интересѣ къ требованіямъ совѣсти и вѣрованія. — Остатки мертвыхъ городовъ съ чрезвычайно выразительнымъ религіознымъ характеромъ склада жизни внушаютъ мысль, что Сирія была глубоко проникнута вѣроисповѣдной идеей, и что многочисленнымъ сирійскимъ монастырямъ вполнѣ соотвѣтствуютъ остатки церквей въ мертвыхъ городахъ и селеніяхъ, въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой.

Оглавленіе.

Археологическое значеніе Сиріи и экспедиція Института . . . стр. 93
Бальбекъ (Геліополь) . . . „ 96
Дамаскъ . . . „ 98
Сейдная . . . „ 103
Маалула (Маглула) . . . „ 107
Ябрудъ . . . „ 110
Небкъ . . . „ 111
Кара . . . „ „
Гауаринъ . . . „ „
Маинъ . . . „ 118
Каріатеинъ . . . „ 119
Пальмира . . . „ 120
Сададъ . . . „ 133
Гомсъ (Эмеса) . . . „ 139
Эль-Рестанъ (Аретуза) . . . „ 145
Гама (Епифанія) . . . „ „
Калатъ-Седжеръ (Ларисса) . . . „ 149
Калатъ-Мудикъ (Апамея) . . . „ 150
Гассъ . . . „ 152
Муджелея . . . „ 154
Бетурса . . . „ 155
Серджилла . . . „ „
Эль-Бара . . . „ 159
Деиръ-Санбиль . . . „ 161
Рувейха . . . „ 162
Алеппо . . . „ 163

Бофертинъ . . . . стр. 164
Монастырь св. Симеона Столпника (Калатъ-Семанъ) „ 165
Деиръ-Семанъ . . . . „ 186
Шейхъ-Баракатъ . . . . „ 190
Катура . . . . „ 193
Рефади . . . . „ 194
Тызре . . . . „ „
Ассе (Артесія) . . . . „ 195
Дана . . . . „ „
Сармеда . . . . „ 200
Касръ-эль-Бенатъ . . . . „ „
Гаримъ . . . . „ 203
Антіохія . . . . „ 204

Перечень таблицъ приложенныхъ къ статьѣ Археологическіе памятники Сиріи.

1. Карта экспедиціи Русск. Арх. Инст. въ Константинополѣ.
2. Бальбекъ.
3. Храмъ Юпитера въ Бальбекѣ.
4. Складень.
5. Τὸ πᾶσα πνοή.
6. Платъ, вышитый золотомъ.
7. Монастырь въ Маалулѣ.
8. Пещера въ Маалулѣ.
9. Гауаринъ.
10. Апсида церкви въ Гауаринѣ.
11. Апсида церкви въ Гауаринъ съ базами колоннъ.
12. Пальмирскій бюстъ.
13. Башня въ Пальмирѣ.
14. Пальмирскій саркофагъ.
15. Пальмирскіе бюсты.
16. Колоннада и палатки Русской экспедиціи.
17. Рождество Христово.
18. Страшный Судъ.
19. Фреска въ Сададѣ.
20. Маръ Северъ.
21. Маръ Іаковъ.
22. Башня въ Гомсѣ.
23. Укрѣпленіе въ Ларисcѣ.
24. Саркофагъ въ Гассѣ.
25. Гробница въ Гассѣ.

26. Ворота въ Гассѣ.
27. Мозаика въ термахъ въ Серджиллѣ.
28. Часть мозаики въ Серджиллѣ.
29. Домъ съ изображеніемъ агнца въ Серджиллѣ.
30. Типъ частнаго дома.
31. Монастырь Симеона Стилита. Общій видъ.
32. Видъ южныхъ воротъ монастыря Симеона Столпника.
33. Часть мозаичнаго пола.
34. Главная апсида.
35. Восьмиугольный дворъ монастыря.
36. Миніатюра XI в. съ изображеніемъ столпа Симеона.
37. Столпъ Симеона на иконѣ.
38. Западная церковь въ Деиръ-Семанѣ.
39. Внутренный видъ церкви.
40. Планы трехъ церквей Деиръ-Семана.
41. Усыпальница въ Деиръ-Семанѣ.
42. Стоянка Русской экспедиціи въ монастырѣ Симеона.
43. Саркофагъ въ селеніи Ассе.
44. Касръ-эль-Бенатъ.
45. Надпись на скалѣ близъ Касръ-эль-Бената.
46. Цитадель Гарима.
47. Мозаика въ Антіохіи.

Отчетъ

о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ за 1900 годъ.

Дѣятельность Института въ отчетномъ году выражалась

1. въ устройствѣ засѣданій;
2. въ археологической экспедиціи въ Сирію;
3. въ обработкѣ добытыхъ матеріаловъ и въ изданіи ученыхъ трудовъ;
4. въ производствѣ раскопокъ въ Болгаріи и
5. въ дальнѣйшей организаціи библіотеки и кабинета древностей.

I.

Засѣданія.

Въ 1900 году Институтъ имѣлъ два засѣданія, изъ коихъ одно торжественное въ годовщину открытія Института.

На торжественномъ засѣданіи, послѣ рѣчи г. Почетнаго Предсѣдателя, почетный членъ *Ст. Новаковичъ* сдѣлалъ сообщеніе на тему: *„Les Slaves de la péninsule Balcanique et leur culture“*.

Сообщеніе г. Ст. Новаковича состояло въ слѣдующемъ: Византія VI—IX в. первая оказала культурное вліяніе на явившихся на Балканскій полуостровъ славянъ. Вліяніе Византіи на славянъ стало особенно сильно съ момента, когда послѣдніе

сдѣлались христіанами. Съ этого времени въ культурѣ славянъ главную роль играетъ церковь. Такъ какъ византійская цивилизація вся была проникнута религіей, то славяне, принявъ христіанство, невольно должны были усвоить и всю систему соціальной жизни, которая изъ него вытекала. Такимъ образомъ они себя отождествляютъ почти совершенно съ Византіей; религія и у нихъ является главнымъ факторомъ жизни, и церковь совершенно сливается съ національностью. Все это было такъ у восточныхъ славянъ. Славяне, поселившіеся далѣе къ западу, особенно тѣ, которые жили по берегамъ моря, подверглись итальянскому вліянію, благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ съ приморскими городами Италіи. Сербы по берегамъ Адріатическаго моря смѣшиваются съ кроатами и дѣлаются римскими католиками. Съ появленіемъ на Балканскомъ полуостровѣ турокъ, на славянъ начинаетъ все больше и больше оказывать вліяніе восточная, арабская культура. Жизнь пріобрѣтаетъ почти исключительно восточный характеръ. Много сербовъ принимаетъ мусульманство и съ нимъ усваиваетъ идеи и стремленія ислама. Каковы бы ни были посороннія вліянія на славянъ, въ средніе вѣка постоянно у нихъ религія вдохновляла все и ставилась выше національности. Совершенно не то мы видимъ въ новое время. Новыя идеи, проникнувъ на Балканскій полуостровъ, прежде всего пробуждаютъ національность; національное чувство начинаетъ брать верхъ надъ чувствомъ религіознымъ. Особенное вниманіе обращается на языкъ. Вслѣдствіе того, что теперь меньше обращается вниманія на различія по религіи, выдѣляются новыя національности, которыя прежде почти не различались. Является новая національная культура. Но старые принципы не исчезли еще и до самаго послѣдняго времени. У балканскихъ славянъ часто на ряду съ новыми встрѣчаются средневѣковыя формы. Славянская культура находится еще въ періодѣ трансформаціи, результаты которой покажетъ только будущее.

Послѣ г. Ст. Новаковича говорилъ членъ-сотрудникъ Института о. *J. Thibaut* на тему: *„La musique Byzantine chez les Slaves“*.

Начала Византійской музыки сохранились въ своихъ существенныхъ чертахъ благодаря тому, что въ византійскихъ рукописяхъ дошли до насъ музыкальные знаки. Такихъ знаковъ существуетъ нѣсколько системъ. Первая система экфонетическая;

она даетъ речитативы для чтенія евангелія. Изъ нея развились двѣ другія системы: іерусалимская (иначе агіополитская, или Дамаскинская по имени ея автора) и константинопольская. Послѣдняя, наиболѣе древняя, благодаря вліянію типика св. Саввы мало-по-малу уступила мѣсто системѣ іерусалимской и исчезла совершенно въ концѣ XI в. Русскіе заимствовали свою церковную музыку изъ Византіи. Они примѣняли константинопольскую систему музыкальныхъ знаковъ, какъ можно видѣть по рукописямъ, открытымъ Ѳ. И. Успенскимъ и С. В. Смоленскимъ. Южные славяне, подчиненные съ XI в. власти Византіи, наоборотъ пользуются іерусалимской системой, какъ видно по рукописи Синодика царя Бориса въ Національной библіотекѣ, въ Софіи, и по одной рукописи XIV в., находящейся въ Буховскомъ монастырѣ, въ Болгаріи. У болгаръ не было національной системы музыкальныхъ знаковъ. Что касается сербовъ, то у нихъ нѣтъ ни одной литургической рукописи съ нотными знаками. Пѣніе Карловицкой церкви основывается на современной греческой системѣ и было въ первый разъ записано современными нотными знаками въ 1864 году Станковичемъ.

Послѣ своего сообщенія о. Тибо исполнилъ вмѣстѣ съ гг. А. и М. Захаріади двѣ реставрированныя имъ по древнимъ рукописямъ византійскія мелодіи XI и XIV вв. подъ аккомпаниментъ піанино.

Въ заключеніе ученымъ секретаремъ былъ прочитанъ *отчетъ о дѣятельности Института въ 1899 году.*

Второе засѣданіе происходило 24 ноября. Предметъ занятій составили сообщеніе *Б. А. Панченко „О византійскихъ печатяхъ, какъ историческомъ источникѣ“*, и *Б. В. Фармаковскаго „Объ одной архаической бронзовой статуэткѣ, принадлежащей Институту“.*

Первое сообщеніе состояло въ слѣдующемъ:

Вся археологія распадается на два крупные отдѣла, другими словами, къ изслѣдованію памятниковъ древности примѣнимы двѣ точки зрѣнія. Одни памятники можно и должно обсуждать со стороны ихъ абсолютнаго интереса, руководясь для ихъ критики извѣстными положительными началами. Какъ напримѣръ философское ученіе можно разсматривать, ставя вопросъ: ошибочно оно или нѣтъ? Не содержитъ ли въ себѣ внутренняго противорѣчія? или богословское ученіе — ерети-

ческое оно или каноническое? Такъ и въ области вещественной археологіи существуютъ разряды памятниковъ, относительно которыхъ спеціальная критика умѣстна. Таковы памятники искусства, напр. мозаики. Ставится вопросъ: какой напряженности достигло художественное творчество, насколько вещь отвѣчаетъ требованіямъ формальной эстетики. Въ произведеніи искусства это главное, это задача художника, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ всякій другой фактъ, подлежитъ научному изслѣдованію.

Существуетъ французская теорія, разбирающая памятники искусства, какъ историческіе документы, такими они и являются въ послѣднемъ результатѣ научной критики: но непосредственно ихъ главнымъ содержаніемъ остается эстетическое, требующее примѣненія спеціальной критики, опирающейся на извѣстную догму.

Существуютъ съ другой стороны археологическіе памятники, которые только тѣмъ интересны, что передаютъ историческое извѣстіе, цѣнные, однимъ словомъ, своей легендою. Здѣсь необходимъ, во первыхъ, навыкъ или техника, чтобы прочесть ихъ, а дальше начинается историческое изслѣдованіе. Археологъ искусства здѣсь не сдѣлаетъ ни шагу. Этотъ крупный раздѣлъ археологіи можно назвать эпиграфическимъ, такъ какъ камень съ надписью типичный и наиболѣе знакомый образецъ. Замѣчательно, какое значеніе получило изученіе надписей для исторіи классическихъ народовъ. Моммсенъ высказался, что надписи и юридическія Дигесты являются настоящимъ ключемъ къ римской жизни императорскаго періода, гораздо болѣе, чѣмъ писатели. Къ сожалѣнію, такіе драгоцѣнные источники изсякаютъ по мѣрѣ углубленія въ Византійскій періодъ имперіи. Христіанскихъ надписей найдено сравнительно мало, и тѣ разбросаны въ различныхъ, иногда малодоступныхъ изданіяхъ, полнаго свода всѣхъ извѣстныхъ нѣтъ, и этотъ трудъ только предпринятъ.

Между тѣмъ, слабость эпиграфическаго матеріала для историковъ Византійскаго государства особенно чувствительна. Кто станетъ заниматься, легко увидитъ, какъ мало пригодны среднегреческіе литературные памятники для изслѣдованія учрежденій Византіи, прожившей 1000 лѣтъ среди самыхъ тяжкихъ политическихъ условій; узнать подробности такого организма настоятельно необходимо для цѣлей всеобщей исторіи. Есть подробное описаніе обрядовъ Византійскаго двора, а также обзоръ

провинцій, два оффиціальныхъ труда, связанные съ именемъ императора Константина Порфирогенита. Это источникъ самой большой важности. Но онъ сталъ извѣстнымъ съ конца XVIII столѣтія, и несмотря на труды Рейске и нашего Бѣляева, требуетъ большой работы и большого числа постороннихъ данныхъ, чтобы его использовать надлежащимъ образомъ. Еще ранѣе было извѣстно сочиненіе о должностяхъ двора и Великой церкви писателя Кодина изъ послѣднихъ временъ Византіи. Этотъ авторъ, не смотря на свою археологическую ученость, повидимому, зналъ учрежденія блестящаго періода Имперіи менѣе, чѣмъ современные изслѣдователи Константина Багрянороднаго. Юридическая литература и законодательство Византіи весьма обширны; но это основано почти всегда на Дигестахъ и сводѣ Юстиніана; и на вопросъ объ организаціи государственныхъ учрежденій, о новшествахъ, вносимыхъ временемъ, юридическіе памятники даютъ одни случайные отвѣты, болѣе другихъ сборники императорскихъ указовъ или новеллъ и трактатъ судебной практики, именуемый Пира.

Для исторіи важны именно конкретныя, наглядныя подробности, но нужно, чтобы онѣ исходили изъ первыхъ рукъ и были бы числомъ обильны; чтобы можно было наблюдать, какъ измѣнялись границы государства, каковы были перемѣны, вызываемыя постоянной военной опасностью? Каково было устройство провинціальнаго управленія, какія гдѣ были власти и съ какимъ положеніемъ въ общей системѣ государства? Много можно поставить подобныхъ вопросовъ, и на всѣ ожидать такихъ детальныхъ и точныхъ отвѣтовъ, какіе въ состояніи дать эпиграфическіе монументы, но какъ сказано, ихъ почти нѣтъ.

Тамъ, гдѣ не хватаетъ надписей, и являются на помощь печати. Самый чувствительный пробѣлъ ими заполняется, въ самую досадную брешь нашихъ свѣдѣній о Византіи печати становятся цѣлыми рядами. Если бы ихъ оказалось недостаточно для этой цѣли по количеству или качеству извлекаемаго изъ нихъ матеріала, все таки какъ нужно благодарить тѣхъ, кто впервые обратилъ на нихъ вниманіе и указалъ на ихъ научную цѣнность.

Мы и поставимъ теперь передъ собою два вопроса: каковы существенныя свойства и достоинства этихъ источниковъ и какъ развивалось изученіе сигиллографіи до сихъ поръ.

Во первыхъ, передъ нами памятники самые подлинные. Къ этимъ кускамъ свинца прикоснулись тѣ самыя историческія лица, которыя на печатяхъ обозначены, на иныхъ 12 и 13 вѣковъ тому назадъ. Какъ они себя именовали — мы читаемъ безъ всякаго вмѣшательства промежуточныхъ поколѣній; и тамъ, гдѣ не ошибаемся въ чтеніи, получаемъ самыя непосредственныя и вѣрныя свѣдѣнія. Въ рукописныхъ памятникахъ, какъ извѣстно, болѣе или менѣе важныя искаженія текста положительно повсемѣстны; памятники искусства могли подвергнуться передѣлкамъ, реставраціи; а печати пока никто, повидимому, не научился ни реставрировать, ни поддѣлывать.

Далѣе, этотъ матеріалъ взятъ непосредственно изъ жизни. Возьмемъ для сравненія литературные источники. Можно сказать безошибочно, что византійская литература вплоть до памятниковъ законодательства живетъ болѣе прошлымъ временемъ, чѣмъ реальной для авторовъ современностью. Роды литературнаго творчества, способъ изложенія, языкъ вплоть до собственныхъ именъ, и само содержаніе, гдѣ возможно, заимствуется по традиціи; или при обработкѣ матеріала изъ Византійской современности авторъ ставитъ себѣ традиціонныя задачи, такъ что иные памятники дороже для исторіи литературной традиціи, чѣмъ для Византійской дѣйствительности. Это общая черта среднегреческой литературы, исключеній, конечно, достаточно. Не беремся судить, можно ли повторить это и о Византійскомъ искусствѣ. — Наши же свинцовыя печати ни отъ какой древности не зависятъ, въ свой существенной части — надписяхъ; какъ спутники дѣловыхъ и личныхъ отношеній, онѣ взяты изъ жизненнаго обихода, и передаютъ точную дѣйствительность, по крайности тамъ, гдѣ хотятъ передать что нибудь. Какъ человѣкъ называлъ себя, какимъ титуломъ гордился — такъ мы и читаемъ на его печати, и языкъ его, когда желалъ быть точнымъ, былъ въ дѣйствительности точенъ.

Присоединимъ соображеніе болѣе практическаго свойства. Моливдовулы легче всего – а потому и нужно – собирать именно здѣсь, въ Константинополѣ. Это памятники не только непосредственно и вполнѣ византійскіе, но и мѣстные Константинопольскіе. 90% ихъ найдено и продолжаетъ объявляться въ Стамбулѣ случайнымъ образомъ, помимо раскопокъ. Только незначительная часть извѣстныхъ моливдовуловъ найдена въ провинціи, напр. въ Антіохіи, на о. Керкирѣ, по побережью Мраморнаго моря, одна

даже въ Норвегіи. Пока раскопокъ въ столицѣ нѣтъ, моливдовулы не уступятъ ничему другому изъ древностей, попадающихъ на базары Константинополя, по представляемому ими историческому интересу.

Но малый ихъ объемъ и потому отрывочный характеръ ихъ данныхъ составляетъ слабую сторону сигиллографіи. Десять, двадцать словъ съ трудомъ и съ сокращеніями могутъ умѣститься на печати. Собирать такія данныя, приводить ихъ въ систему — самая мозаичная работа, требующая тщательности и терпѣнія. Надписи классическаго времени несравненно интереснѣе въ этомъ отношеніи, иногда содержатъ цѣлостью политическіе договоры, акты, муниципальныя хартіи; но примемъ въ соображеніе, что для историка, хотя выгодно имѣть въ одномъ мѣстѣ готовую группу данныхъ, но нужно только то, чтобы извѣстія источника укладывались въ созидаемую систему, чему отрывочное извѣстіе поддается съ большей свободой.

Одностороннее, однообразное содержаніе моливдовуловъ вызывается ихъ ограниченнымъ объемомъ и ихъ ближайшимъ назначеніемъ. Казалось бы, что можно ожидать отъ памятниковъ, созданныхъ только для того, чтобы установить принадлежность письма извѣстному лицу? Но мы сейчасъ увидимъ въ общихъ чертахъ, какой богатый матеріалъ уложенъ исторіей въ эти шаблонныя рамки.

Изъ всей массы извѣстныхъ моливдовуловъ выдѣляются тѣ, на которыхъ нѣтъ письменъ, одни изображенія, напр. святыхъ, далѣе, гдѣ есть легенда, но не опредѣляющая владѣльца. Остановимся нѣсколько на послѣдней категоріи.

Печати употреблялись въ Византіи всѣми, кто велъ корреспонденцію, но не всегда отправитель желалъ обозначить себя какимъ либо третьимъ лицамъ. Весьма употребительны были поэтому печати съ надписью вродѣ: кто отправляетъ — ты узнаешь изъ самого письма, когда распечатаешь. И такія легенды составлялись обыкновенно въ стихахъ, иногда весьма неуклюжихъ, размѣромъ ямбическаго триметра.

Парижскій археологъ Froehner собралъ болѣе сотни стихотворныхъ формулъ для выраженія такой несложной мысли.

Далѣе, существуютъ моливдовулы особеннаго назначенія. Въ Византіи — отсюда и въ Московскомъ государствѣ — былъ распространенъ обычай раздавать милостыню по торжественнымъ днямъ отъ царскаго имени. Вообще Византійцы были

очень сострадательны къ бѣднымъ. Не говоря о многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ: богадѣльняхъ, сиротскихъ пріютахъ, больницахъ и прочихъ, одѣляли щедро нищихъ. Чтобы милостыню получали тѣ, кому слѣдуетъ, выдавались имъ особыя марки, съ которыми они и являлись въ установленные дни. Такія свинцовыя марки, малаго размѣра, носятъ изображенія императоровъ съ обѣихъ сторонъ. Наиболѣе часты онѣ отъ времени Алексѣя Комнина. Съ одной стороны представленъ Алексѣй съ императрицей Ириной, съ другой ихъ сынъ и преемникъ Іоаннъ, съ нимъ рядомъ св. Георгій. Между одной парою высокій крестъ, между другою — labarum. И отъ частныхъ лицъ дошли подобныя марки съ благочестивой надписью; дошли и таможенныя марки для пропуска товаровъ и проѣзжающихъ.

Но главный историческій интересъ сосредоточенъ, понятно, на моливдовулахъ съ именемъ. Въ Византіи всѣ имѣли печати, должностныя и частныя лица, такъ и учрежденія, напр. монастыри. Нѣкоторыя лица имѣли ихъ по нѣскольку, отъ иныхъ даже и теперь извѣстны 3—4 печати для разныхъ стадій ихъ жизни. Поэтому, еслибы всѣ печати дошли до насъ, то мы имѣли бы матеріалъ для полнаго словаря дѣятелей Византіи за все время ея существованія. Такъ какъ находки печатей не прекращаются, а въ случаѣ раскопокъ въ Константинополѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Стамбула, ихъ число навѣрное возрастетъ до величины, какую теперь не можемъ себѣ и представить; то мы и находимся на пути къ достаточно полному списку дѣятелей Византійской исторіи.

Въ этомъ спискѣ, во-первыхъ, будутъ представлены всѣ выдающіяся въ Византійской исторіи семейства, начиная съ императорскихъ династій. Это будетъ весьма желанное дополненіе къ Familiæ Byzantinæ Дюканжа, столь полезному при чтеніи историковъ. Сами императоры употребляли свинцовыя печати для своей переписки съ частными лицами и даже съ учрежденіями; а на указахъ привѣшивались золотыя печати или хрисовулы, которыхъ дошло крайне мало. Новыхъ данныхъ для исторіи императорскія печати почти не представляютъ; изображался на одной сторонѣ императоръ въ облаченіи и означалось его имя; на другой сторонѣ — Христосъ на престолѣ. Въ XI в., напр. при Константинѣ Дукѣ, императорскіе моливдовулы отличаются отъ монетъ только по металлу.

Гордость происхожденіемъ была очень развита въ Византіи и выражалась на печатяхъ иногда въ поэтической формѣ: δεσπότου κλάδος καὶ πορφυραυγής.. — государевъ отпрыскъ и блещущій порфирой.. Дошло нѣсколько моливдовуловъ и отъ женщинъ; иногда онѣ именуютъ себя по рангу мужа, напр. патрикія и магистрисса Марія изъ рода Вріенніевъ. Извѣстна очень загадочная печать XI или XII в. съ надписью: Господи, помоги Твоей рабѣ Θеофано̀ Музалонъ, архонтиссѣ Россіи. Это несомнѣнно значитъ: русской княгинѣ, такъ была названа Греками княгиня Ольга. Есть печати, напр. въ Институтской коллекціи, гдѣ изображенъ патрикій съ женою и дѣтьми; это напоминаетъ семейныя подписи или рукоприкладства на византійскихъ документахъ: для отчужденія имущества обычаемъ, а не закономъ, требовался крестъ или подпись не только владѣльца, но его жены, дѣтей хотя бы и малолѣтнихъ, какъ ближайшихъ наслѣдниковъ: такъ въ Византіи семейныя отношенія подчиняли себѣ личность.

Патріаршихъ моливдовуловъ извѣстно немного: они большого размѣра и имѣютъ изображеніе Богородицы на престолѣ, тогда какъ на императорскихъ былъ представленъ Христосъ на престолѣ. Никакихъ орловъ, или гербовъ нѣтъ, чисто византійскіе моливдовулы носятъ строго христіанскій характеръ. Если гдѣ встрѣчаются чуждыя христіанству эмблемы, напр. изображенія животныхъ, то это указываетъ на большую древность или же на восточное, напр. сирійское или египетское вліяніе. — Изъ церковныхъ печатей отмѣтимъ коллективныя, напр. для духовенства большого собора Влахернскаго; особенно интересна печать всего капитула св. Софіи. Ихъ извѣстно нѣсколько, очень большихъ размѣровъ. Корпорація эта была очень многочисленна. Юстиніанъ ограничилъ ихъ число 425-ю. Но важнѣе для церковной исторіи печати епархіальныхъ архіереевъ. Въ настоящее время католическіе ученые здѣсь въ Константинополѣ заняты составленіемъ полнаго списка епархій и епископовъ Византійской имперіи, переизданіемъ Oriens christianus, и собрали около 11,000 именъ; мы были въ состояніи сообщить имъ нѣсколько новыхъ данныхъ на основаніи коллекціи Института.

Далѣе слѣдуютъ придворные чины: препозиты, китониты, кувикуларіи, вестархи, веститоры, манглавиты, хризотриклиниты, и разные другіе, дѣйствительные и титулярные; затѣмъ судьи

разныхъ судебныхъ коллегій, чиновники управленія въ столицѣ и провинціяхъ, военные начальники: — нескончаемая вереница терминовъ различнаго происхожденія и разныхъ эпохъ. Здѣсь настоящее поприще сигиллографіи, гдѣ она можетъ оказать незамѣнимыя услуги, для наблюденія структуры государства въ ея живыхъ подробностяхъ. Общій шаблонъ для именныхъ моливдовуловъ такого рода: съ одной стороны изображеніе: именно въ иконоборческую эпоху — крестъ на ступеняхъ или крестообразная монограмма, а послѣ торжества иконопочитанія — обыкновенно Богоматерь различныхъ иконописныхъ типовъ, преобладаетъ Влахернская съ воздѣтыми по обѣ стороны руками и съ Младенцемъ на груди — это изображеніе особенно чтилось населеніемъ Константинополя; или изображеніе святыхъ, чаще другихъ св. Николая въ митрѣ, арх. Михаила съ скипетромъ, какъ князя небесныхъ силъ, воинскіе святые Георгій, Θеодоръ, Димитрій и другіе. Не слѣдуетъ только думать, чтобы святые всегда выбирались по соименности съ владѣльцемъ печати. Иногда представляются на печатяхъ наиболѣе популярныя композиціи, напр. Благовѣщеніе и Сошествіе во адъ. Художественное достоинство изображеній на печатяхъ выше на памятникахъ съ IX вѣка по XI-ый; до того и послѣ того работа грубѣе, и для временъ Ираклія — VII в. и послѣднихъ временъ Византіи, напр. на Трапезундскихъ моливдовулахъ, работа варварская.

Обыкновенно уже на другой сторонѣ печати слѣдуетъ сама легенда, начинается въ громадномъ большинствѣ случаевъ словами „Господи“ или „Богородица, помоги рабу твоему“, — и далѣе читаемъ личное имя, званіе, а если ихъ нѣсколько, то сначала упомянуты титулы, а подъ конецъ спеціальная, дѣйствительная должность. Это правило соблюдается строго и помогаетъ различать, какія и когда должности становятся титулатурой — извѣстно, что это явленіе наблюдается на всемъ пространствѣ исторіи: большія должности падаютъ, все равно какъ величина монетной единицы, и прежняя реальная власть переходитъ въ пустой звукъ.

Единственный пока примѣръ датированныхъ моливдовуловъ, т. е. гдѣ владѣлецъ означалъ и время не на актѣ, но на самой печати, представляютъ моливдовулы, вѣроятно марки, таможенныхъ начальниковъ (коммеркіаріевъ) до IX вѣка включительно. Изображался современный императоръ — его можно опредѣ-

лить по монетамъ — и индиктіонъ. Для остальныхъ моливдовуловъ требуются разысканія въ постороннихъ источникахъ, и до извѣстной степени время опредѣляется путемъ наблюденія надъ характеромъ буквъ и изображеній.

Въ коллекціи Института есть моливдовулы конца VI в. — отъ второго и третьяго преемника Юстиніана В., Тиберія Константина и Маврикія. Отъ самого Юстиніана, отъ поколѣнія создавшаго св. Софію, ни одного моливдовула съ большою легендой нигдѣ не извѣстно. Въ нашей коллекціи есть предметы большой исторической цѣнности, вскрывающіе факты до сихъ поръ въ сигиллографіи не извѣстные. Моливдовуловъ, уже извѣстныхъ въ спеціальной литературѣ, у насъ весьма не много, и вообще среди найденныхъ печатей тожественныхъ оттисковъ одной и тойже формы не наберется, пожалуй, и 5%. Только tesseræ или марки, о которыхъ сказано выше, извѣстны въ большомъ числѣ вполнѣ сходныхъ экземпляровъ. Такая рѣдкость дублетовъ указываетъ на громадный запасъ сигиллографическаго матеріала, вѣроятно скрытаго пока подъ землею. По крайности нельзя объяснять рѣдкость дублетовъ недостаточнымъ изученіемъ уже собранныхъ коллекцій; хотя сигиллографія, въ качествѣ особой области археологической или исторической критики, существуетъ сравнительно недавно.

Основателемъ ея слѣдуетъ считать аббата Ficoroni, издавшаго въ 1750 г. диссертацію De plumbeis antiquorum numismatibus tam sacris quam profanis. Послѣ того появилось значительное число статей, преим. итальянскихъ, посвященныхъ одному или нѣсколькимъ моливдовуламъ, изъ различныхъ архивовъ и коллекцій. Между прочимъ петербургскій ученый хранитель, v. Koehne и самъ занимался моливдовулами, и посылалъ ихъ въ Парижъ академику Миллеру, извѣстному своими рукописными находками и изданіями; объясненія Миллера были учены, но не всегда подходили къ тому, что на печати стояло. Филологи интересовались моливдовулами изъ колекціи Cabinet de France съ литературной стороны; выше была упомянута особенно полезная для начинающихъ при чтеніи памятниковъ статья Froehner'а о метрическихъ легендахъ.

Нумизматы, какъ названный бар. Koehne, изучали моливдовулы по ихъ внѣшнему сосѣдству съ монетами; и въ этомъ направленіи извѣстный нумизматъ Sabatier далъ связный обзоръ многихъ моливдовуловъ въ статьѣ, теперь устарѣвшей и

не безъ недостатковъ. Кромѣ того, хотя по внѣшнему виду печати близки къ монетамъ, но по характеру своего содержанія, по крайности того, что въ нихъ всего цѣннѣе для исторіи, онѣ приближаются скорѣе къ надписямъ, и потому нѣкоторое число моливдовуловъ было включено въ составъ большихъ эпиграфическихъ сборниковъ Бека и Ваддингтона.

Но изслѣдованіе нашихъ памятниковъ тогда подвинется впередъ и именно въ методологическомъ отношеніи, когда сигиллографіи будетъ отведено самостоятельное мѣсто среди вспомогательныхъ дисциплинъ исторіи. Это значитъ: когда путемъ изученія моливдовуловъ, сначала однихъ, потомъ сравнительно съ другого рода памятниками, будутъ установлены ихъ существенныя отличія, какъ источниковъ, и будутъ выработаны пріемы, чтобы извлечь изъ нихъ все содержимое на пользу исторіи. Такіе успѣхи не достижимы безъ систематическихъ обзоровъ наличнаго матеріала, безъ общихъ трудовъ по сигиллографіи. Существуетъ много безукоризненныхъ изслѣдованій объ исторической цѣнности отдѣльныхъ печатей или даже извѣстныхъ группъ, именно аѳинскаго проф. Ламброса,— здѣшнихъ ученыхъ Sorlin d'Aurigny и Mordtmann, и особенно француза Шлюмбергера. Изъ нихъ только двое послѣднихъ поработали и въ теоретическомъ направленіи.

Я не знакомъ съ старинными итальянскими работами *Ficoroni, Salinas* и другихъ, ихъ пока нѣтъ здѣсь, — но въ изслѣдованіяхъ названныхъ четырехъ ученыхъ сигиллографія стала на надлежащую почву. Съ локальной гордостью замѣчаемъ, что изъ нихъ двое константинопольскихъ, — *Sorlin D'Aurigny,* объяснившаго напримѣръ, что значитъ званіе начальника Варяговъ въ Константинополѣ, и *Mordtmann.* Достойна удивленія дѣятельность послѣдняго. Этотъ медикъ, докторъ, не только составилъ отборную коллекцію, но и далъ, на основаніи собраннаго имъ матеріала, цѣлый рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій по вопросамъ сигиллографіи и археологіи, напечатанныхъ большею частью въ запискахъ мѣстнаго греческаго филологическаго общества, также въ здѣшнихъ нѣмецкихъ бюллетеняхъ. Его статьи носятъ печать свѣжести, свободной инипіативы въ изслѣдованіи и большое знаніе историческихъ фактовъ прошлаго столицы. Между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ сообщеній, онъ далъ обзоръ цѣлаго ряда интересныхъ печатей и предпослалъ ему нѣсколько руководящихъ страницъ, гдѣ настаивалъ

на большой цѣнности моливдовуловъ, затѣмъ далъ общую попытку ихъ классификаціи по періодамъ и изложилъ нѣсколько правилъ для приблизительнаго опредѣленія времени, къ которому ихъ надо относить; и это было высказано здѣсь, въ Константинополѣ, 30 лѣтъ тому назадъ.

Имя Густава Шлюмбергера, члена Парижской академіи, извѣстно нынѣ всѣмъ, кого интересуетъ Византія. Съ каѳедры Сорбонны онъ былъ недавно названъ наиболѣе виднымъ представителемъ византиновѣдѣнія въ странѣ Дюканжа. Также какъ и Дюканжъ, онъ началъ съ памятниковъ латинскаго владычества на Левантѣ. Замѣчательна плодовитость его научной дѣятельности; трудно сказать, какую область изъ прошлаго Византіи онъ не изучалъ. Его интересъ къ моливдовуламъ весьма давній, и во время своихъ неоднократныхъ наѣздовъ въ Константинополь онъ успѣлъ собрать первоклассную коллекцію. Въ настоящее время онъ считается первымъ знатокомъ сигиллографіи въ Европѣ, и своими знаніями подѣлился въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе важныхъ, но всегда интересныхъ статей въ различныхъ французскихъ журналахъ; а также и въ большомъ трудѣ Sigillographie byzantine, вышедшемъ въ 1884 году. Замыселъ его былъ широкій — свести всѣ памятники въ общую систему —, но исполненіе неровное. Многія печати прочтены невѣрно, и самая система ихъ классификаціи нѣсколько поверхностна. Повидимому, основательное изученіе любого частнаго пункта въ состояніи, къ сожалѣнію, выяснить новыя стороны въ вопросахъ, имъ поставленныхъ на очередь. Но сигиллографія должна быть ему особенно признательна: никто столько не способствовалъ развитію научнаго интереса къ нашимъ памятникамъ, и никто не двинулъ такъ сильно сигиллографію самоличными трудами.

Повидимому, содержаніе моливдовуловъ узко и одностороннс. Однако, находятъ теперь памятники роскошные и дорогіе: не касаюсь памятниковъ искусства, ни цѣнныхъ рукописей съ золотыми или серебряными буквами по пурпурному фону . . . Возьмемъ, напр., византійскія монеты. Какъ давно и какъ усиленно ихъ собирали, какъ ими дорожатъ. Но онѣ и въ 10 разъ меньшей цѣнности не имѣютъ для исторіи, въ сравненіи съ нашими неприглядными, потертыми свинцовыми фрагментами. Вотъ по истинѣ отверженный камень, который станетъ во главу угла при изученіи государственныхъ древ-

ностей Византіи и къ нему будутъ пріурочивать данныя Порфирогенита. Понадѣемся: если Институтъ будетъ обращать такое же вниманіе на нихъ, какъ прежде, — то въ недальнемъ будущемъ наша коллекція станетъ первою въ Европѣ.

Сообщеніе Б. В. Фармаковскаго состояло въ слѣдующемъ: Замѣчательная статуэтка, находящаяся въ Кабинетѣ Древностей Института, была подарена ему Е. М. Придикомъ, М. И. Ростовцевымъ и Я. И. Смирновымъ, которые ее купили во время своей экскурсіи по Пелопонису въ Амиклахъ, близь Спарты. Она представляетъ безбородого мужчину, одѣтаго въ одинъ гиматій; мужчина представленъ лежащимъ и опирающимся на лѣвый локоть. Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ фіалу; правая его рука покоится на правомъ колѣнѣ. Статуэтка представляетъ, по всей вѣроятности, героя (можетъ быть Гіакинѳа, который очень почитался въ Амиклахъ). По стилю статуэтку надо отнести къ древнему періоду греческаго архаизма, т. е. къ 1-й половинѣ VI вѣка до Р. Хр. Въ это время въ Лаковіи процвѣтала бронзовая фабрикація. Фуртвенглеръ опубликовалъ одну бронзовую архаическую голову, найденную въ Спартѣ и находящуюся теперь въ музеѣ въ Бостонѣ. Названный ученый приписываетъ эту голову школѣ Гитіада спартанскаго. До сихъ поръ бостонская голова была наиболѣе древнимъ примѣромъ новой техники, которую впервые примѣняли Самосскіе художники. Поэтому статуэтка, принадлежащая Институту, древнѣе Бостонской головы; но у нея уже видимъ новую технику; она не массивна, а пуста внутри. Наиболѣе близкой стилистической аналогіей для статуэтки Института является статуя Аполлона изъ мрамора, найденная въ святилищѣ Аполлона Птойскаго въ Віотіи, статуя, находящаяся теперь въ Національномъ музеѣ въ Аѳинахъ. Она — произведеніе самосскихъ художниковъ. У статуэтки Института есть точки соприкосновенія съ египетскимъ искусствомъ, что тоже говоритъ за ея происхожденіе въ Самосской школѣ. Техника, уже довольно развитая, моделлировка, тонкость и аккуратность работы — все заставляетъ думать, что статуэтка вышла изъ школы Ѳеодора Самосскаго, и въ этомъ заключается ея значеніе среди памятниковъ архаической греческой скульптуры.

II

Экскурсія въ Сирію.

Изслѣдованіе Сиріи въ археологическомъ отношеніи далеко еще не закончено, не смотря на французскія и нѣмецкія книги Де Вогюэ, Жуліена, Сахау и др. Это зависитъ столько же отъ обилія памятниковъ въ Сиріи и отъ трудностей путешествія по этой во многихъ мѣстахъ лишенной путей сообщенія и малонаселенной странѣ, сколько отъ того, что въ Сиріи никогда не было производимо правильныхъ раскопокъ.

Маршрутъ, принятый Русскимъ Археологическимъ Институтомъ, въ общемъ совпадалъ съ дорогами, которыми шли Де Вюгюэ и Сахау, и лишь въ немногихъ случаяхъ отъ нихъ отклонялся для достиженія нѣкоторыхъ спеціальныхъ задачъ.

Эти послѣднія главнѣйше обусловливались цѣлью посѣтить Пальмиру и ознакомиться со состояніемъ открытаго тамъ княземъ Абамелекъ-Лазаревымъ знаменитаго таможеннаго тарифа, написаннаго на греческомъ и арамейскомъ языкахъ.

Отсылая за подробностями къ статьѣ о памятникахъ Сиріи, помѣщенной въ настоящемъ выпускѣ „Извѣстій“ Института, здѣсь ограничиваемся изложеніемъ лишь важнѣйшихъ результатовъ.

Пальмира — это одна изъ наиболѣе интересныхъ мѣстностей Сиріи столько же вообще по своему археологическому значенію, сколько по характеру сохранившихся въ ней древностей. Но пальмирскимъ древностямъ угрожаетъ большая опасность отъ хищничества и невѣжества. Отъ Дамаска и Бейрута до Каріатэна во многихъ мѣстахъ попадаются въ частныхъ рукахъ бюсты и рельефы изъ Пальмиры.

Это въ большинствѣ случаевъ результатъ тайнаго раскапыванья подземныхъ усыпальницъ и хищенія находимыхъ тамъ саркофаговъ, которые безжалостно разбиваются ломомъ или киркою, при чемъ изъ пятка бюстовъ можетъ быть одинъ вырубается настолько удачно, что его можно продать за 20 піастровъ. Отсюда же изъ этихъ подземныхъ усыпальницъ заимствуются тѣ женскіе бюсты и особенно бюсты женщины съ младенцемъ на рукахъ, которые мы такъ часто встрѣчали въ частныхъ рукахъ въ Сиріи. Судьбѣ пальмирскихъ памятниковъ угрожаетъ мѣстный житель, обитатель ограды стараго города — бедуинъ. Прекрасныя арки грозятъ паденіемъ. Самый величе-

ственный памятникъ Пальмиры — храмъ солнца, почти сплошь занятъ жалкими хижинами поселившагося здѣсь племени бедуиновъ; за грязными помѣщеніями ихъ, ютящимися подлѣ колоннъ, стѣнъ и арокъ древней величественной постройки, трудно понять и прослѣдить планъ древняго храма. Остатки древностей — надписи, архитектурные и скульптурные обломки слѣдуетъ здѣсь изучать, переходя изъ одной бедуинской хижины въ другую. Въ настоящее еще время, послѣ всѣхъ разрушеній, Пальмира производитъ величественное впечатлѣніе и требуетъ не одного дня для болѣе или менѣе внимательнаго осмотра ея древностей. Самая важная Пальмирская надпись, открытая княземъ Абамелекъ-Лазаревымъ, къ счастью закрыта землей и большинство посѣщающихъ Пальмиру, въ особенности если это не спеціалисты, не останавливается передъ ней. Между тѣмъ, это одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ культурныхъ памятниковъ начала II вѣка христіанской эры. Это декретъ о пошлинахъ, идущихъ съ товаровъ, провозимыхъ черезъ Пальмиру. Онъ знакомитъ съ торговымъ значеніемъ мѣстности и съ видами провозимыхъ въ то время товаровъ.

Большинство другихъ пальмирскихъ надписей, изсѣченныхъ на колоннахъ и на могильныхъ памятникахъ, суть или почетныя, въ честь административныхъ лицъ города, или погребальныя. Хотя надписи въ большинствѣ изданы, но далеко не изучены съ цѣлью ознакомленія съ устройствомъ этого города. Не можетъ быть сомнѣнія, что есть надписи, засыпанныя землей, которыя такъ и останутся безъ изученія, пока какое нибудь правительство не сдѣлаетъ щедрой ассигновки на раскопки въ Пальмирѣ. Но кажется для науки наиболѣе интересныя вещи тѣ, которыя скрываются въ подземномъ городѣ — въ городѣ мертвыхъ. И всѣ города Сиріи (т. е. тѣ, которые теперь покинуты жителями,) отличаются тою особенностью, что для мертвыхъ въ нихъ повидимому не меньше принималось заботъ, чѣмъ для удобства живыхъ, а Пальмира въ особенности.

Въ Пальмирѣ сохранились настоящія катакомбы, идущія на большія пространства, сдѣланныя чрезвычайно искусно и украшенныя всѣми средствами тогдашней техники: скульптура, архитектура, живопись. Едва ли не болѣе важный матеріалъ, чѣмъ надписи, представляютъ Пальмирскія усыпальницы. Между прочимъ весьма замѣчательна катакомба, въ которой одна зала

вся украшена фресками, напоминающими живопись Помпеи. Тутъ не только фигуры съ прекрасно сохранившимися цвѣтами одежды и лица, но и цѣлыя картины, представляющія миѳологическіе сюжеты. Нужно думать, что дальнѣйшія изслѣдованія въ Пальмирѣ въ особенности могутъ быть интересны съ точки зрѣнія изученія подземнаго города. Между рисунками особенно обращаетъ на себя вниманіе женская фигура во весь ростъ съ младенцемъ на рукахъ. — Тѣ мѣста, на которыя въ дальнѣйшемъ мы намѣрены обратить вниманіе, характеризуются также остатками старой культуры, но уже не греко-римской, а христіанской. Любопытно, что христіанскіе памятники Сиріи носятъ на себѣ отпечатокъ эпохи IV—VII вѣковъ, а затѣмъ совершенно замираютъ, изрѣдка развѣ встрѣтишь надпись X вѣка.

Скажемъ даже болѣе, въ Сиріи множество городовъ (Аретуза, Ларисса, Апамея) вслѣдствіе какой-то страшной катастрофы покинуты жителями, но есть множество городищъ, память о которыхъ утратилась, есть множество оставленныхъ жителями христіанскихъ городовъ и селеній, носящихъ арабское имя и совершенно утратившихъ старое имя. Вотъ напр., Эль-Бара, Муджелейя, Серджилла, Рувейха, — все это цѣлые города съ совершенно сохранившимися домами, въ которые ведетъ лѣстница, вокругъ которыхъ стоитъ галлерея, на нѣкоторыхъ домахъ сохранилась кровля, — недостаетъ только мебели и обитателей, которые повидимому не такъ давно вышли изъ дому. Посѣщеніе этихъ покинутыхъ городовъ, почти во всѣхъ домахъ которыхъ надъ воротами вы видите или христіанскую монограмму, или агнца съ крестомъ, или надпись ἰχθύς, или надпись изъ Евангелія или псалма, — производитъ по истинѣ сильное впечатлѣніе. Большинство изъ нихъ находятся въ мѣстности каменистой, малодоступной, лишенной въ настоящее время населенія, они заслуживаютъ серіознаго вниманія какъ съ точки зрѣнія происхожденія ихъ въ эпоху III—VI вѣка, такъ и съ точки зрѣнія запустѣнія ихъ.

Такова между прочимъ *Эль-Бара* — это городъ мертвый, запустѣлый, но это развалины не деревни, а города. Въ полѣ лежатъ два блока, служившіе архитравомъ надъ воротами, одинъ въ длину 1,25 м., другой 1,15 м., и съ надписью: Господи силъ съ нами буди (на греческомъ). Здѣсь же монументальныхъ размѣровъ базилика въ 5 кораблей и съ громаднымъ количе-

ствомъ колоннъ, идущихъ отъ алтаря до нареика; невдалекѣ отъ нея другая базилика въ 3 корабля, гдѣ наблюдается рѣдкое богатство скульптурныхъ и архитектурныхъ подробностей. Здѣсь же нѣсколько погребальныхъ памятниковъ въ видѣ пирамидъ. Въ основаніи ихъ лежитъ квадратное зданіе на цоколѣ въ 8—10 рядовъ камней, за нимъ слѣдуетъ пирамидальная кладка въ нѣсколько рядовъ, внутри стоятъ саркофаги. Затѣмъ прекрасно сохранившійся частный домъ съ остатками превосходнаго орнамента. Стѣны сохранились въ цѣлости до самой кровли. На каждую сторону выходятъ по два окна узенькихъ и небольшихъ размѣровъ. Надписи надъ входами въ дома: Слава въ вышнихъ Богу; Господи, сохрани входъ и исходъ твой отнынѣ и до вѣка, или: Великая сила св. Троицы. — Знакомство съ древностями Эль-Бара приводитъ къ выводу, что здѣсь прекрасно запечатлѣна не только общественная, но и частная жизнь христіанскаго города. Здѣсь видимъ обстановку частной, интимной жизни небольшаго города. Но искусство было примѣнено и здѣсь въ не менѣе значительныхъ размѣрахъ.

Въ смыслѣ научно-археологическомъ превосходная находка сдѣлана въ одномъ городѣ: здѣсь въ баняхъ обнаружена мозаика прекрасной сохранности (охотничьи сцены), представляющая нѣсколько отдѣльныхъ сюжетовъ: буйволъ, медвѣдь, левъ, газель, тигръ, пантера, нѣсколько птицъ, между прочимъ страусъ, нѣсколько пальмъ и разныхъ деревьевъ. Надпись въ серединѣ мозаики свидѣтельствуетъ о времени происхожденія памятника и называетъ имя художника.

Того же характера и той же эпохи великолѣпный и теперь еще производящій сильное впечатлѣніе монастырь св. Симеона Столпника. Это въ свое время былъ памятникъ съ такимъ же религіознымъ значеніемъ для Сиріи, какъ Кіево-Печерская или Сергіева Лавра для Россіи. Не извѣстно въ точности, когда монастырь запустѣлъ, но ясно, что не со времени арабскаго завоеванія, а гораздо позже, такъ какъ въ концѣ X вѣка онъ былъ еще богатымъ и весьма населеннымъ.

Монастырь Симеона Стилита находится въ разстояніи 35—40 верстъ отъ Антіохіи, онъ расположенъ на весьма красивомъ холмѣ, съ котораго открывается несравненный видъ на лежащія у подножія его долины и господствующія надъ нимъ цѣпи горъ. Монастырь построенъ въ концѣ V вѣка, храмъ

его имѣетъ форму креста, центръ котораго занимаетъ восьмиугольникъ съ колонной, на которой подвизался св. Симеонъ. Несомнѣнно, нѣтъ въ Сиріи ничего величественнѣе этой святыни, хотя она въ настоящее время утратила всякое значеніе, ибо кругомъ на десятки верстъ нѣтъ ни одного христіанина. Храмъ и монастырскія постройки во многомъ представляютъ замѣчательную сохранность. О значеніе монастыря можно судить потому, что у подошвы холма, на которомъ онъ расположенъ, возникъ цѣлый городъ Симеона Стилита, который жилъ и процвѣталъ на счетъ богомольцевъ, стекавшихся на поклоненіе Симеону. Чтобы достать наибольшее количество воды, необходимое для большого населенія этого совершенно каменистаго мѣста, здѣсь предприняты были громадныя постройки. Кромѣ того, въ городѣ находимъ нѣсколько зданій, имѣющихъ характеръ гостинницъ для пріѣзжихъ, устроенныхъ съ значительными удобствами и снабженныхъ террасами и галлереями. Наблюденія, сдѣланныя надъ развалинами монастырскихъ и городскихъ зданій, въ высшей степени интересны и даютъ дополненія и поправки къ даннымъ, находимымъ у де Вогюэ.

Наиболѣе обильный матеріалъ экскурсіи по Сиріи заключается въ надписяхъ, между которыми есть нѣсколько историческихъ византійской эпохи. Затѣмъ слѣдуютъ остатки фресковой живописи (3-го в.), мозаичный полъ въ баняхъ (4-го в.), множество скульптурныхъ фрагментовъ. Независимо отъ того найдены развалины древнихъ памятниковъ и цѣлыя городища, — все это свидѣтельствуетъ объ археологическихъ богатствахъ Сиріи.

III.

Обработка добытыхъ матеріаловъ и изданіе ученыхъ трудовъ.

Въ отчетномъ году изданъ VI томъ „Извѣстій“ Института и былъ изучаемъ сырой матеріалъ, пріобрѣтенный экскурсіями и раскопками. Членъ Института Б. А. Панченко занимался подготовленіемъ къ изданію обширной коллекціи византійскихъ свинцовыхъ печатей, принадлежащей Институту. Художникъ Н. К. Клуге продолжалъ воспроизводить мозаики и фрески Кахріэ-Джами. Въ отчетному году имъ нарисованы: 1) мозаика надъ входною дверью въ церковь изъ второго пароика, представляющая

сидящаго на тронѣ I. Христа и стоящаго передъ нимъ на колѣнахъ Ѳеодора Метохита; 2) мозаика изъ второго нарѳика, представляющая передачу пресвятой Дѣвы Маріи Іосифу; 3) мозаика, представляющая различныя чудеса и исцѣленія; 4) мозаика въ парусѣ южнаго купола въ 2-мъ нарѳикѣ, представляющая исцѣленіе тещи Петра; 5) фреска, изображающая ктиторовъ въ придѣлѣ; 6) фреска, представляющая свв. Гурія и Самону, тамъ же.

IV.

Раскопки въ Болгаріи близъ деревни Абобы.[1])

Нынѣшняя турецкая деревня Абоба находится въ южной части земляныхъ укрѣпленій, составляющихъ фигуру не совсѣмъ правильнаго четыреугольника проектированнаго въ сѣверовосточномъ направленіи. Линія вала съ сѣвера на югъ имѣетъ приблизительно 6 километровъ, линія же отъ востока къ западу на сѣверѣ достигаетъ четырехъ, а на югѣ не больше трехъ километровъ. По всей длинѣ вала идетъ глубокій ровъ, и донынѣ хорошо сохранившійся на восточной сторонѣ. Внутри внѣшнихъ укрѣпленій находятся остатки городища или большого поселенія, по всему пространству встрѣчаются обломки мраморовъ, остатки черепицы. Центръ всей площади, замыкаемой валомъ и рвомъ, представляетъ отдѣльное укрѣпленіе, составляющее фигуру квадрата. Стѣны этого укрѣпленія сложены были изъ тесаннаго камня, въ настоящее время сохранились лишь основанія кладки стѣнъ, но направленіе ихъ можетъ быть опредѣлено по довольно замѣтному возвышенію почвы, особенно, если смотрѣть съ вала. По мѣстнымъ преданіямъ, внутри этой каменной ограды былъ дворецъ, такъ что мѣсто и до сихъ поръ носитъ названіе Сарай-еры. Постепенное разрушеніе стѣнъ укрѣпленія и находившихся въ немъ построекъ шло съ давнихъ поръ, но окончательное разрушеніе послѣдовало лѣтъ 25 тому назадъ, при проведеніи желѣзнодорожной линіи Варна—Рущукъ. Въ центрѣ площади, окруженной каменными стѣнами, находились возвышенія, представляющія остатки разрушенныхъ сооруженій, о чемъ свидѣтельствовали груды камней, черепицы и мраморныхъ обломковъ, покрытыя кустарникомъ. Въ бли-

[1]) Производились директоромъ Института и преподавателемъ Варненской гимназіи К. Шкорпиломъ. Абоба находится близъ Нови-Пазаръ.

жайшемъ разстояніи, и также съ сѣвера на югъ, проходитъ старая римская дорога. За чертой каменныхъ стѣнъ, но внутри вала, въ сѣверозападномъ направленіи, находились слѣды другого большого сооруженія, также замѣтные только по грудамъ камней и неровностямъ почвы — эта мѣстность слыветъ у турецкаго населенія подъ именемъ Килисе-еры. Итакъ, предполагалось, что въ абобскихъ укрѣпленіяхъ мы имѣемъ остатки или римскаго лагеря, или византійскаго κάστρον, которымъ во свое время могли воспользоваться болгаре при завоеваніи этой страны въ VII в. Но такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ, основывающимся на разборѣ историческихъ данныхъ, прежде основанія своей столицы въ Прѣславѣ, болгаре должны были имѣть другой политическій центръ между Дунаемъ и Балканами, то весьма естественна была надежда искать въ археологическихъ памятникахъ Абобы слѣдовъ староболгарской исторіи. Объ археологическомъ значеніи всей мѣстности см. Извѣстія т. VI, вып. 2—3, въ Отчетѣ о дѣятельности Института за 1899 (экскурсія въ сѣверовосточную Болгарію).

Два пункта, отмѣченные мѣстнымъ населеніемъ именами Сарай-еры и Килисе-еры, прежде всего должны были привлекать къ себѣ вниманіе, — на нихъ и начаты были раскопки. Такъ какъ поверхность представляла лишь небольшую возвышенность и не имѣла ни правильныхъ очертаній, ни слѣдовъ каменной кладки, то предстояло прежде всего обнаружить слѣды стѣнъ, чтобы по направленію ихъ оріентироваться въ дальнѣйшей работѣ. Не останавливаясь здѣсь на процессѣ работы и на деталяхъ, укажемъ наиболѣе характерныя находки и общіе результаты работъ въ *Сарай-еры*. Это оказалось весьма большое зданіе, сложенное изъ тесаннаго камня. Внѣшнія стѣны сохранились иногда въ два ряда камней одинъ на другомъ, а большей частью въ одинъ. За то внутреннія стѣны меньше подверглись расхищенію и въ иныхъ мѣстахъ представляютъ кладку въ шесть рядовъ. Можно думать, что сохранился весь нижній этажъ внутреннихъ помѣщеній, такъ что планъ зданія можно возстановить во всей цѣлости.

Разсмотрѣніе строительнаго матеріала привело къ слѣдующимъ наблюденіямъ. Зданіе несомнѣнно построено изъ матеріала, который ранѣе служилъ другой цѣли и былъ уже разъ употребленъ. Такъ въ одномъ ряду внутреннихъ стѣнъ замѣчается писанный камень съ помѣтой IΔ, т. е. 14. Помѣта не

можетъ указывать ни на порядокъ камней, ни на послѣдовательность рядовъ, по всей вѣроятности она имѣла значеніе тамъ, гдѣ камень занималъ мѣсто прежде, чѣмъ былъ вдѣланъ въ стѣнѣ занимающаго насъ зданія. Обнаруженъ кромѣ того камень въ нижнемъ ряду стѣны съ латинской надписью. Часть надписи сбита съ цѣлью придать камню требуемую форму для его новаго назначенія. Такъ какъ по остаткамъ надписи можно судить, что это былъ надгробный памятникъ, то ясно, что для возведенія стѣны брались камни съ одного изъ римскихъ кладбищъ. Точно также оказался другой камень въ стѣнѣ съ рельефомъ и листкомъ аканѳа, — нѣтъ сомнѣнія, что и онъ прежде служилъ другой цѣли и исполнялъ другое назначеніе. Наконецъ, найдена база колонны, на исподней сторонѣ которой сохранились остатки декрета въ честь М. Аврелія. — Подобныя же наблюденія необходимо было вывести на основаніи разсмотрѣнія кирпича и черепицы. Какъ форма и марка кирпича, такъ и знаки на черепицѣ — весьма разнообразны и разновременнаго происхожденія. Матеріалъ подготовлялся на разныхъ заводахъ и не изъ одинаковой глины, что̀ въ свою очередь можно истолковать въ томъ смыслѣ, что онъ служилъ уже разъ для другого назначенія и приспособленъ былъ для нашего зданія впослѣдствіи. Наблюденія надъ фабричными марками и знаками на кирпичѣ и черепицѣ могли получить болѣе ясный характеръ, когда подобнаго матеріала набралось много. Одновременно съ Сарай-еры подвергалась раскопкамъ мѣстность *Килисе-еры*. Здѣсь съ первыхъ же дней раскопокъ стали получаться опредѣленные выводы. Скоро выяснилось, что раскопка ведется въ зданіи базиличной формы, при чемъ на востокѣ обнаружены были основанія трехъ апсидъ. Прежде чѣмъ продолжать очищеніе храма отъ слоя щебня и земли, выяснено было направленіе сѣверной и южной стѣны и опредѣлены въ общихъ чертахъ планъ и размѣры этой церкви. Ширина 28 метровъ, длина съ двумя нарѳиками около 57 метр.

Не смотря на многовѣковое истребленіе, не пощадившее даже камня въ стѣнахъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился лишь самый нижній слой кладки, все же при очищеніи церкви ежедневно можно было натыкаться на интересныя находки. Прежде всего почти вездѣ сохранилась *мраморная настилка*, покрывавшая церковный полъ и вмѣстѣ съ тѣмъ открыто *16 базъ колоннъ*, изъ коихъ большинство на самомъ

мѣстѣ первоначальнаго нахожденія и со множествомъ осколковъ и обломковъ мрамора, разбросанныхъ по близости отъ базъ. Далѣе, открывались постепенно *карнизы, фронтоны и рельефы* разныхъ принадлежностей храмовой постройки, *капители, кресты и обломки надписей* большей частью на греческомъ языкѣ. Обиліе мелкаго обдѣланнаго *мрамора въ формѣ ромба, квадрата, шестиугольника, также пластинки* цвѣтного мрамора — служили свидѣтельствомъ, что стѣны церкви облицованы были мраморной мозаикой. Найдено множество кусочковъ цвѣтного *стекла, гвоздей, желѣзныхъ колецъ, монетъ и сплава изъ свинца*. Послѣдній находимъ былъ въ такой формѣ, что не остается сомнѣнія, что церковь разрушена была отъ пожара, а потомъ подверглась страшному разоренію отъ варварской руки.

Что церковь подверглась разоренію со стороны дикаго народа, это видно изъ того, что громадные мраморные столбы — колонны часто оказываются разбитыми въ мелкіе кусочки; отъ имѣвшихся на нихъ надписей найдено десятка два и даже болѣе обломковъ, на которыхъ сохранились двѣ или три буквы и въ лучшемъ случаѣ одно слово.

Расчистка средней апсиды и мѣста подъ святымъ престоломъ привела къ любопытнымъ наблюденіямъ по отношенію къ способу приготовленія этого мѣста. Когда расчищена была вся площадь апсиды, обнаружился полукругъ изъ каменныхъ плитъ, окружавшій св. престолъ, но слѣдовъ престола не было найдено. Снявъ небольшой слой земли въ этомъ полукругѣ, рабочіе напали на слой бетона или хорасана, толщиной въ 14 сантиметровъ, которымъ залита была вся поверхность. Осторожно разбивая и отчищая этотъ слой, замѣтили, что подъ нимъ вся поверхность покрыта небольшими отверстіями, идущими симметрично правильными рядами. Стѣнки этихъ отверстій, которыя оказались трубочками не одинаковой глубины (отъ 0,83 до 1 метра) имѣютъ до такой степени затвердѣлую поверхность, что ни одна изъ нихъ не обвалилась. Въ этихъ трубочкахъ обнаружено присутствіе золы (параллельное наблюденіе сдѣлано при очисткѣ другой церкви).

При очисткѣ южнаго нефа открыто подземное помѣщеніе въ формѣ колодца. Это помѣщеніе, въ виду чрезвычайной трудности работъ на значительной глубинѣ, не могло быть изслѣ-

довано во всѣхъ подробностяхъ, но несомнѣнно, что это былъ колодецъ.

Важнѣйшими результатами полученными отъ раскопокъ въ Килисе-еры должны быть признаны слѣдующіе:

1) Открыто мѣстонахожденіе многихъ староболгарскихъ историческихъ памятниковъ. Извѣстно, что эти памятники главнѣйше суть колонны съ именемъ Омортага въ честь героевъ и государственныхъ людей Болгаріи, а также колонны съ именами городовъ. Часть такихъ колоннъ перевезена въ Софію и находится въ Музеѣ, часть же сохраняется въ Шумлѣ, въ Провадіи, въ Новомъ Базарѣ и другихъ мѣстахъ. По отношенію къ первоначальному мѣстонахожденію этихъ памятниковъ свѣдѣнія довольно неопредѣленны, такъ какъ крестьянское населеніе не охотно отвѣчаетъ на разспросы о томъ, кто, гдѣ и когда нашелъ тотъ или другой памятникъ. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые изъ извѣстныхъ доселѣ староболгарскихъ памятниковъ первоначально найдены въ ближайшихъ къ Абобѣ деревняхъ. Принимая въ соображеніе то обстоятельство, что въ Килисе-еры найдена при раскопкахъ новая колонна съ именемъ Омортага и найдена in situ, хотя и въ лежачемъ положеніи, естественно заключать, что этотъ храмъ былъ первоначальнымъ мѣстонахожденіемъ и для другихъ подобныхъ же колоннъ, въ разное время откопанныхъ и тайно увозимыхъ мѣстными крестьянами въ свои деревни. Далѣе, раскопками обнаружены въ Килисе-еры колонны съ надписями

КАСТРОN ССОZОПОΛЄССС

и КАСТРОN АРКАΔІȣПОΛЄССС

равно какъ обломки колоннъ съ надписью ПОΛЄМОС. — Эти находки не могутъ не напрашиваться на сопоставленіе съ колоннами, на которыхъ читаются имена РЄΔЄСТȣ, ВȣРΔІZȣ и другихъ *κάστρα*, равно какъ съ извѣстной колонной съ надписью ПОΛЄМОС СЄРАС. Имѣя въ виду сходство тѣхъ и другихъ памятниковъ, принимая также въ соображеніе особенности палеографіи общія всѣмъ означеннымъ памятникамъ, нельзя не приходить къ заключенію, что въ Килисе-еры первоначально находились и тѣ колонны съ именами *κάστρα*, которыя нынѣ находятся въ Софіи, въ Тырновѣ и другихъ мѣстахъ. Эти заключенія могутъ быть проведены еще далѣе.

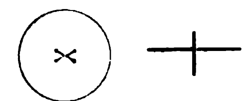
Въ базиликѣ открыто 16 базъ колоннъ, т. е. было всего такое же число колоннъ съ надписями: если теперь подсчитать число староболгарскихъ надписей съ именемъ Омортага и съ названіями различныхъ κάστρα — какъ находящихся въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи, такъ и открытыхъ раскопками въ Килисе-еры, — то окажется, что число извѣстныхъ теперь колоннъ съ надписями совпадаетъ съ числомъ базъ и что остается неизвѣстной судьба одной только колонны.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ нельзя не приходить къ заключенію, что въ *Килисе-еры открыто первоначальное мѣстонахожденіе значительной части староболгарскихъ памятниковъ.*

Вокругъ указанныхъ, такъ сказать, центральныхъ мѣстъ, обращали на себя вниманіе болѣе или менѣе значительныя насыпи и возвышенія, въ которыхъ слѣдовало предполагать остатки древнихъ построекъ. Нельзя утверждать, что Институтъ успѣлъ выяснить значеніе всѣхъ подобныхъ возвышеній, усыпанныхъ щебнемъ, черепицей и мелкимъ камнемъ, но онъ пытался, если не окончательно очистить, то сдѣлать пробныя траншеи въ многихъ направленіяхъ.

Къ сѣверу и востоку отъ Сарай-еры открыты разнообразныя дворцовыя зданія, занимавшія весьма обширную площадь и между прочимъ церковь, можетъ быть придворная церковь, служившая также и мѣстомъ погребенія. Что касается дворцовыхъ зданій, они по всей вѣроятности были въ большинствѣ деревянныя, такъ что прослѣдить планъ ихъ постройки по оставшимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменнымъ фундаментамъ весьма трудно. На мѣстѣ расположенія этихъ зданій подъ слоемъ земли съ небольшимъ въ метръ, находятся пласты пепла и угля. Здѣсь было множество небольшихъ построекъ съ маленькими въ нихъ помѣщеніями. При раскопкахъ нашли громадное количество вѣтвистыхъ лосиныхъ роговъ, остатковъ костей, кабаньихъ и оленьихъ череповъ. Вообще ни въ одной части раскопанныхъ зданій не было найдено такого множества слѣдовъ домашней жизни и такихъ ясныхъ признаковъ быта, въ которомъ охота на оленей и кабановъ занимала весьма видное мѣсто. Изъ отдѣльныхъ предметовъ здѣсь найдено нѣсколько монетъ, обломки стеклянныхъ браслетъ и кромѣ того рисунокъ и доселѣ употребительной въ Болгаріи игры.

Переходя къ дворцовой церкви, мы должны прежде всего замѣтить, что она хотя и имѣетъ три нефа и три апсиды, но далеко не представляетъ такихъ размѣровъ, какъ церковь, раскопанная раньше въ мѣстности Килисе-еры. Эта церковь подверглась страшной катастрофѣ, въ ней далеко не вездѣ сохранился самый фундаментъ. Безъ слѣда сметено все, что было выше помоста, нѣкоторые слѣды лишь сохранились изъ того, что было подъ церковнымъ поломъ. Здѣсь найдено нѣсколько фрагментовъ съ именами различныхъ κάστρα, но самое интересное — это гробницы и остатки погребеній. Несомнѣнно для цѣлей погребенія служилъ небольшой четвертый придѣлъ, пристроенный къ церкви впослѣдствіи, въ которомъ сохранились остатки погребенія, но изъ котораго вынесено рѣшительно все. Здѣсь же найдено нѣсколько чертежей: *рисунокъ колчана и стрѣлы*, и *знаки на камнѣ*

Съ восточной стороны отъ этого зданія обращали на себя вниманіе груды камня и щебня на мѣстѣ воротъ, ведущихъ въ крѣпость. При раскопкѣ воротъ обнаружено большое количество кирпича и черепицы съ особенными знаками и рисунками. Здѣсь находимъ грубыя попытки изобразить человѣческое лицо, части человѣческаго тѣла, формы животныхъ и растеній. Кромѣ того, вмѣсто обычныхъ знаковъ комбинаціи прямыхъ и кривыхъ линій, какія свойственны кирпичамъ грекоримскихъ фабрикъ, здѣсь находимъ знаки: конской подковы, собачьей лапы, козьей и овечьей ноги, пальцевъ человѣческой руки и т. п.

Какъ можно понять, изслѣдованіе этого матеріала служитъ единственнымъ показателемъ принадлежности нашей постройки къ тому или другому времени и народу. Несомнѣнно это знаки такъ называемой варварской эпохи.

Очистка *сѣверныхъ и восточныхъ воротъ* и находящихся между ними укрѣпленій, или башень дала особенно любопытные результаты. Первая башня отъ восточныхъ воротъ къ сѣвернымъ представляетъ пятиугольникъ. одна сторона котораго совпадаетъ съ направленіемъ стѣны. Башня сохранилась

только въ нижнихъ частяхъ (отъ 2 до 4 рядовъ кладки). Въ четвертомъ ряду камней оказался рисунокъ, изображающій:

1) всадника на конѣ съ копьемъ, устремленнымъ въ противника,

2) оленя съ вѣтвистыми рогами,

3) всадника съ высокой остроконечной шапкой на головѣ.

Вторая угловая башня имѣетъ совершенно круглую форму и составляетъ соединеніе между сѣверной и восточной стѣной. Въ этой башнѣ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ четыре ряда кладки, но можно догадываться, что башня постепенно разобрана мирными жителями, а не разрушена непріятелемъ. По сѣверной стѣнѣ между угловой башней и воротами находится еще башня, которая по складу сохранившихся частей должна быть отнесена къ формѣ пятиугольныхъ.

Наибольшій интересъ представляетъ раскопка сѣверныхъ воротъ какъ по найденныхъ здѣсь предметамъ, такъ и по сохранившимся основамъ стѣнъ и укрѣпленіямъ, примыкающимъ къ этимъ воротамъ.

Доступъ къ воротамъ съ внѣшней сѣверной стороны заложенъ нѣсколькими рядами большихъ камней, сложенныхъ наскоро и небрежно безъ цемента и связанныхъ не много грязью, которая отваливается отъ прикосновенія лопаткой. Боковыя стороны прохода воротъ представляютъ любопытный примѣръ кирпичной облицовки. По всей вѣроятности сѣверныя ворота состояли изъ тройныхъ воротъ въ одну линію. Боковыя укрѣпленія съ обѣихъ сторонъ воротъ состояли изъ двухъ помѣщеній, которыя были раскрыты до самаго грунта и представили весьма любопытный для изслѣдованія матеріалъ. Въ четырехъ квадратныхъ помѣщеніяхъ по обѣимъ сторонамъ главныхъ воротъ найденъ глубокій пластъ пережженной извести и пепла отъ сгорѣвшаго дерева. Частію въ этомъ слоѣ, частію подъ нимъ найдены предметы изъ желѣза, бронзы, изъ мѣди и кости. Здѣсь между прочимъ найдены части блюда съ рисункомъ и надписью. По всей вѣроятности здѣсь была сосредоточена нѣкогда послѣдняя защита крѣпости, или по крайней мѣрѣ сложены были наиболѣе важные и цѣнные предметы.

Верхній рядъ кладки въ сѣверныхъ воротахъ представляетъ любопытнѣйшій матеріалъ въ рисункахъ, записяхъ и разнообразныхъ знакахъ.

Подобные знаки частію могутъ быть наблюдаемы на камняхъ и на гробницѣ въ малой церкви.

Совершенно таковъ же типъ устройства и восточныхъ воротъ. Часть этихъ послѣднихъ раскопана въ первый пріемъ, т. е. въ 1899 г., часть же очищена въ 1900 г. Какъ и слѣдовало ожидать, судя по примѣру сѣверныхъ воротъ, здѣсь также по бокамъ отъ воротъ, открыты два помѣщенія, наполненныя пепломъ и известью. Здѣсь найдено нѣсколько любопытныхъ знаковъ и рисунковъ, исполненныхъ рѣжущимъ орудіемъ на стѣнѣ.

Могилы. Особенно много погребеній и сложенныхъ изъ камня могилъ найдено въ малой церкви близь дворца. Такова могила, найденная въ сѣв. нефѣ церкви. Она состоитъ изъ плитъ насухо сложенныхъ и представляетъ по формѣ совершенное подобіе обыкновеннаго деревяннаго гроба: выше и шире у головы, ниже и у́же у ногъ. Скелетъ лежитъ головой на западъ, ногами къ алтарю, руки положены на груди, но такъ, что лѣвая лежитъ выше, правая ниже. Не найдено никакихъ украшеній.

Полученные вслѣдствіе раскопокъ матеріалы распадаются на различныя группы.

1) Въ количественномъ и качественномъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоятъ надписи, изъ коихъ одна сохранилась вполнѣ и издана въ VI т. Извѣстій. Большинство надписей представляютъ собой фрагменты колоннъ. Это наиболѣе значительный матеріалъ, надписи съ именами *κάστρα* и весьма вѣроятно фрагменты надписей съ именемъ Омортага. Далѣе слѣдуютъ фрагменты надгробныхъ плитъ, частію христіанской, частію языческой эпохи. Важнѣйшій изъ подобнаго рода есть фрагментъ съ варварскими именами на греческомъ языкѣ. Имена вѣроятно болгарскія, но это уже христіане, передъ каждымъ именемъ крестъ, и самыя имена начертаны на доскѣ, имѣющей изображеніе креста. Характерное начертаніе Е даетъ основанія относить надпись къ первой половинѣ IX вѣка. Есть нѣсколько обломковъ коммеморативныхъ надписей какъ римской, такъ и византійской эпохи. Всего обломковъ надписей до 25.

2) Весьма обширный матеріалъ представляютъ собой знаки на камняхъ, знаки и марки на черепицѣ. Важность этого матеріала усматривается изъ того, что эти знаки, будучи сдѣланы мѣстными мастерами, характеризуютъ обитателей данной мѣст-

ности и свидѣтельствуютъ объ особенныхъ пріемахъ употребляемыхъ для мѣтки камней. Хотя здѣсь во множествѣ встрѣчаются знаки греческаго алфавита, но также повидимому можно находить элементы славянской азбуки.

3) Рисунки на камняхъ зданій.

4) Монеты мѣдныя 31, золотыя двѣ — всѣ времени Цимисхія и Василія II. Кромѣ того 3 моливдовула. 5) Перстни, браслеты. Фрагменты бронзы, фрагментъ блюда съ надписью.

Всѣ матеріалы потому пріобрѣтаютъ особенную важность, что позволяютъ поставить на твердую почву вопросъ о древностяхъ славянскаго быта и культуры.

V. Библіотека и Кабинетъ Древностей.

а) Библіотека.

Въ отчетномъ году поступило въ библіотеку Института всего:

Названій 365
Томовъ 1353,

что съ прежними составляетъ:

Названій 5066
Томовъ . . . . 12689.

Продолжая мѣняться своими изданіями со всѣми учеными учрежденіями и обществами, которые и прежде высылали Институту свои труды, въ отчетномъ году Институтъ вступилъ въ обмѣнъ изданіями еще съ Болгарскимъ Литературнымъ Обществомъ (Българско Книжовно Дружество), Владимірской Губернской Ученой Архивной Коммиссіей, Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Сербской Королевской Академіей, Юго-Славянской Академіей Наукъ и Искусствъ.

И въ отчетномъ году Институтъ получалъ пожертвованія въ библіотеку книгъ, брошюръ и картъ отъ различныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, которымъ и считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность, а именно Императорскому Русскому Географическому обществу, Baron de Baye, Е. Е. Голубинскому, А. А. Димитріевскому. М. С. Дринову, В. Н. Ефременкову, И. А. Зиновьеву, Κλεόπα Μ. Κοικυλίδης, П. К. Коковцеву, Н. П. Кондакову, Д. Θ. Кобеко, Ю. А. Кулаковскому, г. Lieberich, Х. М. Лопареву, А. М. Лопухину, А. Н. Мандельштаму, о. Palmieri, И. С. Пальмову, П. N. Παπαγεωργίου, П. Д. По-

годину. P. N. Proy, Я. И. Смирнову, А. И. Соболевскому, П. А. Сырку, гр. П. С. Уваровой, Т. Д. Флоринскому, Ю. Н. Щербачеву.

Изъ пріобрѣтеній Библіотеки особенно заслуживаютъ вниманія слѣдующія изданія:

Basilica ed. Heimbach, съ дополненіями; Zachariæ v. Lingenthal всѣ изданія; Heimbach, Zachariæ, Witte Anecdota; Beveregii Synodicon; Meermanni Thesaurus juris; Cujacii opera; Zeitschrift der Savigny-Stiftung, вся серія; Furtwängler, Die antiken Gemmen; Ἀνθίμου, Τόμος χαρᾶς; Глас, Споменик и другія изданія Сербской Королевской Академіи; Rad, Starine, Monumenta и мн. др. изданія Юго-Славянской Академіи въ Загребѣ; Zeitschrift, Jahresberichte der deutschen morgenländischen Gesellschaft, полныя серіи; Notices et extraits Парижской библіотеки, полная серія. Всѣ поступившія книги занесены въ основной, карточный и систематическій каталоги.

Коллекція фотографій Института увеличилась снимками, сдѣланными въ сирійскую экспедицію и на раскопкахъ въ Болгаріи.

б) Кабинетъ древностей.

Въ отчетномъ году поступилъ въ Кабинетъ Древностей рядъ весьма интересныхъ предметовъ. Значительно увеличилась коллекція византійскихъ печатей. Пріобрѣтенъ цѣлый рядъ весьма хорошо сохранившихся золотыхъ византійскихъ монетъ. Изъ Сирійской экспедиціи Института поступило нѣсколько интересныхъ скульптуръ Пальмирскаго стиля, глиняный снарядъ для метанія „греческаго огня“. Особеннаго вниманія заслуживаетъ купленный Институтомъ кусокъ драгоцѣнной византійской матеріи XII—XIII в., украшенный фигурами орловъ. Матерія изъ зеленаго шелка съ вышивкою изъ пурпурнаго шелка и золота. Интересна также одна бронзовая статуэтка, пожертвованная Н. П. Колларо; она представляетъ танцующаго Вакханта.

Изъ византійскихъ печатей выдающійся научный интересъ представляетъ: 1) печать середины VII в. военныхъ поселенцевъ Славянъ изъ Виѳинской области — первый по времени и безспорный памятникъ Славянскаго движенія въ М. Азію; 2) три печати съ неизвѣстнымъ дотолѣ званіемъ Βασιλικὸς πιστικός.

Общій итогъ поступленій выражается въ слѣдующихъ цифрахъ.

Поступило произведеній *древняго восточнаго и античнаго искусства и промышленности:*

	Пожертвованіемъ	Покупкою
Бронзовыхъ статуэтокъ	5	0
Терракоттъ и фрагментовъ	4	0
Скульптуръ изъ мрамора и камня съ фрагментами	9	11
Лампочекъ, вазъ и фрагментовъ . . .	26	0
Металлическихъ издѣлій	9	4
Стеклянныхъ издѣлій	10	3
Надписей	0	2
Итого .	63	20
	83.	

Произведеній *христіанскаго искусства и промышленности:*

	Пожертвованіемъ	Покупкою
Кусковъ матерій	0	1
Издѣлій изъ мрамора и камня . . .	1	8
Стеклянныхъ издѣлій	1	0
Металлическихъ издѣлій	2	9
Крестовъ	4	2
Вѣсовыхъ знаковъ	1	8
Итого .	9	28
	37	

Произведеній *мусульманскаго искусства и промышленности:*

	Пожертвованіемъ	Покупкою
Сосудовъ изъ фаянса	2	0
Итого .	2	0
	2	

Кромѣ того поступило:

	Пожертвованіемъ	Покупкою
Свинцовыхъ печатей	19	960
Монетъ золотыхъ	0	9
„ серебряныхъ	7	35
„ мѣдныхъ	195	176
Итого .	221	1180
	1401.	

Рукописей было пріобрѣтено въ отчетномъ году 12 и одна была пожертвована Институту.

Всѣхъ вновь поступившихъ въ Кабинетъ Древностей предметовъ въ 1900 году — 1817.

Институтъ съ благодарностію приводитъ имена жертвователей въ Кабинетъ Древностей: Мехмедъ-бей Визировъ, г. Гулино, г. Джудичи, Н. П. Колларо, А. Д. Левитскій, г. Мавроммати, А. М. Петряевъ.

Личный составъ
Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ
къ 1 января 1902 г.

Почетный Предсѣдатель. *И. А. Зиновьевъ,* Россійскій Императорскій Посолъ при Его Величествѣ Султанѣ.

Директоръ Института. *Ѳ. И. Успенскій.*

Ученые Секретари. *Р. Х. Леперъ* и *Б. А. Панченко.*

Командированные Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для занятій въ Институтѣ *Ѳ. И. Шмитъ* и *В. Н. Сахаровъ.*

Художникъ (по вольному найму) *Н. К. Клуге.*

Кромѣ того разновременно были **прикомандированы** къ Институту разными вѣдомствами и иностранными правительствами

А. Д. Ѳаддеевъ

О. Ф. Вульфъ

А. А. Васильевъ

Д-ръ Ст. Станоевичъ (сербскимъ правительствомъ)

Д-ръ Іов. Радоничъ (сербскимъ правительствомъ)

Г. Баласчевъ (болгарскимъ правительствомъ).

Почетные члены.

Высочайшія Особы.

Его Императорское Высочество Великій Князь **Владиміръ Александровичъ.**

Его Императорское Высочество Великій Князь **Сергій Александровичъ.**

Его Императорское Высочество Великій Князь **Константинъ Константиновичъ.**

Его Царское Высочество **Фердинандъ,** Князь Болгарскій

Почетные члены (по порядку избранія).

† Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій
† Т. И. Филипповъ
К. П. Побѣдоносцевъ
С. Ю. Витте
Князь Маврокордато
Вл. Георгиевичъ
Графиня П. С. Уварова
† М. К. Ону
† А. Ѳ. Бычковъ
† В. Г. Васильевскій
† А. А. Куникъ
† А. С. Павловъ
В. И. Ламанскій
† К. Н. Бестужевъ-Рюминъ
В. В. Латышевъ
† В. Н. Юргевичъ
Н. П. Кондаковъ
† Д. Ѳ. Бѣляевъ
А. И. Кирпичниковъ
† Н. Ѳ. Красносельцевъ
Н. В. Покровскій
Ѳ. Е. Коршъ
Ив. В. Цвѣтаевъ
Графъ И. И. Толстой

Баронъ В. Р. Розенъ

И. В. Ягичъ

И. В. Помяловскій

† И. И. Малышевскій

Е. Е. Голубинскій

† Н. А. Лавровскій

† І. С. Стебницкій

В. Н. Хитрово

† Ѳ. И. Буслаевъ

Графъ С. Д. Шереметевъ

† Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ

† В. А. Дашковъ

Карлъ Крумбахеръ, профессоръ Мюнхенскаго университета.

Эмиль Легранъ, профессоръ Школы восточныхъ языковъ въ Парижѣ.

Густавъ Шлюмбергеръ членъ Французской Академіи.

Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ.

Д-ръ Пикъ, директоръ Нумизматическаго Музея въ Готѣ.

Т. Омоль, директоръ Французской Школы въ Аѳинахъ.

В. Дерпфельдъ, директоръ Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Аѳинахъ.

Н. П. Жевановъ, Предсѣдатель Правленія Р. О. П. и Т.

Д. Бакичъ, Черногорскій посланникъ въ Константинополѣ.

Его Высокопреосвященство *Анѳимъ Алексуди,* Митрополитъ Амасіи, Синопа и Амиса.

† Графъ М. Н. Муравьевъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.

† Эдуардъ Доббертъ, Профессоръ Берлинской Академіи Художествъ.

А. И. Нелидовъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Россійскій Императорскій Посолъ въ Римѣ.

Стоянъ Новаковичъ, Сербскій Посланникъ въ Петербургѣ.

Его Высокопреосвященство *Григорій,* Митрополитъ Пелагоніи.

Луи Пети, Настоятель общины Ассомпсіонистовъ Августинскаго ордена въ Константинополѣ.

Его Высокопреосвященство *Антоній,* Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

Протопресвитеръ *I. Л. Янышевъ,* Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Ставраки бей Аристархи, Великій Логоѳетъ Вселенскаго Престола.

Графъ *В. Н. Ламздорфъ,* Гофмейстеръ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.

С. Д. Груичъ, посланникъ Е. В. Короля Сербіи при Е. В. Султанѣ.

Члены (по порядку избранія).

† *Архимандритъ* (впослѣдствіи епископъ) *Борисъ*
Протоіерей А. К. Смирнопуло
П. В. Максимовъ
Ю. Н. Щербачевъ
А. А. Смирновъ
П. Б. Мансуровъ
В. А. Майковъ
Г. С. Щербина
В. Н. Крупенскій
Князь Н. А. Кудашевъ
А. И. Щербатскій
В. К. Карако免овскій
С. И. Чахотинъ
А. К. Бѣляевъ
Г. П. Беглери
А. Е. Лаговскій
К. Н. Лишинъ
Н. А. Скрябинъ
Ю. П. Бахметевъ
Г. I. Лермонтовъ
А. Н. Макѣевъ
Д. А. Нелидовъ
Ю. А. Нелидовъ
† *И. Н. Ждановъ*
Э. Р. Штернъ

А. А. Павловскій
В. Э. Регель
Н. С. Суворовъ
М. И. Соколовъ
† В. В. Болотовъ
А. Н. Деревицкій
Т. Д. Флоринскій
И. С. Пальмовъ
В. К. Ернштедтъ
П. А. Сырку
† К. Д. Петковичъ
А. И. Пападопуло Керамевсъ
С. В. Арсеньевъ
Н. А. Илларіоновъ
Н. П. Щелкуновъ
Н. А. Налетовъ
Н. Г. Сухотинъ
А. Г. Яковлевъ
А. Ѳ. Шебунинъ
В. В. Жадовскій
А. Д. Левитскій
Г. В. Брандтъ
В. Ѳ. Каль
В. П. Щепотьевъ
М. Параника
Я. Милона
Я. И. Смирновъ
А. А. Дмитріевскій
М. Ю. Попруженко
А. И. Гиппіусъ
А. А. Ростковскій
† Найденъ Геровъ
В. Д. Стояновъ
І. Стржиговсскій

Д. Джеффери

Г. Милле

Эпам. I. Стаматіади

Н. Н. Пѣшковъ

З. Е. Ашкенази

С. Д. Пападимитріу

Л. Ф. Брунъ

А. Н. Юреневъ

Князь Мурузи

Князь Г. Н. Трубецкой

В. Н. Златарскій

Священникъ *Сергій Орловъ*

Л. I. Милетичъ.

Члены сотрудники (по порядку избранія).

М. И. Ростовцевъ

С. В. Янушевскій

Эмрулла-бей Визировъ

Е. М. Придикъ

† *Архим. Iаковъ* (монастырь св. Діонисія на Аѳонѣ)

О. Ясонъ (Ватопедъ на Аѳонѣ)

О. Матѳей (Русскій на Аѳонѣ монастырь св. Пантелеимона)

О. Александръ (Лавра св. Аѳанасія на Аѳонѣ)

Діаконъ *Н. А. Махровъ*

Е. Калинка

О. Паргуаръ общины Ассомпсіонистовъ въ Константинополѣ

О. Тибо общины Ассомпсіонистовъ въ Константинополѣ

К. Асланъ-оглу

К. Флегель

Н. П. Колларо

Д. А. Гулино.

По просьбѣ Г. А. Ильинскаго помѣщаемъ исправленіе слѣдующихъ опечатокъ въ его статьѣ:

Въ текстѣ грамоты:

на стр.	27	стр.	3 и сл.	—	вм. иѡса̑	нужно	иѡса҃
„	„	„	6	—	вм. дѣволскаѫ	„	дѣвѡлскаѫ
„	„	„	7	—	„ кѹпѡ̑ваѫ	„	кѹпѡваѫ
„	„	„	10	—	въ началѣ	„	(и лоі)бѡвиин
„	„	„	11	—	нужно читать		тѡ̑ да Є вѣстъ:
„	31	„	27	—	вм. ѧ	нужно	я
„	32	„	9	—	„ каръкѹнскыѣ	„	карвѹнъскыѣ
„	32	„	15	—	„ каръвѹнъскыѣ	„	карвѹнъскыѣ
„	34	„	32	—	зачеркнуть слова		„и нѣсколькихъ хрисо-вуловъ“.

ИЗВѢСТІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

VII.

СОФІЯ
ДЪРЖАВНА ПЕЧАТНИЦА
1902.

По просьбѣ Г. А. Ильинскаго помѣщаемъ исправленіе слѣдующихъ опечатокъ въ его статьѣ:

Въ текстѣ грамоты:

на стр.	27	стр.	3 и сл. —	вм. нѡса҃	нужно	нѡса҃
„	„	„	6 —	вм. дѣволскѫѫ	„	дѣвѡлскѫѫ
„	„	„	7 —	„ кѹпѡ̂ваѫ	„	кѹпѡваѫ
„	„	„	10 —	въ началѣ	„	(и лоі)бѡвини
„	„	„	11 —	нужно читать		тѡ̂ да є вѣстъ:
„	31	„	27 —	вм. а	нужно	я
„	32	„	9 —	„ карѣкѹнскыѣ	„	карвѹнъскыѣ
„	32	„	15 —	„ карѣвѹнъскыѣ	„	карвѹнъскыѣ
„	34	„	32 —	зачеркнуть слова		„и нѣсколькихъ хрисовуловъ“.

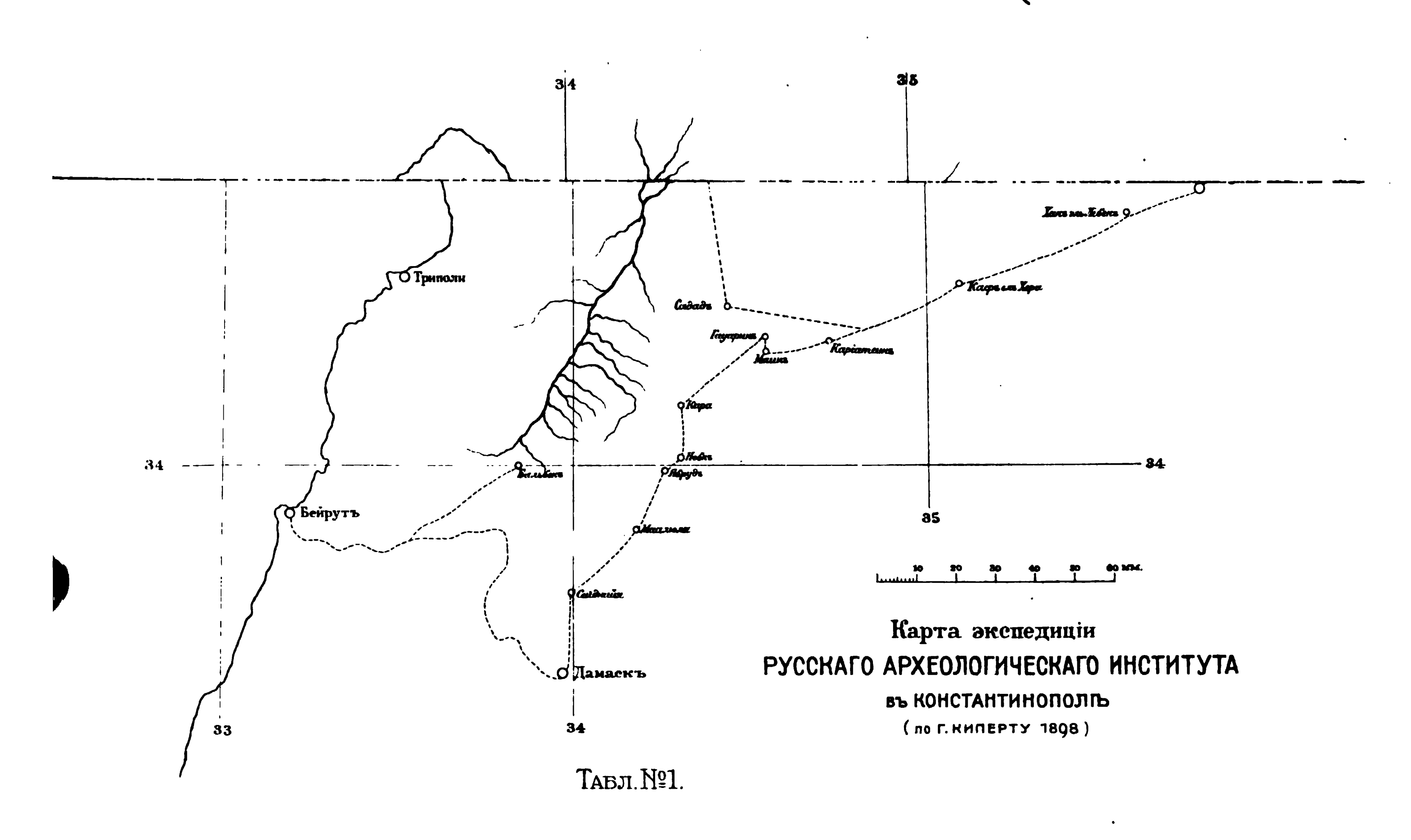
ИЗВѢСТІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

VII.

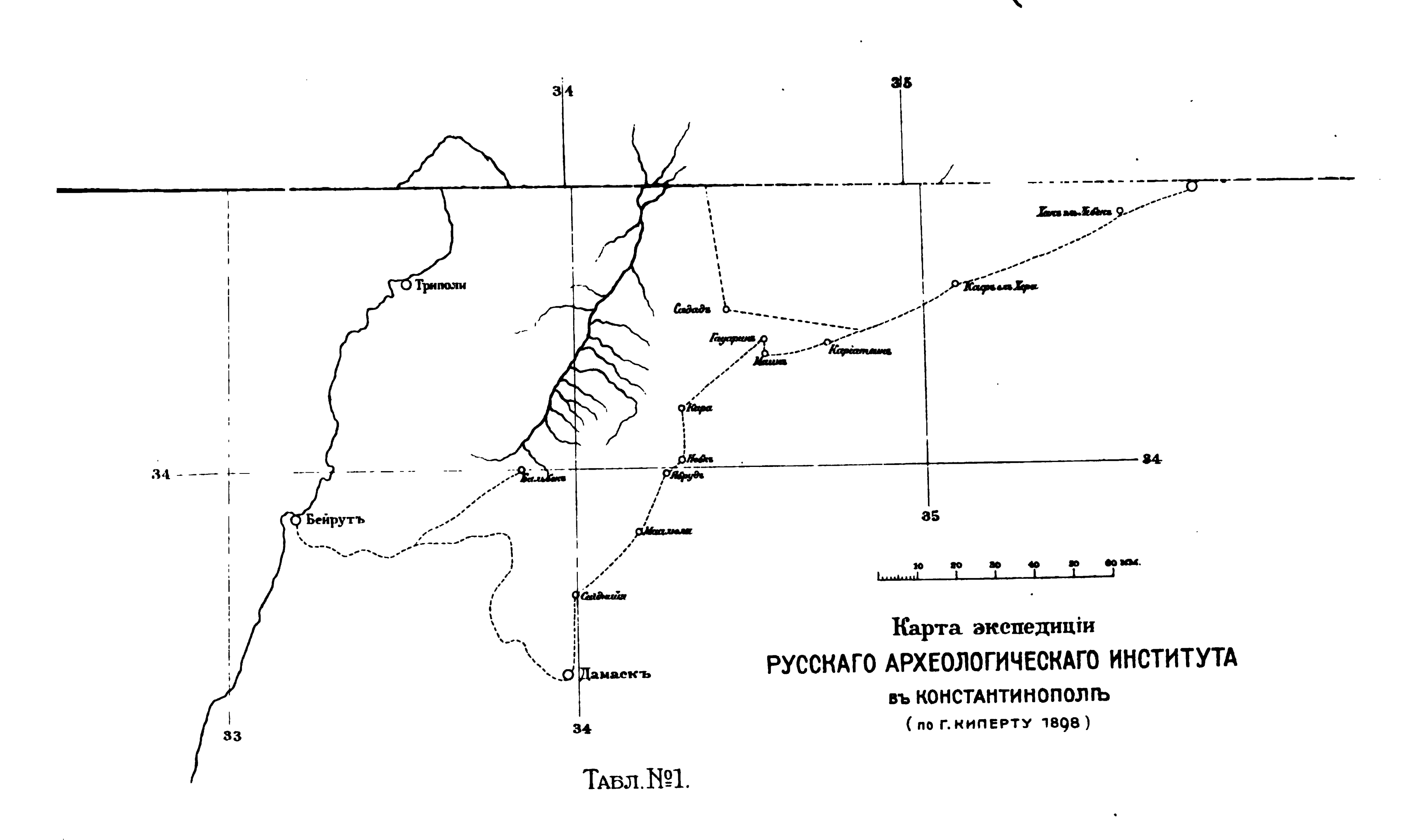
СОФІЯ
ДЪРЖАВНА ПЕЧАТНИЦА
1902.

Триполи
Бейрутъ
Дамаскъ
34
35
33
Карта экспедиціи
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
въ КОНСТАНТИНОПОЛѢ
(по г. КИПЕРТУ 1898)

Табл. №1.

Табл. № 2. — Бальбекъ.

Карта экспедиціи

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

въ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

(по г. Киперту 1898)

Табл. №1.

Табл. № 2. — Бальбекъ.

Табл. № 3. — Храмъ Юпитера въ Бальбекѣ.

Табл. № 5. — Τὸ πᾶσα πνοή.

Табл. № 5. — Τὸ πᾶσα πνοή.

Табл. № 7. — Монастырь въ Маалулѣ.

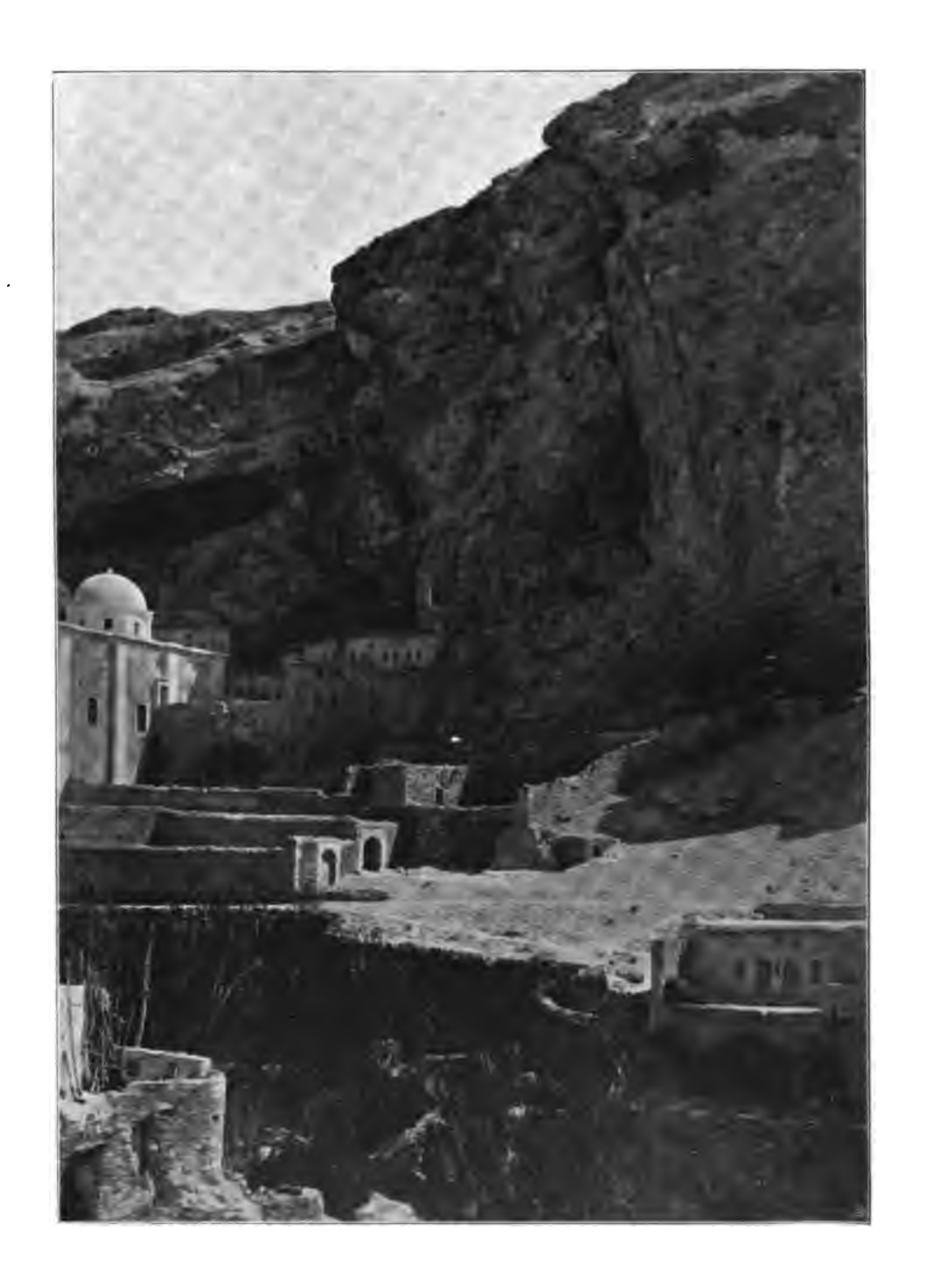

Табл. № 7. — Монастырь въ Маалулѣ.

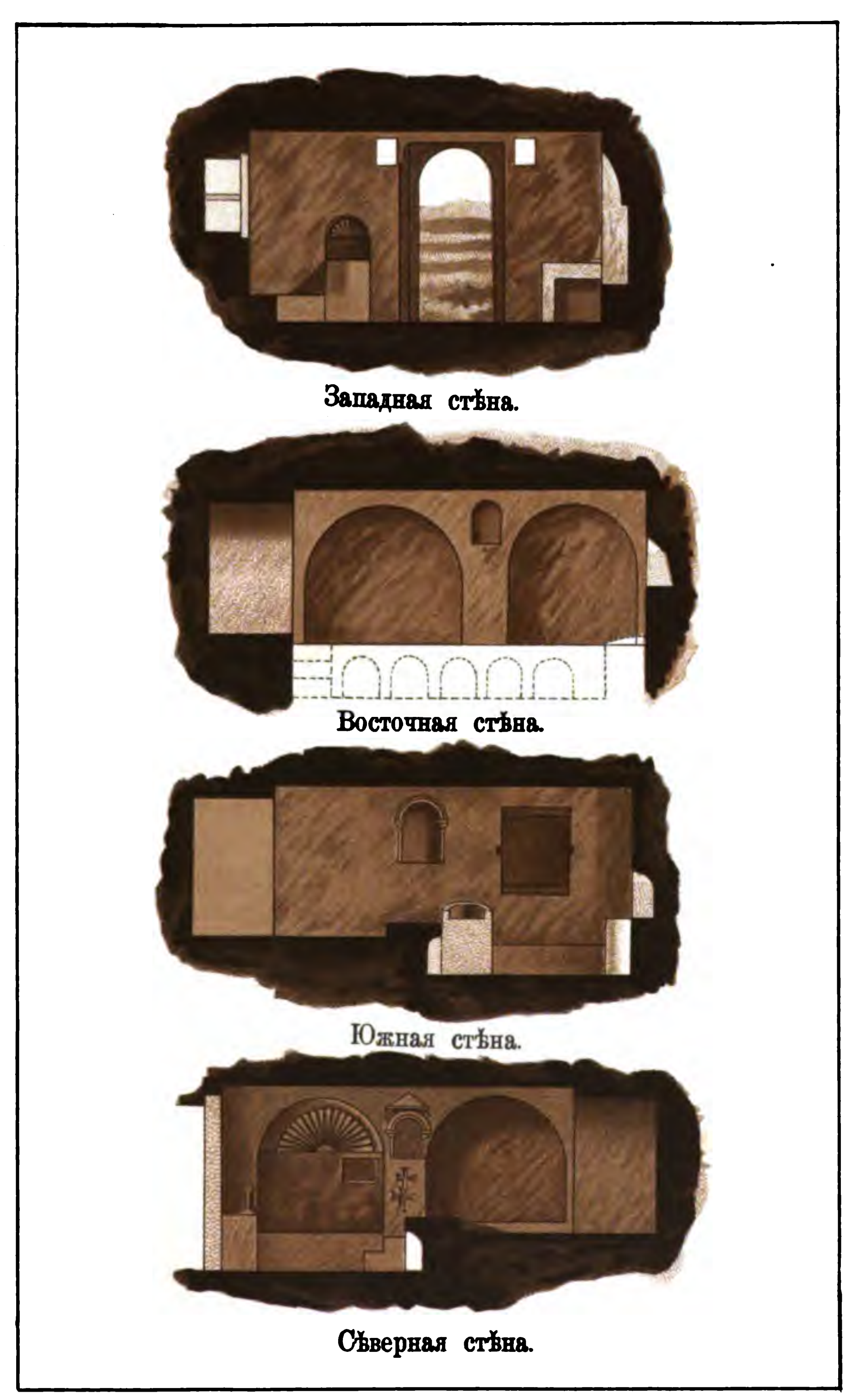

Табл. № 8. Пещера въ Маалулѣ.

(Масшт. 1/[illegible]).

Табл. № 10. — Апсида церкви въ Гауаринѣ.

Табл. № 10. — Апсида церкви въ Гауаринѣ.

Табл. № 12. - Пальмирскій бюстъ.

Табл. № 12. - Пальмирскій бюстъ.

Табл. № 14. — Пальмирскій саркофагъ.

Табл. № 14. — Пальмирскій саркофагъ.

Табл. № 16. — Колоннада и палатки Русской экспедиціи.

Табл. № 16. — Колоннада и палатки Русской экспедиціи.

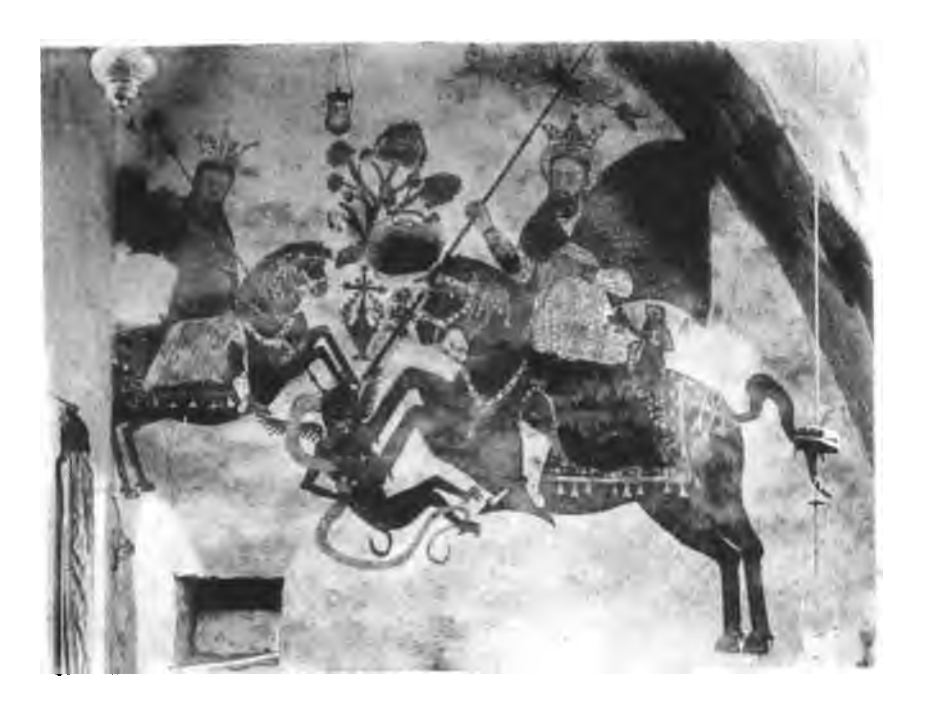

Табл. № 19. — Фреска въ Сададѣ.

Табл. № 20. — Маръ Северъ.

Табл. № 21. - Маръ Іаковъ.

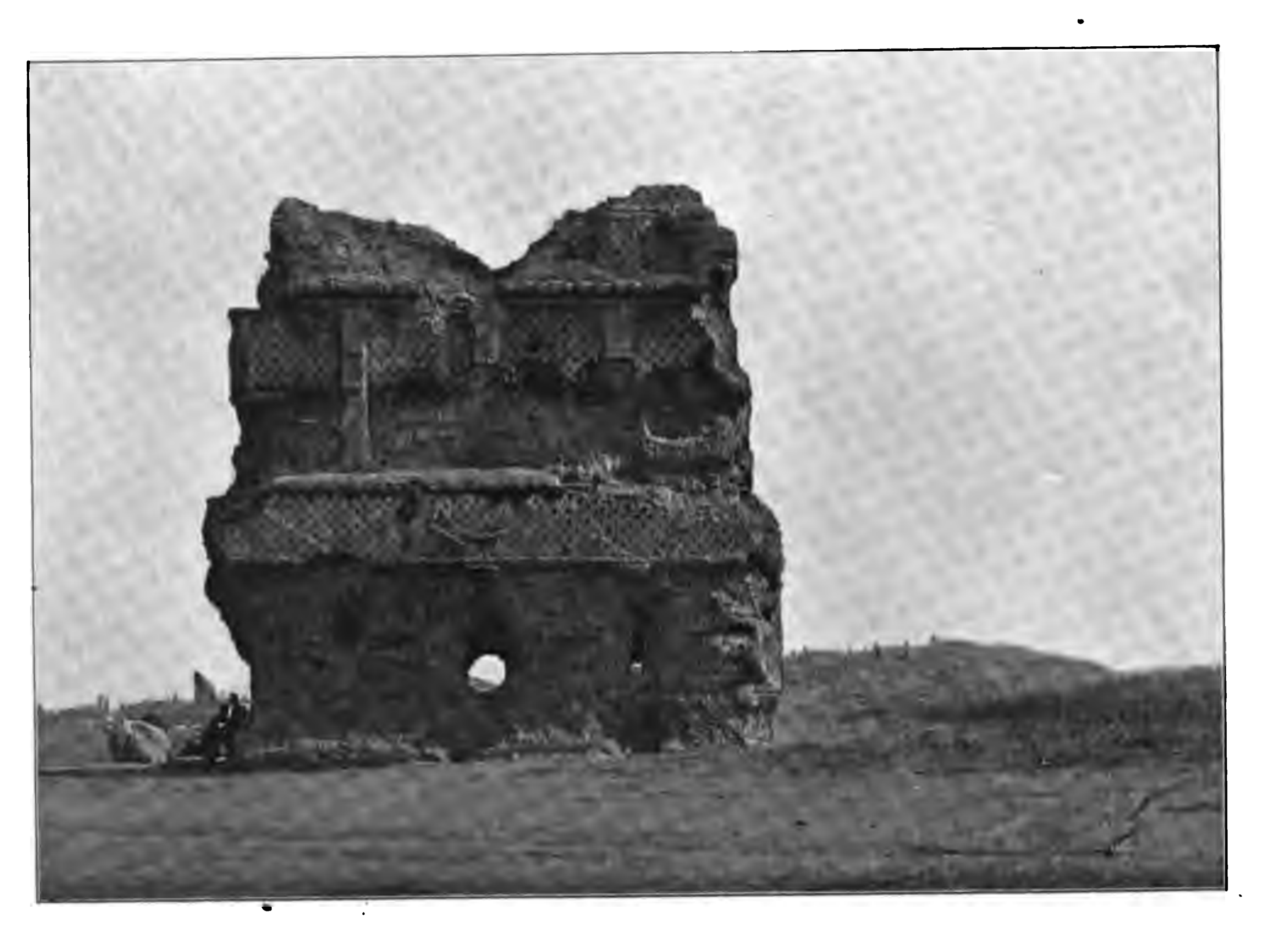

Табл. № 22. — Башня въ Гомсѣ.

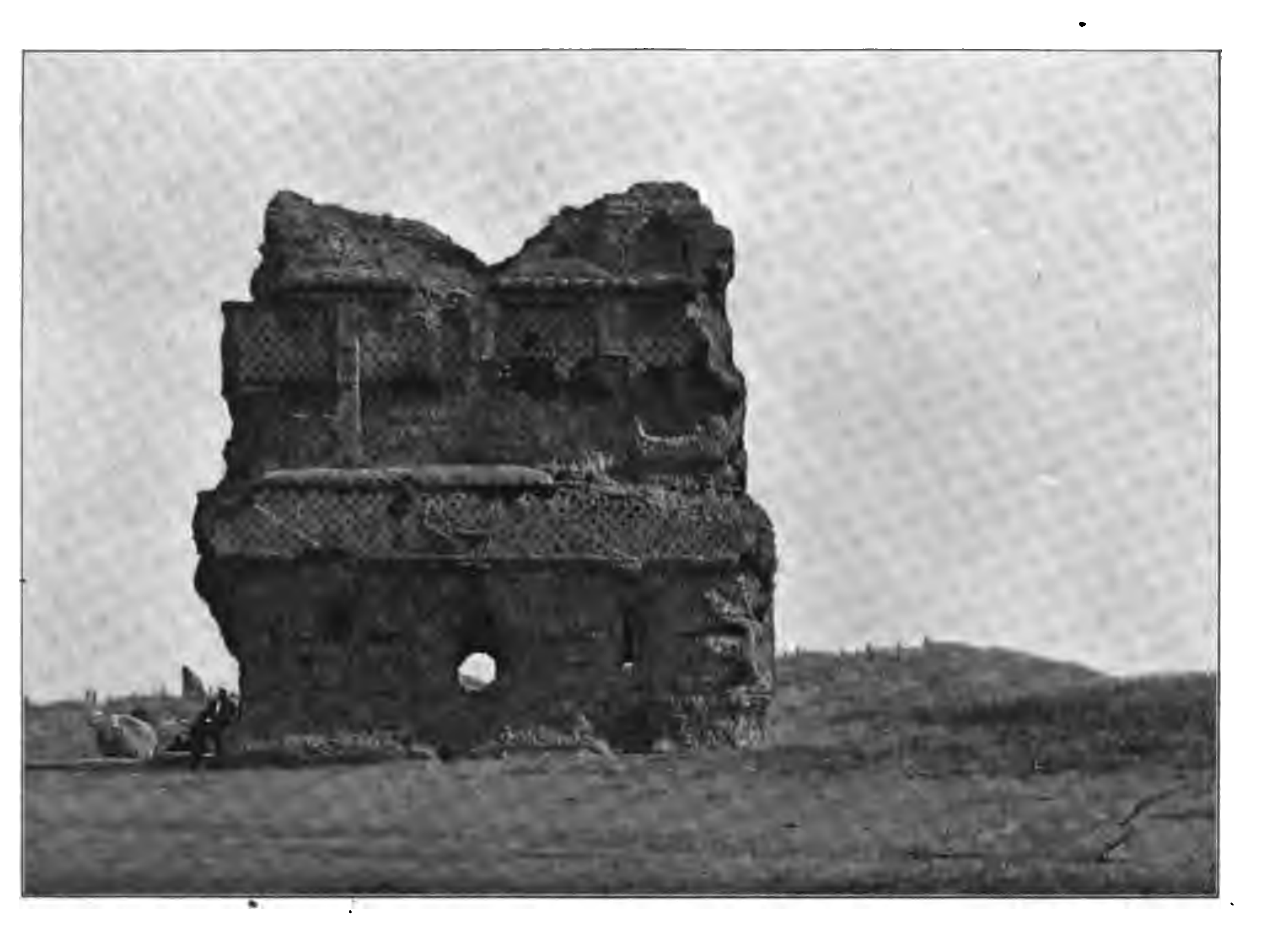

Табл. № 22. — Башня въ Гомсѣ.

Табл. № 23. — Укрѣпленіе въ Ларіссѣ.

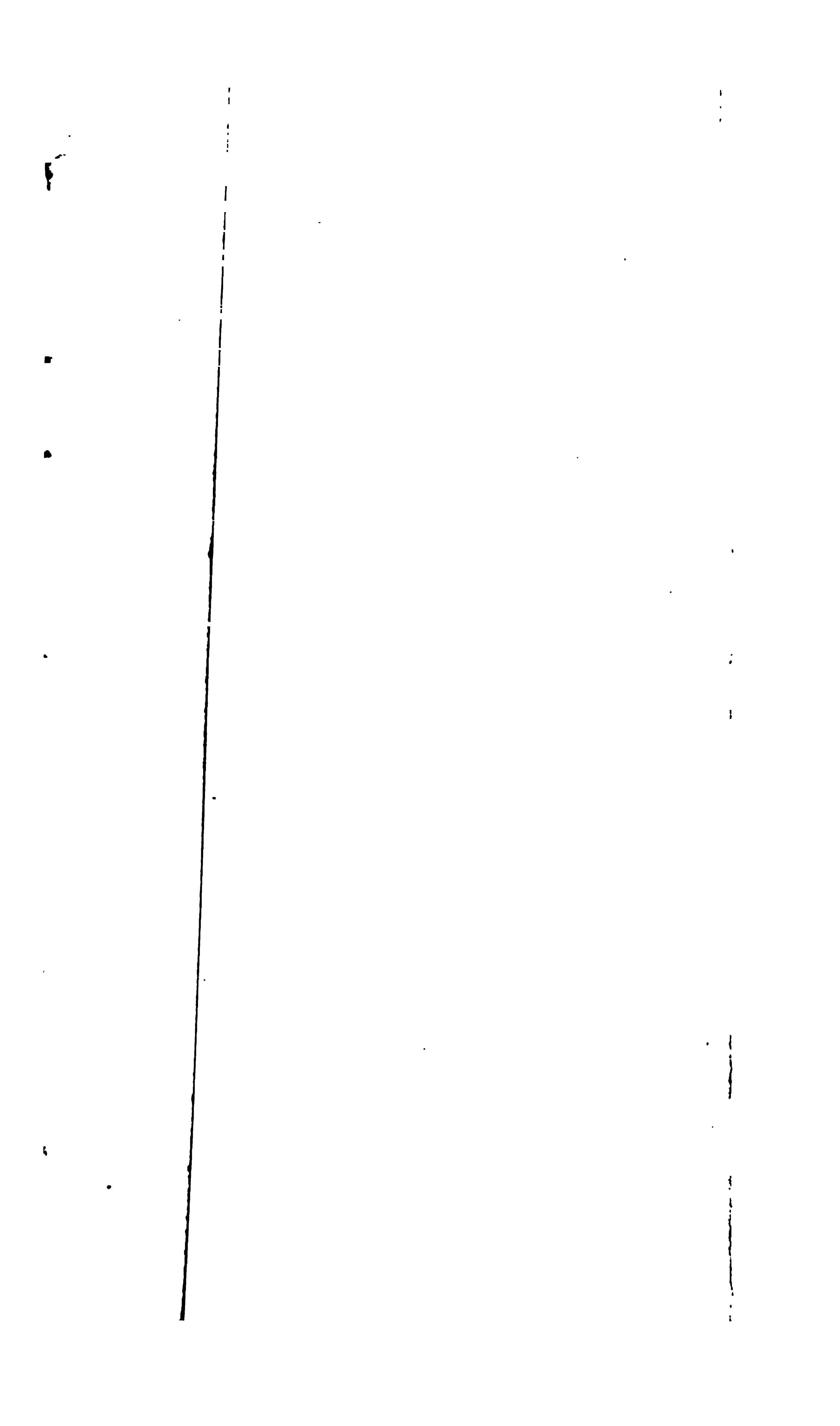
Табл. № 24. — Саркофагъ въ Гассѣ.

Табл. № 25. — Гробница въ Гассѣ.

Табл. № 26. — Ворота въ Гассѣ.

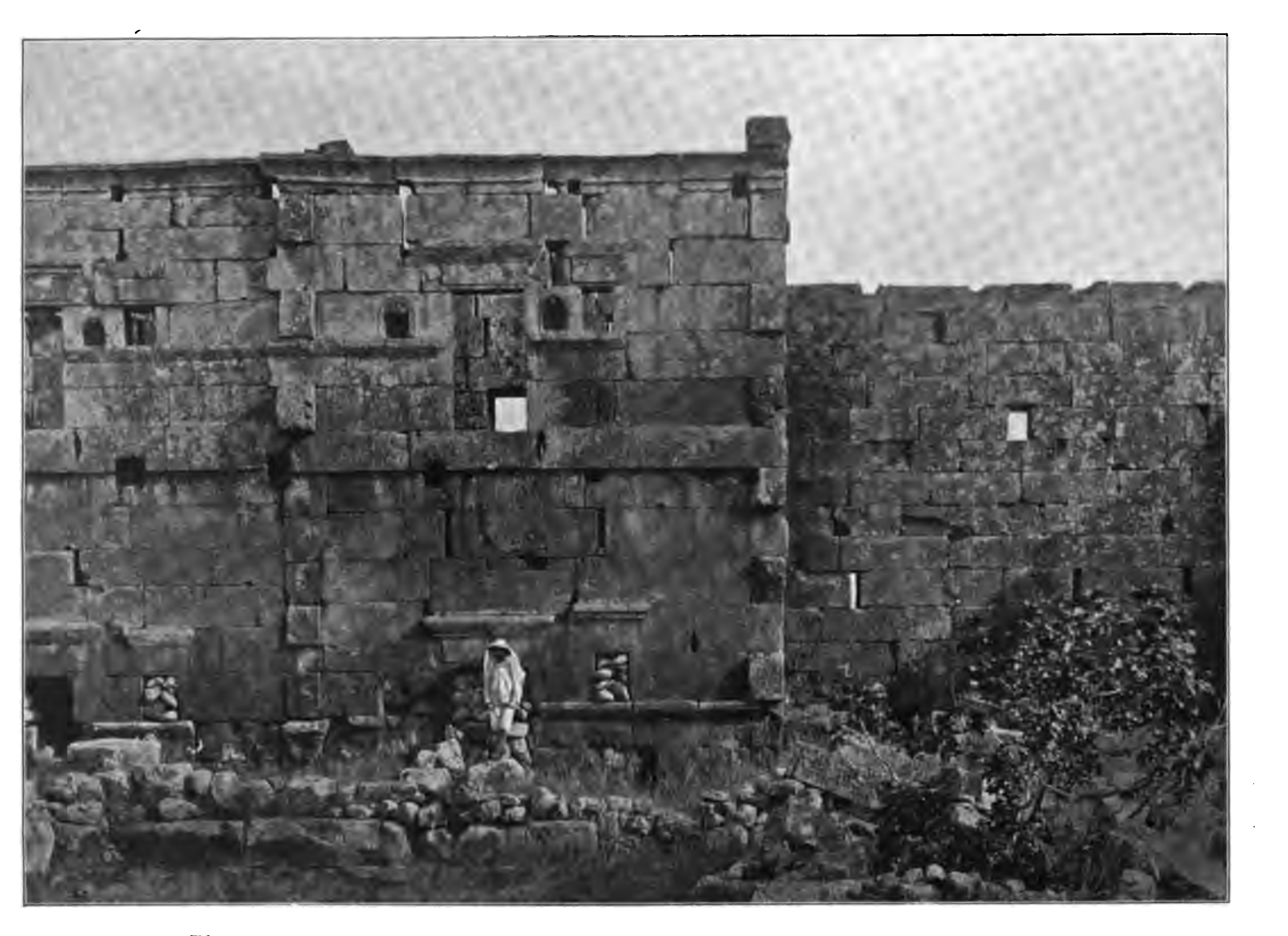

Табл. № 29. — Домъ съ изображеніемъ агнца въ Серджиллѣ.

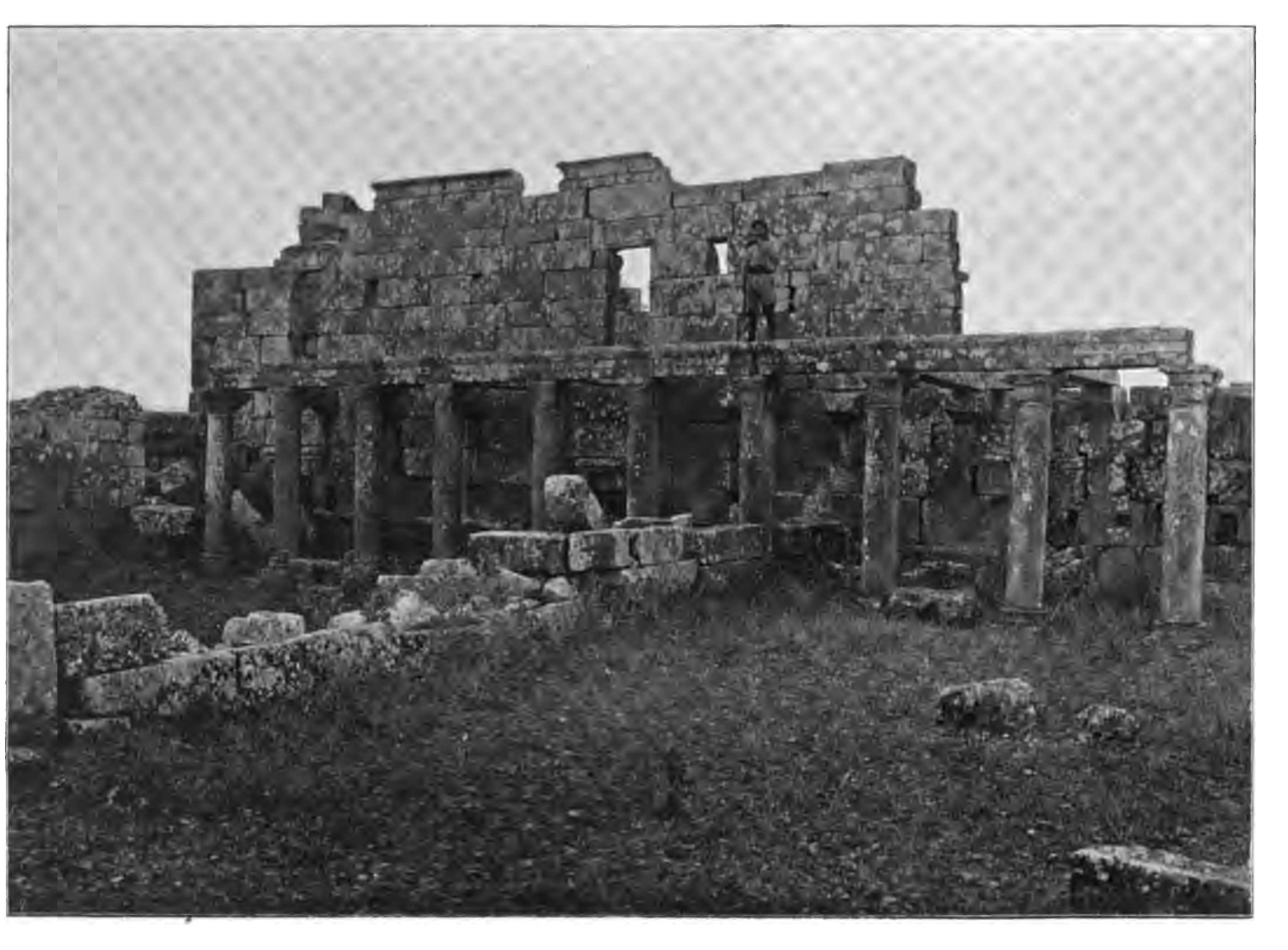

Табл. № 30. — Типъ частнаго дома.

Табл. № 31. — Монастырь Симеона Стилита. Общій видъ.

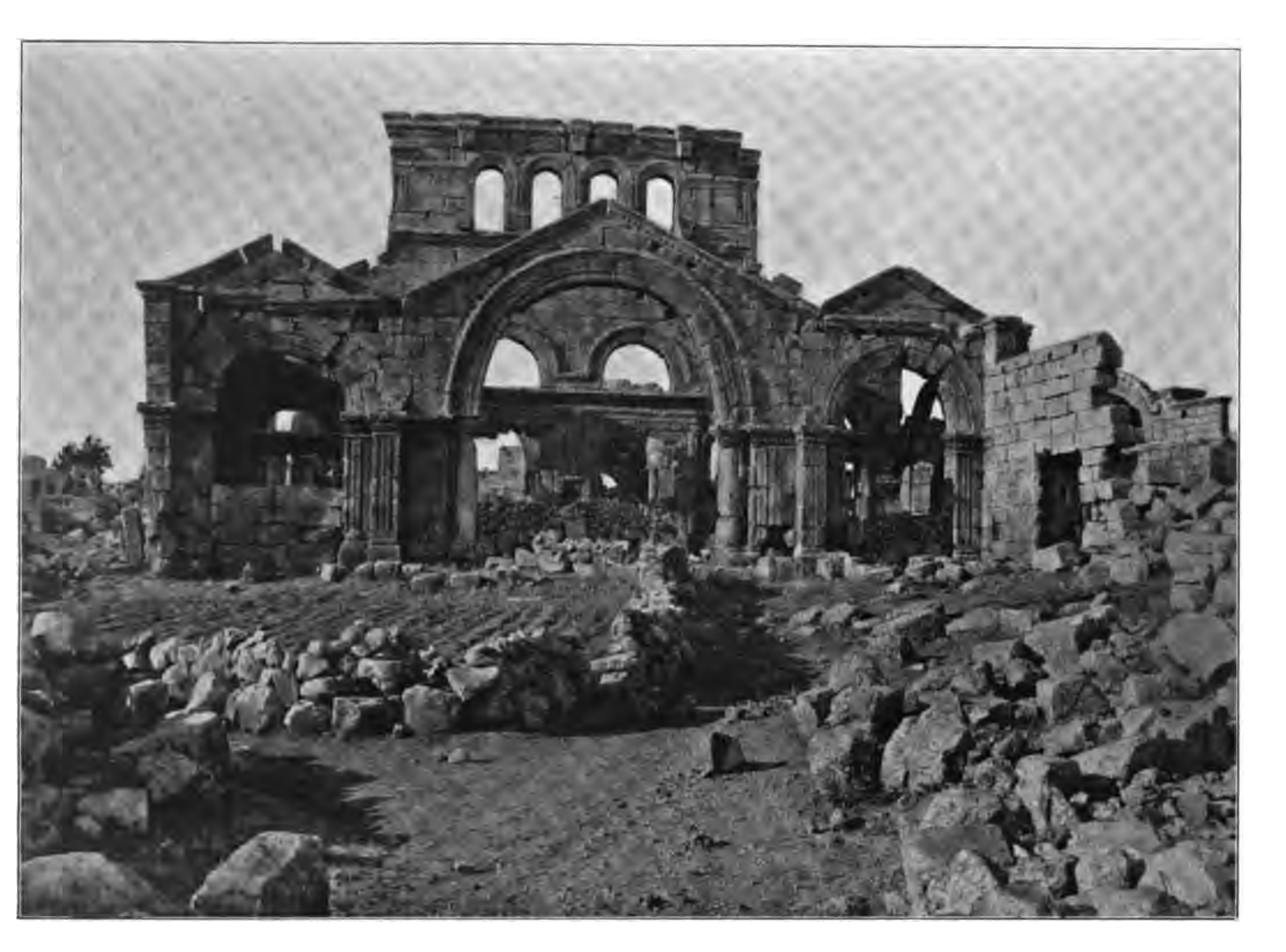

Табл. № 32. — Видъ южныхъ воротъ монастыря Симеона Столпника.

Табл. № 33. Часть мозаики пола въ Калатъ-Семанѣ.

(Масшт. 1/10).

Таблица № 34. — Главная апсида.

Табл. № 35. — Восьмиугольный дворъ монастыря.

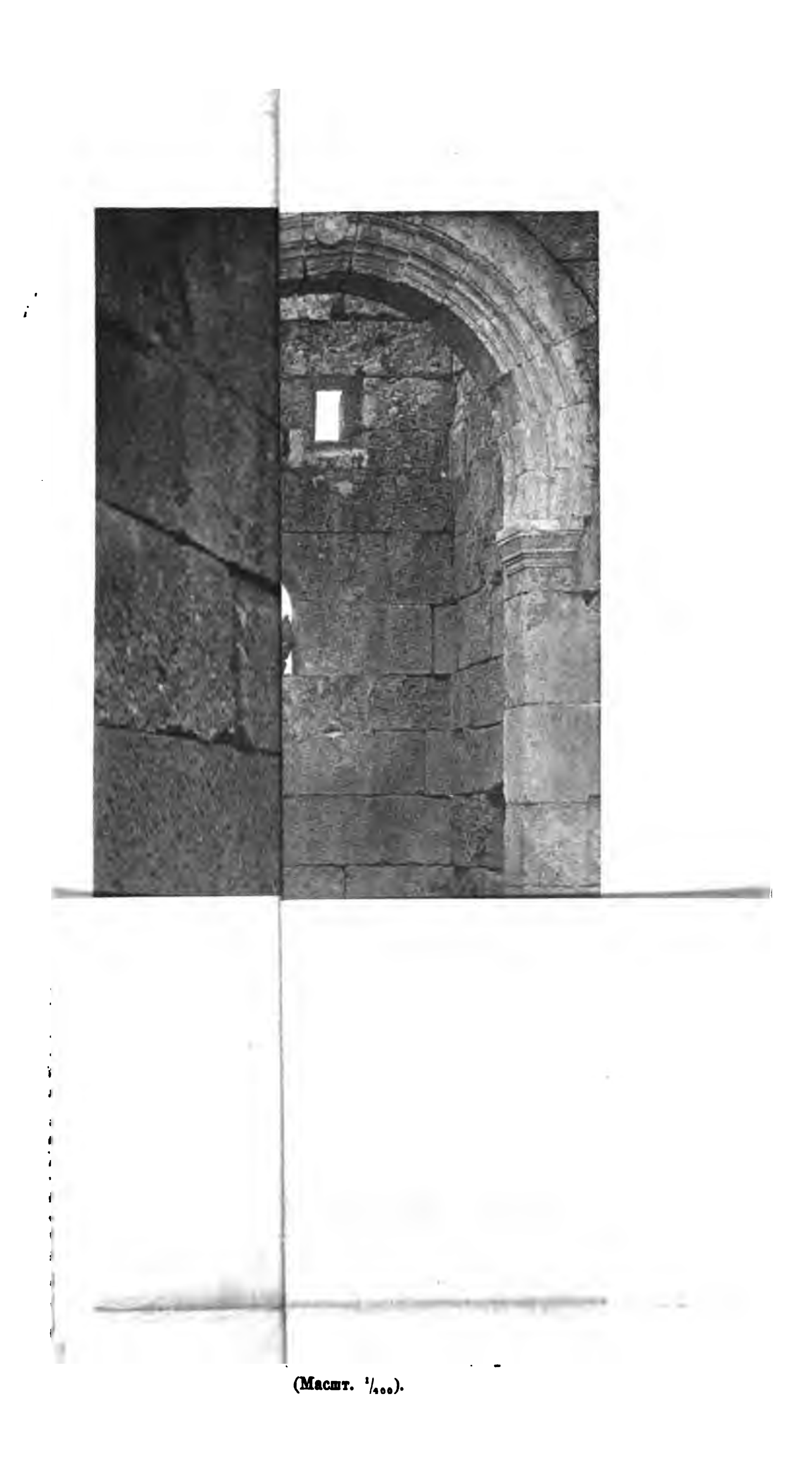
Табл. № 36. — Миніатюра XI в. съ изображеніемъ столпа Симеона.

Табл. № 37. — Столпъ Симеона на иконѣ.

Табл. № 38. — Западная церковь въ Деиръ-Семанѣ.

(Масшт. $^1/_{400}$).

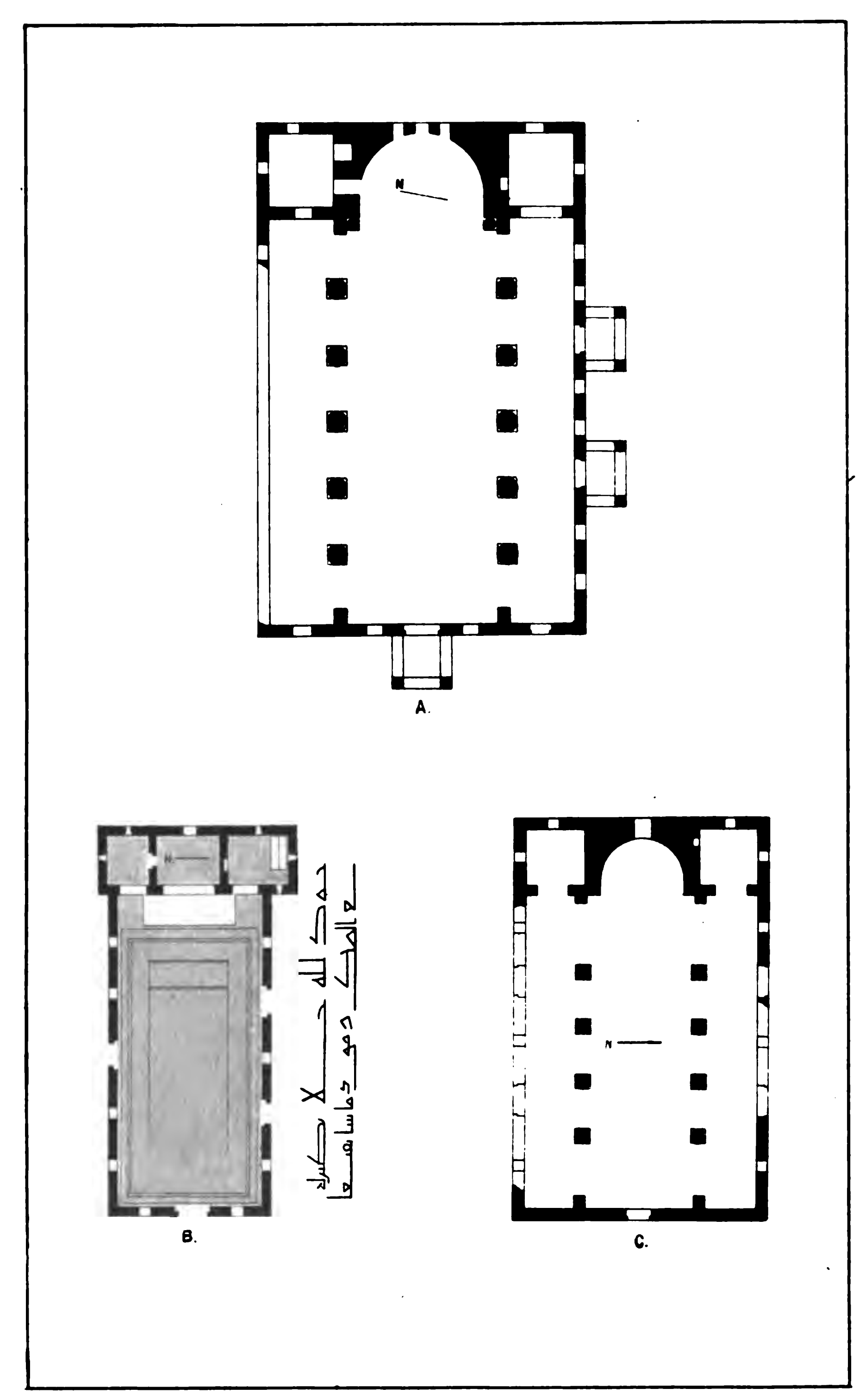

Табл. № 40. Планы трехъ церквей Деиръ-Семана.

(Масшт. 1/[illegible]).

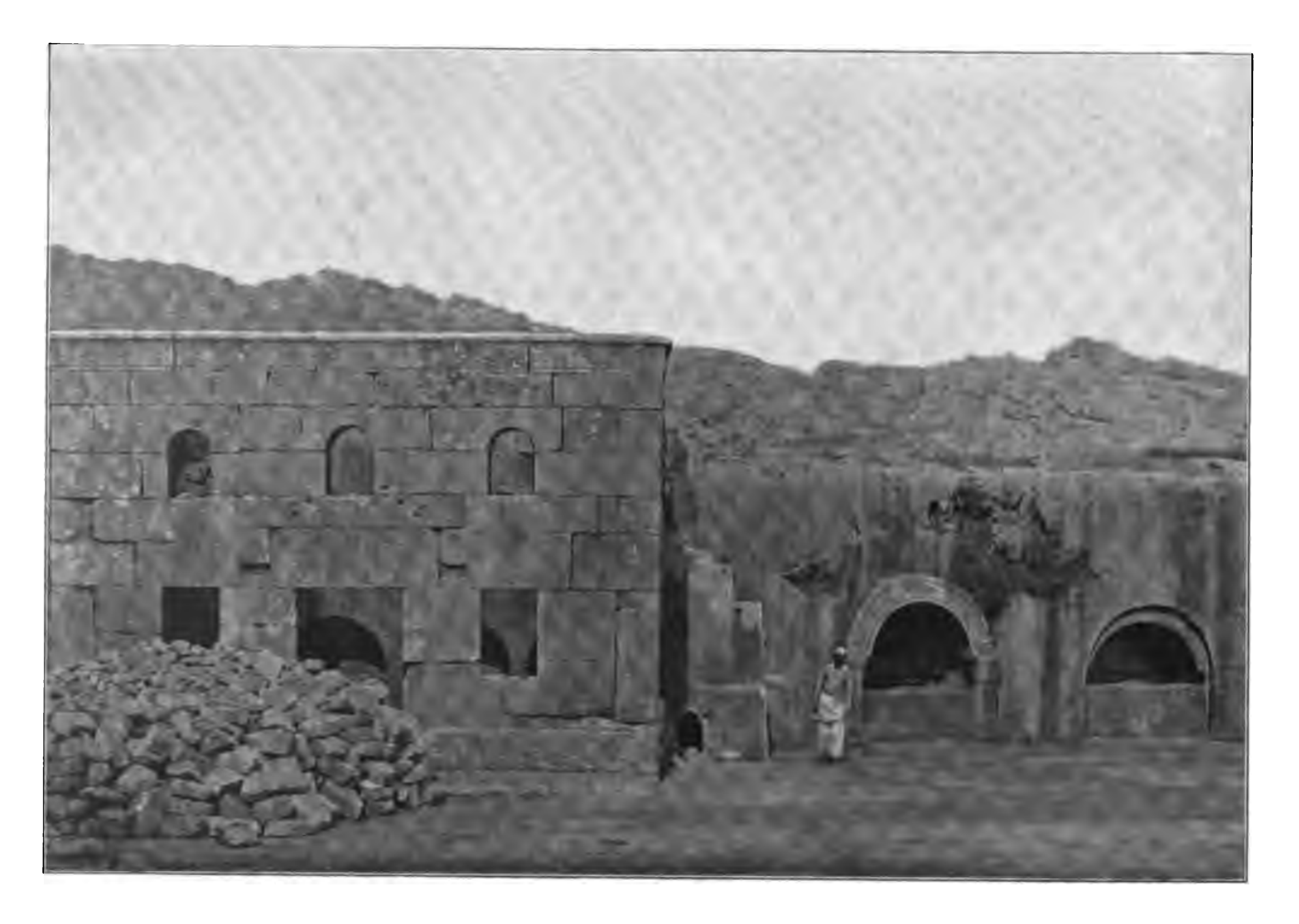

Табл. № 41. — Усыпальница въ Деиръ-Семанѣ.

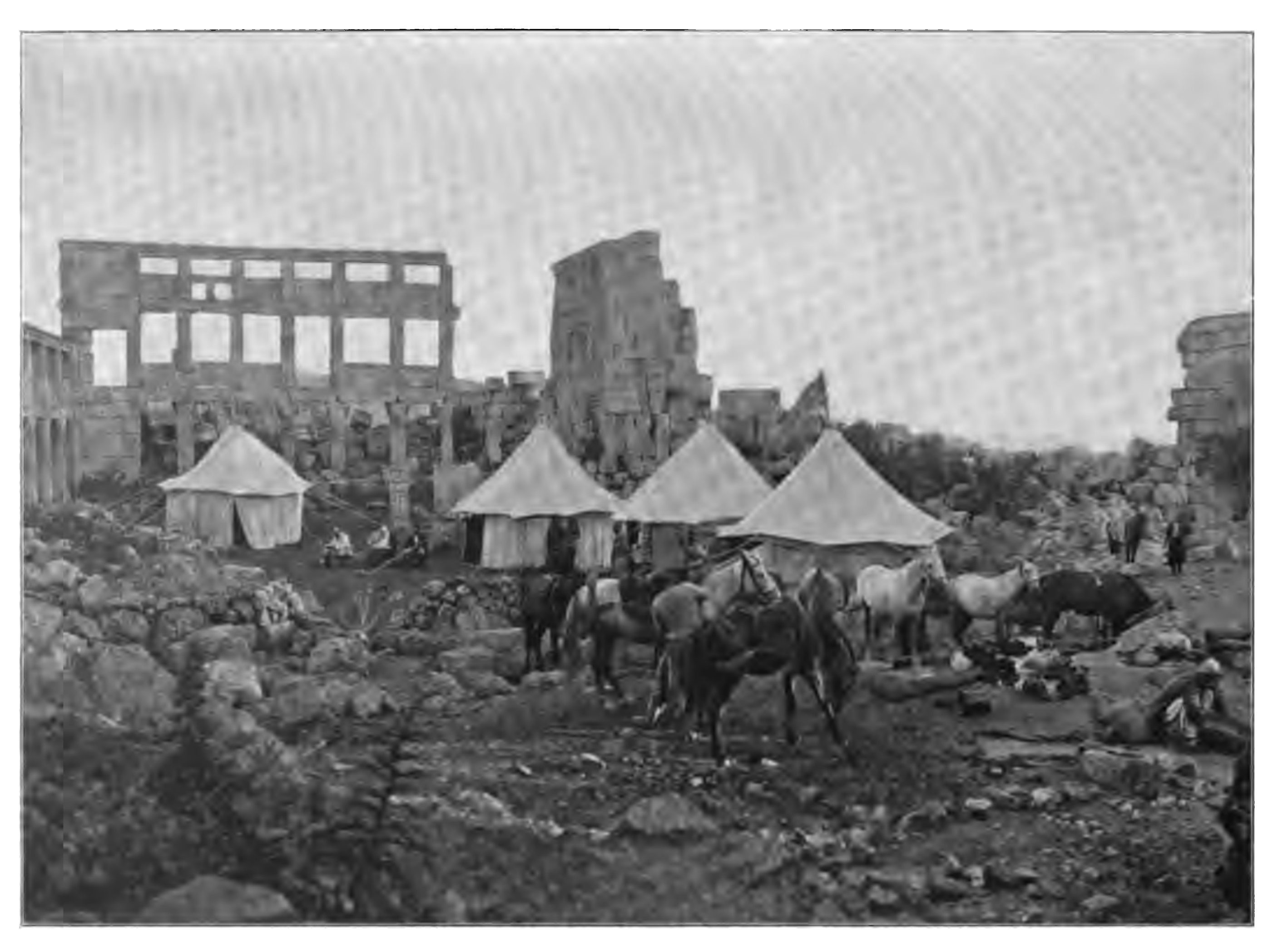

Табл. № 42. — Стоянка Русской экспедиціи въ монастырѣ Симеона Столпника.

Табл. № 43. Саркофагъ въ селеніи Ассе.

Табл. № 44. — Касръ-ель-Бенатъ.

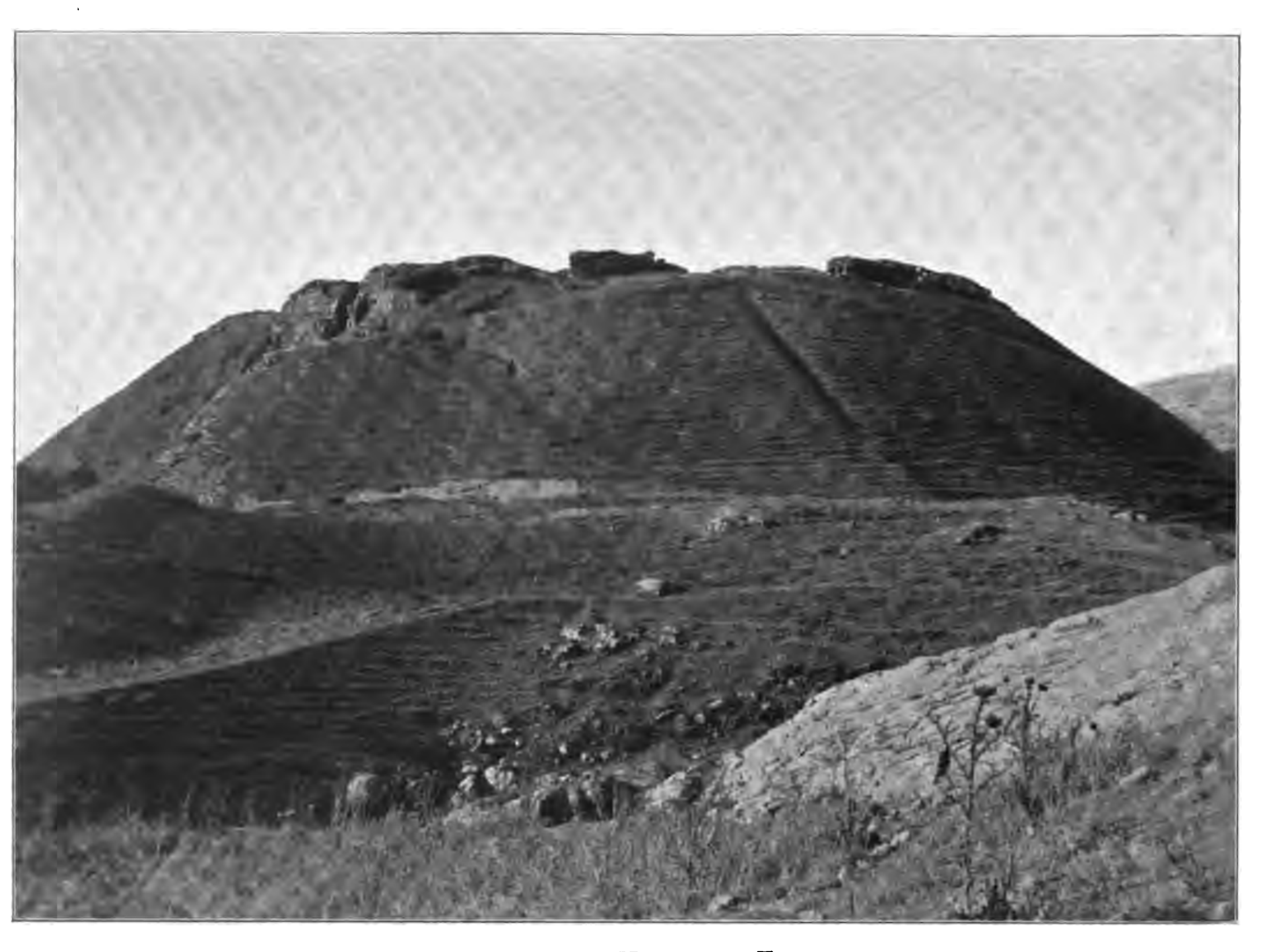

Табл. № 46. — Цитадель Гарима.

Табл. № 47. — Мозаика въ Антіохіи.

